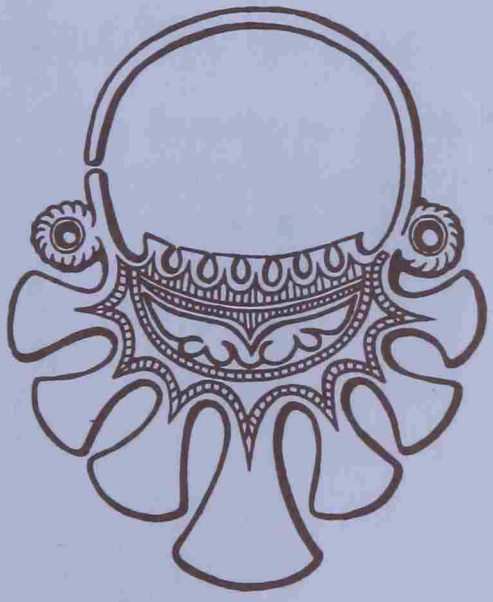
Археология

275 лет
Российская академия наук

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1999 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),
Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, В. П. Любин,
Н. Я. Мерперт, М. Г. Мошкова, Е. Н. Носов, А. Д. Пряхин,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, А. А. Формозов,
А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),
Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1999 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А. Радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН: история, состояние, результаты, перспективы 5
Котова Н.С., Тубольцев О.В. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины 22
Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии 35
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня 50
Миронова В.Г. Старая Русса в древности 59
Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье 69
Гайдуков П.Г. Русские полушки XVI–XVII вв. с надписью "ГОСУДАРЬ" (типология и датировка) 79

Публикации

Пясецкий В.К. Позднепалеолитическая стоянка Мирогоща I (Поле Вотрубы) 98
Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища) 108
Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане (Узбекистан) 124
Мотов Ю.А. К интерпретации изображений на парных пластинах из "Сибирской коллекции Петра I" 141
Медынцева А.А. Мастерская Тудора 149
Седова М.В., Мухина Т.Ф. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире 160
Жарнов Ю.Э. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира-на-Клязьме 165
Скобелев С.Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея 175

© Российская академия наук
Институт археологии, 1999 г.

История науки

Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур 181
Федоров-Давыдов Г.А. К 100-летию Алексея Петровича Смирнова 190
Никитина Т.Б. Древняя история мари в трудах А.П. Смирнова 196

Критика и библиография

Коваленко С.А. *Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. // Южногородские ведомости. Севастополь, 1997 202
Кореняко В.А. Археологические издания Азовского краеведческого музея (1981–1995 гг.) 210
Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Doura-Europos. Études IV. 1991–1993. Édité par P. Leriche et M. Gelin, IFARO, Beyrouth, 1997 217
Смирнов К.А. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997 224
Флёров В.С. *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997 228
Артемьев А.Р. *Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996 234

Хроника

Седов В.В. XII Международный конгресс славистов. Историко-археологическая и этногенетическая проблематика (Краков, 1998) 239
Баталов А.Л., Беляев Л.А. Конференция "Сакральная топография средневекового города" (Москва, 1998) 243
Козенкова В.И., Рудницкий Р.Р. XX юбилейные Международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998) 246
Исланова И.В., Кольцов Л.В. 5-й семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1998) 250
Седов В.В. Памяти Йозефа Поулика (1910–1998) 252

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1999 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Zaitseva G.I., Timofeev V.I., Sementsov A.A. C^{14} Dating in the Institute of the Artifact Culture History of the Russian Academy of Sciences: History, Status of Work, Results, and Prospects.. 5
Kotova N.S., Tuboltsev O.V. The Reconstruction of Funeral Clothes of Ukraine Neolithic Population 22
Shramko B.A. Clay Sculptures from Forest-Steppe Scythia 35
Khudyakov Y.S., Tabaldiev K.Sh. The Reconstruction of Horse Harnesses of Old Turkic Peoples from the Central Tien Shan 50
Mironova V.G. Staraya Russa in Ancient Times 59
Morgunov Y.Y. The Borderline Construction Conducted by Vladimir Svyatoslavovich in the Pereyaslavl Left Bank 69
Gaidukov P.G. Russian Polushkas of the 16th – 17th Centuries with the Inscription "GOSUDAR" (Typology and Dating) 79

Publications

Pyasetsky V.K. Late Paleolithic Camp Mirogoscha I (Polye Votruby) 98
Gavrilyuk N.A., Usachuk A.N. Bone Treatment by Steppe Scythians (Based on the materials of the Kamenskoye hilltop site) 108
Matbabaev B.Kh. The Burial Ground Munchak-tepe in Northern Ferghana (Uzbekistan) 124
Motov Y.A. The Attribution of Two Plates from "The Siberian Collection of Peter I" 141
Medyntseva A.A. Tudor Workshop 149
Sedova M.V., Mukhina T.F. New Finds of Small Stone Plastics in Vladimir 160
Zharnov Y.E. Two Stone Icons of the Pre-Mongol Age from Vladimir-upon-the Klyazma 165
Skobelev K.G. A late Medieval Bow of a Rare Shape from Yenisey River 175

History of Science

Formozov A.A. M.E. Foss and the Problem of Neolithic Cultures 181
Fedorov-Davydov G.A. The Centenary of Alexei Petrovich Smirnov 190
Nikitina T.B. Old History of the Mari in the Books of A.P. Smirnov 196

Critique and Bibliography

Kovalenko S.A. *Turovsky E.Y.* Coins of Independent Chersonese in the 4th – 2nd Centuries BC. Sevastopol, 1997 202
Korenyako V.A. Archaeological Publications of the Azov Local Nature and History Museym (1981–1995) 210
Gaibov V.A., Koshelenko G.A. Doura-Europos. Études IV. 1991–1993. Édité par P. Leriche et M. Gelin. IFARO. Beyrouth. 1997 217
Smirnov K.A. *Ostanina T.I.* The Population of the Middle Kama Basin in the 3rd – 5th. Band 3. Berlin, 1996 224
Flerov V.S. *Matveeva G.I.* Burial Grounds of the Early Bulgarians on the Samara Luka. Samara. 1997 228
Artem'yev A.R. *Alexeev A.N.* The first Russian settlements of the 17th–18th centuries in North-Eastern Yakutia. Novosibirsk, 1996 234

Chronicle

Sedov V.V. The XII International Congress of the Slav Peoples Scholars. Historical, Archaeological and Ethnogenetic Problems (Krakov, 1998) 239
Batalov A.L., Belyaev L.A. The Conference "Sacral Topography of Medieval Cities" (Moscow, 1998) 243
Kozenkova V.I., Rudnitsky R.R. The XX Jubilee International Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus (Zheleznovodsk, 1998) 246
Islanova I.V., Koltsov L.V. The Fifth Seminar "The Tver Region and Adjacent Territories in the Old Times" (Tver, 1998) 250
Sedov V.V. To the Memory of Yozef Poulik (1910–1998) 252

ЗАЙЦЕВА Г.И., ТИМОФЕЕВ В.И., СЕМЕНЦОВ А.А.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ В ИИМК РАН: ИСТОРИЯ, СОСТОЯНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Хронологические исследования являются основой любых археологических реконструкций. Особая важность проблем хронологии стала очевидна в последнее время, так как различные "спекуляции" именно в хронологии привели к появлению разного рода публикаций, в которых переделываются события далекого прошлого в угоду той или иной позиции автора (Фоменко А.Т., 1993). В настоящее время известно много различных методов, применяемых в хронологических исследованиях, среди которых радиоуглеродный метод занимает одно из ведущих положений. В сравнении с другими методами, такими как типология, стратиграфия и др., он сравнительно молод. История его начинается с конца 1950-х годов, когда В. Либби теоретически обосновал его применение в качестве индикатора при датировании событий прошлого (Libby W.F. et al., 1949, № 2827). Так же в конце 1950-х годов стали организовывать первые радиоуглеродные лаборатории в Европе и Америке. Количество новых радиоуглеродных лабораторий постоянно росло вплоть до конца 1980-х годов и сейчас их насчитывается более 200 на различных континентах. В настоящее время теоретические основы метода детально разработаны и широко освещены как в отечественной, так и зарубежной литературе (Арсланов Х.А., 1987; Дергачев В.А., Чистяков В.Ф., 1992; Waterbolk H.T., 1998; Lanting J.N., van der Plicht J., 1995; Ван дер Плихт Й., 1998).

История создания радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН

Нестабильный радиоактивный изотоп C^{14} был получен искусственным путем в 1940 г. по реакции взаимодействия медленных нейтронов с атомами азота (Korff S.A., 1940). В этом же году были обнаружены свободные нейтроны в космическом излучении и сделано предположение о возможности образования радиоуглерода по указанной реакции в верхних слоях атмосферы. В 1946–1947 гг. американский ученый В. Либби обосновал и предложил использовать радиоуглерод как индикатор при датировании событий прошлого (Libby W.F., 1946; Libby W.F. et al., 1949). Практически сразу же после открытия этого метода стали создаваться лаборатории для целей радиоуглеродного датирования.

Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН была создана в 1956 г. Она была первой радиоуглеродной лабораторией в Советском Союзе, основанной на жидкостно-сцинтилляционной технике, и входила в десятку первых радиоуглеродных лабораторий мира. Как видно, к этому времени с момента открытия радиоуглеродного метода датирования прошло менее 10 лет. Следует сказать, что это был тот счастливый случай, когда Академия наук СССР быстро откликнулась на мировое открытие. Среди нескольких альтернативных институтов, в которых решением Президиума АН СССР предполагалось создать радиоуглеродную лабораторию, предпочтение было отдано Институту археологии, поскольку первые опыты по практическому использованию этого метода В. Либби были сделаны на объектах археологии, а в Радиевом институте в Ленинграде, в то время так же принадлежавшем АН СССР, работал ведущий ученый в области радиохимии чл.-корр. АН СССР И.Е. Старик, который и стал органи-

© Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, А.А. Семенцов, 1999 г.

затором радиоуглеродной лаборатории в Ленинградском отделении ИА АН СССР. Под руководством И.Е. Старика осуществлялись методические исследования по радиоуглеродному датированию (Старик И.Е., Арсланов Х.А., 1961). Его ученики С.В. Бутомо, В.В. Артемьев, Х.А. Арсланов и др. разрабатывали приемы радиоугле-родного датирования, как уже говорилось, на основе жидкостно-сцинтилляционного метода, который и сейчас используется в отечественной практике. Путь к этому был не таким легким и требовал нетрадиционных для того времени подходов. Уже в 1959 г. появилась первая статья в журнале "Советская археология", в которой описывались разработанные приемы техники жидких сцинтилляторов и первые результаты по применению этой техники для целей датирования археологических памятников (Протопопов Х.В., Бутомо С.В., 1959). В 1960–1970-е гг. результаты работы лаборатории регулярно освещались в отечественной и зарубежной литературе (Артемьев В.В. и др., 1961; Бутомо С.В., 1963; Руденко С.И., 1964; Butomo S.V., 1965; Dolikhanov P.M. et al., 1970; Sementsov A.A. et al., 1972; Dolikhanov P.M. et al., 1976).

Исключительно важно было отработать методики подготовки образцов для датирования, получения счетной формы, а также разработать измерительную аппаратуру, которая требовала высокой чувствительности при низкой активности радиоуглерода. Начальные этапы этих исследований осуществлялись в ИИМК РАН (Артемьев В.В. и др., 1961; Семенцов А.А., 1963). Нельзя не сказать и о больших заслугах в становлении радиоуглеродного метода Х.А. Арсланова из Института географии Санкт-Петербургского университета (Арсланов Х.А., 1987) и Л.Д. Сулержицкого из Геологического института РАН (Сулержицкий Л.Д., 1976; Sulerzhitskij L.D., 1993), во многом благодаря вкладу которых радиоуглеродное датирование стало довольно рутинной и на первый взгляд простой операцией. Однако за кажущейся простотой и доступностью скрываются десятилетия напряженных исследований многих специалистов, так или иначе связанных с радиоуглеродной лабораторией ИИМК РАН, которая в течение первых лет была пионером в области отечественного радиоуглеродного датирования.

Принципы и практика работы лаборатории ИИМК РАН

В своей практике лаборатория использует жидкостно-сцинтилляционный метод, в основе которого лежит измерение активности радиоуглерода в бензоле, полученном из археологических образцов. Для химической подготовки образцов используются как традиционные методы кислотно-щелочной обработки (Арсланов Х.А., 1987), так и методы, усовершенствованные в лаборатории (Арсланов Х.А. и др., 1981; Arslanov Kh.A., Svezhentsev Yu.S., 1993; Зайцева Г.И. и др., 1985; Zaitseva G.I., 1995). Для получения карбида лития и синтеза бензола используется комплекс химических установок, созданных как в лаборатории ИИМК РАН, так и сконструированных исследователями киевской радиоуглеродной лаборатории, позволяющие датировать образцы весом от 5 до 1 г (Skripkin V.V., Kovaliukh N.N., 1996). Для датирования используются следующие образцы: дерево, уголь, кость, костный уголь, почвы, торф, раковины.

Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН дважды участвовала в международном контроле, наравне с другими лабораториями мира (которых сейчас насчитывается более 100), проводимом Университетом г. Глазго в 1986 и в 1993 гг. (Scott E.M. et al., 1998). Результаты контроля показали, что точность измерений находится на уровне, принятом для радиоуглеродных лабораторий (Gulliksen S., Scott E.M., 1995). В 1995–1996 гг. лаборатория датировала остатки костных образцов мамонта с о-ва Врангеля совместно с лабораториями Санкт-Петербургского университета, Норвегии, Финляндии, Шотландии. Этот своеобразный "мини" контроль так же подтвердил достаточно надежные результаты лаборатории ИИМК РАН (Arslanov Kh. et al., 1998). Благодаря участию лаборатории ИИМК РАН в международных контролях она находится в международном реестре радиоуглеродных лабораторий.

С момента образования и до настоящего времени главной темой исследований лаборатории является разработка хронологии археологических культур. Следует отметить, что кроме лаборатории ИИМК РАН, в датировании археологических образцов принимают активное участие лаборатории ГИН РАН и СОАН. Последняя в основном ориентирована на датирование образцов из памятников Сибири и Дальнего Востока. Вообще, на данный момент в России имеется практически 5 активно работающих радиоуглеродных лабораторий: в ИИМК РАН и в НИИ географии при Санкт-Петербургском университете (С. Петербург), в Геологическом институте РАН, в Институте географии РАН (Москва), а также в Сибирском отделении РАН (Новосибирск), которые имеют соответствующие лабораторные индексы: Ле, Лу, ГИН, ИГАН и СОАН. Помимо перечисленных лабораторий в России, есть радиоуглеродные лаборатории в Киеве (Ки-), Тарту (ТА-), Таллине (Tln-) и Вильнюсе (Vs-), датирующие и объекты археологии. Все эти лаборатории в своей работе используют так же жидкостно-сцинтилляционный метод.

На современном этапе исследований лаборатория ИИМК РАН успешно сотрудничает с зарубежными радиоуглеродными лабораториями. Так, совместно с лабораторией Университета г. Уппсалы (Швеция), использующей метод ускорительной масс-спектрометрии, проведены исследования по датированию пищевого нагара из образцов керамики неолитических памятников России (Тимофеев В.И. и др., 1998), а так же по датированию памятников Европейской Скифии (Зайцева Г.И., Посснерт Г. и др., 1997). Датирование образцов из элитных курганов Саяно-Алтая было проведено совместно с лабораторией Университета г. Гронингена (Нидерланды) (Зайцева Г.И., Васильев С.С. и др., 1997; Zaitseva G.I. et al., 1998). С радиоуглеродной лабораторией Немецкого института археологии (Берлин) выполняется совместный научный проект, поддержанный РФФИ и Немецким научно-исследовательским обществом. Наряду с сотрудниками ИИМК РАН в проектах участвуют ученые, занимающиеся теоретическими проблемами радиоуглерода, из ФТИ им. А.Ф. Иоффе РАН.

Многие исследования выполняются сейчас в лаборатории при поддержке РФФИ и РГНФ, благодаря чему помимо оснащения лаборатории вычислительной техникой, появилась возможность издать журнал "Радиоуглерод и археология", в котором отражаются последние достижения в области практики и теории радиоуглеродного датирования. Лаборатория по-прежнему датирует образцы, которые важны для решения отдельных археологических вопросов, отдавая предпочтение при этом сотрудникам ИИМК РАН и ИА РАН.

Современное состояние радиоуглеродного датирования

С момента внедрения в практику метода радиоуглеродного датирования прошло почти 50 лет. В течение этого времени метод развивался как в осмыслении и уточнении его теоретических основ, так и в области его практического использования. Многие спорные моменты, которые в отдельных случаях тормозили его широкое применение, особенно в археологических исследованиях, получили сейчас свое объяснение. Это в основном касается оценки надежности радиоуглеродных дат и их соответствия с календарной временно́й шкалой. Фундаментальные же основы радиоуглеродного метода остались прежними. Они подробно отражены в отечественных и зарубежных обзорах (Арсланов Х.А., 1987; Ильвес Э. и др., 1974; Mook W.G., Waterbolk H.T., 1985; Mook W.G., Streurman H.J., 1983; Olsson I.U., 1989; Lanting J.N., van der Plicht J., 1995; Waterbolk H.T., 1998).

Напомним основные положения радиоуглеродного метода и их корректировки, принятые в настоящее время международным сообществом радиоуглеродных лабораторий и пользователями метода (Stuiver M., Polach H.A., 1977; Lanting J.N., van der Plicht J., 1995; Van Streydonc M. et al., 1998).

1. Содержание радиоуглерода в атмосфере в течение геологического времени является постоянной величиной.

2. Датируемые образцы были включены в процесс углеродного обмена в течение их жизни и потому должны отражать содержание радиоуглерода в атмосфере того времени.

3. Активность C^{14} в углеродсодержащем датируемом материале должна быть скорректирована на изотопное фракционирование (различие в процессах переноса изотопов углерода между атмосферой и углеродсодержащими образцами). Для этой цели в образце измеряется соотношение C^{13}/C^{12}. Избыток, или недостаток C^{13} в образце можно определить по отношению значения δC^{13} в образце к его значению в стандарте, в качестве которого принят карбонат кальция белемнита, так называемый стандарт PDB, для которого δC^{13}=–25‰. Следует отметить, что в отечественных лабораториях не измеряют это соотношение, поскольку они не имеют в своих арсеналах масс-спектрометров. Однако при датировании археологических памятников для традиционных образцов дерева и угля это значение близко к стандарту, и потому коэффициент при корректировке радиоуглеродного возраста близок к 1. Отклонение от истинного значения радиоуглеродного возраста за счет изотопного фракционирования может быть зафиксировано при датировании морских или речных раковин, на которые значительное влияние оказывает так называемый "резервуарный эффект" (перемешивание поверхностных и глубинных вод, имеющих разный кажущийся радиоуглеродный возраст). Это обстоятельство должно учитываться пользователем, который направляет образцы в лабораторию.

4. Для расчета возраста используется период полураспада C^{14} 5568 лет (период полураспада Либби).

5. Радиоуглеродный (C^{14}) возраст дается в годах от настоящих дней (лет тому назад), или в английском варианте, как BP, причем, настоящим для радиоуглеродного метода принято считать 1950 г., поскольку затем начались массовые испытания ядерного оружия.

Непременным и обязательным условием является цитирование оригинального значения радиоуглеродной даты (л.т.н., или BP) с обязательным указанием индекса лаборатории, где осуществлялось датирование. Главным является тот факт, что радиоуглеродная дата – это измеренная концентрация радиоуглерода в образце, в соответствии с которой рассчитывается радиоуглеродный возраст (в отечественном варианте называемый абсолютным, или условным, в зарубежном – conventional) в радиоуглеродных годах.

Концентрация радиоуглерода может быть измерена двумя способами, основанными на разных принципах. Один из них, который называется традиционным, основан на измерении активности радиоуглерода путем определения количества распадов в образце. (Свойство радиоуглерода, это β-распад). По этому принципу измеряют количество β-распадов в газовой фазе (в основном, CO_2, иногда CH_4, C_2H_2 и др.) пропорциональным методом, или в жидкой фазе (в основном, в бензоле) жидкостно-сцинтилляционным методом. Второй способ измерения концентрации радиоуглерода основан не на скорости распада, а на определении количества атомов C^{14} методом ускорительной масс-спектрометрии. Этот, сравнительно молодой метод, успешно развивающийся в последние годы, требует сложной и дорогостоящей аппаратуры, работающей по принципам ядерной физики.

Как первый, так и второй способы отличаются по принципам и технике измерения концентрации радиоуглерода, но имеют одни фундаментальные основы, описанные выше. Часто они противопоставляются друг другу, считая, что это два разных метода. На самом деле, и в том, и в другом случае мы имеем дело с одним и тем же радиоуглеродным методом; в том и в другом случае мы получаем радиоуглеродный возраст, выраженный в радиоуглеродных годах. Радиоуглеродные года отличаются от календарных, поэтому простое вычитание эталонного времени (1950) от радиоуглеродного возраста, принятое в первые годы освоения радиоуглеродного метода, и используемое, к сожалению, иногда в отечественной практике, не может дать нам значение календарного возраста. Это обусловлено тем, что радиоуглеродная времен-

ная шкала, основанная на измерении концентрации радиоуглерода, отличается от календарной. Дело в том, что допущение о постоянстве содержания радиоуглерода в атмосфере справедливо лишь приблизительно. На самом деле имеют место колебания (флюктуации) концентрации радиоуглерода, вызванные различными причинами, главными из которых являются колебания солнечной активности и напряженности магнитного поля Земли (Дергачев В.А., 1996; Дергачев В.А., Чистяков В.Ф., 1992). В настоящее время колебания концентрации C^{14} в атмосфере определены в календарном временном исчислении путем высокоточного радиоуглеродного датирования древесных колец известного возраста. В 1986 г. были опубликованы калибровочные кривые Стювера – Пирсона и Стювера – Беккера на основе радиоуглеродных измерений древесных образцов, каждое из которых содержало 10–20 годичных колец, и они были рекомендованы для пользования (Stuiver M., Becker B., 1986; Stuiver M., Pearson G., 1986). Затем в 1993 г. были опубликованы калибровочные кривые, дополняющие предыдущие новыми данными и с некоторой корректировкой прежних данных (Stuiver M., Becker B., 1993; Stuiver M., Pearson G., 1993). Следующую калибровочную кривую решением 16-ой Международной конференции по радиоуглероду (Гронинген, 1997) решено опубликовать в 1998 г. (Stuiver M., van der Plicht J., 1998). В настоящее время калибровочные кривые охватывают практически весь голоцен. Дальнейшее их продолжение в прошлое, основанное на датировании ленточных глин, кораллов в комбинации радиоуглерода с урановым методом, планируется в ближайшем будущем. Основные принципы создания калибровочных кривых для голоцена и плейстоцена подробно изложены в статье Х. ван дер Плихта, специально написанной для журнала "Археологические вести" (Ван дер Плихт Й., 1998).

Таким образом, калибровочные кривые, отражающие взаимосвязь радиоуглеродного и календарного возрастов, позволяют переводить радиоуглеродную дату в календарную временную шкалу. Этот процесс, называемый калибровкой, сейчас осуществляется довольно легко благодаря компьютерным программам, разработанным различными радиоуглеродными лабораториями. В настоящее время имеются программы Сиэтла, Оксфорда, Гронингена, в основе которых лежат калибровочные кривые Стювера (Van der Plicht J., 1993). Сравнение показывает, что практически нет различий в значениях калиброванного возраста, полученных по различным программам. Главное же отличие программ заключается в возможностях различных графических построений. Калиброванное значение радиоуглеродной даты (калиброванный возраст) по общепринятым положениям представляется как cal BC (лет до н.э.), или cal AD (годы н.э.), иногда целесообразно бывает использовать возраст cal BP (годы от наших дней), последнее часто применяется в палеоклиматических реконструкциях.

Флюктуации концентрации радиоуглерода в атмосфере приводят к тому, что калибровочная кривая имеет довольно сложный характер, имеются участки с более пропорциональным соотношением радиоуглеродного и календарного возрастов, и почти горизонтальные участки ("плато") с "зигзагами" (wiggle), в результате чего одному значению радиоуглеродной даты соответствует несколько возможных календарных интервалов. Естественно, что для археолога важно иметь как можно более узкий интервал реального календарного возраста. Решение этой задачи возможно несколькими путями. Первый и обязательный – это совместное проведение хронологических исследований археологов и специалистов, занимающихся проблемами радиоуглерода. При этом важно уже на первой стадии отбора образцов для датирования знать природу датированного образца, его связь с археологическим или историческим событием, время которого предполагается определить. Критический подход к датируемым образцам важен и для понимания причин возможных несоответствий, которые могут иметь место после получения радиоуглеродных дат. Например, при датировании почвы необходимо учитывать, что это система не статическая, а динамическая, где возможно протекание различных процессов, как естественного (переотложение, перемешивание органических остатков и т.д.), так и антропогенного (вскапывание, искусственное перемещение материала и т.д.) происхождения, при

которых возможно проникновение в материал радиоуглерода, не соответствующего датируемому событию. В случае образцов угля для датирования следует учитывать происхождение образца: собран он из компактных линз (очагов, или сожженных конструкций), или он собирался с большой площади памятника. В последнем случае трудно сказать, насколько он ассоциируется с датируемым событием. В большинстве случаев при традиционном датировании, когда требуются значительные количества исходного материала (от 3–5 г), датируемый материал является в той или иной мере сопутствующим археологическому событию, время которого следует определить (заселение памятника, постройка сооружения и т.д.), поэтому связь датируемого образа с археологическим событием – одна из важных составляющих процесса датирования.

Результаты исследований радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН

1. *Банк данных радиоуглеродных дат и исследования на его основе.* К настоящему времени лабораторией выполнено более 5000 радиоуглеродных определений для памятников от эпохи палеолита до средневековья, расположенных практически на всей территории бывшего Советского Союза. Естественно, что главной задачей является систематизация радиоуглеродных дат. Развитие компьютерных технологий создало условия для составления архивов радиоуглеродных дат в виде компьютерной базы данных, в разработке структуры которой участвовали многие исследователи с конца 1980-х годов (Kra R., 1989). Предложенные подходы нашли осуществление при создании базы данных радиоуглеродных дат как в европейских, так и в американских лабораториях (Michczynski A. et al., 1995; Maslovski R. et al., 1995).

База данных радиоуглеродных дат археологических памятников, кроме преимуществ, связанных с доступностью информации, дает возможность на основе работы с большим массивом фактического материала проводить как хронологические сопоставления для отдельных археологических эпох, культур и памятников, так и определения закономерностей, общих для эпох и регионов. При создании базы данных радиоуглеродных дат археологических памятников нами были использованы основные принципы, предложенные ранее, с включением дополнительных полей, учитывающих особенности материалов российской археологии. Одна из них заключается в отсутствии данных географических координат для археологических памятников. Необходимость дополнительных полей обусловлена также обширностью пространства России, включающего как Европейский, так и Азиатский континенты. В связи с этим в базу данных включены поля, индексирующие как территории (Европа, Сибирь, Дальний Восток), так и большие регионы, отличающиеся по природным условиям (Север, Центр, Юг и т.д.). Важным признаком археологического образца является его принадлежность к определенной археологической эпохе: палеолиту, мезолиту, неолиту, энеолиту, бронзовому и железному векам, средневековью. В некоторых случаях нельзя исключить элемент субъективности, зависящий от позиции археолога, поскольку границы культур бывают не всегда четки, особенно на этапах перехода от одной эпохи к другой. База данных радиоуглеродных дат памятников археологии создана в системе PARADOX, версия 4. Важной числовой характеристикой базы данных являются географические координаты памятников, так как они позволяют исследовать распределение датированных памятников и радиоуглеродного возраста по широте и долготе, поскольку в первом приближении дают возможность проводить различные хронологические сопоставления. Трудности в определении координат связаны с недостаточной информацией о месте нахождения памятника. Сейчас, одним из наиболее полных источников такого рода можно назвать уникальный в своем роде свод памятников палеолита, выполненный Н.А. Береговой (1984), где имеется указание на точное местонахождение памятника, однако работа эта, к сожалению, не имела продолжения. В настоящее время появились электронные карты, позволяющие

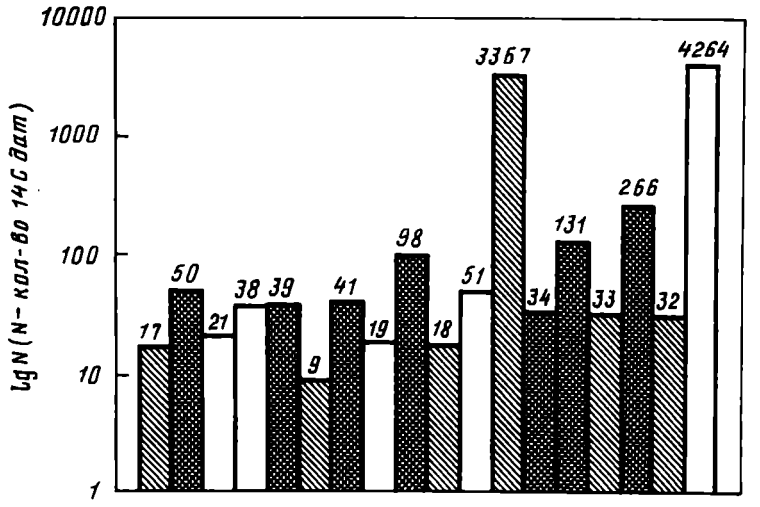


Рис. 1. Гистограмма распределения C^{14} дат всей базы данных по странам (слева направо); Азербайджан, Армения, Афганистан, Белоруссия, Грузия, Ирак, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония, общее колич. дат

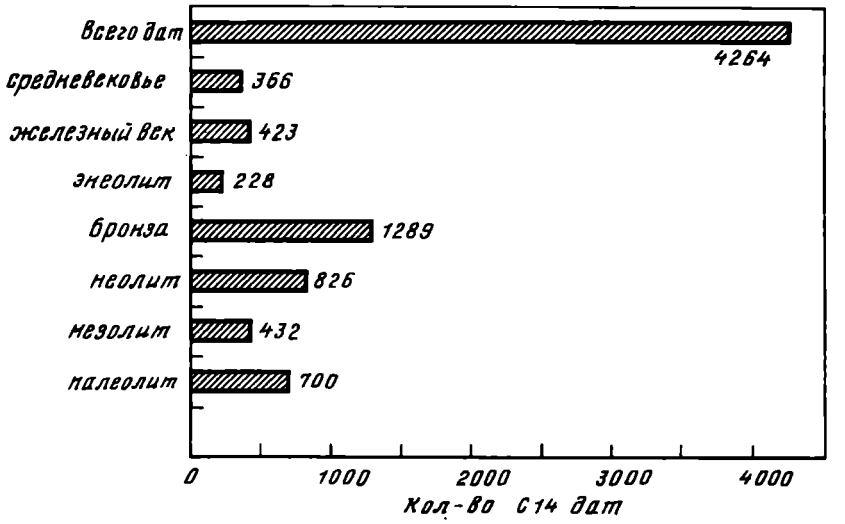


Рис. 2. Гистограмма распределения C^{14} дат всей базы данных по археологическим эпохам

с достаточной точностью определить географические координаты. В своей работе мы использовали электронные карты России и стран СНГ, выполненные фирмой ИНГИТ. На их основе определены и включены в базу данных координаты памятников, имеющих радиоуглеродные датировки, палеолита и мезолита Восточной Европы (Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., 1997), а так же отдельных памятников неолита, расположенных в южных районах России, включая Сибирь (Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1997).

Сейчас база данных насчитывает более 4000 радиоуглеродных дат и включает как данные лаборатории ИИМК РАН, так и данные других лабораторий, опубликованные в печати.

Содержание базы данных можно видеть на рис. 1, где показано количество радиоуглеродных определений и их распределение по странам, которых насчитывается 17, включая Россию и новые независимые государства бывшего Союза. Распределение дат всей базы данных по археологическим эпохам приведено на рис. 2. Как видно,

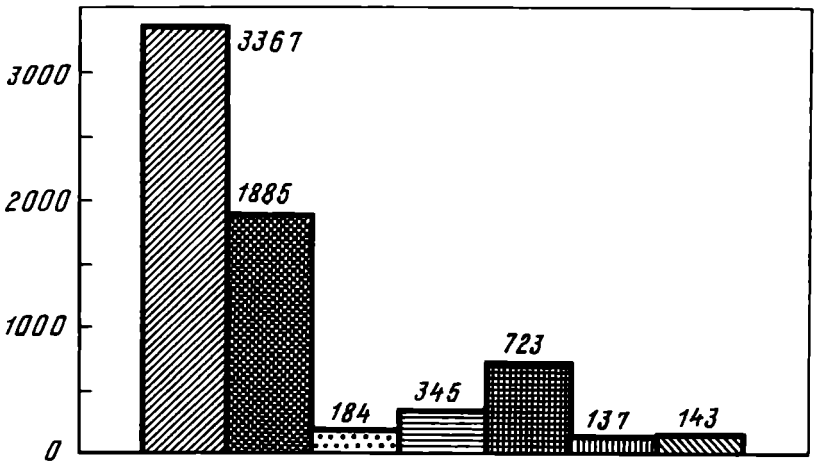


Рис. 3. Гистограмма распределения C^{14} дат по регионам России (слева направо): общее количество дат, Европейская часть России, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток

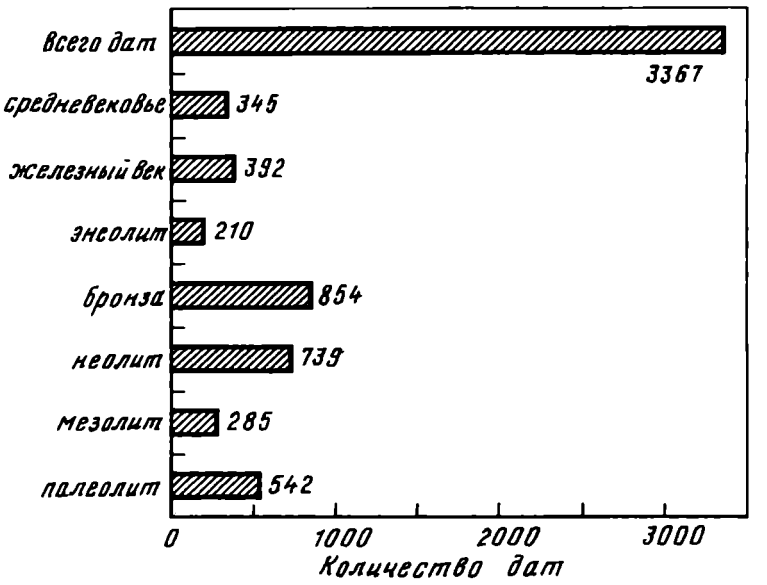


Рис. 4. Гистограмма распределения C^{14} дат для памятников России по археологическим эпохам

большинство дат приходится на памятники эпохи бронзы, затем следуют неолит и палеолит. Следует сказать, что нельзя исключить возможную неопределенность при определении принадлежности культуры к эпохе энеолита, а так же железного века и средневековья, поскольку критерии атрибуции не всегда однозначны и часто могут зависеть от позиции археолога.

Наибольшее количество определений приходится на памятники России: они составляют около 80% всех радиоуглеродных дат, имеющихся в базе данных. Распределение радиоуглеродных дат по региональному признаку для территории России приведено на рис. 3, а на рис. 4 – распределение дат по археологическим эпохам. Здесь так же можно видеть, что наибольшее количество дат приходится на памятники эпохи бронзы, хотя распределение дат между памятниками бронзы и неолита более равномерное.

Интересным, на наш взгляд, казалось выяснить распределение всей совокупности дат базы данных по значению радиоуглеродного возраста в интервале от 45000 до

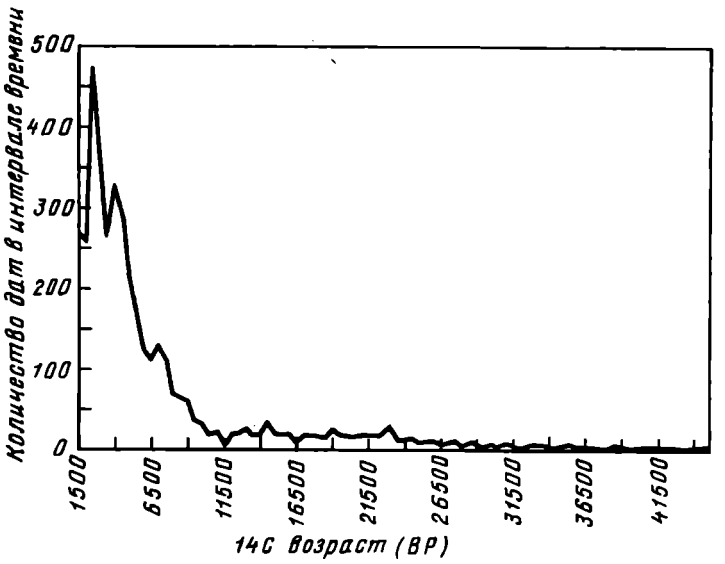


Рис. 5. Гистограмма распределения C^{14} дат всей базы данных по интервалам радиоуглеродного возраста

500 BP. Оно приведено на рис. 5. Здесь обращает на себя внимание то, что на интервал радиоуглеродного возраста в районе 10500–11500 BP приходится наименьшее количество радиоуглеродных дат. Ранее, это было отмечено при рассмотрении совокупности дат для Европейской России (Зайцева Г.И., Дергачев В.А. и др., 1997). Причину этого явления можно объяснить, сопоставляя полученные данные с природно-климатическими изменениями. Известно, что на этот временной интервал приходится похолодание "молодого" Дриаса, временные рамки которого установлены многими исследователями (Holmund P., Fastook J., 1993; Goslar T., Arnold M. et al., 1995). Это наблюдение дало толчок к исследованию возможных корреляций на основе гистограмм распределения радиоуглеродных дат археологических памятников с данными изменений природных процессов в других хронологических интервалах (Зайцева Г.И., Дергачев В.А. и др., 1997; Zaitseva G.I., Timofeev V.I. et al., 1997). В результате исследований было показано, что на интервалы 14–17 тыс. лет BP, 22 – 27 тыс. лет BP, в которых имели место заметные природно-климатические изменения, для памятников палеолита приходятся максимумы радиоуглеродных дат. Первоначально, заключение было сделано при рассмотрении дат для памятников только Европейской России, насчитывающих в то время в базе данных чуть более 1500 определений (Дергачев В.А. и др., 1996). На рис. 5 приведена гистограмма распределения для более чем 4000 радиоуглеродных дат, но и здесь можно видеть определенные максимумы и минимумы в распределении дат для палеолита, приходящиеся на эти же интервалы. Таким образом, совокупность радиоуглеродных дат, систематизированная в виде компьютерной базы данных, открывает новые возможности для исследования, в частности, возможную корреляцию радиоуглеродной хронологии археологических памятников с природно-климатическими изменениями. Естественно, что количество датированных памятников намного меньше общего числа исследованных памятников. Однако для большинства ключевых памятников имеются радиоуглеродные даты, а исследования на большой совокупности дат позволяют выявить общие закономерности. Это в дальнейшем получило свое развитие, в частности, при исследовании проблем неолитизации.

2. Исследование проблем хронологии неолита Восточной Европы на основе радиоуглеродных данных. Радиоуглеродная хронология памятников неолита Восточной Европы на основе радиоуглеродных данных развивается на протяжении нескольких десятилетий и является традиционной темой научных исследований ИИМК РАН.

Первые работы в этом направлении начаты в 1970-х годах (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972; Тимофеев В.И. и др., 1978). Наиболее полный список радиоуглеродных дат памятников неолита для территории бывшего СССР был опубликован в 1996 г. в томе "Неолит северной Евразии" (Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1996). Начало подготовки публикации этого тома осуществлялось еще в 1980-х годах, когда современные компьютерные калибровочные кривые еще не вошли в практику исследований, потому интервалы калиброванного календарного возраста, приведенные в цитированном издании были получены, исходя из калибровочных таблиц Клейна (Klein J. et al., 1982), используемых в то время в научной практике. В основе их так же лежат калибровочные кривые Стювера, которые в последнее время уточнены, продолжены и для которых созданы компьютерные программы.

За время, прошедшее с момента подготовки к печати обобщающего труда по неолиту, количество радиоуглеродных определений для памятников неолита значительно возросло. В настоящее время мы имеем более 400 радиоуглеродных дат для памятников неолита Европейской России, большинство которых принадлежат неолитическим культурам лесной зоны Восточной Европы. В последние годы получены новые радиоуглеродные даты, которые меняют первоначальные представления о времени начала неолита в лесостепной и степной зонах Восточной Европы. Это, в первую очередь, относится к датировке памятников, так называемой, елшанской культуры, открытых в 1970-х годах в волжской лесостепи в Самарской и Оренбургской областях (Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977). В них найдены кремневые материалы, с элементами мезолитической индустрии (пластинчатые наконечники стрел, эпи-свидерского типа) и архаического облика керамика. Некоторые авторы сравнивают форму елшанских сосудов с сосудами неолитических культур охотников и собирателей Средней Азии (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988). В лаборатории ИИМК РАН были получены радиоуглеродные даты образцов из многослойного памятника Чекалино-IV, расположенного на р. Сок, в Сергиевском р-не Самарской обл., раскапываемого А.Е. Мамоновым (Мамонов А.Е., 1995). Елшанские материалы были найдены в нижнем культурном слое памятника, где отмечены скопления речных раковин "Unio". По образцам раковин получены четыре C^{14} даты, три из которых имеют возраст в районе 8000 BP, и один показал более древний возраст. Близкий радиоуглеродный возраст получен по образцам кости из другого памятника елшанского типа: стоянки Ивановское в Оренбургской обл., раскапываемой Н.Л. Моргуновой (Моргунова Н.Л., 1980; 1988). Для другого памятника елшанского типа Лебяжинка, так же расположенного в Самарской обл., а так же и для Чекалино-IV получены даты в радиоуглеродной лаборатории Института геологии РАН, которые показали сходный возраст. Таким образом, большая часть радиоуглеродных дат памятников елшанского типа находится в пределах 8000 BP или чуть древнее. C^{14} даты памятников елшанского типа приведены в табл. 1. По информации автора раскопок памятника Чекалино-IV (Мамонов А.Е., 1995), C^{14} даты хорошо соответствуют палинологическим и геологическим данным для этого памятника, представленными Е.А. Спиридоновой и Ю.А. Лаврушиным. В соответствии с этими данными слои елшанской культуры приходятся на бореальный период.

Керамика елшанских памятников в настоящее время является самой ранней в Восточной Европе. Что касается экономики памятников елшанского типа, то в них не найдено следов производящего хозяйства. Каменная индустрия и топография памятников свидетельствуют, что экономика была основана на охоте, рыболовстве и собирательстве. По мнению исследователей, основные признаки елшанской культуры, за исключением формы сосудов, не находят аналогий в культурах южных и юго-восточных регионов (Мамонов А.Е., 1995). Следует сказать, что C^{14} даты для памятников охотников и собирателей Средней Азии (Джебел, Учащи 131), а так же памятники носителей раннего производящего хозяйства в Туркмении (памятники культуры Джейтун) и памятников древнейшей неолитической культуры юго-запада Восточной Европы (буго-днестровской) моложе, чем даты памятников елшанского

Таблица 1

C^{14} даты ранненеолитических памятников елшанского типа

Лабораторный индекс	C^{14} возраст, BP	Памятник	Материал для датирования
Ле-4781	8990±100	Чекалино-IV	Раковины
Ле-4782	8000±120	Чекалино-IV	Раковины
Ле-4783	8050±120	Чекалино-IV	Раковины
Ле-4784	7940±140	Чекалино-IV	Раковины
ГИН-7085	8680±120	Чекалино-IV	Раковины
ГИН-7086	7950±130	Чекалино-IV	Раковины
ГИН-7088	8470±140	Лебяжинка-IV	Раковины
Ле-2343	8020±90	Ивановская	Кость

Таблица 2

C^{14} даты слоев многослойного памятника Ракушечный Яр

Слой	C^{14} дата, BP	Лабораторный индекс	Материал
XX	7690±110	Ки-6476	Нагар на керамике
	7930±140	Ки-6476	»
	7860±130	Ки-6477	»
XV, XIV–XV	6930±100	Ки-6478	Нагар на керамике
	6825±100	Ки-6479	»
	7040±100	Ки-6480	»
IX	7180±250	Ле-5344	Раковины
VIII	6070±100	Bln-704	Уголь
V	5890±105	Ки-955	Уголь
IV	5060±230	Ле-5340	Кость
III	4360±100	Bln-1177	Уголь
II	5290±260	Ле-5327	Уголь

типа. В связи с этим, логично предположение о местном происхождении ранней керамики в юго-восточном лесостепном регионе России.

Важные для хронологии неолита южной России C^{14} даты получены сейчас для многослойного памятника Ракушечный Яр, расположенного в нижнем течении Дона в Ростовской обл. Этот памятник раскапывался в 1960–1980-х годах Т.Д. Белановской (Белановская Т.Д., 1995). Площадь раскопа составляет более 1000 м^2. Детальная стратиграфия памятника свидетельствует о наличии 23 культурных слоев и горизонтов. Самые нижние слои содержат материалы, относящиеся к местной ракушечноярской культуре. Находки состоят из неолитической керамики, фрагментов плоскодонных, редко остродонных сосудов, предметов кремневой индустрии, а так же орудий из кости и рога. Имеются данные, свидетельствующие о существовании элементов производящего хозяйства. Кости крупного рогатого скота и домашних животных (овцы) найдены вместе с костями диких животных. Серия радиоуглеродных дат, полученных в лабораториях ИИМК РАН, Киева и Берлина по материалам из памятника Ракушечный Яр, приведена в табл. 2. Как следует из этой таблицы, один из нижних слоев памятника (XX), с датированной керамикой, сохранившей следы пищевого нагара, имеет возраст около 8000–7600 BP, а возраст верхних слоев, с находками ракушечноярской культуры (XV, XIV–XV) находится в пределах 7000–6800 BP. Датированы так же слои, содержащие находки поздней ракушечноярской культуры и культуры энеолита. Признаки влияний ряда культур обнаруживаются в материалах энеолитических слоев памятника (Белановская Т.Д., 1995). В целом, ра-

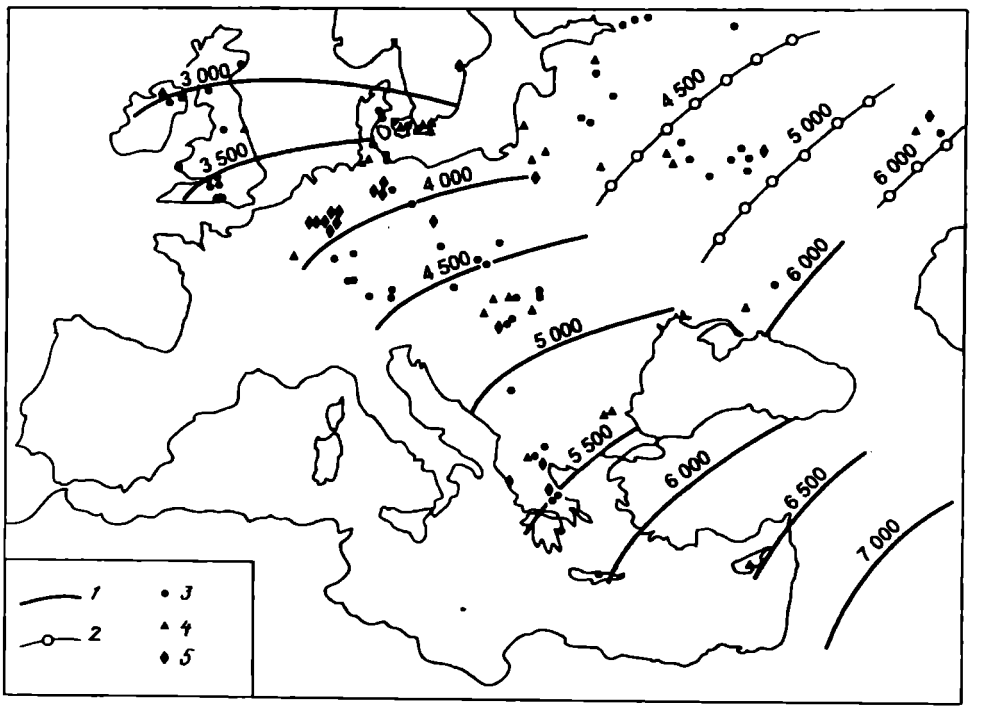


Рис. 6. Схема хронологических рубежей неолитизации Ближнего Востока, Южной, Центральной и Северо-Западной Европы (Breunig P., 1987), дополненная данными по основным территориям Восточной Европы (Timofeev V.I., Zaitseva G.I., 1998). *1* – распространение производящей экономики; *2* – распространение керамического производства в культурах с присваивающей экономикой Восточной Европы, *3–5* – памятники раннего неолита: *3* – C^{14} даты соответствуют предполагаемым хронологическим рубежам; *4* – более поздние C^{14} даты (порядка 300 радиоуглеродных лет); *5* – более ранние C^{14} даты (порядка 300 радиоуглеродных лет)

диоуглеродные даты Ракушечного Яра дают определенную основу для разработки радиоуглеродной хронологии культур энеолита и неолита степной зоны Восточной Европы.

Важны так же данные стоянки Мавеев Курган-1 в Приазовье (Ростовская обл.), исследованной Л.Я. Крижевской (Крижевская Л.Я., 1992). Здесь были найдены следы производящего хозяйства, включая кости крупного и мелкого рогатого скота, а так же керамика плохой сохранности. Для этого памятника имеется две C^{14} даты: 7505 ± 210 BP (GrN-7199), 7180 ± 70 BP (Ле-1217). Эти даты, также как и даты Ракушечного Яра, дают подтверждение времени начала неолита в степной зоне Европейской России. На памятнике Ракушечный Яр имеются три тонких культурных слоя, залегающих ниже датированного XX слоя, которые к настоящему времени еще не имеют C^{14} дат. Они содержат так же находки керамики ракушечноярской культуры.

К настоящему времени в степной зоне Европейской России имеется ряд датированных памятников неолита-энеолита (Тимофеев В.И., Зайцев Г.И., 1997). В соответствии с этими данными, а так же как и с датами для верхних слоев Ракушечного Яра и с новыми датами для могильников мариупольского типа (Lillie M.C., 1998), появление элементов энеолита в степной зоне Восточной Европы датируется не позднее 6000 BP. Хронологическая позиция неолитических культур северных регионов Европейской России, относящихся к лесной зоне, более детально разработана в последние годы. Сейчас можно утверждать, что в лесной зоне появление первой керамики в культурах неолита датируется временем 7200–7000 BP и предшествует началу процесса неолитизации Центральной Европы, связанному с распространением там памятников культуры линейно-ленточной керамики (Timofeev V.I., Zaitseva G.I., 1997).

Радиоуглеродные даты дали основание многим исследователям более детально разработать хронологию неолита для большой территории Ближнего Востока и Евро-

пы и предложить схему неолитизации от появления раннего неолита на Ближнем Востоке до начала неолита в Южной Европе (Греция, 7500–8000 BP) и последующего распространения неолитической культуры в Центральной Европе около 6700–7000 BP (Clark J.G.D., 1965; Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972; Breuning P., 1987). Данные, которые сейчас имеются для Восточной Европы, позволяют нам сопоставить темпы процесса неолитизации на большей территории.

На рис. 6 представлена модель неолитизации, предложенная П. Брейнингом (Breuning P., 1987), дополненная данными по хронологии неолита Восточной Европы, имеющимися в банке данных радиоуглеродных дат (Timofeev V.I., Zaitseva G.I., 1998).

Как радиоуглеродные даты, так и археологические данные и типологические различия керамики ранних неолитических памятников южных территорий Восточной Европы свидетельствуют, что в Восточной Европе имелось несколько независимых центров керамического производства.

Перспективы радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН

Накопленный в настоящее время и систематизированный материал по радиоуглеродной хронологии открывает новые возможности для исследований. Они в первую очередь связаны с хронологическими сопоставлениями культур различных территорий с целью определения времени начала формирования культур, динамики развития и взаимодействия, трансформаций и миграций. Успех в этих исследованиях возможен лишь при условии тесного взаимодействия сотрудников C^{14} лаборатории и археологов, что и подтверждается опытом работы лаборатории. Кроме того, в последние годы осуществляется плодотворное сотрудничество лаборатории ИИМК РАН с исследователями Физико-Технического ин-та им. А.Ф. Иоффе РАН, которые занимаются теоретическими проблемами радиоуглерода. Первые совместные исследования дали исключительно полезные и важные результаты в области корреляции радиоуглеродной хронологии археологических памятников с изменениями природных процессов, а так же при оценке достоверности результатов с использованием методов математической статистики. Работы в этом направлении продолжаются и есть надежда на получение новых данных, связанных с выявлением цикличности в процессах развития.

Одной из первоочередных задач является пополнение банка радиоуглеродных дат новыми данными, как полученными в лаборатории, так и данными из литературных источников. Банк данных помимо новых возможностей исследований, позволяет составлять тематические списки радиоуглеродных дат для их публикаций. Это очень важный момент в работе лаборатории, поскольку радиоуглеродные даты археологических памятников часто рассеяны по различным статьям, зачастую в региональных публикациях. В 1997 г. был опубликован представительный список радиоуглеродных дат памятников мезолита Восточной Европы и памятников энеолита-неолита южных регионов России в журнале "Радиоуглерод и археология". Следует отметить, что до этого времени, данные по радиоуглеродной хронологии, как мезолита, так и неолита степной зоны имели отрывочный характер. Все публикуемые радиоуглеродные даты были сверены с архивами лабораторий ИИМК РАН и ГИН (Зайцева Г.И., Тимофеев В.И. и др., 1997; Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1997). Считаем необходимым делать это и в дальнейшем, поскольку в литературе при цитировании дат часто имеют место ошибки в значении самой радиоуглеродной даты, индекса лаборатории, и иногда даже неверное название памятника, из которого взят материал на датирование. Затем эти неточности повторяются в следующих публикациях.

Хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии опубликована в отдельном издании " Радиоуглеродная хронология памятников палеолита Восточной Европы и Северной Азии" (1997). В дальнейшем для всех датированных памятников палеолита предполагается определить географические координаты.

Имеющиеся в базе данные по неолиту и бронзовому веку, количество которых

превышает данные по палеолиту, в настоящее время систематизируются и будут публиковаться затем отдельными списками.

В последнее десятилетие в лаборатории в довольно большом объеме датируются памятники средневековья. Получены представительные серии дат для раннеславянских памятников Новгородской, Псковской и др. областей России. Результаты проводимых исследований показывают, метод может быть успешно применен при разработке хронологии культур, довольно близкого от нас времени: данные, полученные на основе радиоуглерода, убедительно сопоставляются с данными исторических и археологических источников. Накопленный к настоящему времени материал предполагается опубликовать с подробными археологическими комментариями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланов Х.А., 1987. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л.

Арсланов Х.А., Свеженцев Ю.С., Марков Ю.Н., 1981. Улучшенная методика обработки костного материала для радиоуглеродного датирования // Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тарту.

Артемьев В.В., Бутомо С.В., Дрожжин В.М., Романова Е.Н., 1961. Результаты определения абсолютного возраста археологических памятников и археологических образцов // СА. № 2.

Белановская Т.Д., 1995. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. С-Пб.

Береговая Н.А., 1984. Палеолитические местонахождения СССР. М.

Бутомо С.В., 1963. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М.

Ван дер Плихт Й., 1998. Калибровка радиоуглеродной временной шкалы // Археологические вести. № 5.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научные труды Куйбышевского пединститута. Т. 20. Куйбышев.

Дергачев В.А., 1996. Концентрация космогенного радиоуглерода в земной атмосфере и солнечная активность в течение последних тысячелетий // Геомагнетизм и аэрономия. Т. 36. № 2.

Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Семенцов А.А., Лебедева Л.М., 1996. Изменение природных процессов и радиоуглеродная хронология археологических памятников // Радиоуглерод и археология. Вып. 1.

Дергачев В.А., Чистяков В.Ф., 1992. О мощных проявлениях солнечной активности в конце плейстоцена – начале голоцена // Солнечные данные. № 2.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М., 1997. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Зайцева Г.И., Дергачев В.А., Тимофеев В.И., Семенцов А.А., 1997. Радиоуглеродная хронология археологических памятников Европейской России и изменение природных процессов: исследование на основе базы данных // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Зайцева Г.И., Мурашкевич Т.В., Шишко А.М., Волкович С.М., Оболенская А.В., 1985. Исследования деградированной древесины археологических памятников. 1. Изменение химического состава древесины при ее хранении в культурных слоях почв // Химия древесины. № 5. Рига.

Зайцева Г.И., Посснерт Г., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Семенцов А.А., 1997. Радиоуглеродные даты ключевых памятников Европейской Скифии // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., 1997. Радиоуглеродные даты памятников мезолита-энеолита юга Европейской России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Загорская И., Ковалюх Н.Н., 1997. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Восточной Европы // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Ильвес Э., Лийва А., Пуннинг Я.-М., 1974. Радиоуглеродный метод и его применение в четвертичной геологии и археологии Эстонии. Таллин.

Крижевская Л.Я., 1992. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. С-Пб.

Мамонов А.Е., 1995. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.

Моргунова Н.Л., 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Моргунова Н.Л., 1988. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Протопопов Х.В., Бутомо С.В., 1959. Развитие техники жидких сцинтилляторов и применение ее для датирования по радиоуглероду (^{14}C) // СА. № 2.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. 1997. С-Пб.

Руденко С.И., 1964. О работе радиоуглеродной лаборатории ИА АН СССР // Абсолютная геохронология четвертичного периода. М.

Семенцов А.А., 1963. Регистратор для измерения низких активностей с графическим построением хода измерений // Методы естественных наук в археологии. М.

Старик И.Е., Арсланов Х.А., 1961. Возраст по радиоуглероду некоторых образцов четвертичного периода // Доклады АН СССР. Т. 138. № 1.

Сулержицкий Л.Д., 1976. Актуальные вопросы современной геохронологии. М.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1996. Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. М.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., 1997. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской России и Сибири. Обзор источников // Радиоуглерод и археология. Вып. 2.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Посснерт Г., 1998. Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // Археологические вести. № 5.

Тимофеев В.И., Романова Е.Н., Маланова Н.С., Свеженцев Ю.С., 1978. Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР // КСИА. Вып. 153.

Фоменко А.Т., 1993. Глобальная хронология. М.

Arslanov Kh., Cook G., Gulliksen S., Harkness D.D., Kankainen T., Scott M., Vartanyan S., Zaitseva G., 1998. Consensus dating of mammoth remains from Wrangel Island // Proceeding of the 16th International Radiocarbon Conference. Groningen. 1997. Radiocarbon.

Arslanov Kh.A., Svezhensev Yu.S., 1993. An Improved Method for Radiocarbon Dating Fossil Bones // Radiocarbon. V. 35. № 3.

Breuning P., 1987. ^{14}C Chronologie des Vorderasiatischen, Sudost-und Mitteleuropoischen Neolithikums. Fundamenta. Bd. 13.

Butomo S.V., 1965. Radiocarbon dating in the Soviet Union // Radiocarbon. V. 7.

Clark J.G.D., 1965. Radiocarbon dating and expansion of farming culture from the Near East over Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. V. 31.

Dolukhanov P.M., Romanova E.N., Sementsov A.A., 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. II // Radiocarbon. V. 12. № 1.

Dolukhanov P.M., Sementsov A.A., Svezhentsev Yu.S., Timofeev V.I., Romanova E.N., Malanova N.S., 1976. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // Radiocarbon. V. 18. № 2.

Goslar T., Arnold M. et al., 1995. High concentration of atmospheric ^{14}C during the Younger Dryas cold episode // Nature. V. 377.

Gulliksen S., Scott E.M., 1995. Report on TIRI workshop. Radiocarbon. V. 37. № 2.

Holmund P., Fastook J., 1993. Numerical modelling provides evidence of Baltic Ice Streem during the Younger Dryas // Borea. V. 22.

*Klein J., Lerman J.C., Damon P., Ralph E.K., 1982.*Calibration of radiocarbon dates // Radiocarbon. V. 24. № 2.

Korff S.A., 1940. On the contribution to the ionization at sea-level produced be the neutrons in the cosmic radiation // Terrestial Magnetism and Athmospheric Electicity. V. 45.

Kra R., 1989. The International Radiocarbon Data Base: A Progress Report // Radiocarbon. V. 31. № 2.

Proceeding of the 13th International Radiocarbon Conference. Ed. A. Long, R. Kra, D. Srdoc. Tucson. Arizona.

Lanting J.N., van der Plicht J., 1995. ^{14}C-AMS: Pros and Cons for Archaeology // Palaeohistoria. V. 35/36. 1993/1994. Offprint. Ed. A. A. Balkema. Rotterdam.

Libby W.F., 1946. Athmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation // Physical review. Ser. 2. V. 69. № 12.

Libby W.F., Anderson E.C., Arnold J.R., 1949. Age determination by radiocarbon content: world-wide assay of natural radiocarbon // Science. V. 109.

Lillie M.C., 1998. The Mesolitic-Neolithic transition in Ukraine: new radiocarbon determinations for the cemeteries of the Dnieper Rapids Region // Antiquty. V. 72. № 275.

Maslovski R., Niquette Ch., Wingfield D., 1995. The Kentucky, Ohio and West Virginia Radiocarbon Database. West Virginia Archaeologist. V. 47.

Michczynski A., Krazanowski A., Pazdur M., Ziolkowski M., 1995. A computer Database for Radiocarbon dates of Central Andean Archaeology // Radiocarbon. V. 37. № 2. Proceeding of 15th International Radiocarbon Conference. Ed. T. Cook, D. Harkness, E.M. Scott. Tucson. Arizona.

Mook W.G., Streurman H.J., 1983. Physical and chemical aspects of radiocarbon dating // PACT. V. 8. Proceeding of the 1st International Symposium ^{14}C and Archaeology. Groningen, 1981.

Mook W.G., Waterbolk H.T., 1985. Handbook for archaeologists. 3. Radiocarbon dating. European Science Foundation. Strasburg.

Olsson I.U., 1989. The ^{14}C method. Its possibilities and some pitfaals. An introduction // PACT. 24.

Scott E.M., Harkness D., Cook G., 1998. Inter-laboratory comparisons: lessons learned // Radiocarbon. V. 32. № 3.

Sementsov A.A., Dolukhanov P.M., Romanova E.N., Timofeev V.I., 1972. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology. III // Radiocarbon. V. 14. № 2.

Skripkin V.V., Kovaliukh N.N., 1996. Production of lithium carbide from very small organic and carbonate samples from liquid scintillation radiocarbon analysis // Matematyka–Fizyka, Z. 79, Geochronometria 13, Gliwice, Polska.

Stuiver M., Becker B., 1986. High-precision calibration time scale, AD 1950–2500 BC // Radiocarbon. V. 28 (2B).

Stuiver M., Becker B., 1993. High-precision decades calibration of radiocarbon time scale, AD 1950–6000 BC // Radiocarbon. V. 35. № 3.

Stuiver M., Polach H.A., 1977. Discussion: Reporting of ^{14}C data // Radiocarbon. V. 19. № 3.

Stuiver M., Pearson G., 1986. High-precision calibration time scale, AD 1950–500 BC // Radiocarbon. V. 28 (2B).

Stuiver M., Pearson G., 1993. High-precision budecadal calibration of radiocarbon time scale AD 1950–500 BC and 2500–600 BC // Radiocarbon. V. 35. № 1.

Stuiver M., van der Plicht J., 1998. Calibration issue // Radiocarbon (in print).

Sulerzhitskij L.D., 1993. Anomalies of radiocarbon of Late Dryas // Geochronological and Isotope-geochemical investigations. Abstract of 10th Conference of Geochronological and isotope-geochemical research in Baltic countries. Vilnus. October. 1993.

Van der Plicht J., 1993. The Groningen radiocarbon calibration program // Radiocarbon. V. 35. № 1.

Van Streydonc M., Nelson D.E., Grombe P., Bronk Ramsey C., Scott E.M., van der Plicht J., Hedges R.E.M., 1998. Waht is a ^{14}C date // Abstract of the 3rd International Symposium on ^{14}C and Archaeology.

Waterbolk H.T., 1998. Archaeology and radiocarbon Dating 1948–1998: golden alliance // Proceeding of 3rd Symposium "^{14}C and Archaeology". Lyon. France. March. 1998 (in print).

Timofeev V.I., Zaitseva G.I., 1997. Some aspects of the Radiocarbon chronology of the Neolithic cultures in the Forest zone of the European part of Russia // ISKOS. V. 11.

Timofeev V.I., Zaitseva G.I., 1998. On the problem of the Neolithisation of Eastern Europe and the position of the South Russia area in this process // Proceedings of 5th International symposium "Radiocarbon and archaeology". Lyon (in print).

Zaitseva G.I., 1995. Chemical composition and sample preparation of archaeological wood for radiocarbon dating // Radiocarbon. V. 37. № 2.

Zaitseva G.I., Timofeev V.I., Dergachev V.A., Sementsov A.A., 1997. Some aspects on the distribution of radiocarbon dates from the Mesolithic and Neolithic of European Russia // Proceeding of the VII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. ISKOS. № 11.

Žaitseva G.I., Vasiliev S.S., Marsadolov L.S., van der Plicht J., Sementsov A.A., Dergachev V.A., Lebedeva L.M., 1998. Tree-ring and radiocarbon chronology of the Sayan-Altai key monuments // Proceeding of the 16th International Radiocarbon Conference. Groningen. Radiocarbon (in print).

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

G.I. ZAITSEVA, V.I. TIMOFEEV, A.A. SEMENTSOV

C^{14} DATING IN THE INSTITUTE OF THE ARTIFACT CULTURE HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY, STATUS OF WORK, RESULTS, AND PROSPECTS

Summary

The paper reviews main guidelines of the work performed by the radiocarbon laboratory of the Institute of the Artifact Culture History of the Russian Academy of Sciences. The history of the laboratory, principles of its work and the modern status of radiocarbon dating are presented. Data on C^{14} dating of archaeological sites gathered throughout more than 40 years of work have been systemized in the form of a computer database that has more than 4000 C^{14} definitions. The contents of the database are presented graphically to show the allocation of dates both by areas and regions where the dated sites are located and by archaeological ages. Specific results of the studies performed on the basis of the database to compare radiocarbon chronology with changes in natural processes have been described as well. Problems of the Neolithicization of Eastern Europe on the basis of C^{14} have been reviewed. Nes data on the chronology of the Neolithic sites of the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe which allow us to make adjustments in original concepts on the spread of Neolithic cultures in Eastern Europe and compare processes of Neolithicization in Eastern Europe with those that occurred in Western Europe and adjacent regions have been presented. This comparison is made in the graphic form. Prospects of the laboratory work for the near future have been defined.

Н.С. КОТОВА, О.В. ТУБОЛЬЦЕВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОДЕЖДЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

В настоящее время на Украине известно около 20 неолитических могильников (Телегин Д.Я., 1991). Наиболее полно сохранились 14 памятников. Изучение погребального обряда и инвентаря позволили отнести их к трем археологическим культурам (Котова Н.С., 1994, с. 30–43). К нижнедонской культуре, датирующейся серединой V – началом IV тыс. до н.э., относится Мариупольский могильник (Макаренко М., 1933). Населением азово-днепровской культуры во второй половине V – середине IV тыс. до н.э. оставлены могильники: Вовнигский 2 (Бодянский А.В., Котова Н.С., 1994), Лысогорский, Васильевский 5, Никольский, Осиповский и часть Ясиноватского 1, Дереивского (Телегин Д.Я., 1991), а также могильника Госпитального холма (Ковалева И.Ф., 1984).

Населению киево-черкасской культуры принадлежат могильники Чаплинский, Марьевский, Вильнянский, Собачки, Вовнигский 1, части Ясиноватского и Дереивского могильников (Котова Н.С., 1994, с. 85–97). Предположительно, они функционировали в конце V – третьей четверти IV тыс. до н.э.

Могильники нижнедонской и азово-днепровской культур, входящих в Мариупольскую культурно-историческую область, демонстрируют сложный погребальный обряд. Умерших хоронили вытянуто на спине, ориентируя головами в широтном направлении. Кисти их слегка согнутых рук складывали на тазе. В погребальном обряде использовали огонь и камень. Наборы инвентаря включали раковины, зубы оленя и рыбы, украшения из клыка кабана, каменные, костяные и перламутровые бусины, кремневые пластины, трапеции, скребки на пластинах и отщепах, отщепы, каменные топоры, костяные орудия.

Население нижнедонской культуры и первого периода азово-днепровской во второй половине V – начале IV тыс. до н.э. хоронило умерших в индивидуальных могильных ямах, расположенных рядами. На поверхности могильников найдены кострища и единичные предметы. Погребения второго периода азово-днепровской культуры во второй-третьей четвертях IV тыс. до н.э. совершались в больших ямах, в которые в течение длительного времени производились подзахоронения. На поверхности могильников найдены жертвенные площадки (Котова Н.С., 1994, с. 39–42).

Могильники киево-черкасской культуры Днепро-Донецкой обл. отличаются от памятников Мариупольской обл. меридиональной ориентацией умерших, разнообразием положения рук, отсутствием в погребальном обряде огня и камня, жертвенных площадок на поверхности могильников. В их инвентаре нет украшений из клыков кабана, каменных и костяных бусин, каменных топоров, больших кремневых пластин. Иным является и размещение погребального инвентаря в захоронениях. Погребения этих могильников близки одиночным захоронениям на киево-черкасских поселениях Бузьки и Игрень-8, слой Д1, что и определяет их культурную принадлежность (Котова Н.С., 1994, с. 38, 39).

В статье предлагается реконструкция погребальной одежды населения нижнедонской, азово-днепровской и киево-черкасской культур, сделанная на основании материалов перечисленных выше могильников. Одежда, безусловно, является одним из компонентов материальной культуры. П.Г. Богатырев предложил ее типологию, выделив обрядовый, праздничный и будничный костюмы (1971). Каждый вид костюма, по мнению автора, обладает несколькими функциями. Погребальная одежда относится

© Н.С. Котова, О.В. Тубольцев, 1999 г.

к обрядовому костюму, для которого характерен ряд функций: обрядовая, праздничная, эстетическая, региональная, сословная и практическая. Определяющей является обрядовая функция. Погребальный костюм выполняет роль медиатора. Одетый в него умерший приобретает новый условный образ и становится носителем определенных функций, связанных в первую очередь с переходом в иной мир. Погребальный костюм в определенной степени отражает характер бытовой одежды. Сведения об одежде неолитического населения Украины отсутствуют, поэтому бытовой костюм можно реконструировать лишь гипотетически, используя исторические аналогии.

Население киево-черкасской культуры обитало в лесостепном Поднепровье и лишь отдельные группы его проникали в северную часть степной зоны по долине р. Днепр. В его хозяйстве основную роль играли охота и рыболовство. Животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней поставляло около 20% мясной пищи (Журавльов О.П., Котова Н.С., 1996, с. 14). Возможно, существовало слабо развитое земледелие.

По своему культурно-хозяйственному типу киево-черкасское население близко племенам алгонкингов Северной Америки. Они обитали в лесостепной зоне с умеренным климатом, занимались охотой и рыболовством. Их костюм состоял из замшевого передника, длинных гамаш-ноговиц, прикреплявшихся к поясу, и накидки из шкуры бизона. Накидка всегда богато украшалась нашивками и аппликацией, либо разрисовывалась. Женщины также носили накидки, но типично женским костюмом была рубаха-платье без рукавов. Ноговицы у женщин были короче и их закрепляли на коленях.

Население нижнедонской и азово-днепровской культур обитало в Приазовье и степном Поднепровье. Их хозяйство реконструируется как производящее со значительной ролью охоты и рыболовства. Они разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, в меньшей степени – свиней. Животноводство поставляло им от 70% до 100% мясной пищи (Журавльов О.П., Котова Н.С., 1996, с. 13).

Наиболее достоверным из ближайших в хронологическом и территориальном плане к азово-днепровской и нижнедонской культурам являются сведения об одежде скифов. Скифы обитали в степной Украине и занимались скотоводством. По письменным и археологическим данным их одежда реконструируется как высокие кожаные или шерстяные ноговицы или штаны, рубаха или короткий запашной кафтан (Равдоникас Т.Д., 1990).

Территориально отдаленной, но более близкой хронологически является находка в Альпах хорошо сохранившихся остатков мужчины бронзового века (Die hetyhen tage..., 1993). Его одежда была сделана из кожи и шкур. Она состояла из ноговиц, прикрепленных к поясу, обуви, доходившей до щиколоток, и плечевой одежды типа распашного кафтана, который достигал колен.

Определенные сведения об одежде дают статуэтки трипольской культуры. В IV – первой половине III тыс. до н.э. ее население обитало в Днепро-Днестровском междуречье и имело комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Антропоморфная пластинка Триполья была связана с аграрными культами и изображала, преимущественно, женщин в обрядовой одежде. Наиболее четко элементы одежды прослеживаются на статуэтках Триполья CI и CII. На них изображены рубахи с различным обрамлением ворота; набедренные повязки или фартуки; пояса; ноговицы, которые крепились к поясу или под коленями. На ногах изображены полусапожки, туфли и сандали (Погожева А.П., 1983, табл. № 18, 20–22, рис. 27, *2*; 28, *1*).

Очень интересны статуэтки восточного варианта культуры гумельница с поселений Болград и Новонекрасовка 1 в Одесской обл. (Субботин Л.В., 1983, с. 112). Они изображают женщин, одетых в штаны, заправленные в полусапожки (рис. 1). На этих статуэтках можно видеть наиболее раннее изображение штанов для территории Восточной Европы. Население восточного варианта культуры гумельница обитало в степной зоне Северо-Западного Причерноморья в начале IV тыс. до н.э. В его хозяйстве

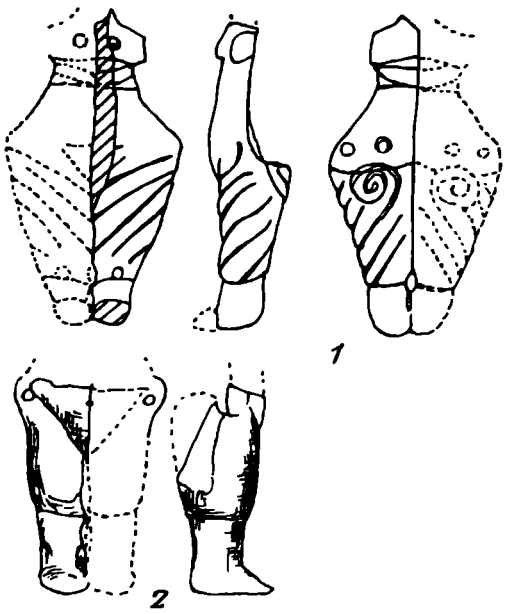


Рис. 1. Фрагменты статуэток восточного варианта культуры Гумельница (по Л.В. Субботину): *1* – Новонекрасовка 1; *2* – Болград

большую роль играло животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, в меньшей степени – свиньи и лошади (Цалкин В.И., 1970, с. 272). Территориально и хронологически восточный вариант гумельницы наиболее близок нижнедонской и азово-днепровской культурам. Их объединяет также хозяйство с важной ролью животноводства, включавшего разведение домашней лошади.

Приведенные выше примеры позволяют предположить существование определенных элементов бытовой одежды у нижнедонского и азово-днепровского населения. У мужчин одежда могла состоять из ноговиц, рубахи, кожаной обуви. Не исключено использование кожаных или шерстяных штанов. Одежда женщин могла включать платье или рубаху и юбку, а также невысокие ноговицы и кожаную обувь. Одежда женщин киево-черкасской культуры, видимо, была очень близка азово-днепровской и нижнедонской. Однако в костюме мужчин, скорее всего, не было штанов, которые использовались населением с развитым животноводством, включавшим разведение лошадей. Таким образом, мужской костюм этой культуры можно реконструировать как рубаху, фартук или юбку, возможно, ноговицы и кожаную обувь.

Одной из важнейших функций для погребальной одежды была сословная. Погребальный костюм должен был отражать индивидуальные качества умершего, указывая на его роль в коллективе при жизни. Изучение могильников позволило предложить реконструкцию социальных структур рассматриваемого населения (Котова Н.С., 1994, с. 59–74). Памятники каждой из культур, видимо, были оставлены племенем, состоявшим из двух родов. При общих чертах погребального обряда, присущих культуре в целом, каждый род имел свои особенности. Так, в нижнедонской культуре представители одного рода хоронили своих умерших головой на запад, часто сопровождая их раковинами, украшая одежду зубами оленя и расколотыми клыками кабана. Представители второго рода хоронили покойников головой на восток. Рядом с ними часто клали костяные изделия, украшали одежду пластинами из клыка кабана и различными бусинами.

В азово-днепровской культуре представители одного рода также хоронили умерших головой на запад, часто сопровождая их раковинами и украшая одежду зубами оленя. Умерших членов другого рода располагали в могиле головою на восток и сопровождали преимущественно кремневыми изделиями. Иногда их одежда была украшена

пластинами из клыка кабана, которые являются очень редким для азово-днепровской культуры видом украшений.

В киево-черкасской культуре представители одного рода хоронили умерших головой на север, с вытянутыми вдоль тела руками. Эти захоронения часто сопровождались раковинами, а одежда погребенных украшалась зубами оленя и рыбы. Умерших членов второго рода хоронили головой на юг, в большинстве случаев кисти их слегка согнутых рук были сложены в области таза. В инвентаре часто встречаются костяные острия, а погребальная одежда реже имела украшения из зубов оленя и рыбы.

В азово-днепровской и киево-черкасской культурах известны как родовые, так и общинные могильники. В родовых могильниках хоронили представителей только одного рода. В азово-днепровской культуре к ним можно отнести могильники Вовнигский 2, Васильевский 5. В неразрушенном состоянии они включали более 100 захоронений, расположенных тремя рядами. Можно предположить, что каждый ряд служил местом захоронения членов линиджа, а весь могильник принадлежал сегменту рода – субклану, который состоял из трех линиджей. Члены субклана обитали в соседних поселках. Подобный родовой могильник известен и на периферии азово-днепровской культуры в лесостепном пограничье у с. Дереивка, где немногочисленные группы азово-днепровского населения жили в окружении местных обитателей-носителей киево-черкасской культуры.

Киево-черкасское население оставило небольшие, до 30 погребений, могильники, которые состояли преимущественно из одного ряда: Вовнигский 1 и 3, Ясиноватский 1, Васильевский 2, Марьевский. Они использовались в течение длительного времени и располагались на небольшом расстоянии друг от друга, образовывая группы. Например, у Вовнигского порога на левом берегу Днепра одновременно функционировали могильники Вовнигский 1 и 3, а также ранняя часть Ясиноватского 1 (Котова Н.С., 1994, с. 71). Близость погребального обряда, включая ориентацию костяков, позволяет предположить, что они принадлежали представителям одного рода. Небольшие отличия в наборе инвентаря и украшениях предполагают соотнесение каждого могильника с местом захоронения членов линиджа, а группу могильников заставляют рассматривать как погребальный комплекс, принадлежащий субклану.

В могильниках, интерпретируемых как родовые, хоронили детей и преимущественно мужчин старческого и зрелого возраста, в основном старше 40 лет (Котова Н.С., 1994, с. 61–63). Захоронения женщин в них были малочисленны и большинство из них были старше 35 лет, т.е. они умерли в возрасте, когда по этнографическим данным наступало вторичное бесплодие (История первобытного общества, 1986, с. 436). Эти женщины могли быть вдовами, вернувшимися в поселок своего линиджа. Единичные молодые женщины из этих могильников, видимо, были незамужними и бездетными.

Кроме рода и его сегментов, важным звеном социальной организации была община. Она представляла собой самоуправляющуюся производственную единицу и социально-бытовой коллектив, объединенный совместным обитанием и состоящий из представителей нескольких родов. Составными частями общины были семьи. К общинным могильникам киево-черкасской культуры, видимо, относятся Собачковский, Чаплинский, Вильнянский (I хронологическая группа). В нижнедонской культуре общинным могильником, вероятно, является Мариупольский, в азово-днепровской – Никольский (раскопки А.В. Бодянского). На периферии азово-днепровской культуры к таким памятникам относится Госпитальный холм. Эти могильники состояли из захоронений, имевших противоположную ориентацию: западную и восточную в культурах Мариупольской обл. или северную и южную в киево-черкасской культуре. В пользу интерпретации могильников как общинных свидетельствует поло-возрастной состав, определенный для Вильнянского могильника и Госпитального холма. В них количество мужчин практически равно числу женщин, а возраст большинства погребенных колеблется от 20 до 35 лет, что свидетельствует о захоронении здесь людей, обеспечивавших биологическое воспроизводство общины.

В неолитических могильниках хорошо прослеживается и половозрастная орга-

низация общества. Оно состоит из индивидов, усвоивших социальные нормы и навыки поведения, характерные для данной человеческой группы, и нашедших свое место в системе социальных связей. Взрослыми обычно считались мужчины с 17–25 лет, женщины могли переходить в эту категорию раньше, вступив в первый брак. Половозрастные группы, как правило, характеризовались различиями в нормах поведения, престиже, привилегиях, что находило отражение в погребальной одежде и инвентаре. У неолитического населения Украины погребальный инвентарь и одежда детей отличались от инвентаря и одежды взрослых. Подростки по инвентарю и украшениям одежды были близки детям. Сходство одежды и инвентаря мужчин и женщин в возрасте 17–20 и 20–35 лет показывает, что, видимо, они переходили в разряд взрослых около 17 лет.

Изучение погребального обряда подтверждает специфику социального статуса людей, состоявших в браке и обеспечивающих воспроизводство общины. Их хоронили на площади общинных могильников, сопровождая разнообразным инвентарем и обряжая в украшенную одежду. Установка на обязательность участия в биосоциальном воспроизводстве коллектива действовала практически в любом обществе вне зависимости от уровня его социально-экономического развития. Полноправным считался человек, обеспечивающий воспроизводство потомства (Гиренко Н.М., 1991, с. 147, 148). Кроме того, существование домашнего хозяйства как экономической единицы, было возможно при сочетании мужского и женского видов деятельности, поэтому только брак давал мужчине и женщине относительную экономическую самостоятельность. Ее не могли достигнуть вдовы и холостяки из-за обязательного поло-возрастного разделения труда. Видимо, неполноправное положение незамужних женщин детородного возраста фиксируют женские погребения без украшений на одежде. Не имели украшений и женщины старше 35 лет, а также большинство мужчин этого возраста.

Изучение могильников позволило предложить реконструкции погребальной одежды различных социальных групп неолитического населения. Основанием для них послужило расположение украшений на костяках. К ним отнесены подвески-нашивки из зубов, костяные пластинки и бусины из различного материала. Украшения, найденные на черепе и рядом с ним, в большинстве случаев лежали в виде горизонтального ряда. Они интерпретируются нами как украшения наголовной ленты или шапочки. Подвески, пластины и бусины, располагавшиеся на шее и вдоль ключиц, рассматривались как крепившиеся к вороту. Украшения, найденные в районе локтей и плечевых костей, отнесены к нашитым на рукава рубахи или платья. Украшения в районе живота и иногда таза связывались с поясом. Подвески или бусины, располагавшиеся в верхней части бедренных костей, соотнесены с подолом рубахи. Украшения в районе берцовых костей и щиколоток интерпретировались как нашитые на подол платья или юбки. Подвески, найденные у стоп или на них, отнесены к украшениям обуви.

В киево-черкасских могильниках основными видами украшений были зубы оленя и рыбы. Лишь в Вовнигском 3 могильнике они дополнялись перламутровыми бусинами (Котова Н.С., Кравченко С.Н., 1992). Для украшения одежды мужчин и детей наиболее типичны зубы оленя. Одежда женщин и подростков чаще украшалась зубами рыбы, менее характерными для мужской одежды. Однако расположение зубов рыбы в виде ряда есть только у взрослых. Единичные экземпляры зубов рыбы найдены в погребениях взрослых и одного подростка. Большинство же подростков и детей сопровождались зубами рыбы, лежавшими бессистемно или собранными в кучку.

В киево-черкасской культуре из 16 детей, костяки которых определены в Вильнянском, Вовнигском 1 и Ясиноватском 1 могильниках, лишь четверо имели украшенную одежду. У трех детей украшениями служили зубы оленя и рыбы, у одного – только зубы оленя. По их расположению на костяках реконструируются следующие элементы костюма. Ребенок 6–7 лет из Вильнянского могильника (р. 37) имел головной убор с нашитыми зубами оленя, к рукавам в районе локтей крепились зубы

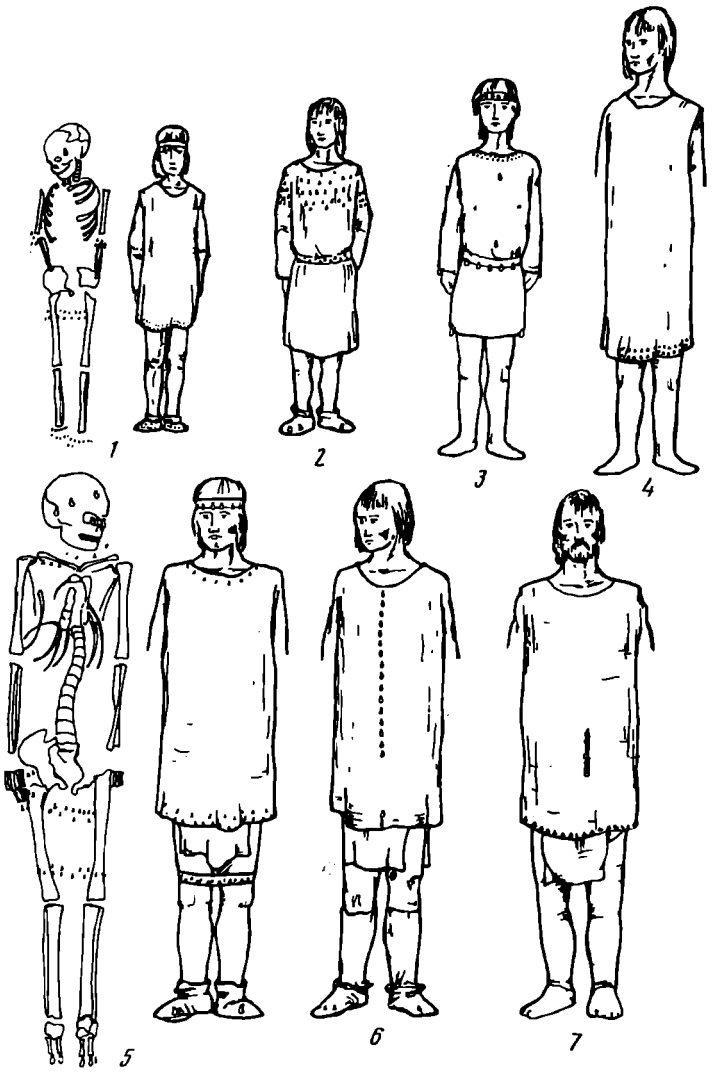


Рис. 2. Погребальная одежда киево-черкасской культуры. Вильнянский могильник: *1* – погр. 37; *3* – погр. 14; *4* – погр. 15; *5* – погр. 20; *6* – погр. 10; *7* – погр. 34; *2* – 56 Ясиноватского 1 могильника

рыбы. Они же украшали подол рубахи и обувь (рис. 2, *1*). Ребенок 7–8 лет из того же могильника (п. 36) имел рубаху с воротом, украшенным зубами рыбы, или ожерелье из них, а также обувь, к которой крепились два зуба оленя. У ребенка из Ясиноватского 1 могильника (п. 56) рубаха была украшена зубами рыбы на груди, верхних частях рукавов, а также на подоле или на поясе рубахи. К его обуви крепились три зуба оленя (рис. 2, *2*). У ребенка из этого же могильника (погр. 40) обувь украшала одна подвеска из зуба оленя.

В Вильнянском, Вовнигском 1 и Ясиноватском 1 могильниках были погребены 16 подростков. Пять из них в Вильнянском могильнике имели украшения. У четырех подростков ими служили зубы рыбы, у одного – единичные зубы оленя. Необычные для детей и подростков украшения имела одежда подростка 10–12 лет в погр. 14. Она включала головной убор с прикрепленными к нему зубами оленя. На ворот рубахи, видимо, были нашиты зубы рыбы. Зубы оленя украшали рубаху на груди и на подоле (рис. 2, *3*). Отметим, что расположение зубов оленя в виде ряда типично лишь для мужских захоронений, а украшенные головные уборы наиболее характерны для одежды взрослых.

У подростка 13–17 лет из погр. 15 подол рубахи был украшен зубами рыбы (рис. 2, *4*). Ими же расшита и нижняя часть рубахи или фартук у подростка 12–13 лет из погр. 12. У подростка 13–14 лет из погребения 6 зубы украшали ворот рубахи.

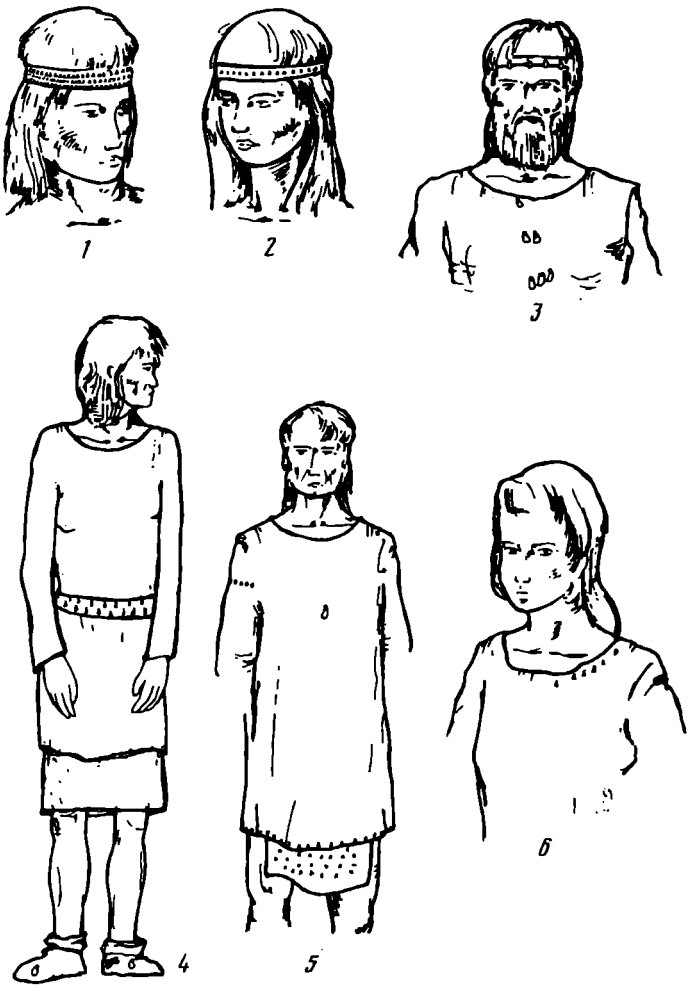


Рис. 3. Погребальная одежда киево-черкасской культуры. Вильнянский могильник: *1* – погр. 31; *2* – погр. 35; *3* – погр. 32; *4* – погр. 29; *6* – погр. 19; *5* – погр. 15 Вовнигского 1 могильника

В возрасте 16–20 лет в киево-черкасских могильниках были похоронены две женщины и двое мужчин. У женщины из погр. 29 Вовнигского 1 могильника зубы рыбы украшали головной убор. Многочисленные украшения имела одежда молодого мужчины из Ясиноватского 1 могильника (погр. 65). У передней части его рубахи, ровно посередине, вертикальной линией крепились зубы оленя. Подол ее был украшен двумя зубами оленя. Зубы рыбы были нашиты на обувь (рис. 2, *б*).

В могильниках Вильнянском, Вовнигском 1, Ясиноватском 1 и Марьевском в возрасте 20–35 лет погребены 14 мужчин. У восьми из них одежда имела украшения. Важно, что шесть мужчин этого возраста с украшенной одеждой были погребены в общинном Вильнянском могильнике. Зубы оленя украшали одежду трех мужчин, столько же мужчин имели украшения из зубов рыбы. На платьях двух покойников зубы оленя сочетались с зубами рыбы. В этих же могильниках десять захоронений принадлежали женщинам в возрасте 20–35 лет. У шести из них одежда имела украшения, причем пять женщин были похоронены в общинном Вильнянском могильнике. В четырех случаях погребальную одежду украшали зубы рыбы, в одном случае – зубы оленя, в другом – сочетание единичных зубов оленя и рыбы.

Украшенные головные уборы имели трое мужчин и одна женщина из Вильнянского могильника. У двух мужчин (погр. 20, 28) к нему крепились зубы оленя, у мужчины из погр. 31 и у женщины из погр. 25 его украшали зубы рыбы (рис. 3, *1*). Ворот рубахи был украшен зубами рыбы у двух мужчин (погр. 20 Вильнянского и п. 6 Марьевского могильников) и у одной женщины из погр. 19 Вильнянского могильника (рис. 3, *6*).

Зубы рыбы украшали верхнюю часть рукавов в мужском погр. 15 (рис. 3, *5*), левый рукав в женском погр. 4 Вовнигского 1 могильника.

К передней части рубахи крепились по одному зубу оленя у мужчин из Вовнигского 1 могильника (погр. 15) и у женщины из Вильнянского могильника (погр. 9). Скопление зубов рыбы (возможно, остатки ожерелья) лежало на правой стороне грудной клетки у мужчины из Вильнянского могильника (погр. 31). На поясе украшения из зубов оленя имел мужчина (погр. 8), а из зубов рыбы – женщина (погр. 29), погребенные в этом же могильнике (рис. 3, *4*). Возможно, концы пояса были расшиты зубами рыбы у женщины из погр. 16 этого же могильника. От них сохранилась кучка зубов рыбы в левой половине таза.

Подол рубахи фиксируется по зубам рыбы, располагавшимся в ряд в верхней части бедер мужских костяков погр. 10 и 20 Вильнянского могильника, а также по двум подвескам из зубов оленя в мужском погр. 28 этого же могильника. У мужчины из Вовнигского 1 могильника (погр. 15) зубами рыбы был, видимо, расшит не только подол рубахи, но и юбка или факт, закрывавший бедра и доходивший до колен (рис. 3, *5*). Украшенную подвесками из зубов оленя обувь имели трое мужчин и одна женщина из Вильнянского могильника (погр. 9, 28, 29, 34).

В возрасте 35–55 лет в указанных могильниках похоронены 19 мужчин. У девяти из них погребальная одежда имела украшения. Интересно, что лишь 4 из 19 мужчин этого возраста погребены в общинном Вильнянском могильнике, и все они имели украшения погребальной одежды. Подвески из зубов оленя украшали одежду четырех мужчин, зубы рыбы – двух. В трех случаях на одежде были зубы оленя и рыбы.

У четырех мужчин этого возраста был украшен головной убор. В погр. 25, 26, 32 Вильнянского могильника к нему крепились зубы оленя, в погр. 25 Вовнигского 1 могильника на него нашиты зубы рыбы.

У мужчины из Марьевского могильника (погр. 10) ворот рубахи был украшен зубами рыбы. Украшениями верхней части рубахи служили зубы оленя у мужчины из погр. 32 и 40 Вильнянского могильника. Не исключено, однако, что в данных случаях мы имеем дело с остатками бус.

В указанных могильниках было четыре женщины зрелого возраста, одежда их не имела украшений.

В старческом возрасте в киево-черкасских могильниках похоронены четверо мужчин и три женщины. Лишь у одного мужчины из Вовнигского 1 могильника (погр. 27), видимо, на подол рубахи были нашиты зубы рыбы.

В азово-днепровской культуре возможности для реконструкции представляют материалы ее первого периода. Захоронения второго периода производились в больших ямах, используемых в течение длительного времени для подзахоронений. В результате большинство костяков Ясиноватского 1, Никольского и Лысогорского могильников сильно разрушены. Таким образом, в нашем распоряжении были только материалы Васильевского 5 и Вовнигского 2 могильников, а также ранней части Никольского могильника, для последнего нет чертежей с расположением предметов на костяках.

Во второй половине V тыс. до н.э. азово-днепровское население украшало погребальную одежду зубами оленя и рыбы, реже – перламутровыми и каменными бусинами. Однако в Васильевском 5 могильнике украшения не найдены. Это связано, видимо, с его принадлежностью роду, члены которого хоронили умерших головой на восток. Для его погребальных традиций не характерны украшения из зубов оленя и рыбы.

Судя по материалам Вовнигского 2 и Никольского могильников, где известно 24 детских захоронения, около 40% детей (девять костяков) имели богато украшенную одежду. У шести из них украшения были не стандартными. У трех детей из Вовнигского 2 могильника (погр. 9, 10, 17) одежда была украшена многочисленными (более 100 шт.) перламутровыми бусинами. В погр. 121 этого же могильника к одежде крепились редкие в азово-днепровской культуре ряды зубов рыбы (рис. 4, *12*). В погр. 34 и 8 Никольского могильника найдены каменные бусины.

Рис. 4. Погребальная одежда азово-днепровской культуры. Вовнигский 2 могильник: *1* – погр. 9; *2* – погр. 121; *3* – погр. 73; *4* – 74; *5* – погр. 49 Дереивского могильника; *6* – погр. 45 Ясиноватского 1 могильника

В целом, украшенный головной убор имели три ребенка. В погр. 121 Вовнигского 2 могильника на него были нашиты зубы рыбы, в погр. 17 – перламутровые бусины. В погр. 4 Никольского могильника его украшали зубы оленя и одна каменная бусина. Украшением ворота рубахи или ожерельем служили зубы оленя в погр. 4 и две каменные бусины в погр. 8 Никольского могильника. Средняя часть рубахи или платья была украшена у четырех детей из Вовнигского 2 могильника. В погр. 16 к этому украшению крепилась одна подвеска из зубов оленя. У младенца из погр. 115 на рубаху были нашиты зубы рыбы. У детей из погр. 10 и 17 ее украшали перламутровые бусины. Украшенный пояс четко фиксируется только у ребенка из погр. 21, где к нему крепились зубы рыбы. К остаткам пояса или подола рубахи могут относиться перламутровые бусины, найденные на тазе у ребенка из погр. 17. Видимо подол платья или юбки украшали перламутровые бусины, располагавшиеся у берцовых костей погр. 9 (рис. 4, *1*). У ребенка из погр. 121 подол одежды, украшенный зубами рыбы, достигал щиколоток (рис. 4, *2*).

В Вовнигском 2 могильнике найдены один мужской костяк в возрасте 17–25 лет и 16 костяков, принадлежавших мужчинам в возрасте 20–35 лет. Восемь из них имели украшенную одежду. У одного мужчины к ней крепились зубы оленя, у пяти – зубы

рыбы. В погр. 56 кроме зубов рыбы найдена цилиндрическая бусина из известняка. Три скелета этого могильника (погр. 58, 73, 74) были предположительно определены как женские. Однако они сопровождались подвесками из зубов оленя и рыбы, отсутствующими в погребениях, которые антропологи с уверенностью отнесли к числу женских. Вероятно, данные костяки все-таки принадлежали мужчинам.

Украшенный зубами рыбы головной убор был у мужчины 17–25 лет (п. 53) и двух мужчин 20–35 лет (погр. 112, 124), у четырех мужчин на него были нашиты зубы оленя (погр. 33, 36, 58, 73) (рис. 4, *3*). В погр. 74 головной убор украшало сочетание зубов оленя и перламутровых бусин (рис. 4, *4*).

Ворот рубахи в погр. 35 был расшит зубами рыбы. В четырех мужских погребениях зубы рыбы крепились к рубахе на груди (погр. 56, 58, 75, 91). В одном случае (погр. 58) подол рубахи был украшен зубами рыбы и оленя.

Среди не разрушенных погребений второго периода азово-днепровской культуры удалось реконструировать плечевую одежду мужчины 20–35 лет из Ясиноватского 1 могильника (погр. 45). Практически по всему длинному левому рукаву его рубаху были нашиты пластины из клыков кабана. Одна из таких пластин крепилась сзади к поясу (рис. 4, *6*).

На периферии азово-днепровской культуры, в лесостепном пограничье, раскопан Дереивский могильник, где исследовано более 150 неолитических погребений (Телегин Д.Я., 1991). Лишь в четырех погребениях (двух мужчин зрелого и двух мужчин старческого возраста) найдены украшения. Мужчина 40–45 лет (погр. 41) был похоронен в позе "сидя" вне основного ряда захоронений, его головной убор был украшен пластинкой из клыка кабана. У мужчины 38–40 лет (погр. 49) одежда была украшена зубами рыбы и оленя, пластиной из клыка кабана и костяной бусиной (рис. 4, *5*). Украшения из немногочисленных зубов оленя и рыбы, расположение которых на одежде не реконструируется, найдены в погребениях мужчин старческого возраста (погр. 4 и 5).

Погребальная одежда населения нижнедонской культуры, оставившего Мариупольский могильник, отличается разнообразными и многочисленными украшениями. К эпохе неолита в Мариупольском могильнике относятся 130 трупоположений и 1 трупосожжение. По определению Н.Е. Макаренко, 11 костяков принадлежали детям. Из 119 взрослых захоронений 52 костяка имели украшения: морские раковины с отверстием (9), костяные подвески (10), зубы барсука, лисы (?), бобра (?), волка или собаки (9), пластины из клыка кабана (24), расщепленные клыки кабана с отверстиями (9), бусины из гешира (4), подвески из камня (2), камня и раковины (1), зубы оленя (9), зубы рыбы (4), перламутровые бусины (29), костяные бусины (29 костяков).

Головной убор погребенных, видимо, представлял собой наголовную ленту. У семи человек она была украшена. В трех случаях на ленту были нашиты пластины из клыка кабана (рис. 5, *4*), у четырех – расщепленные клыки кабана с отверстиями. На трех головных уборах острые концы клыков сходились надо лбом и лишь на одной ленте острые концы клыков были направлены в сторону затылка (рис. 5, *3, 5, 6*). Один головной убор, видимо, был расшит зубами барсука (погр. 39).

Три костяка в могильнике были либо накрыты покрывалом, украшенным по всей поверхности, либо украшения имела вся их одежда. В погр. 67 на всем костяке встречались костяные и перламутровые бусины, в погр. 57 – перламутровые бусины, в погр. 58 – зубы рыбы.

Плечевую одежду нижнедонского населения можно реконструировать как глухую рубаху. Иногда ворот был украшен пластинами из клыка кабана (погр. 20) или расщепленными клыками (погр. 56, 74, 83) (рис. 5, *8*). У взрослого из погр. 50 расщепленный клык кабана был дополнен перламутровыми бусинами (рис. 5, *5*). Во многих погребениях, видимо, была украшена передняя часть рубахи до пояса. Она расшивалась зубами оленя (погр. 111, 117, 122, 123) и рыбы (погр. 28, 59), перламутровыми бусинами (погр. 6, 18, 49, 55, 87), сочетанием перламутровых и костяных бусин (погр. 13, 58, 66, 83, 89, 97, 103).

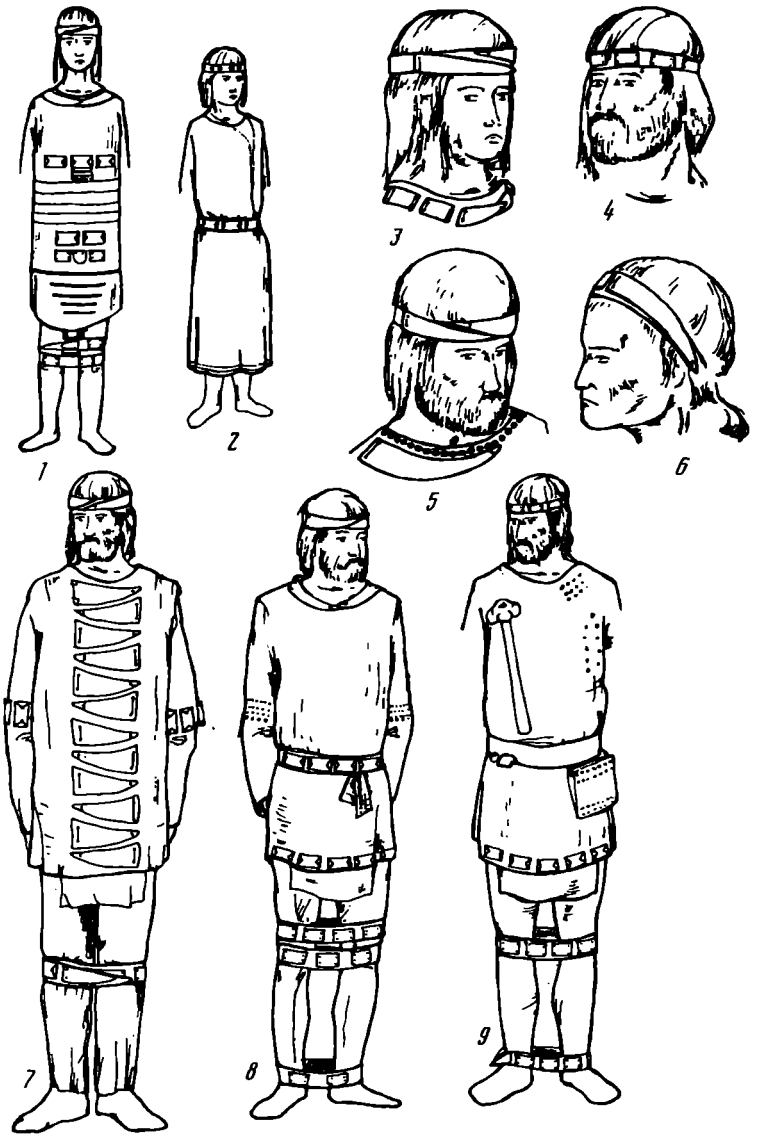


Рис. 5. Погребальная одежда нижнедонской культуры по материалам Мариупольского могильника: *1* – погр. 50 (детское); *2* – погр. 54; *3* – погр. 30А; *4*, *9* – погр. 8; *5* – погр. 50 (взрослое); *6* – погр. 74; *7* – погр. 6; *8* – погр. 56

О существовании длинных рукавов рубахи свидетельствуют перламутровые бусины (погр. 4, 33, 47) и пластины из клыка кабана (погр. 6), окружавшие руки в районе локтевого сустава (рис. 5, *7*). В погр. 56 на плечевых костях и вокруг локтей располагались перламутровые и костяные бусины (рис. 5, *8*). В погр. 4 перламутровыми бусинами был, видимо, украшен также низ правого рукава. Не исключено, однако, что в данном случае сохранились остатки браслета из бусин.

Судя по расположению украшений, подол рубахи приходился на верхнюю часть бедер и часто расшивался пластинами из клыка кабана (погр. 4, 8, 44, 54, 56) (рис. 5). В погр. 74 пластины дополнялись перламутровыми бусинами. В погр. 45 передняя часть подола рубахи украшена костяными бусинами.

В ряде случаев рубаха была подпоясана украшенным поясом. На него нашивались пластины из клыка кабана (погр. 28, 53). Иногда они дополнялись костяными (погр. 86) или перламутровыми бусинами (погр. 18, 44, 49), а также их сочетанием (погр. 13, 61). Интересно, что в погреб. 56 и 61 перламутровыми бусинами были украшены свисавшие к тазу концы пояса (рис. 5, *8*). Иногда в центре пояса располагались одна или

две пластины из клыка кабана (погр. 23, 64, 82). В погр. 18 и 49 они были дополнены перламутровыми бусинами, в погр. 83 – костяными и перламутровыми бусинами.

У семи взрослых ноги на уровне колен были, видимо, стянуты ремнем с нашитыми на него пластинами из клыка кабана (погр. 6, 8, 20, 44, 55, 56, 124) (рис. 5, 7–9). В погр. 124 концы ремня, возможно, украшались перламутровыми бусинами, которые кучкой лежали на коленях. У двух взрослых (погр. 8, 56) ноги в районе щиколоток были стянуты ремнями, с нашитыми на них пластинами (рис. 5, 8, 9).

В Мариупольском могильнике в 7 из 11 детских погребений были украшения. На черепах трех детей (погр. 30А, 50, 109) располагались клыки кабана, которые крепились к головному убору (рис. 5, *1*, *3*). Острые концы клыков сходились надо лбом. В погр. 54 к наголовной ленте крепились пластины из клыка кабана (рис. 5, *2*). В погр. 104 головной убор украшали зубы оленя.

Довольно разнообразно оформление ворота детской одежды. К нему могли крепиться клыки кабана: один клык в погр. 104 и два клыка в погр. 50 (рис. 5, *1*). В погр. 30А на ворот были нашиты пластины из клыка кабана (рис. 5, *3*). В погр. 54 интересно расположение перламутровых бусин. Две их нити лежали параллельно в левой части тулова. Третья нитка по диагонали подходила к концу правой из них. Возможно, они оформляли разрез рубахи, но не исключено, что в данном случае мы видим остатки ожерелья, сдвинувшегося влево при засыпке погребенного землей (рис. 5, *2*). В двух погребениях украшения найдены в нижней части груди и на животе. В погр. 30А на переднюю часть рубахи были нашиты расколотые клыки кабана, в погр. 50 – перламутровые и костяные бусины (рис. 5, *1*).

По нашему предположению, украшения, лежавшие в ряд в нижней части таза или в верхней части бедер, фиксируют подол рубахи. В погр. 101 к подолу крепились пластины из клыка кабана, в погр. 50 – пластины и костяные бусины. В погр. 77 подол был украшен сочетанием пластин из клыка кабана и перламутровыми бусинами.

Лишь в одном детском погребении (погр. 54) по украшениям фиксировался подол длинной рубахи или юбки. К нему крепились перламутровые бусины, располагавшиеся в нижней части берцовых костей (рис. 5, *2*). В погр. 109 по всему детскому костяку встречались костяные и перламутровые бусины. Это позволяет предположить, что ими был украшен весь погребальный костюм ребенка. Лишь у одного ребенка (погр. 50) колени были стянуты ремнем, который реконструируется по нашитым на него пластинам из клыка кабана (рис. 5, *1*).

Трое детей имели украшенный пояс. В погр. 77 он был расшит костяными бусинами, в погр. 105 – сочетанием перламутровых и костяных бусин. На наиболее богато украшенном поясе (погр. 30А) располагались пластины из клыка кабана, перламутровые и костяные бусины.

Материалы неолитических могильников Украины позволяют проследить взаимовлияние традиций различных групп населения, нашедших свое отражение в украшениях погребальной одежды. Так, само формирование азово-днепровской культуры связано с миграцией группы нижнедонского населения из северного Приазовья в степное Поднепровье и бассейн р. Молочной. Жизнь на новой территории в окружении местного сурского населения привела к изменению традиций и сложению, в конечном счете, азово-днепровской культуры. Этот процесс сопровождался упрощением погребальной одежды, которое проявилось в сокращении набора украшений и уменьшении их количества. Азово-днепровское население значительно реже, чем нижнедонское, использовало украшения из клыка кабана, перламутра, кости и камня.

В украшениях погребальной одежды отразилось также влияние степного азово-днепровского населения на традиции лесостепных обитателей – носителей киево-черкасской культуры. Так, в целом киево-черкасское население не использовало для украшения погребальной одежды перламутровые бусины. Однако они встречены в киево-черкасских захоронениях Ясиноватского 2 могильника и Дереивского могильника (погр. 47). Необходимо отметить, что тесные контакты киево-черкасского и азово-

днепровского населения фиксируются с конца V тыс. до н.э. до третьей четверти IV тыс. до н.э. Азово-днепровское влияние четко прослеживается на керамике киево-черкасского населения, в которой проявляются сосуды с орнаментом из длинных гребенчатых и так называемых "шагающих" гребенчатых оттисков, а также сосуды с воротничками. Это влияние нашло отражение и в погребальном обряде. Так, группа киево-черкасского населения, оставившая Вильнянский могильник, на короткий период заимствовала азово-днепровскую традицию множественных захоронений в больших ямах (Котова Н.С., 1994, с. 57, 58). Видимо, результатом контактов с азово-днепровским населением является и использование отдельными киево-черкасскими группами перламутровых бусин для украшения погребальной одежды.

Материалы новых памятников, в том числе исследующийся в последние годы могильник на Мамай-горе у г. Каменка-Днепровская Запорожской обл. помогут уточнить различные детали в предложенных выше реконструкциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богатырев П.Г., 1971. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Вопросы теории народного искусства. М.

Бодянский А.В., Котова Н.С., 1994. Вовнигский 2 поздненеолитический могильник // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населения Украіни. Вип. 1. Луцьк.

Гиренко Н.М., 1991. Социология племени. Л.

Журавльов О.П., Котова Н.С., 1996. Тваринництво неолітичного населення Украіни // Археологія. № 2.

История первобытного общества, 1986. М.

Ковалева И.Ф., 1984. Нео-энеолитический могильник "Госпитальный холм" (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Котова Н.С., 1994. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье) // Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населения Украіни. Вип. 1. Луцьк.

Котова Н.С., Кравченко С.Н., 1992. Новые неолитические могильники в Надпорожье // Неолитические памятники степной Украины. Киев.

Макаренко М., 1933. Маріюпільський могильник. Київ.

Погожева А.П., 1983. Антропоморфная пластина Триполья. Новосибирск.

Равдоникас Т.Д., 1990. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л.

Субботин Л.В., 1983. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев.

Телегин Д.Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев.

Цалкин В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.

Die hetyhen tage vonotzi, 1993 // Stern. 34.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

N.S. KOTOVA, O.V. TUBOLTSEV

THE RECONSTRUCTION OF FUNERAL CLOTHES OF UKRAINE NEOLITHIC POPULATION

Summary

The paper offers the reconstruction of the funeral clothes used by Ukraine Neolithic population in the second half of the 5th – third quarter of the 4th millennium BC. The authors have used numerous materials found in subsoil burial grounds of the Dnieper Region and the Azov Sea maritime region that are attributed to three cultures: the Low Don culture (Northern Azov Sea maritime region), the Azov Sea-Dnieper culture (the Steppe Dnieper region) and the Kiev-Cherkassk culture (the North of the steppe and south of the forest-steppe Dnieper Region). Historical data and the study of regular features in the placement of jewelry on skeletons have made it possible to offer possible variants of funeral clothes of various cultural and social groups belonging to the Ukrainian population in the Neolithic.

Б.А. ШРАМКО

ГЛИНЯНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

Активное археологическое изучение культуры населения, обитавшего на юге Восточной Европы в раннем железном веке, началось с раскопок скифских курганов и, хотя вскоре стало известно о существовании в лесостепи поселений, одновременных с этими курганами, изучению их длительное время не уделяли должного внимания (Спицын А.А., 1918, с. 143), что создавало весьма одностороннее представление о культуре обитателей лесостепной зоны (Моруженко А.О., 1967). Только в 1940–1950-х годах нынешнего столетия вновь начались раскопки лесостепных поселений и уже первые исследования позволили сделать важные выводы о сложности этнического состава и своеобразии культуры населения лесостепи скифской эпохи (Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954). Дальнейшие раскопки лесостепных поселений значительно расширили представления о хозяйстве и культуре местного населения, о его связях с соседними племенами, о процессе сложения и развития культуры оседлых земледельцев лесостепной Скифии и т.д. Одновременно обнаружились и значительные пробелы в этих исследованиях, ощущалась потребность в новых материалах.

Большое количество таких материалов дали раскопки на крупнейшем в Европе городище скифского времени у с. Бельск Полтавской обл. Многолетние систематические раскопки больших площадей позволили выявить здесь среди разнообразных артефактов VII–III вв. до н.э. такие, которые образуют новый вид источников, представляющих большой интерес для изучения культуры и духовной жизни лесостепных земледельцев. Речь идет о глиняных скульптурках, связанных с определенными религиозными ритуалами. Миниатюрные, преимущественно зооморфные скульптуры изредка встречались и раньше, но в небольшом количестве и обычно в виде маловыразительных обломков. Одиночность и фрагментированность большинства находок не только не позволяли четко выделить их в особую, поддающуюся типологической классификации, группу археологических источников, но даже создавали впечатление о том, что такие глиняные скульптуры нетипичны для раннего железного века (Формозов А.А., 1983, с. 7). Видимо поэтому они не вызывали большого интереса у исследователей и в публикациях рассматривались обычно как своеобразные иллюстрации, дополняющие остеологический материал и отражающие состав стада домашних животных. А так как местное население считалось скифским, то зооморфные фигурки обычно определялись как фигурки лошадок, "коники", которые подчеркивали важную роль коневодства в хозяйстве скифов. Новые раскопки на лесостепных поселениях дали обширный и разнообразный материал, позволивший по-новому взглянуть на значения миниатюрных глиняных скульптур. Внимание исследователей к ним увеличилось, а некоторым были посвящены даже специальные статьи. В одной из работ была сделана попытка обобщить и подвергнуть типологической классификации находки, сделанные до 1983 г., преимущественно при раскопках на Бельском городище, где были найдены остатки святилищ и большое количество культовых предметов (Шрамко Б.А., 1985, с. 3–39). Уже тогда было выделено 5 групп глиняных скульптур: 1) антропоморфные, 2) зооморфные, 3) орнитоморфные, 4) изображения фантастических существ, 5) изображения различных предметов. Однако и эта статья и другие работы не охватывали весь материал. Кроме

© Б.А. Шрамко, 1999 г.

того, в последующие годы как на Бельском городище, так и на других лесостепных поселениях удалось найти еще не мало новых глиняных скульптур, которые расширяют сведения об этой группе источников и одновременно требуют более точного определения места этих источников среди древностей раннего железного века (Мелюкова А.И., 1961, с. 20–22; Пузикова А.И., 1969, с. 67; Поболь Л.Д., 1961, с. 151; Березанська С.С., 1956, с. 49; Смирнова Г.И., 1986, с. 137; Шкурко А.Н., 1982, с. 3–8; Крушельницька Л.І., 1976, с. 49; Малеев Ю.Н., 1989, с. 77; Радієвська Т.М., 1989, с. 89; Кулатова І.М., Супруненко О.Б., 1995, с. 63; Приходнюк О.М., 1995; с. 101; Полидович Ю.Б., 1996, с. 339; Светлична Є.В., 1996, с. 153; Скорый С.А., Бессонова С.С., 1996, с. 226; Гейко А.В., 1996, с. 244 и др.). Выяснилось, что обстоятельства, при которых находят эти миниатюрные глиняные скульптуры и сопровождающие их глиняные ритуальные предметы в виде маленьких сосудиков, глиняных лепешек ("хлебцов"), колесиков, звездочек и т.п., различны. Чаще всего и в большом количестве они встречаются там, где имеются жертвенники и следы существования каких-то общих (племенных, родовых или общинных) святилищ, в деталях устройства каждого из которых много своеобразного.

На Восточном укреплении Бельского городища места расположения святилищ выявляются главным образом по скоплениям глиняных жертвенников и культовых предметов (Шрамко Б.А., 1985). Для этого поселения характерны небольшие круглые жертвенники, которые сооружались из глины прямо на поверхности земли или на невысоком столбообразном земляном основании. Они обжигались, а верхняя поверхность окрашивалась меловым раствором. Никакой орнаментации они не имеют. Около жертвенников обычно расположены ямы, в заполнении которых, наряду с обломками глиняной посуды и костей животных, встречается много культовых предметов. Не совсем ясно как эти жертвенники использовались. Возможно здесь совершались какие-то возлияния, сопровождающие обычно обряды, связанные с земледельческими культами плодородия. Во всяком случае на побеленной поверхности этих жертвенников ни разу не были зафиксированы следы возжигания и длительного горения огня. Нет здесь и скоплений золы, которые известны в других местах, где найдены жертвенники и культовые глиняные скульптуры: например, на городище у с. Караван (Шрамко Б.А., 1957) или на Западном укреплении Бельского городища, на котором зафиксировано более 50 зольников. При раскопках последних обнаружены остатки жертвенников иного типа со сложной орнаментацией (Городцов В.А., 1911, с. 114; Андриенко В.П., 1974; Бессонова С.С., 1996), а также большой каменный жертвенник (Шрамко И.Б., 1994, с. 191). В насыпях зольников часто встречаются остатки жертвоприношений, следы сожжения растительных веществ и животных. Образовывались зольники постепенно, иногда на местах заброшенных жилищ, на местах кострищ, очагов и вообще были явно связаны с культом огня, но не только с ним.

Ни причерноморские скифы, верования которых описал Геродот, ни лесостепные земледельцы скифской эпохи не были зороастрийцами, у которых огонь превращен в абсолют и является воплощением верховного бога света Ахура-Мазды, а предметом поклонения является как сам огонь, так и все, что с ним связано, в частности очаг и зола. Зороастризм, как своеобразная религия древних иранцев, оформился намного позже появления зольников на юге Восточной Европы. Здесь они известны как памятники, связанные с культом плодородия, еще с бронзового века (Березанська С.С., Тітенко Г.Т., 1954, с. 119; Смирнова Г.И., 1957, с. 58; 1977, с. 94; Шарафутдинова И.Н., 1986, с. 92; Полидович Ю.Б., 1989 и др.), а в лесостепной Скифии по крайней мере с VIII–VII вв. до н.э. получили у некоторых племен широкое распространение. Ритуальное использование огня жителями лесостепной Скифии общеизвестно и фиксируется в разных вариантах: наряду с трупоположением существует обряд трупосожжения, огневого очищения места строительства или места погребения, сожжение деревянного могильного сооружения и т.п. Зольники встречены не только на поселениях, но и под насыпями курганов. Так, в могильнике Скоробор в зольнике под курганом № 2 обнаружены следы жертвенного сожжения животных в виде

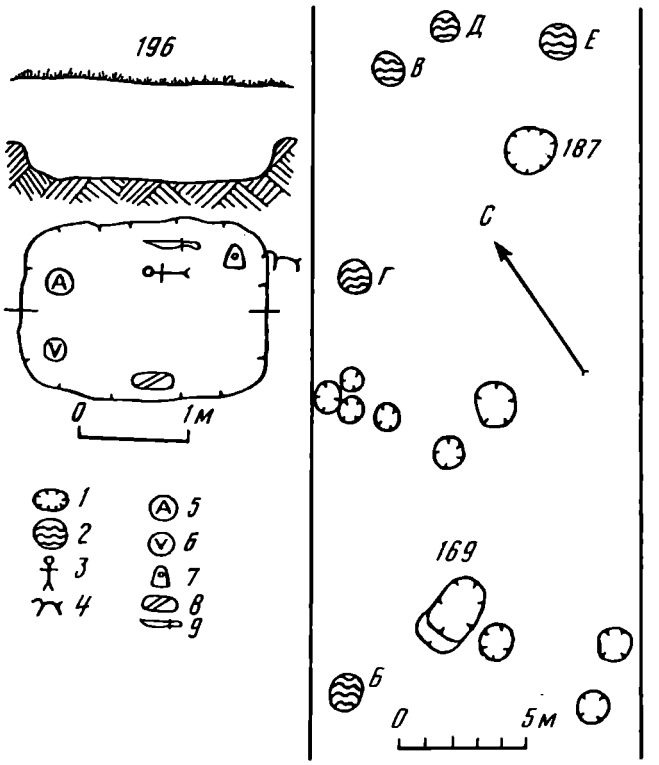


Рис. 1. Схема части раскопа № 30 – 1985 г. на Восточном укреплении Бельского городища

1 – ямы; *2* – жертвенники; *3* – антропоморфные статуэтки; *4* – зооморфные статуэтки; *5* – фрагменты античной керамики; *6* – разные культовые предметы; *7* – глиняные конусы; *8* – камень-терочник; *9* – нож

обломков кальцинированных костей, зубов и пучков недогоревшей шерсти (Шрамко Б.А., 1994, с. 103–107). Аналогичная картина сожжения стеблей пшеницы с зернами в колосьях открылась при раскопках кургана с погребением VI в. до н.э. в урочище Осняги (Городцов В.А., 1911, с. 128). Одновременные находки обугленных зерен и глиняных изображений зерен в целом ряде других зольников скифского времени на Западном укреплении Бельского городища (№ 11 – 1958 г., № 19 – 1967 и 1968 гг.), на селище Шелковая и др. весьма показательны. Если процесс сожжения растений или животных можно рассматривать как средство установления связи с богами, как своеобразный способ "кормления" богов, то находки в тех же зольниках разного рода глиняных скульптур свидетельствуют о том, что у земледельцев лесостепной Скифии зольники связаны не только с культом огня, но и с культом плодородия, который при совершении различных ритуальных действий требовал применения глиняных скульптур. Последние могли либо заменять жертвы, либо быть символами (атрибутами) богов, либо играть роль вотивных изделий, напоминающих богам о каких-то просьбах.

Крупные скопления разного рода глиняных скульптур обнаружены в 1985–1986 и 1990 гг. в раскопках № 30 и 33 на Восточном укреплении Бельского городища. Раскоп № 30 – один из самых больших. В 1986 г. общая вскрытая площадь здесь достигала 11864 м^2. Были обнаружены остатки жилищ с каркасными глиняными печами, хлев, погребки, ямы различного назначения и остатки святилища оригинальной конструкции с деревянными колоннами и глиняными жертвенниками (Бойко Ю.Н., 1990, с. 52–65). Наличие в лесостепи и других культовых сооружений, функционирование которых опиралось на систему календарно-астрономических наблюдений (Смирнова Г.И., 1991, с. 77; Марченко Г.Е., 1991, с. 83), свидетельствует о существовании у лесостепных земледельцев довольно обширных астрономических знаний и определенных космогонических представлений, которые должны были найти какое-то отражение и в об-

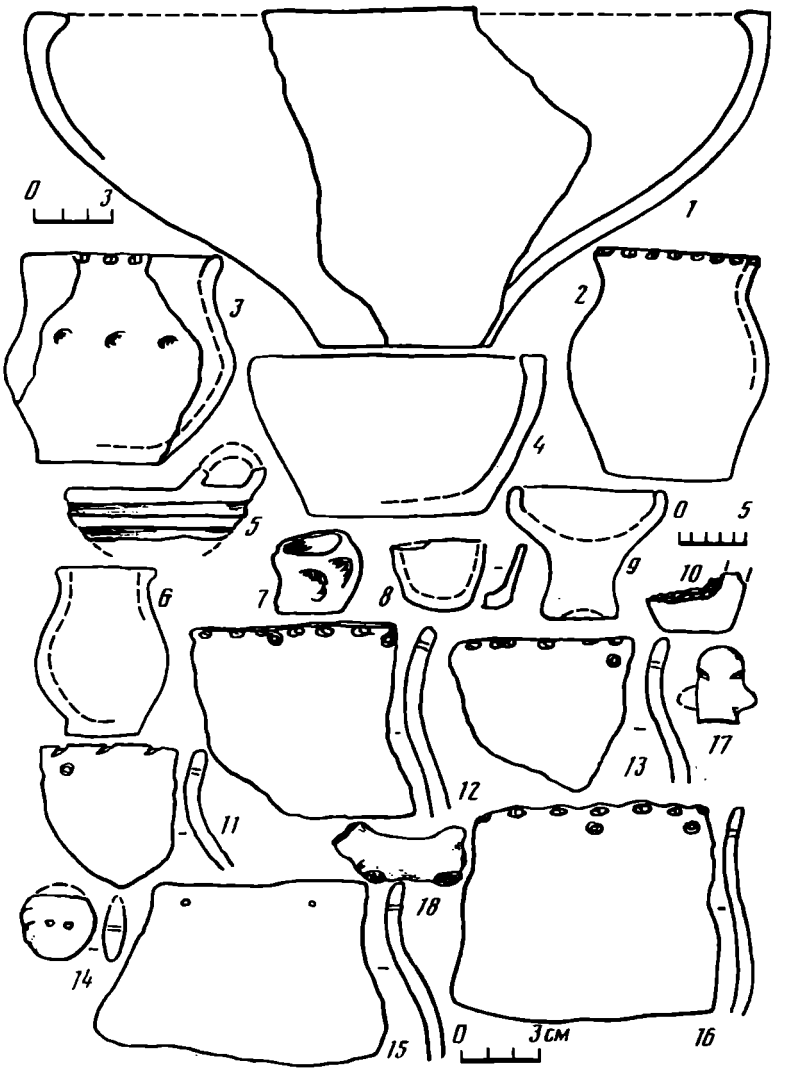


Рис. 2. Находки в раскопе № 30 – 1985 г. на Восточном укреплении Бельского городища и на городище у с. Караван.
1, 4 – миски; *2–3, 11–13, 15, 16* – горшки; *5* – светильник с ручкой; *6–9* – культовые сосудики; *10* – обломок тигля; *14* – "пуговица"; *17, 18* – статуэтки из святилища на городище Караван. Материал – керамика

ласти культовых изображений. Это заставляет более внимательно отнестись и к миниатюрной глиняной пластике, которая встречается на местных поселениях.

В северо-восточной части раскопа № 30 – 1985 года, к северу от упомянутого выше святилища на Восточном укреплении, на глубине 40 см была обнаружена прямоугольная яма № 196 (рис. 1). Размеры ее 2,0 × 1,5 м при глубине 0,8 м. В черноземном заполнении ямы и в стратиграфически связанном с ней окружающем культурном слое обнаружено довольно много находок, которые датируются в основном IV в. до н.э. Преобладают обломки лепных слабопрофилированных горшков, венчики которых украшены пальцевыми вдавлениями, насечками, проколами (рис. 2, *2, 3, 11–13, 15, 16*). Реже встречаются миски с загнутым внутрь краем (рис. 2, *1, 4*). Обычны глиняные пряслица, глиняные конусы. Найден обломок тигля с остатками бронзолитейного шлака (рис. 2, *10*). Глиняные светильники чаще имеют рюмкообразную форму (рис. 2, *9*), но один сделан в виде плошки с небольшой ручкой (рис. 2, *5*). Античная керамика представлена преимущественно обломками амфор IV в. до н.э. (Онайко Н.А., 1970, с. 109–111). Среди металлических изделий имеются железные

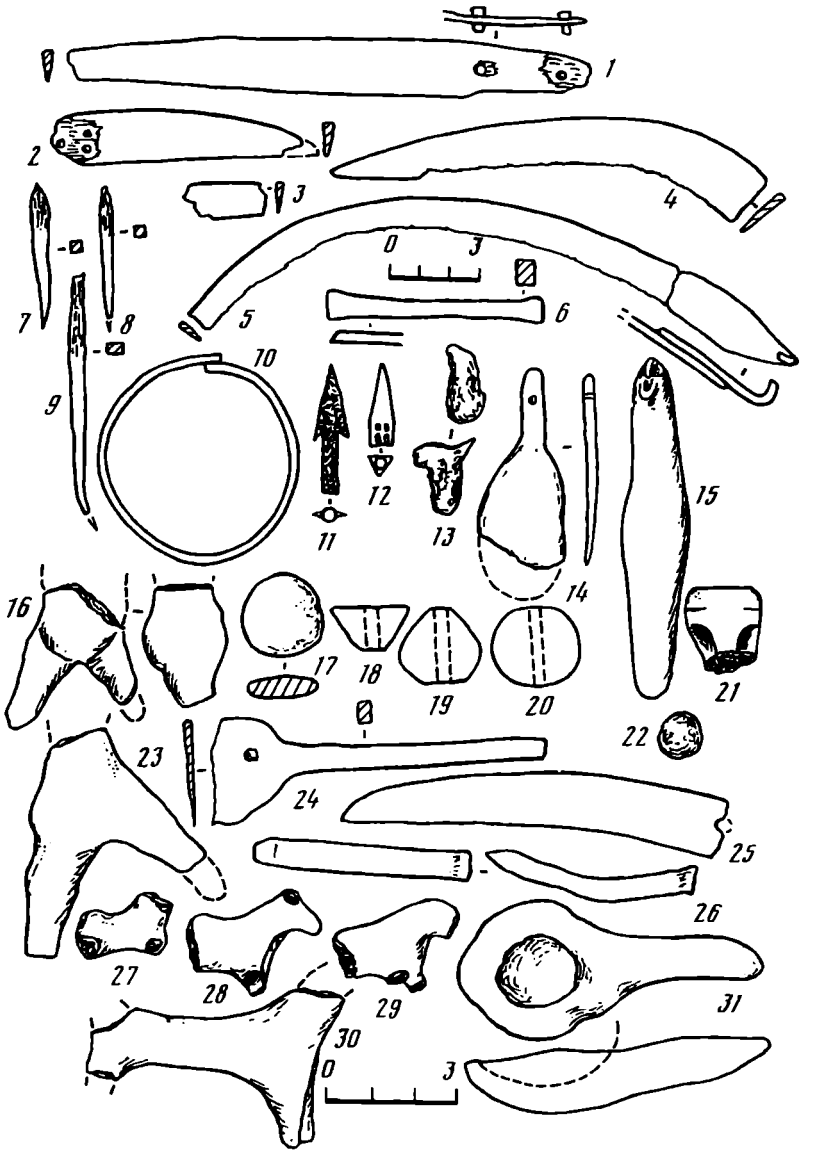


Рис. 3. Находки в раскопе № 30 – 1985 г. Восточное Бельское городище
1–3 – ножи; *4, 5, 25* – серпы; *6* – долотце; *7–9* – шилья; *10* – браслет; *11, 12* – наконечники стрел; *13* – слиток; *14, 31* – культовые ложки; *15* – фаллическое изображение (?); *16, 21, 23* – обломки статуэток; *22* – модель семени гороха; *17* – лепешка; *18–20* – пряслица; *24* – оболомок пилы; *26* – зубило; *27–30* – зооморфные статуэтки. Материал: *1–11, 24–26* – железо; *12, 13* – бронза; *14* – кость, остальное – керамика

ножи (рис. 3, *1–3*), шилья (рис. 3, *7–9*), зубильце (рис. 3, *26*), долотце (рис. 3, *6*), серпы (рис. 3, *4, 5*), обломок пилы (рис. 3, *24*), железный браслет (рис. 3, *10*), бронзовый слиток (рис. 3, *13*), железный и бронзовый наконечники стрел (рис. 3, *11, 12*). К культовым предметам относятся: миниатюрные сосудики (рис. 2, *7, 8*), глиняные лепешки ("хлебцы") – (рис. 3, *17*), глиняная модель семени бобового растения (рис. 3, *22*), три обломка зооморфных статуэток (рис. 3, *27–29*) и обломок антропоморфной статуэтки (рис. 3, *23*).

В самой яме № 196, кроме хозяйственно-бытовых остатков в виде обломков глиняной посуды, двух пряслиц, обломка ножа (рис. 3, *3*), обломка глиняного конуса, куска мела, куска красной охры, зуба коровы и пр., найдены два миниатюрных сосудика (рис. 2, *7, 8*), глиняный предмет веретенообразной формы с изображением головы

человека на одном конце (рис. 3, *15*), два обломка глиняных статуэток, из которых одна изображала беременную женщину (рис. 3, *16*), а другая – какое-то животное (рис. 3, *10*).

К юго-западу от ямы № 196 были обнаружены остатки семи круглых глиняных жертвенников, из которых четыре (В, Г, Д, Е) располагались компактно, дугообразно охватывая яму № 187 (рис. 1), в черноземном заполнении которой найдены лишь два обломка стенок лепных горшков, часть миски, фрагмент ручки кувшинчика, обломок глиняного конуса и пряслице. Все жертвенники в плане почти круглые. Поверхность их заглажена и побелена, но в деталях имелись некоторые отличия. Диаметр жертвенника "Е" 40–43 см. Около него найдены обломки костей коровы и лошади, а также немного древесных угольков. На самом жертвеннике ни угольков, ни золы не было. Жертвенник "Г" в сохранившейся части имел размеры 62 × 82 см. Около него найдены обломки костей лошади и венчик горшка, украшенный защипами и проколами. Жертвенник "Д" имел размер 40 × 35 см. На нем и около него найдены обломки горшка, венчик которого украшен насечками и проколами. Жертвенник "Е" имел диаметр 40 см. Рядом с ним обнаружено только несколько мелких обломков костей животных, в том числе зуб свиньи. Все эти жертвенники зафиксированы на глубине от 35 до 45 см. Другие жертвенники (А, Б, Ж) располагались одиночно, причем жертвенники "А" и "Ж" показались уже на глубине 30–35 см в задетом распашкой верхнем слое и сохранились плохо. Находок около них обнаружено не было. Обломки одного жертвенника зафиксированы в заполнении ямы № 167. Возможно это – остатки жертвенника, который существовал около ямы № 196, где отмечено еще несколько аналогичных обломков, но полностью этот жертвенник не восстанавливается. Жертвенник "Б" видимо самый ранний. Он прослежен с нижней части культурного слоя на глубине 60 см. Диаметр его 60 см. Рядом найдены обломки лепной чернолощеной миски, часть рюмкообразного светильника и украшенная желобками ручка от чернолощенного кувшина. Стратиграфические данные и сопровождающий материал позволяют датировать большинство этих жертвенников IV в. до н.э. и только жертвенник "Б" может быть дитирован концом VI – началом V в. до н.э. Особо следует отметить, что в яме № 205 были найдены обломки чаш из человеческих черепов и культовая костяная ложечка (рис. 3, *14*), которая использовалась видимо в обряде "кормления" богов (Лукьяшко С.И., 1996, с. 87).

Большое количество культовых изделий было обнаружено в яме № 126, расположенной рядом с остатками деревянного храма (Бойко Ю.Н., 1990). Яма эта расположена у северного угла храма и обнаружена уже в верхней части культурного слоя на глубине 35 см. Форма ее цилиндрическая, диаметр 3 м, глубина 1 м. Черноземное с илистыми прослойками заполнение свидетельствует о том, что яма досыпалась неоднократно, но в пределах сравнительно короткого времени. В заполнении найдено 127 небольших обломков лепных горшков и мисок, характерных для IV в. до н.э., а также 70 мелких обломков костей животных (корова, лошадь, свинья), два пряслица, два кусочка бронзолитейного шлака, глиняный конус, обломок тигля, кусок мела, обломки обожженной глиняной обмазки и различные культовые изделия. Среди последних верхняя часть антропоморфной статуэтки (рис. 4, *5*) и обломок близкой к ней антропоморфной статуэтки (рис. 4, *1*), а также обломки верхних частей еще двух антропоморфных статуэток с явно обозначенными головными уборами. У одной из них (рис. 4, *2*) изображен конический, расширяющийся в верхней части головной убор, украшенный нашивными пластинками. Последние четко обозначены горизонтальным рядом вдавлений, нанесенных плоской палочкой. Все это очень напоминает головной убор скифянки, реконструируемый по находкам в кургане № 16 у с. Златополь (Клочко Л.С., 1982, с. 123, рис. 3). У второй статуэтки на голове был видимо изображен аналогичный, напоминающий калаф, конический головной убор, но детали его видны хуже, так как самая верхняя часть статуэтки отбита (рис. 4, *3*). Отдельно в той же яме найдены еще три обломка нижних частей антропоморфных статуэток. Две из них сильно фрагментированы (рис. 4. *6, 7*). От третьей (рис. 4, *9*) сохранилась часть торса,

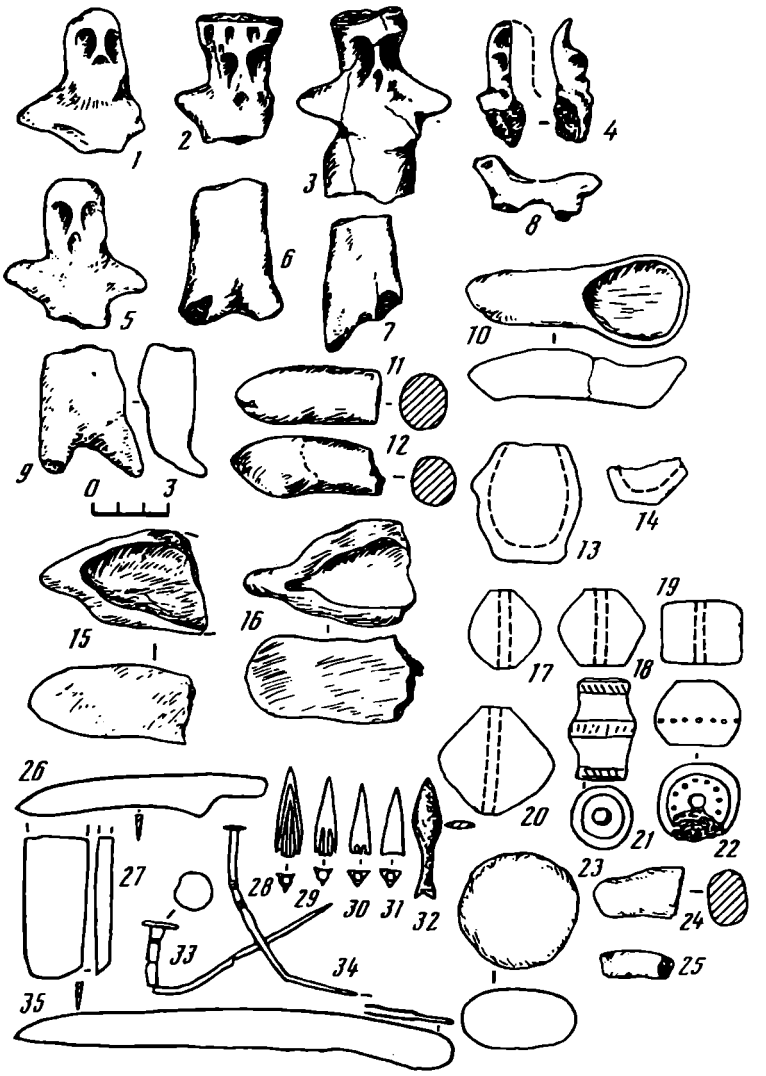


Рис. 4. Находки в раскопке № 30 – 1984 г. Восточное Бельское городище
1–4, 5–9, 24, 25 – статуэтки; *10* – культовая ложка; *11, 12* – фаллические изображения; *13, 14* – культовые сосудики; *15, 16* – светильники; *17–22* – пряслица; *23* – лепешка; *26, 35* – ножи; *27* – обломок тесла; *28–32* – наконечники стрел; *33, 34* – булавки. Материал: *26, 27, 32–35* – железо, *28–31* – бронза; остальное – керамика

обломок правой ноги и полностью левая нога в виде конического отростка. Ноги у этой статуэтки слегка выдвинуты впереди, а общая конфигурация такова, что создается изображение сидящего человека, которое очень напоминает некоторые трипольские так называемые "сидящие" статуэтки (Гембарович М.Т., 1956, с. 106–123). Кроме того, в заполнении ямы найдены два обломка, изображающих фаллосы (рис. 4, *11, 12*), что может быть связано с распространением у местных земледельцев культа Диониса. Здесь же находилась круглая глиняная лепешка ("хлебец"), миниатюрный культовый сосудик, глиняная ложечка (рис. 4, *10*) и 17 мелких обломков от статуэток. Следует отметить, что в яме № 74 того же раскопа была найдена одна, но очень своеобразная глиняная фигурка (рис. 5, *12*). Это – погрудное изображение одноглазого человека, у которого нет правого глаза. С левой стороны в глазной впадине, обозначенной, как обычно, пальцевым вдавлением, при помощи острого орудия тщательно вырисован овальный глаз. На правой стороне такое дополнительное обозначение отсутствует. Изготовитель статуэтки явно подчеркивал отсутствие одного глаза. Все это заставляет вспомнить скандинавский миф о древнем индоевропейском боге, праотце всех богов и людей одноглазом Одине, который отдал один свой глаз для того,

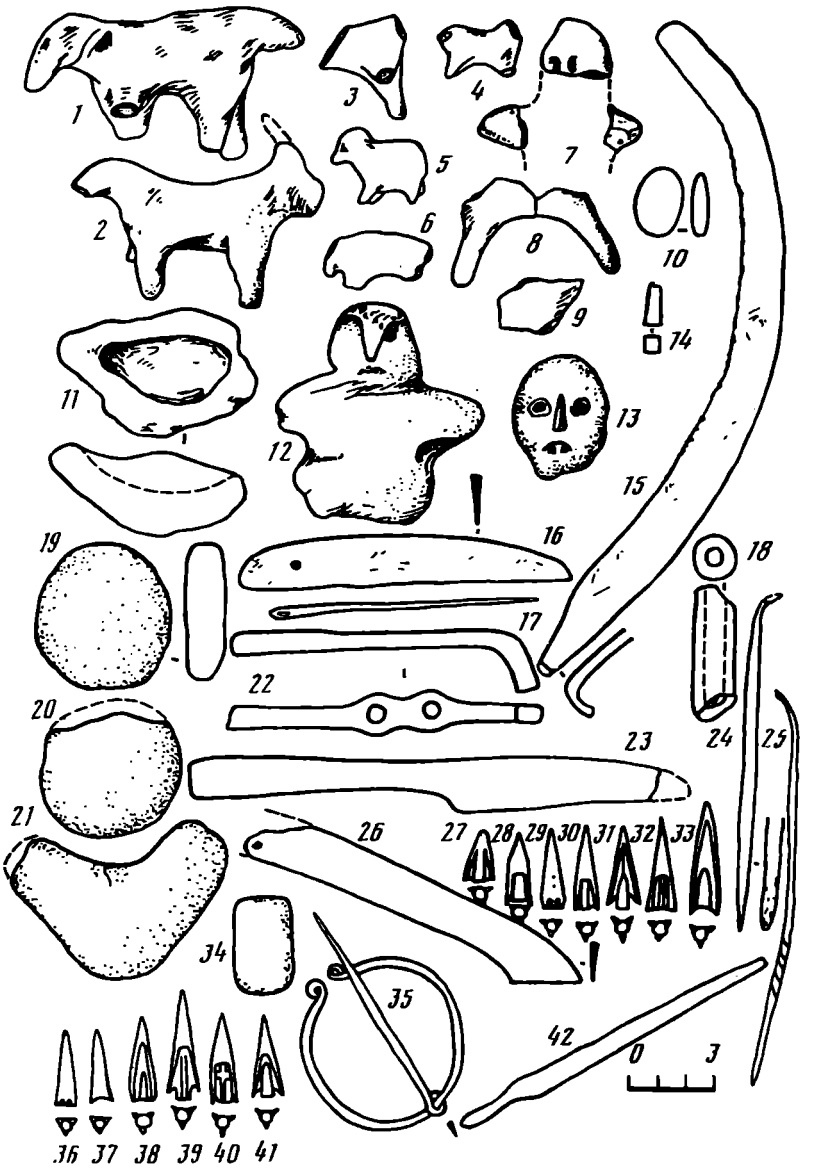


Рис. 5. Различные находки с Восточного Бельского городища
1–9, 12 – статуэтки; *13* – изображение головы; *14* – бусина; *15* – серп; *16, 23, 26* – ножи; *27–33, 36–41* – наконечники стрел; *17* – игла; *22* – псалий; *18* – трубочка; *19–21* – лепешки ("хлебцы"); *24, 25* – шилья; *34* – модель пестика для ступки; *35* – пряжка; *42* – скальпелевидный резец. Материал: *15–17, 22, 23–26, 35, 42* – железо, *18* – кость, *13* – камень, *14* – синее стекло, *27, 33, 36–41* – бронза, остальные – керамика

чтобы напиться из источника мудрости – Мимира (Младшая Эдда, 1970, с. 22). Кроме указанной фигурки, в яме найдены лунообразная и три круглых глиняных лепешки. В соответствии с тем же мифом об Одине он – создатель неба, земли, солнца и луны (рис. 5, *21*). Солнце и луна – сестра и брат, которые скачут по небу на колесницах. В расположенной поблизости яме № 80 обнаружены обломки чаши из человеческого черепа и костяная деталь оленьей упряжки (Шрамко Б.А., 1988, с. 233).

Для общей характеристики культурного слоя раскопа № 30 в прирезке 1983–1984 гг. надо отметить такие находки: железные ножи (рис. 4, *26, 35*; рис. 5, *16*), обломок долота (рис. 4, *27*), скальпелевидные резцы (рис. 5, *42*), иглу (рис. 5, *17*), две булавки (рис. 4, *33, 34*), два обломка светильников (рис. 4, *15, 16*), разнообразные пряслица (рис. 4, *17–22*), глиняные конусы, круглые глиняные лепешки (рис. 4, *23*; рис. 5,

20), культовый глиняный пестик для ступки (рис. 5, *34*), миниатюрные сосудики (рис. 4, *13, 14*), обломки антропоморфной (рис. 4, *4*), зооморфной (рис. 4, *8*) и неподдающихся определению фигурок (рис. 4, *24, 25*), обломок костяной ручки ножа и целый железный нож с накладной ручкой на заклепках, обломки лепных сосудов описанных выше типов и фрагменты античной керамики V–IV вв. до н.э.

Крупное скопление культовых изделий было обнаружено в культурном слое раскопа № 30 в 1986 г. на глубине 40 см, т.е. в нижней части верхнего слоя. Здесь оказались две довольно крупных (длина 8,5 и 9 см) зооморфных статуэтки (рис. 5, *1, 2*), одна из которых определенно изображает козла (рис. 5, *2*), а также обломки антропоморфной статуэтки, от которой сохранилась верхняя часть головы и небольшие обломки рук (рис. 5, *7*). Возможно к этой статуэтке относятся и найденные отдельно два обломка ног (рис. 5, *8*). Вблизи, в том же слое находились два пряслица, глиняный конус, светильник в виде плошки (рис. 5, *11*), обломок бронзового котла, обломок амфоры IV в. до н.э., кварцитовый терочник и отдельные мелкие обломки костей коровы из пищевых отбросов. В других местах культурного слоя вне связи с какими-либо комплексами найдены еще пять маловыразительных обломков зооморфных глиняных статуэток (рис. 5, *3–6, 9*) и уникальная скульптура из песчаника (рис. 5, *13*). Последняя изображает череп или человеческую голову с крупными оскаленными зубами. Из сопровождающего материала, который характеризует рассматриваемый культурный слой раскопа № 30 можно отметить большой железный нож типа боевых (рис. 5, *23*), железный двухдырчатый псалий (рис. 5, *22*), серп (рис. 5, *15*), специализированный скорняжный нож (рис. 5, *26*), круглую глиняную лепешку (рис. 5, *19*), железные шилья (рис. 5, *24, 25*), глиняную льячку, небольшой культовый сосудик и бронзовые наконечники стрел (рис. 5, *36–41*). Все это хорошо подтверждает датировку слоя и найденных в нем глиняных скульптур V–IV вв. до н.э.

Раскоп № 33 в юго-восточной части того же Восточного укрепления, несмотря на значительную площадь (6348 м^2), вскрытую в 1989–1992 и 1994–1995 гг., дал сравнительно небольшое дополнение к коллекции глиняных скульптур. Здесь также встречались круглые глиняные жертвенники с побеленной поверхностью без орнамента, но значительных скоплений культовых предметов около них не наблюдалось. Жертвенники были расположены в усадьбах одиночно, а не группами как в тех местах, где имелись упомянутые ранее святилища. Из находок последних лет внимание привлекает комплекс глиняных скульптур, обнаруженный в 1990 г. в яме № 9 раскопа № 33. Цилиндрическая яма глубиной 60 и диаметром 180 см относится к верхней части культурного слоя и связана видимо с расположенной на этом участке усадьбой (Шрамко Б.А., 1995). В ее заполнении обнаружено скопление, очевидно, сброшенных сюда обломков культовых предметов: четыре фрагмента зооморфных и пять фрагментов антропоморфных статуэток. Среди последних имеется изображение женского торса (рис. 6, *2*), половина верхней части туловища с левой рукой (рис. 6, *1*), головка статуэтки (рис. 6, *3*), обломок руки (рис. 6, *5*) и сильно фрагментированный обломок нижней части статуэтки (рис. 6, *4*). Зооморфные изображения представлены в этом комплексе обломком крупной головы лося (рис. 6, *7*), обломком статуэтки меньшего размера (рис. 6, *8*), также изображающей лося, протомой крупной фигурки козла (рис. 6, *9*). Своеобразным изделием является скульптурное изображение распластанной туши животного или его шкуры (рис. 6, *10*). Возможно это – изображение шкуры, которая реально использовалась при обрядовых действиях, требовавших одевания участников в шкуры животных. Могут быть и другие варианты. Среди находок на Бельском городище ранее уже встречались подобные изображения (Шрамко Б.А., 1976, с. 204, 205), связанные с глиняными моделями, которые использовались при гаданиях. В заполнении ямы № 9 встречались также мелкие обломки костей коровы и свиньи, найдена глиняная модель пестика для ступки, большая игла для плетения и железный резец. Глиняная посуда представлена в заполнении преимущественно об-

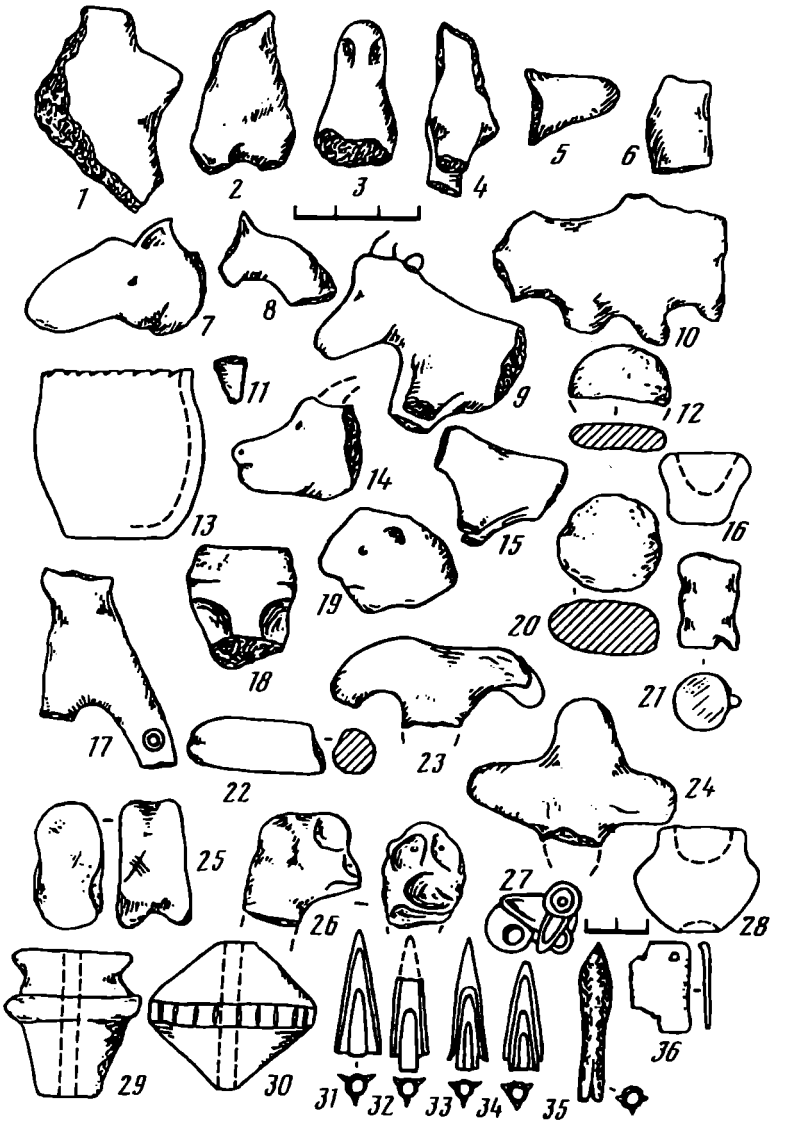


Рис. 6. Находки на Восточном укреплении Бельского городища
1–7, 11, 15, 17–19, 21–23 – фрагменты статуэток; *24* – крестообразная фигурка; *12, 20* – лепешки ("хлебцы"); *25* – астрагал с граффити; *26* – обломок ручки ковша с зооморфным изображением; *27* – бляшка; *13, 16, 28* – миниатюрные сосудики; *29, 30* – пряслица; *31–35* – наконечники стрел; *36* – бляшка от панциря. Материал: *35, 36* – железо, *25* – кость, *27* – золото, *31–34* – бронза, остальные – керамика. Места находок: *16, 21* – раскоп № 34; *20* – раскоп № 31; остальные – раскоп № 33

ломками горшков и фрагментом миски, типичных для позднескифского времени, что соответствует и находке обломка горла античной амфоры IV в. до н.э. В этом же раскопе надо отметить еще яму № 7. Культовых изделий в ней меньше, но сопровождающий материал позволяет датировать их более ранним временем: VII–VI вв. до н.э. Здесь найдены миниатюрный культовый сосудик в виде горшка с насечками по краю венчика (рис. 6, *13*), обломок круглой глиняной лепешки (рис. 6, *12*), чаша из человеческого черепа, а в заполнявшей чашу земле оказалась желтая пастовая бусина с синими глазками. Вместе с этими предметами в яме № 7 найден обломок глиняного ковша, часть чернолощеной миски и чернолощеный круглотелый кубок, украшенный резным геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, инкрустированных белой пастой (рис. 7, *25*). Орнамент в виде треугольников расположен и по обрезу венчика этого сосуда. Неподалеку в этом же раскопе найден обломок ручки

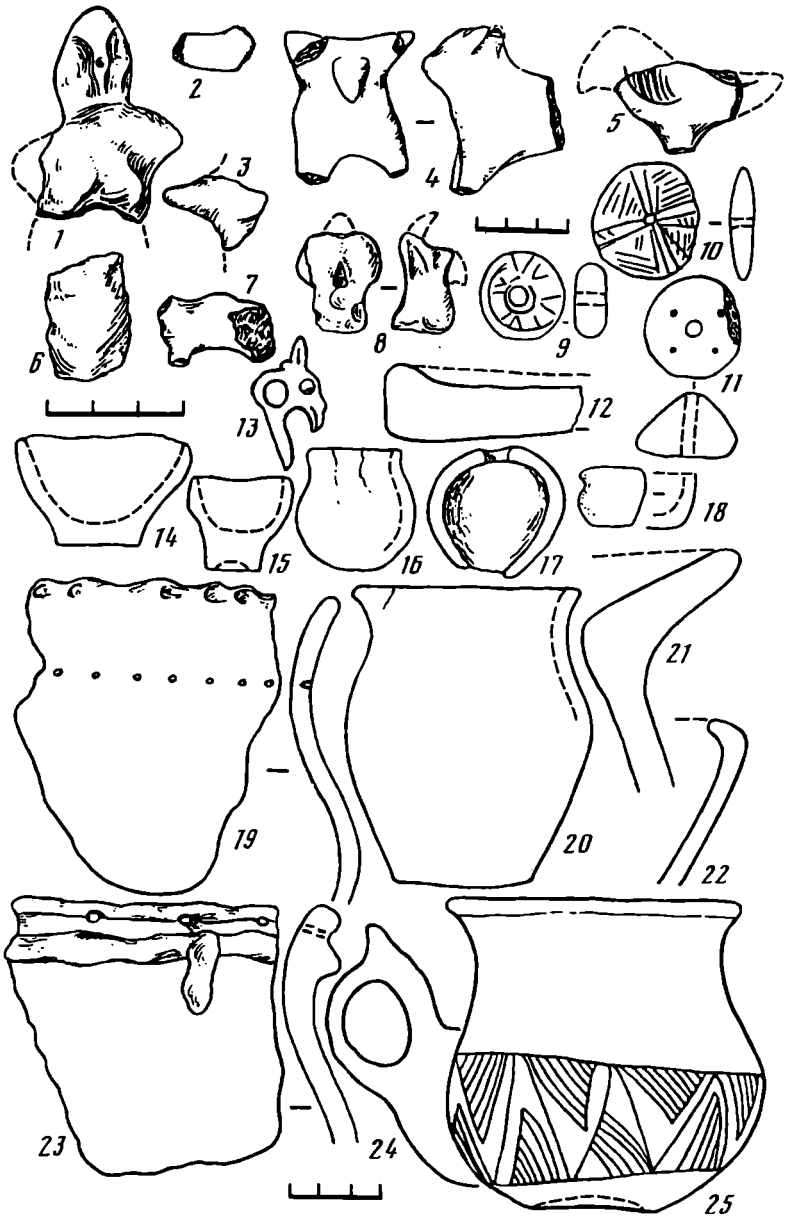


Рис. 7. Находки на Восточном и Западном укреплениях Бельского городища
1–8 – обломки статуэток, в том числе *8* – изображение грифона; *9–11* – орнаментированные предметы; *12* – обломок ладьевидного блюда-жертвенника; *13* – наносник от уздечки; *14–16, 18* – миниатюрные сосудики; *17* – обломок погремушки; *19, 20, 23* – горшки; *21* – обломок корчаги; *22* – миска; *24* – ковш; *25* – кубок. Материал: *12* – песчаник, *13* – бронза, остальные – керамика

глиняного ковша, выступ на которой завершается зооморфным изображением (рис. 6, *26*).

Из отдельных находок в разных раскопах и среди подъемного материала на Восточном и Западном укреплениях Бельского городища следует отметить еще такие: обломок верхней части статуэтки, изображающей женщину (рис. 7, *1*), обломки антропоморфной (рис. 7, *6*) и зооморфной статуэток (рис. 7, *7*), обломок головки с изображением головного убора в виде плоской шапочки (рис. 6, *18*), обломок нижней части антропоморфной статуэтки, у которой на левой ноге круглым штампом изображено кольцо (рис. 6, *17*). Возможно оно обозначает татуировку на теле человека или какой-то родовой символ. От одной зооморфной статуэтки сохранилась часть головы козла

(рис. 6, *14*), другая изображала бобра (рис. 6, *19*), треться – птицу, стоящую на одной ножке (рис. 7, *5*). Своеобразна букрания, показывающая наклоненную голову быка в фас (рис. 6, *23*). Она очень напоминает аналогичное изображение, обнаруженное на трипольском поселении Поливанов Яр (Качалова Н.К., 1977, с. 32). Среди находок на Западном укреплении имеются также изображения бычка (рис. 7, *4*) и грифона (рис. 7, *8*). В раскопе № 33 на Восточном укреплении найден еще один обломок изображения фаллоса (рис. 6, *22*) и несколько мелких обломков статуэток. Ранее В.А. Городцов опубликовал из находок на Бельском городище несколько зооморфных и антропоморфных фигурок (Городцов В.А., 1911, табл. II, *21–24*). К культовым предметам, происходящим с Западного укрепления, надо отнести также обломок ладьевидного блюда-алтарика, сделанного из песчаника (рис. 7, *12*), обломки глиняной крестовидной поделки (рис. 6, *24*) и пустотелой погремушки (рис. 7, *17*), круглые предметы, украшенные солярными знаками (рис. 7, *9, 10*) или точечными вдавлениями (рис. 7, *11*). Уникальными являются глиняный предмет в виде цилиндрика с выступом (рис. 6, *21*) и сточенный с двух сторон бараний астрагал, на одной плоскости которого имеется врезная линия, пересеченная тремя меньшими (рис. 6, *25*). Среди находок можно отметить еще золотую бляшку с изображением грифона (рис. 7, *13*), пряслице в форме горшка, украшенного налепным валиком (рис. 6, *29*), пластинку от панциря (рис. 6, *36*) и наконечники стрел (рис. 6, *31–35*).

Таким образом, вся сумма известных сейчас материалов о культовой глиняной пластике лесостепных племен свидетельствует о том, что в период с конца VIII до рубежа IV–III вв. до н.э. у местного населения были широко распространены земледельческие культы плодородия, в различных обрядах которых широко использовались глиняные фигурки. К числу древнейших изображений относятся антропоморфные и зооморфные статуэтки, прототипы которых появились у древних земледельцев еще в эпоху неолита – энеолита и получили очень широкое распространение, возможно, одновременно с распространением сходных космогонических представлений и соответствующих мифов. Реже, но также с раннего времени использовались орнитоморфные изображения. С V–IV вв. до н.э., видимо, под влиянием греков и скифов появляются глиняные изображения фантастических существ (грифон, пегас, крылатый пес и др.).

Одновременно со статуэтками встречаются другие глиняные культовые предметы: модели зерен, ступок, пестиков, ложек, колес, различных лепешек ("хлебцов"), миниатюрные сосудики и даже изображения более сложных предметов в виде повозки, ярма, рала, которые иногда образуют сложные композиции.

Вся эта глиняная пластика использовалась в определенных ритуалах земледельческих культов плодородия и большими скоплениями встречается главным образом в местах расположения святилищ с жертвенниками.

Среди антропоморфных скульптур преобладают женские. Во всех случаях для антропоморфных изображений характерна схематичность. Они не имеют портретных черт. Это – скульптуры-символы, которые передают канонизированный еще в глубокой древности образ божества или лиц из его окружения. Встречающиеся изредка индивидуальные детали имеют второстепенное, обычно мнемоническое значение, облегчая узнавание вариантов основного образа.

Археологические и этнографические параллели, а также косвенные свидетельства письменных источников позволяют предполагать, что среди статуэток имеются изображения Великой Богини-матери, которая в Северном Причерноморье сливается с образом Кибелы. К ним относятся фигурки женщин в длинных платьях, обнаженных женщин, иногда с признаками беременности или с примесью зерен в глине.

Был широко распространен культ Диониса. Помимо прямого указания Геродота (IV, 108), это подтверждает и глиняная пластика. Изображениями этого многовариантного бога плодородия могут быть некоторые мужские фигурки. Встречаются фигурки танцующих спутниц Диониса – менад. С культом этого бога следует связывать и многочисленные изображения фаллосов. Среди фигурок животных имеются такие, в ко-

торых, согласно мифам, мог перевоплощаться Дионис. Представление об умирающем и возрождающемся божестве плодородия, судя по рисунку на Симферопольской стеле (Бахчи-Эли), существовало у земледельцев Юга Восточной Европы еще в бронзовом веке (Шрамко Б.А., 1972, с. 25).

Среди зооморфных скульптур, которые поддаются видовому определению, преобладают изображения быка, козла, лося. Кроме того встречаются фигурки овцы, собаки, рыси, бобра, змеи, свиньи и лошади. Образ лося был очень популярен. Уникальной является скульптура этого животного, которая показывает его со вскрытой грудью, видимо, в момент совершения жертвоприношения. Видовую принадлежность орнитоморфных фигурок определить затруднительно, но среди них определенно имеются изображения водоплавающих птиц.

Точное количество божеств местного пантеона по глиняным скульптурам установить невозможно. Образы одних и тех же божеств могли передаваться различными способами и с различными атрибутами, отражая разнообразные их функции. Вместе с тем материалы достаточно убедительно свидетельствуют о существовании у местного населения земледельческих культов плодородия, связанных с определенными календарно-астрономическими наблюдениями: святилище на городище Бутучены (Никулицэ И.Т., 1987, с. 74), культовое сооружение на поселении Долиняны (Смирнова Г.И., 1991; Марченко Г.Е., 1991), храм на Бельском городище (Бойко Ю.Н., 1985) и с мифологическими системами (Раевский Д.С., 1985, с. 12), которые должны приниматься в расчет с учетом символики различных изображений и существования ряда общих черт в мифологическом восприятии окружающего мира древними земледельцами. У кочевников степной Скифии аналогичных комплексов глиняных скульптур нет и, следовательно, последние не входят в число элементов собственно скифской культуры.

Такие скульптуры как модели рала и ярма могут быть сопоставлены с одной из легенд о происхождении скифов (Геродот. IV, 5), в которой сообщается, что во времена правления прародителя Таргитая с неба упали волшебные золотые предметы: плуг (рало), ярмо, секира и чаша. Исследователи уже неоднократно отмечали глубокую древность этой легенды, связанной с земледельческим культом плодородия (Бессонова С.С., 1983, с. 20) и возникший не у степных кочевников-скифов, а у местных земледельческих племен еще в доскифское время (Рыбаков Б.А., 1981, с. 573; Цимiданов В.В., 1992). Находки глиняных скульптур подтверждают такую трактовку легенды. В то же время традиция изготовления глиняных скульптур, восходящая в конечном счете к переднеазиатским комплексам древнейших земледельцев (Мунчаев Р.М. и др., 1990, с. 20, 21; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1997, с. 22), свидетельствует о том, что не только степи Северного Причерноморья, но и лесостепь были охвачены общим процессом взаимодействия в циркумпонтийской зоне (Мерперт Н.Я., 1988, с. 21 и др.). Наблюдаемый в настоящее время культурно-хронологический разрыв между культурами энеолита и ранней бронзы, которые лежат в основе формирования циркумпонтийской зоны, и культурами земледельцев раннего железного века может оказаться только кажущимся. Временное нарушение "контактной непрерывности" не было абсолютным. Смена археологических культур, как известно, еще не означает полную смену населения, и в циркумпонтийской зоне культурное взаимодействие, видимо, продолжалось, приобретая новые формы. Полученные ранее импульсы продолжали действовать, сохраняясь, в частности, в такой консервативной области культуры как религиозные верования и обряды. Некоторые линии древних связей можно отметить и сейчас. У лесостепных земледельцев комплексы глиняных скульптур не возникают внезапно в скифскую эпоху. Они проявляются уже достаточно ярко в белогрудовской культуре бронзового века (Березанська С.С., 1964), а Симферопольская стела зафиксировала проникновение в Северное Причерноморье мифа об умирающем и воскресающем боге плодородия, культ которого слился позже с культом Диониса. Сильная преемственная связь заметна в культурах северо-фракийских племен, которые оказали большое влияние на формирование приднепровских лесостепных

культур раннего железного века (Мелюкова А.И., 1979, с. 33 и др.). Таким образом, далекие трипольские и переднеазиатские аналогии лесостепным скульптурам нельзя считать случайностью, хотя речь не идет о прямых генетических связях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андриенко В.П., 1974. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії // Вісник Харківського ун-ту. № 104. Вип. 8. Харків.

Березанська С.С., 1956. Поселення раннього залізного віку в Житомирський області // АП УРСР. Т. 6.

Березанська С.С., 1964. Кераміка білогрудівської культури // Археологія. Т. 16.

Березанська С.С., Тітенко Г.Т., 1954. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу // Археологія. Т. 9.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Бессонова С.С., 1996. Глиняні жертовники лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. № 4.

Бойко Ю.Н., 1990. Храм города Гелона // СЭ. № 3.

Гейко А.В., 1996. Глинське городище скіфського часу в Посуллі // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.

Гембарович М.Т., 1956. К вопросу о значении трипольских женских статуэток // СА. Т. XXV.

Городцов В.А., 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. // Тр. XIV АС. Т. 3.

Граков Б.Н., Мелюкова А.И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // ВССА.

Качалова Н.К., 1977. Изображение быка в пластике трипольских племен // СГЭ. Т. 42.

Клочко Л.С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев.

Крушельницька Л.І., 1976. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. Київ.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б., 1995. Знахідки на території Східного укріплення Більського городища // ПАЗ. № 3.

Лукьяшко С.И., 1996. О функциях "туалетных ложечек" в культурах скифо-сарматского мира // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.

Малеев Ю.Н., 1989. Гальштатская пластика Верхнего Поднестровья // Zbornik filozofickej fakulty univerzity Kamenskeho. Hist. T. 39–40. Bratislava.

Марченко Г.Е., 1991. Обсерватория-календарь у с. Долиняны // АСГЭ. № 31.

Мелюкова А.И., 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. № 96.

Мелюкова А.И., 1979. Скифия и фракийский мир. М.

Мерперт Н.Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М.

Младшая Эдда, 1970. Л.

Моруженко А.О., 1967. Досягнення радянських археологів у вивченні лісостепових поселень скіфського часу // Вісник Харківського ун-ту, № 22. іст. 2.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1977. Древнейший культовый центр в долине Хабура // СА. № 2.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., 1990. Телль-Хазна I // СА. № 3.

Никулицэ И.Т., 1987. Северные фракийцы в VI–I вв. до н.э. Кишинев.

Онайко Н.А., 1970. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–27.

Поболь Л.Д., 1961. Знаходка у Богушэвічах // Младосць. № 5. Минск.

Полидович Ю.Б., 1989. Раннесрубный зольник поселения Зливки // Проблемы охраны и исследования памятников археологии Донбасса. Донецк.

Полидович Ю.Б., 1996. Дві образотворчі традиції в мистецтві дніпровського Лівобережного Лісостепу скіфського часу // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.

Приходнюк О.М., 1995. Основні підсумки вивчення Пастирського городища // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси.

Пузикова А.И., 1969. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151.
Радіэвська Т.М., 1989. Поселення доби міді-раннього заліза поблизу сс. Пансків та Чернявка Вінницькоі області // Археологія. № 4.
Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
Светлична Є.В., 1996. Про зв'язки Більського городища та Дніпровського Лівобережжя з лужицько-висоцькими племенами // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку європи. Полтава.
Скорый С.А., Бессонова С.С., 1996. Жилищно-хозяйственный комплекс Мотронинского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
Смирнова Г.И., 1957. Поселение культуры фракийского гальштата на Буковине // КСИА АН УССР. Вып. 7.
Смирнова Г.И., 1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин // СА. № 4.
Смирнова Г.И., 1986. Скифское поселение у с. Долиняны // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
Смирнова Г.И., 1991. Культовое сооружение у с. Долиняны на Буковине // АСГЭ. № 31.
Спицын А.А., 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. № 65.
Формозов А.А., 1983. К проблеме "очагов первобытного искусства" // СА. № 3.
Цимідanов В.В., 1992. Час виникнення легенди про походження скіфів // Археологія. № 1.
Шарафутдинова И.Н., 1986. Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
Шкурко А.Н., 1982. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Тр. ГИМ. Вып. 54.
Шрамко Б.А., 1957. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. № 1.
Шрамко Б.А., 1972. Про час появи орного землеробства на півдні Східноі Європи // Археологія. № 7.
Шрамко Б.А., 1976. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Шрамко Б.А., 1985. Культовые скульптуры Гелона // Археологические памятники юго-восточной Европы. Курск.
Шрамко Б.А., 1988. Детали оленьей упряжи в Скифии // СА. № 2.
Шрамко Б.А., 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности-1994. Харьков.
Шрамко Б.А., 1995. Новые исследования на Восточном укреплении Бельского городища // Полтавский археологический сборник. № 3. Полтава.
Шрамко И.Б., 1994. Новые исследования Западного укрепления Бельского городища // Древности – 1994. Харьков.

B.A. SHRAMKO

CLAY SCULPTURES FROM FOREST-STEPPE SCYTHIA

Summary

The paper is devoted to the characteristics of tiny ritual clay sculptures found on many settlements dating to the 7th–4th centuries BC that are located in the forest-steppe belt between the Dniester and the Don. These clay sculptures represent figures of women, men, birds, beasts, fantastic beasts (griffins, pegasus, simurghs). In addition to this, there are also clay models of tools, grains and other objects.

Ю.С. ХУДЯКОВ, К.Ш. ТАБАЛДИЕВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСКОГО УБРАНСТВА ДРЕВНИХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Убранство верхового коня являлось важной составной частью предметного комплекса культуры древних тюрок VI–X вв. в Центральной Азии. Вопросам происхождения, классификации, эволюции седел, стремян, удил и сбруйных украшений уделили внимание многие исследователи (Гаврилова А.А., 1965, с. 80–87; Вайнштейн С.И., 1966а, с. 62–74; Амброз А.К., 1973, с. 81–98; Кызласов Л.Р., 1979, с. 136–138).

Существенное значение для реконструкции конского убранства имели находки хорошо сохранившихся деревянных остовов седел и сбруйных ремней с накладками в древнетюркских погребениях с конем в Саяно-Алтае и на Тянь-Шане.

В 1950–1960-х годах серия таких находок была сделана в древнетюркских курганах на могильнике Кокэль в Туве С.И. Вайнштейном (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 326, 327). На основе этих находок были предложены различные варианты эволюции седел у восточных тюрок во второй половине I тыс. н.э. В 1954 г. деревянный остов седла был обнаружен при раскопках древнетюркского погребения с конем А.К. Кибировым на могильнике Кара-Куджур на Тянь-Шане (Кибиров А.К., 1957, с. 86, 87).

Эти находки послужили важным источником для реконструкции процесса развития жесткого седла в культуре древних тюрок в Центрально-азиатском регионе в эпоху раннего средневековья.

В 1990-х годах серия находок деревянных остовов седел из древнетюркских памятников на Центральном Тянь-Шане была дополнена в результате раскопок, проводившихся Нарынским археологическим отрядом Кыргызского государственного национального университета при поддержке Ассоциации историков Кыргызстана. В этих памятниках обнаружены железные удила, стремена, остатки уздечных и седельных ремней, которые позволяют реконструировать конское убранство западных тюрок с достаточной полнотой.

Остатки деревянных остовов седел обнаружены в девяти древнетюркских захоронениях с лошадьми, одном погребении без коня и одной поминальной оградке на могильнике Беш-Таш-Короо II, в одном погребении с конем на могильнике Беш-Таш-Короо III, в одном погребении без коня на могильнике Бел-Саз II в Кочкорской долине и в захоронении с бараном на памятнике Суттуу-Булак I, в ущелье на пути из Кочкорской в Нарынскую долину. В археологической литературе имеются сведения о находках деревянных частей седел на памятниках Айгыр-Жал, Кулан-Сай и Таш-Тюбе. Однако из-за плохой сохранности находок форма седел не восстанавливается (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 35).

В большинстве курганов, раскопанных в древнетюркских могильниках в Кочкорской долине седла находились на спинах коней, погребенных вместе с умершими людьми. В соответствии с особенностями погребальной обрядности взнузданные и оседланные кони сопровождали умерших взрослых мужчин, женщин и подростков. Очень редко вместо коня в могилу помещали барана. Часть взрослых мужчин и женщин и большинство детей хоронили без верховного животного.

На могильниках Беш-Таш-Короо II и Беш-Таш-Короо III преобладает широтная ориентация могил. Умерших людей хоронили в северной части могилы, головой на восток, коней в южной части могилы, отделенной перегородкой из каменных плит,

© Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев, 1999 г.

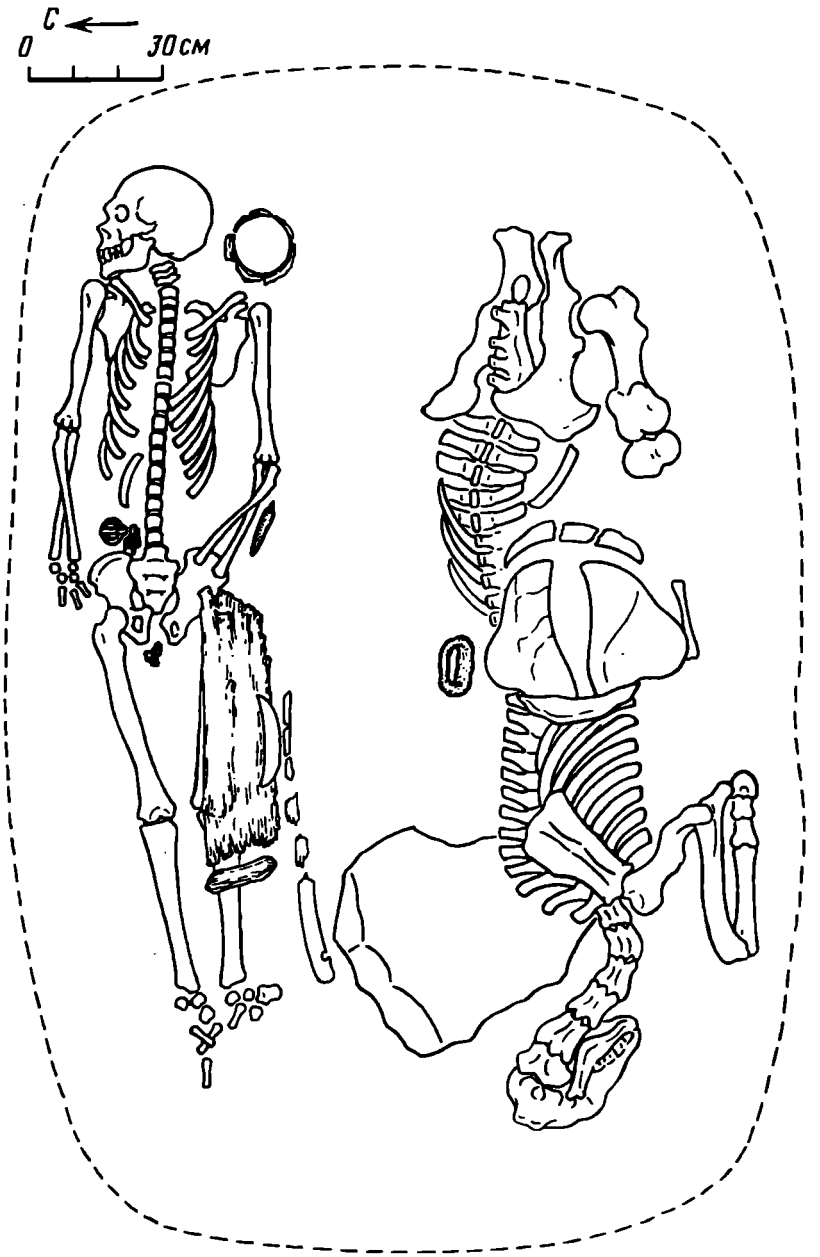


Рис. 1. Мужское погребение с конем из кургана № 5 могильника Беш-Таш-Короо II

головой на запад. В подавляющем большинстве раскопанных погребений седла размещены на теле животного, как и положено, передней лукой в сторону головы, задней в сторону крупа коня (рис. 1).

Только в кург. № 20 могильника Беш-Таш-Короо II была зафиксирована необычная ситуация, когда умершая женщина была ориентирована головой в ту же сторону, что и конь, на запад. Тело умершей отделяла от коня циновка, сплетенная из чия. А седло было помещено на теле лошади задом наперед. Передняя лука седла была ориентирована в сторону крупа, а задняя в сторону головы коня. Судя по расположению седла, погребенная должна была проделать свой путь в потусторонний мир, сидя верхом на лошади спиной вперед, а лицом назад (рис. 2).

В нескольких случаях седло было помещено в могилу в разобранном виде. В погребении женщины с бараном в кург. № 54 могильника Суттуу-Булак I передняя и задняя луки, полки ленчика были составлены в разобранном виде, прислонены в юго-восточной стенке могильной ямы (Худяков Ю.С. и др., 1997, с. 143).

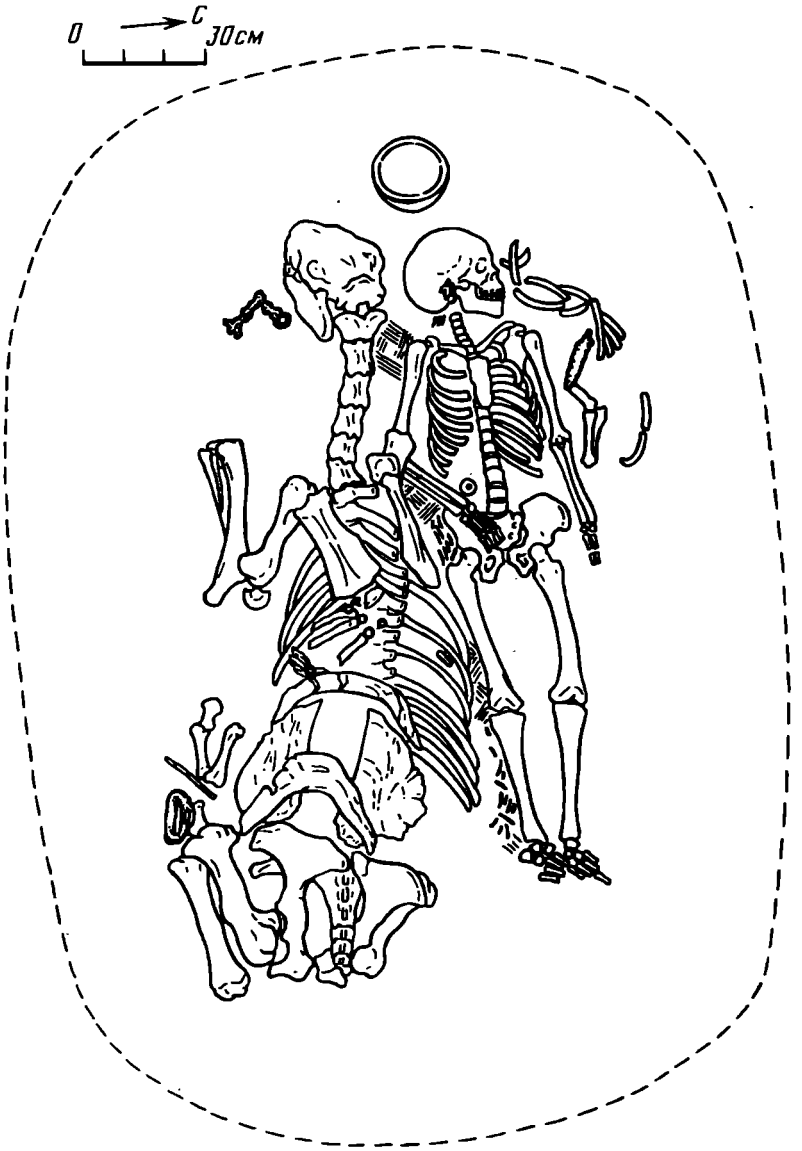


Рис. 2. Женское погребение с конем из кург. № 20 могильника Беш-Таш-Короо II с необычным расположением седла на лошади

В одиночном женском погребении в кург. № 37 могильника Беш-Таш-Короо II находилась одна правая полка ленчика седла. Она была прислонена к перегородке из камней на дне могилы. К северу от перегородки лежал скелет погребенной головой на восток. Скелета коня в могиле не было, хотя при умершей кроме детали седла найдена рукоятка плети.

В кург № 19 могильника Бел-Саз II остатки деревянного седла и стремя находились во входной яме. Погребение коня отсутствовало (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 22).

На памятниках Беш-Таш-Короо I и Беш-Таш-Короо II встречались одиночные захоронения коней в ямах внутри поминальных оградок. В оградке № 2 памятника Беш-Таш-Короо I скелет неоседланного коня, без головы. В оградке № 51 на памятнике Беш-Таш-Короо II полный скелет коня лежал на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. На спине коня находился деревянный остов седла, рядом железное стремя (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 23).

Деревянные остовы седел из древнетюркских памятников Тянь-Шаня однотипны. Они имеют высокую дугообразную переднюю луку, которая крепилась вертикально к полкам ленчика. Большинство передних лук имеют гладкую поверхность. В еди-

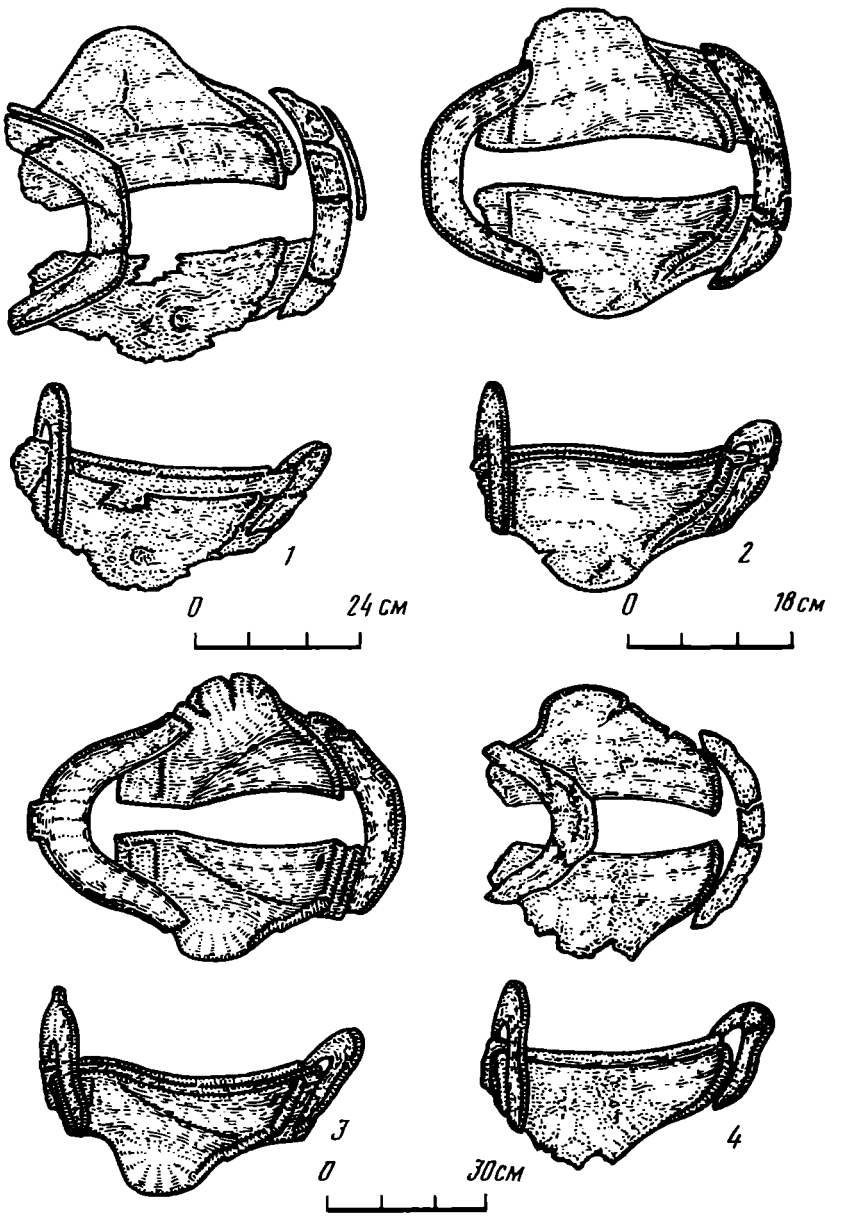


Рис. 3. Деревянные остовы седел из древнетюркских погребений с лошадьми из могильника Беш-Таш-Короо II: *1* – кург. № 30; *2* – кург. № 35; *3* – кург. № 39; *4* – кург. № 20

ничных случаях поверхность орнаментировалась. В кург. № 54 могильника Суттуу-Булак I на лицевую поверхность передней луки нанесены рельефные изображения волютообразных фигур с растительными трехлепестковыми завитками и полосы из окружностей, соединенных между собой общей линией (Худяков Ю.С. и др., 1997, с. 143). Передняя лука седла из кург. № 39 могильника Беш-Таш-Короо II имеет в верхней части прямоугольный выступ (рис. 3, *3*). Задняя лука у древнетюркских седел была низкой. Она крепилась наклонно к полкам ленчика. Поверх кожаного покрытия у некоторых седел по торцам передней и задней лук прикреплялись тонкие гладкие костяные накладки (рис. 3, *1*). Полки ленчика имеют округлую лопасть в нижней части и врезы, образующие вертикальный уступ в передней и наклонный в задней части. К этим уступам крепилась передняя и задняя лука. Внешняя поверхность полок вогнута, образуя сидение для всадника (рис. 3, *1–4*).

Для крепления кожаного покрытия, седельных ремней и тороков в полках ленчика имелись округлые и прямоугольные отверстия.

Подобная форма седел очень близка деревянным остовам седел, найденным в Саяно-Алтае. Аналогичные седла с округлыми лопастями на полках ленчика были найдены в древнетюркских захоронениях в могильнике Кокэль в Туве (Вайнштейн С.И., 1966б, с. 326–329). Близкие по конструкции седла известны в танском Китае и Восточном Туркестане (Вайнштейн С.И., 1966а, с. 68–71; Крюков М.В. и др., 1984, с. 164). По мнению А.К. Амброза подобные седла были распространены в VII–X вв. по всей степной Евразии (Амброз А.К., 1973, с. 96). Однако наибольшее сходство наблюдается между седлами, обнаруженными на памятниках Беш-Таш-Короо II и III, Бел-Саз II, Суттуу-Булак I на Тянь-Шане и седлами третьего и четвертого типов из могильника Кокэль в Туве, которые датируются VII–VIII вв., периодом второго Восточнотюркского каганата (Вайнштейн С.И., 1966а, с. 68–71).

Седла крепились на теле лошади с помощью нагрудного, подшейного, подпружного ремней. В древнетюркских памятниках Тянь-Шаня от этих ремней сохраняются отдельные фрагменты с округлыми сферическими бронзовыми бляшками и пряжками. В качестве подпружных использовались массивные роговые и железные пряжки с округлой или подпрямоугольной рамкой и подвижным язычком (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 40).

К седлам с помощью ремней подвешивались стремена. Железные стремена найдены в большинстве захоронений с лошадьми. Как правило, в могилах находилось по два однотипных стремени. Реже встречается по одному стремени. В некоторых погребениях при наличии сопроводительного захоронения коня, иногда с сохранившимся седлом, стремян нет.

Если отсутствие стремян в могилах с разобранными седлами может быть объяснено неполнотой сбруйных принадлежностей, то их отсутствие у оседланных лошадей, вероятно, диктовалось особенностями погребального ритуала.

Железные стремена из древнетюркских памятников Кочкорской долины Тянь-Шаня довольно разнообразны по форме проема, подножки и петли для продевания путлища. Встречаются стремена с округлым проемом и провисающей подножкой или с арочным проемом и прямой подножкой. Наиболее распространены стремена "восьмеркообразной" формы с несомкнутой округлой петлей. Достаточно часто встречаются стремена с пластинчатой овальной или трапециевидной петлей и отверстием для путлища (рис. 4, *3, 4*). Стремена подобных типов широко распространены в культурах раннесредневековых кочевников по всей территории степного пояса Евразии. Встречаются такие стремена в памятниках культуры древних тюрок в Саяно-Алтае и Монголии (Савинов Д.Г., 1984, с. 132, 133). В древнетюркских памятниках Тянь-Шаня обнаружены редкие формы стремян с оригинальной системой крепления. Ремень пропускался в отверстие в верхней части петли, оборачивался вокруг поперечной перекладины и возвращался наверх (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 38, рис. 13).

Основные формы стремян с округлой или пластинчатой петлей, характерные для культуры древних тюрок на Тянь-Шане имели широкую хронологию бытования в пределах VI–X вв. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 123; Могильников В.А., 1981, с. 37).

Уздечные ремни в древнетюркских погребениях с лошадьми на Тянь-Шане встречаются сравнительно редко. В исследованных в последние годы погребальных памятниках древних тюрок Кочкорской долины были обнаружены две частично сохранившиеся благодаря большому количеству бронзовых бляшек ременные узды, различные по конструкции и декоративному оформлению. В женском погребении могильника Беш-Таш-Короо II в кург. № 20 частично сохранились нащечные, наносный, подчелюстной и подшейный ремни от узды с декоративными подвесными ремешками, обильно украшенными бронзовыми бляшками. Судя по сохранившимся ремням, узда состояла из двух нащечных, наносного, налобного, затылочного, подчелюстного и подшейного ремней. Нащечные ремни имеют петли для соединения с удилами. Система соединения ремней узды между собой разнообразна. В местах соединения ремни или прошивались, или продевались один сквозь другой, либо связывались узлами. Ремни с левой и правой сторон узды соединены по-разному. С левой стороны нащечный ремень

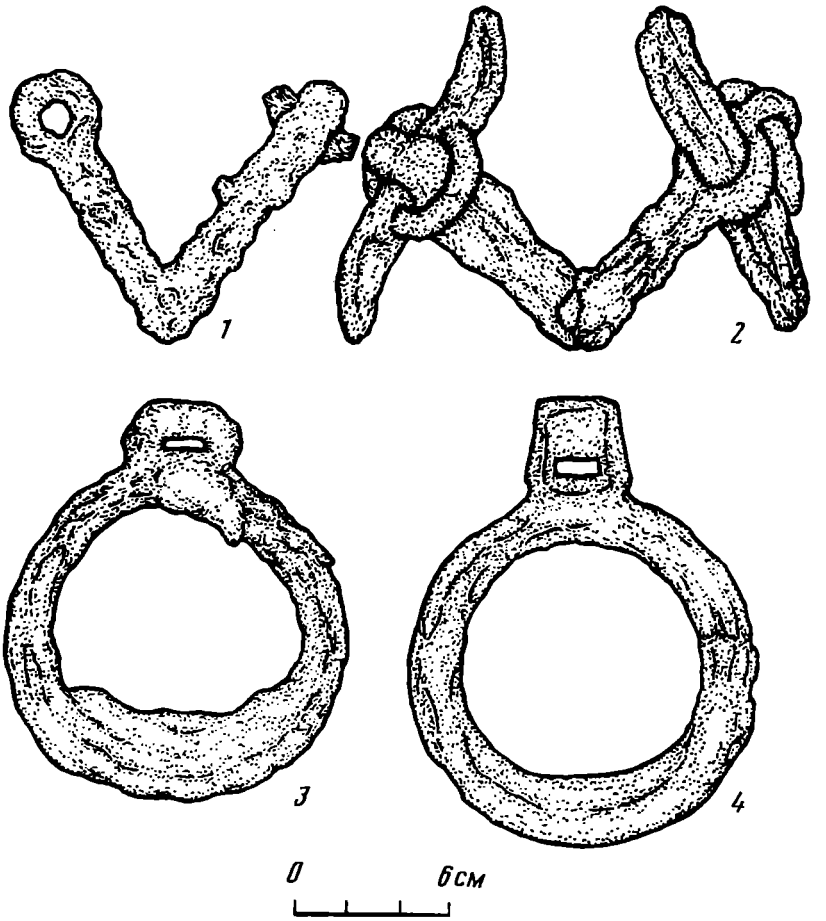


Рис. 4. Удила и стремена из дневнетюркских погребений с лошадьми из могильника Беш-Таш-Короо II: *1, 3* – кург № 20; *2* – кург. № 21; *4* – кург. № 37

перекрещивается с наносным и подчелюстным, а с подшейным завязан узлом. С правой стороны подчелюстной ремень продет в нащечный, а нащечный продет в наносный и перекрещивается с подшейным. К нащечному, подшейному и затылочному ремням крепились декоративные подвесные ремешки. С обеих сторон узды сохранилось по четыре таких ремешка. Некоторые ремешки завязаны узлом на подшейном ремне. Крепление остальных подвесных ремешков не вполне ясно, поскольку места соединения не сохранились. К ремням и подвесным ремешкам с обеих сторон узды крепились бронзовые бляшки различных форм. Они прикреплялись к ременной основе с помощью шпеньков и заклепок. С левой стороны узды на нащечном ремне, в местах соединения с наносным и подчелюстным, и рядом с петлей для крепления удил размещены две большие округлые уплощенные бляхи. На нащечном ремне находятся четыре сферические бляшки. По одной бляшке сферической формы расположено на наносном и подчелюстном ремнях. Сферические бляшки расположены симметрично вокруг большой округлой бляхи, прикрепленной в месте соединения нащечного с наносным и подчелюстным ремнями. На подвесных ремешках к нижнему концу крепилось по две сферические и одной прямоугольной бляшке с рифлеными краями. Они образуют одну и ту же композицию из соединенных в ряд сферической, прямоугольной и еще одной сферической бляшки. Одна сферическая бляшка находится в месте соединения подвесного ремешка с узлом, распределителем уздечных ремней (рис. 5, *2*).

С правой стороны узды на нащечном ремне большая округлая, уплощенная бляха находится в месте соединения нащечного, налобного, затылочного и подшейного ремней. Вокруг нее на нащечном, затылочном и подшейном ремне расположено по одной сферической бляшке. На двух подвесных ремешках, которые должны были крепиться к затылочному ремню, имеется по две сферические и по одной прямо-

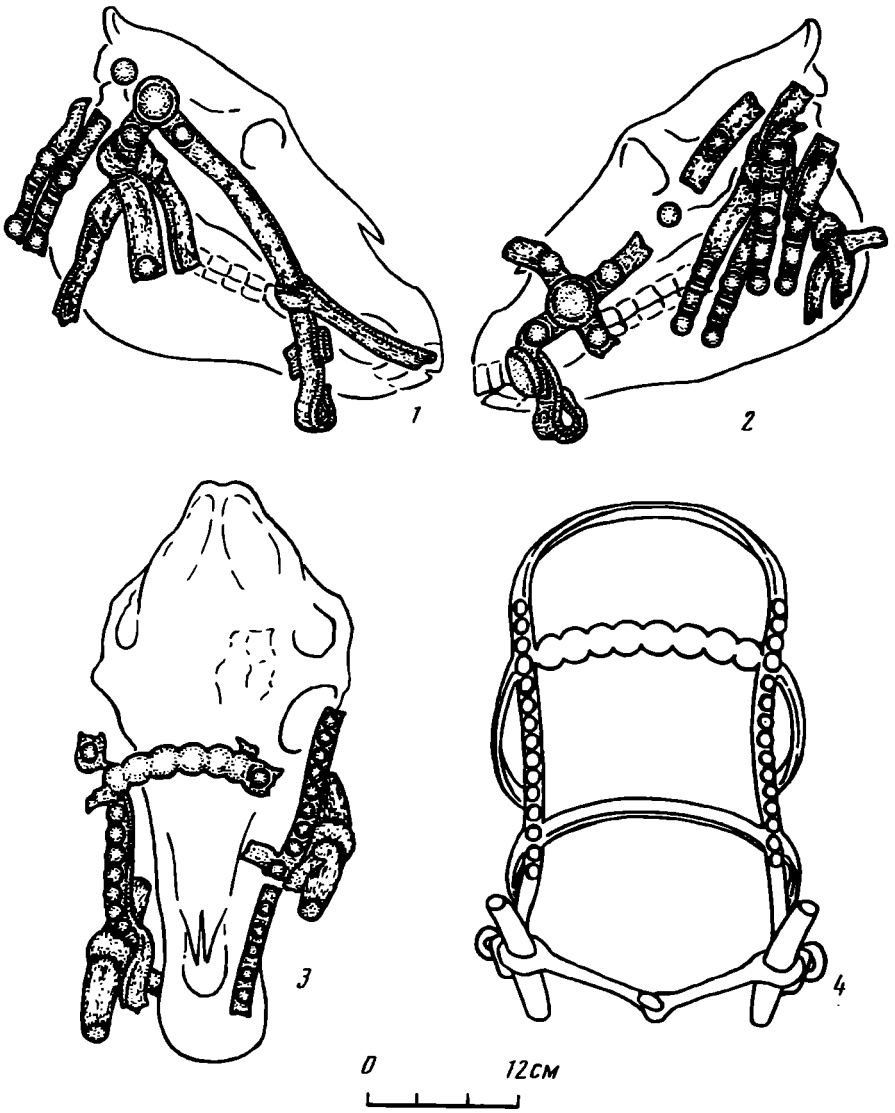


Рис. 5. Детали узды из древнетюркских погребений с лошадьми могильника Беш-Таш-Короо II: *1, 2* – кург. № 20; *3* – кург. № 30; *4* – реконструкция узды из кург. № 30

угольной бляшке с рифлеными краями, соединенные в композицию. На одном из ремешков, завязанных узлом с подшейным ремнем сохранилась только одна сферическая бляшка, на другом подобном ремешке нет ни одной бляшки (рис. 5, *1*).

Обращает на себя внимание асимметричность в количестве бляшек и системе соединения ремней с разных сторон узды. На левой стороне узды расположено больше бляшек разных форм, и размещены они по всей длине нащечного ремня. На правой стороне бляшки сгруппированы вокруг места соединения нащечного, налобного, затылочного и подшейного ремней. Возможно, такая асимметрия связана с тем, что левая сторона, с которой осуществлялась посадка всадника в седло, считалась "парадной" и украшалась бляшками более обильно, нежели правая.

Более простая по конструкции и оформлению узда обнаружена на черепе лошади в погребении в кург. № 30 могильника Беш-Таш-Короо II. С обеих сторон от черепа коня сохранились нащечные ремни с бляшками и налобный ремень. На левом нащечном ремне было укреплено 14 сферических бляшек и 8 таких же бляшек на правом нащечном ремне. На налобном ремне – семь сферических бляшек. Необычно размещение бляшек внутри налобного ремня, сложенного вдвое повдоль и накрывшего сферические бляшки. Подобное расположение бляшек совершенно непонятно, если

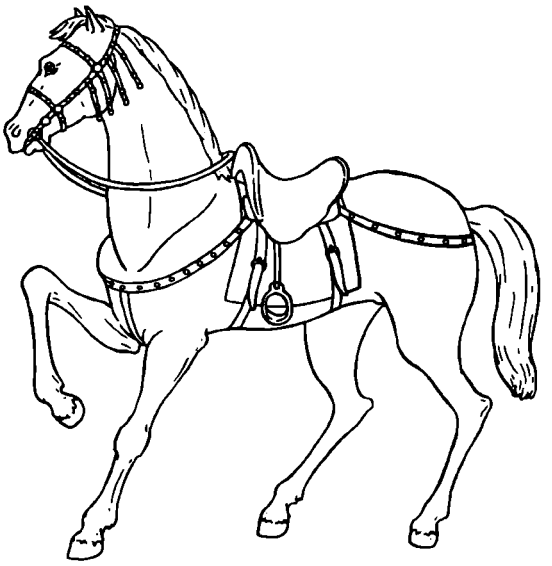


Рис. 6. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня

учесть, что металлические бляшки и накладки крепились к ремням снаружи в качестве украшений, чтобы блестеть и привлекать внимание (рис. 5, *3*).

В реконструированном виде подобная узда состояла из двух нащечных, наносного, налобного, затылочного, подшейного и подчелюстного ремней (рис. 5, *4*).

Подобные бляшки округлой, сферической и прямоугольной формы встречаются в памятниках кочевников на территории Евразии в эпоху раннего средневековья. В памятниках культуры древних тюрок они обнаружены в составе уздечных наборов на могильнике Кудыргэ в Горном Алтае и на могильнике Озен-Ала-Белиг в Туве (Гаврилова А.А., 1965, с. 23; Вайнштейн С.И., 1966б, с. 313).

Аналогичные уздечки, украшенные округлыми и сферическими бляшками, но без декоративных подвесных ремешков, изображены на фресках Пенджикента VII–VIII вв. (Распопова В.И., 1980, с. 99).

В большинстве среднетюркских погребений с лошадьми, исследованных в Кочкорской долине Тянь-Шаня, обнаружены железные удила. Обычно они находились между челюстями лошади, реже под нижней челюстью, или рядом с черепом.

Все удила двусоставные, с равными звеньями. Встречаются удила с однокольчатыми окончаниями звеньев (рис. 4, *1*). Подобные удила снабжались кольчатыми псалиями в виде массивных больших колец, или деревянными и роговыми стержневыми псалиями (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 37). Реже встречаются удила с двукольчатыми окончаниями звеньев и стержневыми изогнутыми, "эсовидными" псалиями (рис. 4, *2*). Удила подобных форм были очень широко распространены в культурах кочевников Евразии в эпоху раннего средневековья (Савинов Д.Г., 1984, с. 134). Они бытовали в течение длительного времени. Удила с роговыми стержневыми псалиями разных форм встречаются в Центральной Азии в памятниках хуннского и древнетюркского времени (Савинов Д.Г., 1984, с. 135). Удила с массивными кольчатыми псалиями характерны для периода развитого средневековья и бытуют до этнографической современности (Савинов Д.Г., 1977, с. 38).

Реконструкция конского убранства из древнетюркских памятников Центрального Тянь-Шаня, благодаря находкам не только металлических, но и деревянных, роговых и кожаных деталей может быть достаточно полной. Узда включала нащечные, наносный, налобный, затылочный, подшейный и подчелюстной ремни. Иногда к нащечным и затылочному ремням крепились декоративные подвесные ремешки. Уздечные ремни украшались бронзовыми округлыми, сферическими и прямоугольными бляшками. Узда включала железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями и повод. Седло имело жесткий деревянный остов с вертикальной передней и наклонной

задней луками, и с полками ленчика, имеющими округлые лопасти в нижней части. Седло крепилось на лошади с помощью нагрудного и подшейного ремней, которые иногда украшались сферическими бляшками, и подпружных ремней, от которых сохранились железные или роговые пряжки. К седлу подвешивались на ремнях железные стремена (рис. 6).

Реконструируемое конское убранство, судя по приведенным аналогиям из памятников средневековых кочевников Центральной Азии, должно относиться ко времени существования Западнотюркского и Тюргешского каганатов, в состав которых входили долины Центрального Тянь-Шаня в VII–VIII вв. н.э. Снаряжение верхового коня у западных тюрок было достаточно совершенным для своего времени и не имело существенных отличий от конского убранства восточных тюрок. В эпоху раннего средневековья основные элементы конского убранства, характерные для культуры древних тюрок, получили широкое распространение у кочевых и оседло-земледельческих народов Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. № 4.

Вайнштейн С.И., 1966а. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. № 3.

Вайнштейн С.И., 1966б. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М.; Л.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Кибиров А.К., 1967. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. Вып. XXVI.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) М.

Могильников В.А., 1981. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Овчинникова Б.Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск.

Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Савинов Д.Г., 1977. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. № 1.

Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.

Табалдиев К.Ш., 1996. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С., 1997. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // РА. № 3.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск
Кыргызский государственный национальный университет,
Бишкек

Y.S. KHUDYAKOV, K.Sh. TABAIDIEV

THE RECONSTRUCTION OF HORSE HARNESSES OF OLD TURKIC PEOPLES FROM THE CENTRAL TIEN SHAN

Summary

This paper is focused on items of horse harness found in Old Turks burials and commemoration structures that have been recently investigated by scholars from Kirghiz State National University in the central Tien Shan. In the course of excavations carried out on Old Turks sites located in the Kochkorskaya Valley, a series of wooden saddles, iron stirrups and bits, leather straps with bronze plates from bits and saddles were found. These finds are conducing to the reconstruction of sets of saddle-horse harness used by Old Turks inhabiting the central Tien Shan in the 7th – 8th centuries AD. Throughout the Early Middle Ages, main elements of the horse harness typical for the culture of Old Turks were widely spread in many nomadic and sedentary populations of Eurasia.

В.Г. МИРОНОВА

СТАРАЯ РУССА В ДРЕВНОСТИ

Старая Русса, один из древнейших славянских городов, расположенный в Южном Приильменье, издавна привлекала внимание историков. Однако долгое время исследование древней истории города ограничивалось незначительными краеведческими изысканиями, опирающимися на немногочисленные письменные источники, легенды и фольклор (Пылаев В., 1916). Несмотря на то, что впервые город упомянут в летописи под 1167-м годом (Новгородская первая летопись, с. 32), особым вниманием летописцев он не пользовался. Привлекательным казалось присутствие в названии города термина "Старая", что давало повод предположить его первоначальное происхождение по отношению к "новому" городу (Новгороду) (Татищев В.Н., 1964, с. 77). Некоторые возводили даже появление термина "Русь" от названия города (Герберштейн С., 1908, с. 1). Позднейшие исследования убедительно доказали несостоятельность этих домыслов. Дело в том, что термин "Старая" по отношению к Руссе появился лишь в XVI в. (тогда она еще писалась "Руса" – с одним "с"), а современное название город получил лишь в XVIII в.

К 30-м годам XX в. стало очевидно, что без археологических раскопок решить вопрос о действительном времени возникновения города невозможно. Первую попытку такого исследования предпринял А.А. Строков в 1939-м году (Строков А.А., 1940а, с. 19–31). По аналогии с топографическим расположением многих древнерусских городов на мысах при слиянии рек, ручьев, в Руссе также были заложены раскопы на мысу при слиянии рек Полисть и Порусье (Перерытица) (№ V, рис. 1). Однако выводы автора о состоянии и возможностях культурного слоя города были неутешительны – характеристика предполагаемого места первоначального заселения города, удобный мысовой участок, была однозначной: культурные напластования датируются временем не ранее XIV в. и перспектив для дальнейшего исследования не представляют из-за отсутствия планов города до XVII в., а также из-за скудости летописного материала, не позволяющего уточнить место древнейшего поселения (Строков А.А., 1940б, с. 19).

Великая Отечественная война нарушила планы дальнейшего археологического исследования города и лишь в преддверии его 800-летия (по летописи) раскопки под руководством А.Ф. Медведева были возобновлены. Была поставлена задача – "выяснение времени основания города, места древнейшего поселения, характера городской застройки, оборонительных сооружений, древнейшей планировки, ремесленного производства и промыслов, социальной топографии и облика материальной и духовной культуры горожан" (Медведев А.Ф., 1967, с. 275). На основании анализа письменных и картографических источников, наблюдений местных краеведов было предварительно установлено местоположение древнейшего центра города, расположенного (ориентировочно) в районе Старорусского курорта и прилегающей к нему территории. Там и были заложены первые раскопы. Продолжение исследования этой территории ведется по настоящее время. Уже первые годы раскопок выявили культурные напластования мощностью от 2,5 до 5 м и дали материал, датируемый рубежом XI–XII вв.

Дополнительным материалом для изучения мощности культурного слоя, свидетельствующего о большей или меньшей интенсивности жизни на данном участке, является систематический сбор и обработка данных геологического бурения, ис-

© В.Г. Миронова, 1999 г.

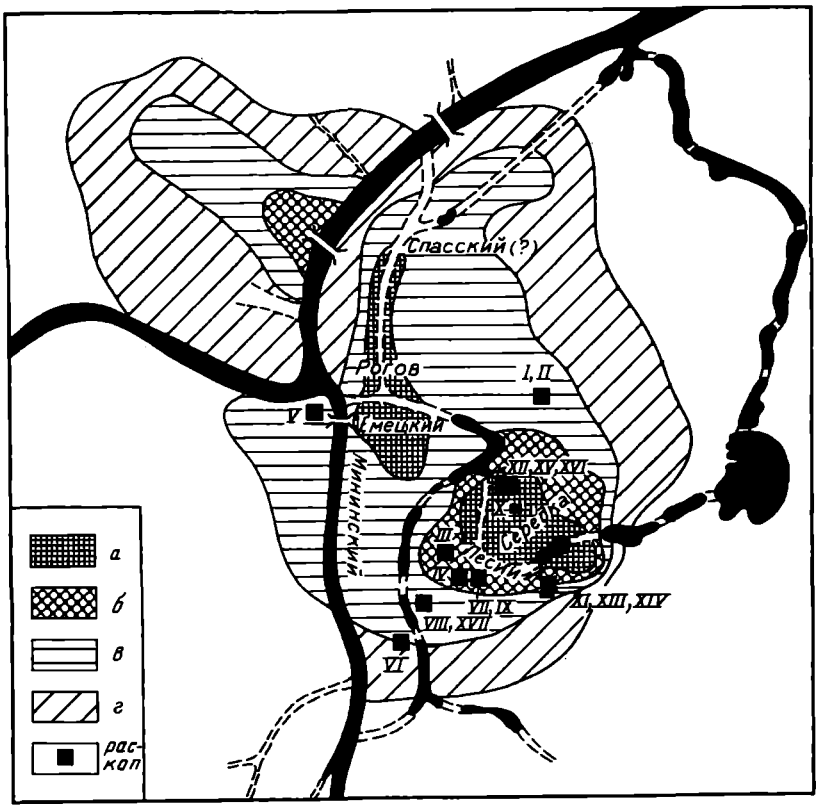


Рис. 1. Карта-схема расположения раскопов и концов
а – мощность от 5 до 7 м; *б* – мощность от 3 до 5 м; *в* – мощность от 2 до 3 м; *г* – мощность до 2 м

пользуемых для предварительного исследования грунта на месте предполагаемой застройки. Этот опыт не нов. Его с успехом применил для исследования культурного слоя Новгорода И.И. Кушнир (Кушнир И.И., 1960, с. 217–224). Поместив на городскую карту все имеющиеся данные геологического бурения, автор смог получить полную картину распространения культурного слоя в пределах средневекового города, выделить места его наибольшей концентрации и справедливо связать их с древнейшими местами поселения.

Для Старой Руссы также была проделана подобная работа. Здесь собраны и картографированы более ста буровых скважин на территории древней части города. Отметим, что разрез буровой скважины не фиксирует характер и структуру культурного слоя, он выделяет лишь верхние рыхлые слои поздних отложений, отличая их от более плотных слоев, характерных для средневекового времени и, наконец, фиксирует геологическую основу – материк. По этой причине важно лишь относительное сопоставление мощности слоя при том условии, что слой большей мощности, как правило, при равных возможностях образования соответствует более длительному времени его накопления. Одним словом, чем мощнее слой, тем дольше он накапливался и тем в более раннее время он начал образовываться. В качестве доказательства справедливости этого положения могут служить данные раскопок соответствующих бурам участков. Во всех случаях отмечено: там где геологические шурфы-буры расположены вблизи мест археологических раскопок, данные по мощности культурного слоя практически совпадают и соответствуют сравнительной датировке. Это лишний раз убеждает в достоверности данных геологического бурения с точки зрения хронологии и позволяет относиться к ним с достаточным доверием.

При картографировании данных буровых скважин на правобережной части р. Порусье (Перерытица) четко выделяются три "пятна" наиболее мощной концентрации культурного слоя, достигающего 4–6 м (рис. 1). Особый интерес в этой связи пред-

ставляет участок, расположенный на изгибе ручья, впадающего в р. Поручье, точнее в р. Малашка – ее старицу. По своему топографическому расположению это высокий кореной берег реки (превышение над уровнем воды свыше 10 м), даже в настоящее время представляющий собой хорошо очерченное всхолмление. При впадении ручья в реку образуется характерный мыс. Именно такие места являются, как правило, общепризнанными для древнерусских поселений "с планировкой оборонительных сооружений полностью повторяющих особенности рельефа местности" (Куза А.В., 1985, с. 39). Используя природный рельеф для создания укрепленного поселения на этом мысу, достаточно было лишь немного подравнять, эскарпировать склоны к водной преграде, а с напольной стороны – соорудить вал и ров. О сооружении в Руссе вала ("город обложиша") и деревянного укрепления ("срубища в Русе город") (Новгородская первая летопись, 1950, с. 45) говорится в летописном сообщении, относящемся к 1200-му году. На то, что это место является древнейшим, указывает и тот факт, что именно в этой части города культурный слой имеет самые мощные напластования. Однако, вероятнее всего, городские укрепления в Руссе появились значительно раньше. Об этом свидетельствует летописный текст, приведенный В.Н. Татищевым, где под этим же 1200-м годом говорится, что "новгородцы в Русе, разломав ветхую крепость, построили новую, понеже прежних стен и стрельниц несколько сгорело, другие от древности развалились" (Татищев В.Н., 1964, с. 167). Вполне очевидно, что прежде чем разрушиться "от древности", деревянные укрепления должны были просуществовать не один десяток лет.

Дополнительные указания на то, что именно здесь находился древний городской центр, дает и расположение поблизости торговой площади – древнего торга. В 1403-м году новгородские купцы-прасолы поставили здесь "церковь камену Бориса и Глеба на торгу" (Новгородская первая летопись, 1950, с. 397). Недалеко от нее находилась и церковь Параскевы-Пятницы, являющейся, как известно, покровительницей торговли. В обозначенный участок входит и церковь Николы, которая территориально отмечается писцовыми книгами как находящаяся "в городке", а примыкающая к ней улица – "Никольской в городу" (Новгородские писцовые книги, 1905, с. 206, 207). Традиционно административным остается этот центр и в XV в. – здесь размещается двор наместника.

Таким образом, представляется вполне очевидным, что вышеобозначенный мысовой останец и является местом первого старорусского укрепленного поселения, которое на протяжении долгого времени оставалось политико-административным и торгово-хозяйственным центром города. Площадь этого "городка" составляет около 6 га, что вполне укладывается в размеры укрепленных центров древнерусских городов XII–XIII вв., где "для поселений с укрепленной площадью свыше 2,5 га характерен практически весь набор "городских показателей" (Куза А.В., 1985, с. 47).

Возвращаясь к местам концентрации мощности культурного слоя и нанеся их на топографическую основу города, можно попытаться связать массивы наиболее мощных напластований с древними административно-территориальными городскими центрами. В этой связи наиболее полные и более или менее систематические сведения представляют материалы писцовых книг XV–XVII вв. – сводок документации хозяйственного характера, составленных для упорядочения и централизации податного земельного обложения. По данным писцовых книг в конце XV в. Русса была достаточно крупным городским центром. Как и многие другие древнерусские города в административном отношении она делилась на городские концы. Писцовые книги конца XV в. содержат полное описание двух концов – Рогова и Песьего и частично – Минина и Середки (Новгородские писцовые книги, 1905, с. 206, 207). В более поздних источниках (XVI–XVII вв.) названы Емецкий конец и проблематично Спасский (Строков А.А., 1940). Имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность сопоставить сведения о распространении культурного слоя с границами городских концов, этих самоуправляющихся районов, которые составляли общегородскую территорию.

Топография кончанской структуры древнерусского города неоднократно привлекала внимание ученых, начиная с XIX в. (Красов И., 1851). Специальная работа посвящена этой теме А.В. Арциховским (1945, с. 3–58). По мнению В.О. Ключевского "Новгород составился из нескольких слобод или поселков, которые сначала были самостоятельными обществами, а затем соединились в одну большую городскую общину. Следы этого самостоятельного существования составных частей Новгорода сохранились и позднее в распределении Новгорода на концы" (Ключевский В.О., 1957, с. 55). По мнению В.Л. Янина и М.Х. Алешковского, "Новгород по мере своего роста не распадался на концы, а образовывался из этих концов" (Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971, с. 41, 56).

Возвращаясь к упоминанию в писцовых книгах пяти концов (Спасский не назван "концом", но выделен особой территорией при Спасо-Преображенском соборе) и опуская здесь подробности процесса идентификации их с самыми мощными "пятнами" культурных напластований, отметим, что все они четко укладываются в границы концов. Местоположение концов определяется, как правило, по упоминанию в источниках вполне определенных ориентиров. Обычно такими отправными пунктами являются архитектурные сооружения – деревянные и каменные церкви, монастыри, расположение которых хорошо известно. Таковыми являются Спасо-Преображенский собор, церковь Успения "с поля", церковь Бориса и Глеба "на торгу" и др. Все названные концы расположены на правобережье рек Полисть и Порусье (рис. 1).

При сопоставлении мощности культурного слоя, связанного с территорией определенного конца, выясняется, что самые глубокие слои (4,5–6 м) соответствуют трем из них, а именно Середке, Песьему и Емецкому. Вкратце охарактеризуем каждый из них.

Конец Середка. Уже этимологическое значение его названия свидетельствует о серединном, центральном его расположении. Именно этот участок находится на мысу у р. Порусье и по всей вероятности является древнейшим городским ядром. Это подтверждается и археологическими раскопками, вскрывшими здесь культурный слой мощностью до 6 м – раскопы I, II, X, XII, XV, XVI. Нижние горизонты их датируются временем не позднее начала – середины XI в. (золотостеклянные боченковидные бусы, бисер, стеклянные глазчатые бусы, костяные гребни-расчески и т.д.). Следует отметить, что с самого раннего времени на этом месте складывается стабильная усадебная планировка, неразрывно связанная с уличными магистралями. Так, в раскопе X, расположенном вблизи Старорусского курорта, вскрыто 26 ярусов мостовой Петропавловской улицы с прилегающими к ней жилыми, производственными и хозяйственными постройками. Если предположить, что именно территорию конца Середка окружали первые городские укрепления, то можно говорить о формировании его основного ядра уже с начала – первой половины XI столетия.

Песий конец. Происхождение названия неизвестно. Напомним лишь, что в известной волости Жабна также имеется Песий конец. Территория конца находится к югу и юго-западу от Середки. Топографическим ориентиром является Никольская церковь. Факт существования на этом месте одного из ранних очагов освоения городской территории иллюстрируется археологическими раскопками (раскопы III, IV, VII, IX), вскрывшими напластования культурного слоя мощностью свыше 4 м, нижние слои которого датируются XI–XII вв.

Емецкий конец. Расположен на правом берегу р. Порусье при впадении ее в р. Полисть. Происхождение названия – древнее, происходит от слова "емец", означающее – чиновник по сбору дани, вир. Известен со времен Русской Правды (Правда Русская, 1940, с. 72, 81), упомянут в надписи на новгородском деревянном цилиндре XI в. (Янин В.Л., 1982, с. 138–141). В пределах этой территории расположены древние улицы Емецкая и Великая. Данные геологического бурения фиксируют здесь мощный культурный слой – до 4,5–5 м. Археологические раскопки на этом участке не проводились.

Мининский и **Рогов** концы расположены на периферии от указанных центральных.

Рис. 2. Мостовая XIII в.

Мощность культурного слоя здесь не превышает 2–2,5 м. Данные шурфовки определяют время первичного заселения этих участков временем не ранее XIV в.

И, наконец, последний очаг концентрации культурного слоя находится в районе расположения Спасо-Преображенского монастыря. Мощность напластований достигает здесь 2,5–2,8 м. Документированного, четко названного письменными источниками Спасского конца как такового нет. Монастырь Спаса "что в Русе на посаде", естественно, явился своего рода центром, вокруг которого формировались жилые кварталы монастырских слобод. Оформились ли они в особую административно-территориальную городскую единицу – неизвестно. Отнестись с полным доверием к сведениям XVIII–XIX вв. о наличии в городе Спасского конца считаем преждевременным. Вполне вероятно, что поздние источники могли произвольно выделить в качестве конца "Спасскую слободу", которая существовала как самостоятельная единица монастырской обители.

Подводя итоги о процессе формирования отдельных городских концов Старой Руссы (Русы), можно в качестве гипотезы выделить несколько сюжетов. Как было указано, в границах древнего города, где зафиксированы наиболее мощные культурные напластования, выделяются три центра. Они соответственно соотносятся с тремя городскими концами – Середка, Песий, Емецкий. Эти три конца занимают наиболее удобные в топографическом отношении точки: как правило, это мысовые останцы, с крутыми склонами, ограниченными водными рубежами. Эти концы сконцентрированы вокруг предполагаемого места древней городской цитадели. По всей вероятности, именно эти концы и составляли первоначальное городское ядро. Сама собой напрашивается аналогия с существованием трех древнейших городских концов Новгорода, также расположенных вокруг Новгородского Кремля. Остальные территориально-административные образования сформировались, вероятно, в более позднее время по мере роста городской территории "вширь", что подтверждается менее мощными культурными напластованиями.

При археологических раскопках в городе вскрыто более 100 жилых, производственных и хозяйственных сооружений (рис. 2–4). Попытки расчленить жилые

Рис. 3. Мостовая XII в.

Рис. 4. Настил пола сруба XV в.

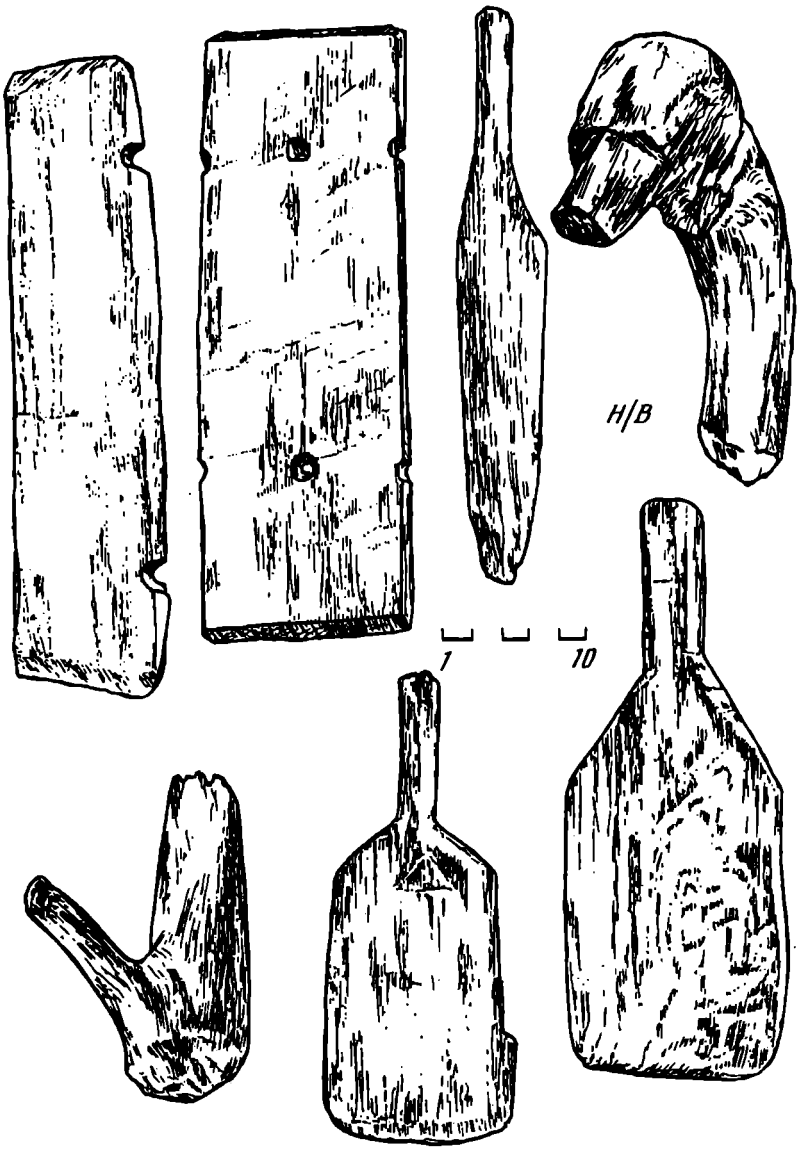


Рис. 5. Предметы из дерева XII–XIII вв.

постройки по их социальному признаку, исходя из планировочной конструкции, результатов не дают. Например, дом, принадлежащий боярину Демьяну (раскопы XI, XIII), ничем не отличается от одновременных ему жилых построек "рядовых" рушан, а выделяется на их фоне лишь более богатым инвентарем. Приходится отказаться от бытующего мнения о том, что однокамерные дома XI–XIII вв. принадлежали лишь бедному посадскому люду, а двухкамерные пятистенки – богатым горожанам. Надо полагать, что различия "бедных" и "богатых" сооружений надо искать не в планировочной структуре, а лишь в большем объеме постройки. Здесь, вероятно, сказываются традиционные приемы жилого домостроительства, наиболее долго сохранявшего этнокультурные корни и менее других сфер материальной культуры поддававшегося внешнему влиянию.

Культурный слой Старой Руссы чрезвычайно насыщен находками. Специфика культурного слоя города, представляющего собой почву повышенной влажности без доступа воздуха позволяет хорошо сохраняться органическим материалам – дереву, коже, кости, бересте и др. Особенно насыщен слой предметами из дерева. Найдены бытовые вещи (чашки, ложки, мутовки, лопатки, крюки, гребни, вальки, ведра и пр.), вещи производственного назначения – чекмари, чесала, детали ткацкого станка, веретена, нагели, подпятники и т.д. Встречено много деревянных стрелок, притупленных

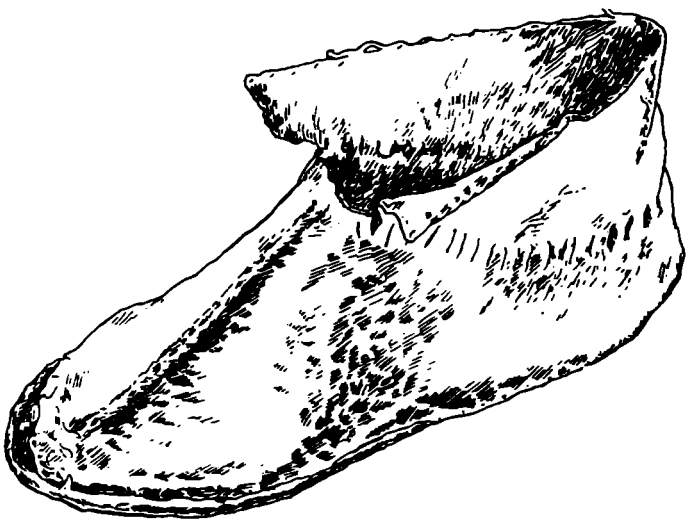


Рис. 6. Кожаная туфля XII в.

Рис. 7. Кожаный поршень XII в.

на конце для охоты на пушного зверя. Интересны зооморфные и антропоморфные навершия. Одним словом категории и количество деревянных находок не перечесть (рис. 5).

Достаточно много обнаружено кожаной обуви (целой и фрагментов) – мужские сапоги, женские и детские туфли и поршни. Обращает на себя внимание тот факт, что в XII–XIII вв. обувь выделывалась более тщательно, чем в другое время, нередко она вышивалась (рис. 6, 7). Кроме обуви из кожаных изделий найдены ножны, кошельки, детские мячи, пояски и т.д.

Много костяных изделий – гребни, рукоятки ножей, различной формы простые и ажурные накладки. Изделия из кости нередко украшались циркульным орнаментом.

Железные предметы – орудия труда (топоры, молотки, ножи, тесла, косы, замки, ключи, скобы), оружие – наконечники стрел, копий, боевые топоры и др.

Женские украшения многочисленны: стеклянные бусы, браслеты, височные кольца, стеклянные, бронзовые перстни, поделки из янтаря и др.

Целая серия находок связана с солеваренным производством, которое практически являлось основой городского хозяйства с самого раннего времени. Отмечено, что "соли в этой стране весьма много". В слоях XII в. найдены остатки одной из самых древних солеварен. Сотнями исчисляются находки обломков ценов – сковородок для выпаривания соли. Недаром солеваренная печь включена в древний герб города (рис. 8).

Однако самыми "драгоценными" находками являются берестяные грамоты. К настоящему времени в слоях XI–XV вв. их найдено 32 экз., первая из которых найдена в 1966 г., последняя – в 1998 (рис. 9). Общеизвестно значение находок этих уникальных документов, каждый из которых представляет оригинальное "письмо из прошлого". По своему содержанию они многоплановы – здесь и бытовая переписка и долговые обязательства и жалобы "холопов" господину и указания по хозяйству и пр. Особый интерес представляет комплекс, состоящий из девяти грамот, найденных в 1985 г. и относящихся к первой половине XII в., который иллюстрирует частное делопроизводство эпохи Русской Правды. Этот комплекс почти полностью состоит из

Рис. 8. Солеваренная печь XIII в.

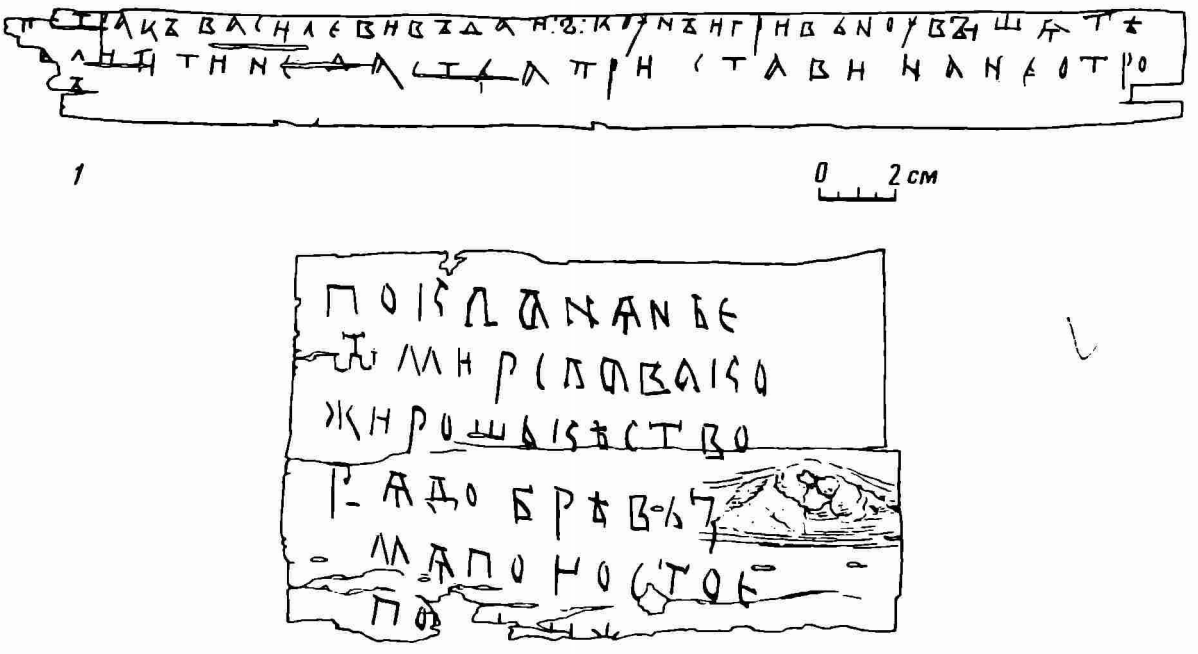


Рис. 9. Берестяные грамоты № 15 (*1*); 17 (2) XII в.

долговых записей. Документы связаны, по-видимому, с владетельным ростовщиком (или его близкими), дававшими в долг денежные ссуды. Упоминание в грамотах различных наименований денежных единиц (гривна, ногата, резана и др.) дает новый дополнительный материал для исследования древнерусского денежного обращения. Эти грамоты могут стать источником по уточнению истории сложения древнерусской метрологической номенклатуры, времени появления тех или иных названий, замены одного другим и т.д. Особое значение этого комплекса в данном аспекте заключается в том, что речь идет о денежно-весовых единицах так называемого безмонетного

периода. Наконец, эти грамоты являются уникальным источником для воссоздания истории русского языка в древнейший период, в частности, характеристики новгородского диалекта. Определенные выводы можно сделать в области фонетики, морфологии и лексики древнерусского диалекта в пределах Новгородской земли.

Много возможностей они открывают в сфере русской ономастики.

В заключение отметим, что культурный слой Старой Руссы содержит еще много потенциальных возможностей для его изучения. Отметим лишь, что в средневековое время (к XV в.) его площадь составляла около 200 га, а археологическими раскопками вскрыто лишь около 1800 м^2. Будущие археологические раскопки дадут новые материалы, которые позволят уточнить все принципиальные вопросы, связанные с историей этого древнего города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В., 1945. Городские концы в Древней Руси // Исторические записки. Т. 16. М.

Герберштейн С., 1908. Записки о московитских делах. СПб.

Ключевский В.О., 1957. Сочинения. Т. 2. М.

Красов И., 1851. О местоположении древнего Новгорода. Новгород.

Куза А.В., 1985. Древнерусские поселения // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.

Кушнир И.И., 1960. О культурном слое Новгорода // СА. № 3.

Медведев А.Ф., 1967. Из истории Старой Руссы // СА. № 3.

Новгородская первая летопись, 1950. М.; Л.

Новгородские писцовые книги, 1905. Т. IV. СПб.

Правда Русская. Тексты, 1940. Т. I. М.; Л.

Пылаев В., 1916. Старая Русса. I. Сергиев Посад.

Строков А.А., 1940а. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород.

Строков А.А., 1940б. Земельные владения и соляные варницы Новгородского Юрьева монастыря в Старой Руссе // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород.

Татищев В.Н., 1964. История Российская. Т. III. М.

Янин В.Н., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский исторический сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

V.G. MIRONOVA

STARAYA RUSSA IN ANCIENT TIMES

Summary

On the basis of 30 years of excavations historical framework of the city development, the formation of its administrative and territorial entities, their relations with the thickness of the occupation layer have been restored. Excavations have helped uncover around 1800 m^3 of the old city territory with the layers dating to the 9th – 15th centries. A compact and damp occupation layer makes it possible to preserve items made of organic materials, i.e. wood, leather, bone, tree bark, etc. Main wooden sidewalks with surrounding dwellings, production and household buildings form a clear cut mansion construction. Numerous finds found during the excavations show that the citizens of the city achieved a high level of the material and cultural development.

Ю.Ю. МОРГУНОВ

О ПОГРАНИЧНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА НА ПЕРЕЯСЛАВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

В литературе неоднократно поднимался вопрос о постройке Владимиром Святославичем серии "городов" в связи с активизацией печенежской экспансии в конце X в. и возникшей из-за этого потребностью в защите южных границ Руси. Вопрос был поднят на основании хорошо известного сюжета Повести временных лет, помещенного под 988 г.: «И рече Володимер: "Се не добро, еже мало городов около Киева", и нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеви, и по Суле. И нача нарубати муже лучьшие от словен, и от кривич, и от чюди, и от вятич. И от сих насели грады: бе бо рать от печенег, и бе воюяся с ними и одоляя им» (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 121).

К настоящему времени проблематика, возникшая на основе этого известия, разделилась на взаимосвязанные, но порой играющие самостоятельную роль течения. Основными из них являются: а) датировка и длительность оборонительного строительства; б) поиски "городов" Владимира и критерии их датировки; в) реконструкция комплекса методов защиты древнерусских границ с помощью оборонительных сооружений; г) "мужи лучшие" и их роль в заселении и укреплении южных рубежей государства; д) полнота "списка рек" как отражение реальности очерченного Владимиром ареала.

Поиски временны́х пределов создания Владимиром серии порубежных крепостей требуют хотя бы краткого анализа истории взаимоотношений Руси с печенегами, имевшей извилистый путь и пережившей ряд коренных изменений. Среди них и следует искать период наибольшей необходимости в массовых оборонительных мероприятиях.

Первый этап соседства двух народов происходил достаточно спокойно: после мирного акта 915 г. для совместной войны с Византией, кочевники в 944 г. помогали Руси в походах на греков и болгар. Нападение степняков на Киев в 968 г. надежно увязывается с результатами греческой, а убийство Святослава – с деятельностью болгарской дипломатии и объяснимым желанием кочевников при возможности отнять у славян балканскую добычу. Это была эпоха освоения новыми хозяевыми просторов причерноморских степей и оценки боевых качеств соседей. За 65 лет источники не отметили случаев серьезного противостояния Руси и степи; глухие отзвуки, видимо, не имевших серьезных последствий столкновений и миров отмечены и в ПВЛ под 920 г., и Никоновской летописью, и источниками, которыми пользовался В.Н. Татищев. Такая неопределенная паритетность взаимоотношений около середины X в. подчеркивается и противоречивостью мнений современников: Константин Багрянородный считал печенегов врагами Руси, а Ибн Хаукаль принимал их за союзников.

Начало следующей фазы взаимоотношений связано с внутренней русской усобицей. После убийства Ярополка Святославича его воевода Варяжко в 980 г. из мести нанял кочевников и "много воева Володимера с печенегы". Участие в русских феодальных войнах вскоре привело степняков и к самостоятельным активным действиям. Своего пика их натиск достиг в 993–997 гг., когда кочевое воинство доходило до стен Переяславля и Белгорода, а великому князю однажды пришлось прятаться от него в Василеве под мостом.

После 997 г. источники фиксируют спад натиска: в 1015 г. печенеги уклонились от встречи с ратью князя Бориса, а в том же и в 1019 гг. все же сотрудничали со

© Ю.Ю. Моргунов, 1999 г.

Святополком, но уже в качестве наемников. Может быть, современникам перелом в степной активности и не казался столь уж резким: источники В.Н. Татищева отмечали отзвуки каких-то стычек под 1000, 1001 и 1004 гг. Но в любом случае около 1008 г. католический миссионер Бруно Кверфуртский засвидетельствовал, что к этому моменту южные границы Руси уже были защищены завалами (засеками), снабженными воротами (Письмо архиепископа Бруно..., 1936, с. 76).

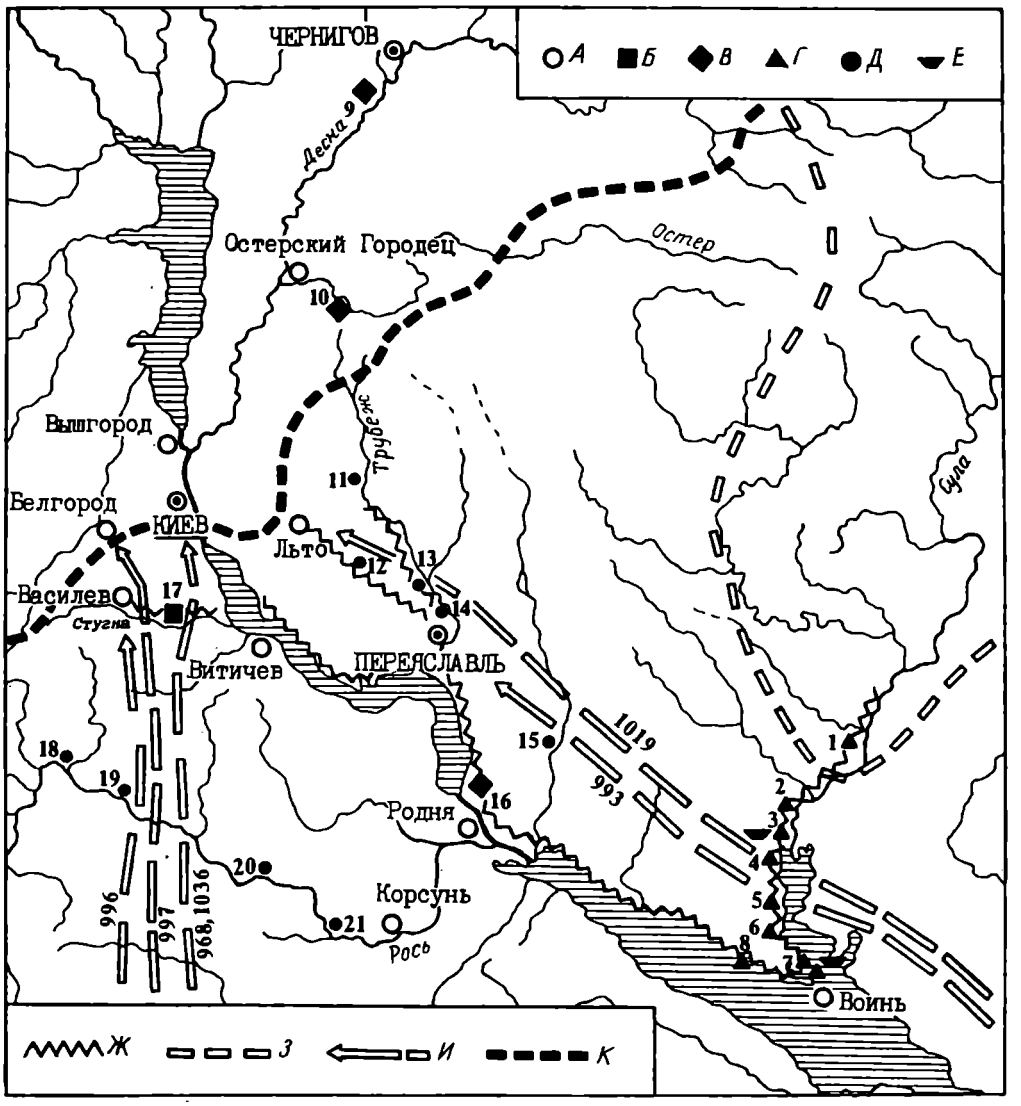
Последнее свидетельство дает нам вполне достоверный верхний хронологический репер оборонительных мероприятий Владимира, весь этот процесс уложился в рамки 980–1008 гг.: это четверть века поражений, побед и громадной организационной и хозяйственной работы по обустройству рубежей и перемещению масс северного населения на южные окраины. Такое представление вполне согласуется с общими принципами этого княжения – в отличие от Святослава Владимир сразу подключился к активному решению наболевших внутренних проблем: провел религиозную и административную реформы, вплотную занялся объединением славянских земель вокруг Киева, защищал границы и отрезвлял слишком воинственных соседей.

На третьем этапе взаимоотношений, после 1008 г., печенеги полностью утратили былую антирусскую активность. Вплоть до 1036 г., олицетворявшего агонию некогда великого противника Руси, они лишь дважды за 28 лет принимали участие в междукняжеских конфликтах на стороне Святополка и на самостоятельные вооруженные акции не решались. Думается, причиной этого "успокоения" на этот раз стал усилившийся натиск воинственных торков, в конечном счете оттеснивших печенегов за Дунай.

Из построенных Владимиром на протяжении 980–1008 гг. крепостей, летописные источники прямо упоминают только две: под 991 г. зафиксирована закладка Белгорода, а в 993 г. был якобы построен Переяславль, известный еще по договору 907 г. с греками (рисунок). Попутно под 996 г. упомянут и Василев (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 31, 122–124). Археологические исследования показали, что фортификацию этих памятников объединяет наличие на внешних склонах защитных валов дополнительной кладки из сырцового кирпича; в Василеве им укреплялись не только валы, но и обрывы мыса, на котором сооружена крепость. Подобными кладками дополнены и оборонительные сооружения синхронного им городища Заречье на Стугне, летописного Воиня, фрагментарно сохранились они в Киеве и Новгороде-Северском. Эта техническая особенность характерна исключительно для эпохи Владимира Святославича (Раппопорт П.А., 1953; Холостенко М.В., 1965, с. 70; Рыбаков Б.А., 1966, с. 91; Довженок В.Й. и др., 1966, с. 26; Малеев Ю.Н., 1987, с. 6, 7; Куза А.В. и др., 1996, с. 5).

В общих чертах по летописным и археологическим материалам методика защиты границ в это время слагалась из следующих принципов: новые крепости сооружались на наиболее уязвимых участках форсирования водных преград (Переяславль – "на броде"; Василев, Вышгород и Витичев – напротив скоплений речных перекатов) и на основных сухопутных транспортных артериях (Белгород – в Древлянскую землю, Чернигов и Новгород-Северский – к вятичам и северянам, Любеч – на север, Василев – на юг). В ближайших окрестностях крупных центров создавались дружинные военные лагеря (Шестовица под Черниговом, Лепляво под Переяславлем). Южные и восточные рубежи государства совпадали с крупными лесными массивами вблизи естественной границы смешанных лесов с лесостепью, что подтверждает возможность устройства виденных Бруно Кверфутским засек, несколько позже ставших обычными на Руси, в Византии и Польше. Археологически датирована этим же временем и ближайшая к Киеву часть змиевых валов. Для заселения создаваемых форпостов и поддержания в целости вновь сооружаемых преград на юг, как уже упоминалось, переселялись значительные массы населения. Не исключено и привлечение к антипеченежской борьбе и их заклятых врагов – торков, ведь Владимир уже использовал их для участия в походе на Волжскую Болгарию в 985 г. (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 84).

Более подробно вопрос о характере и методах порубежной обороны можно рассмотреть на примере формирования левобережной границы.



Южнорусский пограничный район на рубеже X–XI вв.
А – летописные города; *Б* – городища; *В* – дружинные военные лагеря; *Г* – большие открытые поселения; *Д* – местонахождения с керамикой рубежа X–XI вв.; *Е* – грунтовые погребения и могильники: *Ж* – змеевые валы; *З* – южная граница северянских поселений; *И* – печенежские передвижения на Русь; *К* – граница смешанных лесов и лесостепей. Поселения и могильники: *1* – Мацковцы; *2* – Чутовка; *3* – Тарасовка; *4* – Римов и Верхняя Буримка; *5* – Лящовка; *6* – Клещинцы; *7* – Жовнино; *8* – Веремеевка; *9* – Шестовицы; *10* – Кашаны; *11* – Русанов; *12* – Любарцы; *13* – Пристромы; *14* – Гайшин; *15* – Калеики; *16* – Лепляво; *17* – Заречье; *18* – Белая Церковь; *19* – Сухолесы; *20* – Богуслав; *21* – Николаевка

Первоначально юго-восточные пределы государства определялись течением р. Трубеж. Судя по упоминанию Переяславля в договоре 907 г. с греками, этот рубеж имел значительную древность, а в 993 г. здесь произошла битва с печенегами, после чего городские укрепления подверглись реконструкции. На пограничное положение Трубежа указывает не только окраинность Переяславля, но и тот факт, что в 1015 г. князь Борис по возвращении из похода, только перейдя р. Трубеж, на р. Альте распустил свое войско по домам. В 1019 г. Ярослав Владимирович здесь же встретил Святополка с нанятыми им печенегами (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 132, 144).

Все течение реки, за исключением окрестностей Переяславля и незначительного отрезка до устья, раньше было сильно заболочено (Богушевский С.К., 1982, с. 14); значительный брод известен лишь у Переяславля, где происходила битва с печенегами. Несколько южнее в степи был выдвинут дружинный военный лагерь у современного с. Лепляво. Защитные свойства трубежской границы этим не исчерпывались:

между ней и Днепром в древности сплошной полосой тянулись лесные массивы, надрезанные узким клином Летского поля. Этот клин представлял собой язык солонцеватой степи, протянувшийся среди лесов вдоль течения р. Альта до самого ее впадения в Трубеж около Переяславля (Атлас..., 1962, с. 23–27). Летское поле вдвое сокращало опасное путешествие в Киев сквозь дремучие дебри: этот лесной массив викинг Эймунд в 1015 г. из Киева пересекал в течение целого дня конного пути (Рыдзевская Е.А., 1978, с. 98).

На западном краю Летского поля, ровно на середине дороги из Киева в Переяславль, летописные источники размещают загадочное Льто (современный г. Борисполь). На страницах ПВЛ и Ипатьевской летописи на протяжение 1015–1154 гг. данный топоним на первый взгляд трактуется вроде бы в качестве урочища (имя реки в Ипатьевском списке под 1149 г. читается как Лтица), на котором Владимир Мономах в 1117 г. заложил церковь (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 294; Т. II, с. 285; Каргер М.К., 1953). Только единожды, под 1149 г., Льто достоверно упоминается как населенный пункт (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 378). Тем не менее настораживает, что во всех летописных известиях под этим топонимом недвусмысленно подразумевается место значительной концентрации войск, средоточие кровопролитных сражений, ключевой узел противоборства при прорыве или восточной границы, или при нападении на Переяславль с севера. Другими словами, ситуативный смысл всех известий неизменно обусловлен наличием у Льто долговременных укреплений.

Думается, что изначально под Льто следует понимать сторожевую крепость времени Владимира Святославича, защищавшую на опушке лесов важную стратегическую дорогу на Киев. Ведь только рядом с надежным укрытием вернувшийся из степного похода Борис мог рискнуть так близко от границы распустить войска и устроиться на ночь в шатре. На столь раннюю дату возникновения здесь укреплений косвенно указывает и существование рядом ныне уничтоженного змиевого вала (Пассек В., 1840, с. 138), а на заселенность – находка в Борисполе сребренника Владимира (Кеппен П., 1822, с. 2). Вдоль течения Трубежа и Альты известно еще несколько древнерусских городищ, в составе культурного слоя которых встречена керамика рубежа X–XI вв. (Кучера М.П., 1978, с. 29), но из-за плохой обследованности памятников пока рано судить о полной синхронности их укреплений раннему периоду существования Льто. Значительно позже, с созданием новой посульской границы эта несколько оттянутая в глубину русской территории крепость, судя по источникам, примет на себя функции руководящего форпоста трубежского защитного пояса, а для нападавших с севера Льто станет стратегическим ключом от Переяславля (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 335, 344; т. II, с. 378, 379, 459, 476).

Меридионально ориентированное заболоченное течение Трубежа истоками смыкается с р. Остер: они связаны болотом Трубайло и весенние паводки разносят общие воды из этого водоема и на запад, и на юг (Оппоков Е.В., 1905а, с. 1, 3). С севера низовья Остра широкой дугой болота Смолинка надежно защищены от черниговских земель (Оппоков Е.В., 1905б, с. 162). В силу этого вся территория, ограниченная с запада Днепром, с востока – Трубежом и на севере завершавшаяся низовьями Остра, в древности представляла собой географически единый, защищенный естественными границами ареал. Ранние памятники известны и в его северной части.

Судя по отдельным находкам из фондов Остерского и Черниговского музеев, на месте летописного Остерского Городца, культурные напластования которого сильно перемешаны поздним строительством, поселение здесь восходило к эпохе Владимира Святославича. Несколько выше по течению Остра, у современного сел. Кашаны известно огромное и до сих пор плохо изученное городище (Сухобоков О.В., 1984, с. 129, № 300). Материалы, хранящиеся в фондах ИА НАНУ (коллекция № 558) и в Остерском музее, не только относят существование этого укрепления к рассматриваемому периоду, но и позволяют атрибутировать его как укрепленный дружинный военный лагерь.

Таким образом, междуречье Днепра и Трубежа представляется наиболее ранней на

переяславском Левобережье и управляемой из Киева пограничной зоной, достаточно заселенной и защищенной значительным количеством ранних укреплений. Именно из этого, ближайшего к Киеву укрепрайона, в 968 г. можно было ожидать подмоги воеводы Претича. С возникновением переяславского княжества Трубежско-Остерский регион стал ядром нового территориального образования, но по исторической инерции за Киевом навсегда атавистически закрепилась узкая полоска земли вдоль левого берега Днепра.

Близость трубежского заслона к столице в условиях печенежской активизации заставила Владимира решиться на закладку нового рубежа, более удаленного от сердца государства. Географически на эту роль наиболее подходила Сула – ближайшая к Трубежу водная преграда, обладающая заболоченной поймой и крутыми высокими берегами. На ее верхнем и среднем течении размещались лесные массивы, среди которых концентрировалось значительное количество еще не включенного в орбиту государства северянского населения. Но основным аргументом в пользу укрепления ее берегов служило то, что через относительно небольшой отрезок назалесенного нижнего течения реки, которая не имела в низовьях множества мелких притоков, проходила основная сухопутная кочевническая дорога на Русь. В 993 г. печенеги пришли на трубежский брод "от Сулы"; позже это направление стало называться "злодейским" или "татарским" шляхом (см. Ляскоронский В.Г., 1906, с. 4; 1907, с. 3). Вспомним, что защита дорог и бродов типична как важный элемент методики защиты границ этого времени. Реперный отсчет начала посульских оборонительных мероприятий начинать следует скорее всего с того же 993 г. – года реконструкции укреплений Переяславля и установления направления движения кочевников. Эта дата вполне согласуется и с мнением источников: позже самостоятельных степных акций они здесь не регистрируют.

В свете этой программы Владимиром почти на 130 км от Трубежа к юго-востоку была выдвинута крепость-гавань Воинь, контролировавшая сухопутный путь и укрывавшая торговые суда, следовавшие по Днепру, в защищенной нижнесульской бухте. Первоначальные укрепления Воиня содержали сырцовую кладку, соответствует этому времени и ранний комплекс находок (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 127). В это же время Переяславль и Воинь были объединены приднепровским змиевым валом (Кучера М.П., 1987, с. 81, 176). Аналогичное оборонительное сооружение, но в виде многоступенчатого эскарпа было создано и по правому берегу Нижней Сулы, где оно придавало склонам реки особую неприступность и где на плато отсутствовали древние леса, всегда служившие оседлому населению надежным заслоном от кочевников (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 130–134).

К эпохе Владимира на Суле относится еще одна оригинальная категория археологических памятников – большие открытые поселения (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 134–138). Одной из основных особенностей этой категории является принципиальное несоответствие размеров данных поселений (5–6 га) площади скромных селищ, образовавшихся на этих же точках почти через столетие, но уже под защитой крепостных сооружений.

Поселения этого типа располагались чаще всего на мысах третьей надпойменной террасы напротив твердых бродов и в местах удобных подъемов от реки на высокие правобережные кручи. Топографически они были неразрывно связаны с построенной в это же время линией змиевых валов и так же были размещены в безлесной части Сулы на наиболее ранних трассах кочевнических дорог на Русь. Будучи нацеленными на защиту одних и тех же оборонительных узлов, оба типа памятников взаимно дополняли друг друга. В этом своеобразном симбиозе змиевые валы представляли пассивный элемент обороны, а большие открытые поселения концентрировали его активную сторону – людские ресурсы, необходимые для осуществления общих оборонительных функций. Не исключено, что в древности эти поселения все же ограждались легкими преградами типа частоколов, но при современной мощности здешних черноземов в 1–1,3 м основания этих стен археологически пока не прослеживаются.

Расположение большинства этих поселений на доминирующих высотах открывало возможность предупреждения внезапных набегов и отражения самых частых из них, небольших по количеству нападавших. Взаиморасположение и топографическая близость большинства поселений допускают реальную вероятность наведения между ними огневой (дымовой) сигнализации. Удобство их тактического расположения подтверждается и тем, что значительно позже, на следующем этапе формирования границы, на этих же ключевых точках стала возводиться солидная долговременная фортификация.

Основным датирующим материалом больших открытых поселений является одновременно появившаяся на этих точках гончарная манжетовидная керамика, в Жовнине-3 (Паляновщина) найдено также изображение княжеского знака Владимира Святославича. Однако особый интерес представляют этноопределимые находки, характерные только для населения северных, центральных и западных областей Руси: железные гривны, подковообразные фибулы, отдельные типы топоров, наконечников копий и стрел, а также привески и височные кольца (Моргунов Ю.Ю., 1996, с. 136). Несмотря на почти полное отсутствие стационарных раскопок на этих памятниках, количество подобных изделий достаточно велико; этническим однообразием из них не выделялся и ранний Воинь.

Монолитный массив единовременно появившихся на Нижней Суле обширных поселений с завезенным сюда извне инвентарем рубежа X–XI вв. определяет характер освоения Владимиром далекого степного пограничья "мужами лучшими". Полевые исследования показали, что это была вынужденная мера: в преддверии эпохи Владимира на территории по крайней мере от Переяславля до Нижней Сулы практически не было никакого славянского населения, поэтому и практика "нарубания" стала единственным выходом для освоения государственной территории и защиты рубежей от печенегов. Поэтому для изучаемого участка Южной Руси нет оснований считать владимировы "города" центрами политического господства Киева над местным населением (ср.: Кучера М.П., 1975, с. 121).

Разноплеменные гарнизоны больших открытых поселений Нижней Сулы, периодически пополняясь новыми контингентами, просуществовали на протяжении всего XI в.; площадь поселений за это время постепенно все же сокращалась, но совсем вплоть до постройки пограничных укреплений, практически они нигде не исчезли. Объяснение различию размеров новых небольших селищ можно найти в изменившихся политической и стратегической ситуациях: при массовом строительстве крепостей в последней четверти XI в. феодальная раздробленность не позволяла ожидать резкого притока населения на границы извне. Скорее всего закаленные пограничными тяготами потомки "мужей лучших" из бывших больших открытых поселений небольшими группами расселялись по неизмеримо большему количеству порубежных крепостей, тем более что под защитой мощной фортификации необходимость в больших поселениях отпала.

На правом берегу Днепра русские земли испытывали не меньший печенежский натиск, и, надо полагать, здесь также должны были проводиться действенные оборонительные мероприятия. О полном их объеме источники умалчивают: в "списке рек" обозначена только Стугна, которая по своему географическому положению являлась для Киева аналогом Трубежа (она располагается в одном дне пути от столицы). Суле на правом берегу более соответствует р. Рось, и было бы странным, если бы Владимир, укрепляя Сулу, протекавшую в 200 км от Киева, забыл о Роси, отделенной от столицы всего двумя днями пути.

В литературе, зачарованной "списком рек", это часто забывается. Летописные источники при устье Роси размещают Родню, а археологические свидетельствуют о наличии на ее городище (современное с. Пекари) культурного слоя X–XI вв. (Толочко П.П., 1980, с. 150). Керамика этого времени встречена и в Белой Церкви (летописный Юрьев), на селищах в современных селах Сухолесы, Николаевка, в Богуславе (Кучера М.П., Іванченко Л. І., 1987, с. 70). Не о Стугне, а о новой границе, пролегав-

шей в двух днях пути от Киева, свидетельствовал и архиепископ Бруно. Этот, вероятно, неполный перечень памятников, показывает, что вполне значимые оборонительные мероприятия Владимир осуществлял и в Поросье.

Возвращаясь на Левобережье, следует особо подчеркнуть, что в рассматриваемый период посульскому рубежу отводилась безусловно второстепенная роль: в 1015 и 1019 гг. и Борис, и Ярослав своими действиями подчеркнули главенство трубежской границы. Начавшийся в конце X в. период – это длительный процесс выноса в степи основы, только одного слабого звена, будущей оборонительный линии, заселения плацдарма и создания инфраструктурной сети, без которой серьезное осуществление защитных мероприятий невозможно. Быстрым успехам в формировании новой границы мешали и удаленность Сулы от центра, и невозможность укрепления всей водной преграды из-за неосвоенности государством северянских земель по ее среднему и верхнему течению.

Только в 1055 г. Всеволод Ярославич на мир с кочевниками вышел к Воиню, однако для серьезного столкновения с ними князья не рискнули отойти дальше р. Альта (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 162, 167). И лишь в 1078 г. Всеволод отважился сразиться со степняками близ новой границы, на летописной р. Сожица (Оржица), притоке Нижней Сулы; здесь же, у Воиня, стал с половцами Роман Святославич в следующем году (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 200, 204). Симптоматично, что к последовавшим за этими годам в "Поучении" Мономаха приурочивается появление сразу нескольких посульских и присульских крепостей: Горошина, Прилука, Красна и Варина (ПСРЛ, 1962, т. I, с. 248, 249). Подобный всплеск известий может означать, что только в начале последней четверти XI в. новая граница в полной мере смогла принять на себя основные защитные функции. Отметим, что именно после середины XI в. на Средней и Верхней Суле древний северянский погребальный обряд сменился на общерусский (Шинаков Е.А., 1991, с. 90), а следовательно, с освоением государством этих северянских земель проведение здесь оборонительных мероприятий стало делом вполне реальным.

Переходя к анализу списка рек, подступы к которым укреплялись Владимиром Святославичем, следует напомнить, что различные исследователи по-разному подходили к его оценке: некоторых волновала его полнота, иные усматривали определенную систему в очередности поименованных в нем водных потоков, третьи, как показано на примере Роси, слишком буквально воспринимали его информацию.

Рассмотрим количественную сторону списка. По источникам, почти каждому защищаемому рубежу соответствовало по одной крепости (Чернигов, Переяславль, Василев); сведения о Суле и Остре отсутствуют. Археологически добавляется не слишком преувеличенное количество новых укреплений (Новгород-Северский и Шестовица на Десне, Остерский Городец и Кашаны по Остру, Льто и Лепляво на Трубеже, Воинь на Суле, Заречье на Стугне) – усредненно, это по два укрепления на каждую реку. Включая змиевые валы, большие открытые поселения, а также принимая во внимание, что археологическая часть списка еще может увеличиться, перед нами – не слишком избыточные и вполне посильные для "империи Владимира" объемы оборонительного строительства.

Отсутствие поименованных летописями объектов на Суле хронологически относит составление списка к самому началу оборонительного строительства, а непосредственное проведение оборонительных мероприятий – на время, последовавшее за 993 г. В свою очередь отсутствие в списке сведений об укреплении течения Роси говорит скорее о том, что "список рек" – это своеобразная программа-минимум Владимира, что первоначально он не планировал столь успешного хода строительных работ. Вероятно, археологически прослеживаемые итоги выполнения программы максимум – защиты берегов Роси – производились на самом заключительном этапе борьбы с печенегами. Это могло произойти совсем незадолго до приезда в Киев архиепископа Бруно: летописный Юрьев (Белая Церковь), содержащий синхронные этим событиям культурные напластования, как раз находился в двух днях пути от Киева (70–75 км) на основной дороге из столицы в степи. В древности берега этой реки были покрыты лесами,

позволявшими устраивать засеки, упомянутые папским миссионером, а под их защитой можно было вполне ограничиться созданием аналогичных посульским больших открытых поселений. В этом свете представляются неслучайными и проводы архиепископа Владимиром до границ государства, когда последний воспользовался случаем с гордостью показать гостю масштабы своих трудов. Столь же фотографична и сцена прощания обоих персонажей с высоты противоположных холмов: она реально отражает жанровую картину заключительного обмена приветствиями с противоположных берегов Роси.

В функциональном плане список рек на первый взгляд соответствует задаче Владимира защитить границы от печенегов: через Рось и Стугну проходили основные сухопутные дороги с юга на Киев по правому берегу Днепра; низовья Сулы и Трубеж с низовьями Остра надежно закрывали кочевнические дороги в столицу со стороны Левобережья. Остается неясной связь течения Десны с вероятностью печенежской опасности. Откуда происходила эта опасность и на какие области она распространялась?

Как известно, первый контакт Игоря с печенегами имел место около 915 г.; в то время кочевников интересовали исключительно степные просторы. В середине X в. Константин Багрянородный размещал владения печенегов к северу от берегов Черного моря, но не ближе одного дня пути от русских земель. Отмечая опасность кочевников для Руси, когда ее войска заняты дальними походами, он тем не менее основной упор делал на их вреде для внешней торговли (Константин Багрянородный, 1989, с. 37, 39, 43, 155, 157). Еще Д.А. Расовский, подводя итоги изучению местопребывания печенегов по историческим источникам, ограничил их земли стыком степи и лесостепи (1936, с. 74, 75). С этим представлением целиком согласуются и археологические сведения: ближе всего к русской территории располагаются могильник Саркела на Нижнем Дону, содержавший печенежские погребения, и единственное трупоположение в бассейне Северского Донца. Кроме этого, девять печенежских погребений известно в Нижнем Подонье, два – в Нижнем Приднепровье и одно – в Приазовье (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 131, 132). Таким образом, кочевой ареал с оседлыми землями не соприкасался.

Соответственна и география печенежской экспансии на Русь: в 993 и 996 гг. это были удары непосредственно по границе (Переяславль и Василев). В 968 и 997 гг. они осаждали Белгород и Киев на Правобережье и дошли на левом берегу вместе со Святополком до Льто: все эти пункты расположены на расстоянии одного дня пути от границы (соответственно от Стугны и Трубежа). Т.е. в конце X в. печенежские войска не отдалялись от своих северных пределов более чем на два-три дня пути (один день – до русских границ и один-два дня – по русской территории). Единственный и наиболее глубокий рейд отчаявшегося под торческим натиском народа относится к 1036 г., когда Киев (по Бруно) отстоял от поросской границы уже на два дня пути.

Приведенный краткий анализ показывает, что укрепление означенной в списке рек Десны за дальностью от степей не может иметь никакого отношения к противопеченежской обороне.

Очевидно, при внесении списка рек в состав ПВЛ в начале XII в. из более обширного текста сводчиком была упущена ставшая для него неясной одна из причин укрепления пограничных рубежей. Целиком список рек очерчивает реальные пределы подвластной Владимиру государственной территории, из которой только Стугна, низовья Сулы и трубежско-остерский ареал подвергались печенежской экспансии и подлежали защите от кочевнической опасности. В свою очередь нижнее течение Десны с Новгородом-Северским, Черниговом и Шестовицей являлось восточным форпостом Киева на путях к вятичам и северянам. Будучи наиболее рано освоенной государством частью западно-северянского ареала, эта область при Владимире стала плацдармом "примучивания" всей северянской общности. Другими словами, укрепление Владимиром Подесенья также имело место, но его целью являлись не антипеченежские акции, а присоединение к Киеву новых земель, на которых "мужи лучшие" заме-

няли северянскую племенную аристократию, подавляли ее сопротивление и становились основой нового, княжеского, аппарата принуждения. Именно к таким "мужам лучшим" относился отец Феодосия Печерского, чья семья "по велению князя" была переселена из правобережного Василева на Стугне в далекий и необжитый Курск (Житие..., 1991, с. 20). Следствием этой политики явился хорошо прослеживаемый по курганным древностям клин общерусского погребального инвентаря и обрядности, протянувшийся приблизительно вдоль течения Сейма и к рубежу X–XI вв. отделивший северные вятические районы от южносеверянского региона (Шинаков Е.А., 1991, с. 90).

Отсюда следует, что на "восточных территориях" Руси и таких центрах, как Гочево, Липино, Зеленый Гай, Ницаха и им подобных, характеризующихся наличием разноплеменного населения, но слишком далеких от степей, чтобы стать объектом печенежских вожделений, на рубеже X–XI вв. происходили сходные с пограничными процессы насильственного (и естественного, колонизационного) смешения населения, но причины этих процессов были весьма далеки от нужд обороны от кочевников. Курганные материалы объективно свидетельствуют, что основной массив восточного ареала при Владимире являлся северянской, племенной территорией (Шинаков Е.А., 1991, с. 91, 92), поэтому и говорить о государственных оборонительных мероприятиях на Сейме, Псле, Ворскле, Верхней и Средней Суле применительно к рубежу X–XI вв. преждевременно.

Итак, приведенный выше краткий анализ летописного известия о мероприятиях Владимира Святославича по защите русских границ от печенегов позволил сделать вполне определенные выводы. Комплекс оборонительных мер проводился Владимиром, вероятнее всего, на протяжении 980–1008 гг., и анализируемый текст, являвшийся программой этих мер, относится к началу данного временно́го отрезка. Одним из основных элементов программы была постройка долговременных оборонительных сооружений ("городов") на основных трассах печенежских вторжений, где крепости защищали наиболее уязвимые места форсирования противником естественных водных преград. На Левобережье в это время пределы государства ограничивались течением Трубежа. С целью увеличения безопасности ранее сложившихся границ Владимиром были выдвинуты в степи новые опорные рубежи, защищенные также дружинными лагерями, змиевыми валами, большими открытыми поселениями и засеками. В связи с недостатком, а иногда и полным отсутствием на новых опорных рубежах коренного местного населения сюда осуществлялись массовые переселения из других областей Руси (в основном из "северной конфедерации" племен). Контекст известия 988 г. показал, что список укреплявшихся Владимиром рек отражает реальные для того времени очертания южных и юго-восточных границ Руси, безусловно нуждавшихся в защите. Единственной неточностью летописного известия можно считать указание только одной причины начала оборонительного градостроительства на перечисленных в нем реках: одной из них действительно была необходимость остановить печенежскую экспансию, но в Подесенье, куда кочевники никогда не добирались, основной причиной создания крепостей и дружинных лагерей была подготовка к включению в состав государственной территории ранее слабо освоенных северянских земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР, 1962. М.

Богушевский С.К., 1892. Переяславский уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ. Естественно-историческая часть. Отчет Полтавскому губернскому земству. Вып. XIII. СПб.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Древньоруське місто Воінь. Київ.

Житие Феодосия Печерского, 1991 // Памятники литературы Древней Руси. Начало древнерусской литературы: XI – начало XII в. М.

Каргер М.К., 1953. "Летская божница" Владимира Мономаха // КСИИМК. Вып. XLIX.

Кеппен П., 1822. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художественной и отечественной палеографии. М.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. М.
Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П., 1996. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж.
Кучера М.П., 1975. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
Кучера М.П., 1978. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія. № 25.
Кучера М.П., 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев.
Кучера М.П., Іванченко Л.І., 1987. Давньоруська оборонна лілінія в Пороссі // Археологія. Вип. 59.
Ляскоронский В.Г., 1906. Очерк внутреннего быта Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст. // Лохвицкий исторический сборник. Киев.
Ляскоронский В.Г., 1907. Русские походы в степь в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г. СПб.
Малеев Ю.Н., 1987. Летописный Василев и его роль в защите древнерусской столицы // Тр. V междунар. конгр. славянской археологии. Т. III. Вып. 2б. Секция VI. М.
Моргунов Ю.Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
Оппоков Е.В., 1905а. Речные долины Полтавской губернии. Ч. II. СПб.
Оппоков Е.В., 1905б. Материалы по исследованию болот Черниговской губернии. Чернигов.
Пассек В., 1840. Окрестности Переяславля // Очерки России. Кн. 4. М.
Письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху II, 1936 // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л. ПРСЛ, 1962. Т. 1, 2.
Раппопорт П.А., 1953. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки // КСИИМК. Вып. 52.
Расовский Д.А., 1936. Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum. VIII. Praha.
Рыбаков Б.А., 1966. "Застава богатырская" на Стугне // Города феодальной России. М.
Рыдзевская Е.А., 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.
Сухобоков О.В., 1984. Левобережье Днепра // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев.
Толочко П.П., 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев.
Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
Холостенко М.В., 1965. З історії зодчества Древньої Руси X ст. // Археологія. Вип. XIX.
Шинаков Е.А., 1991. "Восточные территории" Древней Руси в конце X – начале XIII в. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Институт археологии РАН,
Москва

Y.Y. MORGUNOV

THE BORDERLINE CONSTRUCTION CONDUCTED BY VLADIMIR SVYATOSLAVOVICH IN THE PEREYASLAVL LEFT BANK

Summary

The paper is dedicated to the study of the chronology and methodology used to protect southern Russian borders against nomads at the turn of the $10^{th} - 11^{th}$ centuries. Defensive activities conducted by Vladimir Svyatolsavovich throughout 980–1008 pursued the aim of strengthening the old borders and starting the creation of new borders. Towns, druzhina camps and serpentine ramparts were built on the old borders along the Stugna and Trubezh rivers. New defensive lines also appeared on the steppe along the Rosa and Sula rivers where both old and new forms of defense fortifications were created: abatises and large open settlements. Due to a deficit and in some cases even a lack of indigenous population in new defensive borders, the great prince launched a large-scale migration of the people to the borderline areas from other regions of Russia. In contrast to southern borderline zones, analogous construction activity on the river Desna pursued the aim of building a springboard to exploit huge northern areas by the state.

П.Г. ГАЙДУКОВ

РУССКИЕ ПОЛУШКИ XVI–XVII вв. С НАДПИСЬЮ "ГОСУДАРЬ"

(типология и датировка)

В первые годы правления малолетнего великого князя Ивана IV его мать и регент Елена Глинская провела в Московском государстве денежную реформу, в результате которой были заложены основы русской монетной системы, просуществовавшей на Руси до конца XVII в. Реформа проводилась в течение 1535–1538 гг. В это время благодаря правительственным мероприятиям был наложен запрет на все предыдущие монетные выпуски и на четырех денежных дворах страны началось изготовление из серебра трех денежных номиналов нового образца: копейки (или копейной денги), денги (1/2 копейки) и полушки или полуденги (1/2 денги или 1/4 копейки). При проведении реформы слегка понизили вес дореформенных монет и денежным мастерам была дана установка чеканить из гривенки серебра (около 204 г.) 300 копеек, 600 денег и 1200 полушек (так называемая трехрублевая монетная стопа). Таким образом, нормативный (или "уставный") вес пореформенных монет определялся следующим образом: копейка – 0,68 г, денга – 0,34 г, полушка – 0,17 г серебра. Наличный нумизматический материал свидетельствует о том, что больше всего чеканилось копеек, денги стоят на втором месте, а полушки – на третьем. Благодаря усилиям отечественных нумизматов в 1950–1980-х годах денежное обращение Московского государства XVI–XVII вв. изучено довольно основательно (Спасский И.Г., 1955; Мельникова А.С., 1989).

Рассматривая полушки, исследователи отмечали их малочисленность и откладывали на будущее (до увеличения соответствующего материала) подробное изучение этих монет (Мельникова А.С., 1989, с. 26). Полуденег действительно сохранилось немного. Очень редко и в небольшом количестве они присутствуют и в кладах русских монет конца XV–XVII вв. На несколько сотен кладов этого времени, насчитывающих в своем составе несколько сотен тысяч копеек и денег, известно всего лишь 46 монетных комплексов, в составе которых имеются полушки, доступные для изучения. В них отмечено 7281 экз. этих монет. Только в двух кладах имеется много полушек: из Московского Кремля – 5860 экз., и из Костромы – 943 экз. (Зверев С.В., 1998, с. 87; Гайдуков П.Г., 1996а, с. 91). Если исключить эти комплексы из общего списка, то в оставшихся 44 кладах насчитывается всего лишь 478 рассматриваемых монет. Они содержат от одной (20 кладов) до 62 полушек[1].

В великокняжеский период правления Ивана IV (1533–1547) в Московском государстве работало четыре денежных двора: в Москве, Новгороде, Пскове и Твери. В Москве изготавливались полушки с надписью вязью "ГОСУДАРЬ". В других местах – монеты с легендами "ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА", "ПСКОВСКАЯ" и "ТВЕРСКАЯ". Установлено, что это продукция Новгородского, Псковского и Тверского денежных дворов. Начало выпуска почти всех названных полушек относится к начальной стадии проведения реформы, а в денежном обращении все эти монеты теоретически могли находиться до конца XVII в. (Мельникова А.С., 1980а, с. 86; 104, табл. VIII; 1989, с. 25, 26, табл. 3, *а*; Гайдуков П.Г., 1997; 1998; 1999).

---

[1] Тема "Русские четверетцы и полушки XV–XVII вв." исследуется автором благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты 96–01–00479, 98–01–00179). Пользуюсь возможностью высказать благодарность А.С. Мельниковой, предоставившей мне для работы материалы своего научного архива.

© П.Г. Гайдуков, 1999 г.

Рис. 1. Фото полушек с надписью "ГОСУДАРЬ". Варианты 1–8. Увеличено в 3 раза

Среди всех русских полушек XVI–XVII вв. стилистическим единообразием в оформлении заметно выделяются полуденги с изображением птицы вправо и надписью "ГОСУДАРЬ". Выпуски этих монет были самыми массовыми в ряду всех остальных полушек. В 1995 г. изучению этих монет была посвящена отдельная статья. В ней на основе анализа 16 кладов и 1681 монеты было выяснено, что на протяжении XVI–XVII вв. чеканилось восемь вариантов таких полушек и ориентировочно была намечена хронология их выпусков (Гайдуков П.Г., 1995).

За прошедшее с тех пор время материал заметно вырос: сейчас известно в два с половиной раза больше кладов с полушками "ГОСУДАРЬ" и более 7700 отдельных монет, что позволяет заново рассмотреть отдельные выпуски этих полуденег и конкретизировать их хронологию. Особо следует отметить, что уже опубликованы полушки (более 5860 экз.) огромного клада из Московского Кремля, о которых в статье 1995 г. говорилось лишь предположительно (Зверев С.В., 1996; 1998). Настоящее исследование базируется на 40 монетных кладах с полушками "ГОСУДАРЬ" (см. *Приложение II*). В 34 кладах состав вариантов полушек известен: осмотрены автором в 25 кладах (см. *Приложение II*, № 1–6, 8–16, 21–25, 30, 32–35, 37, 40), атрибутированы по

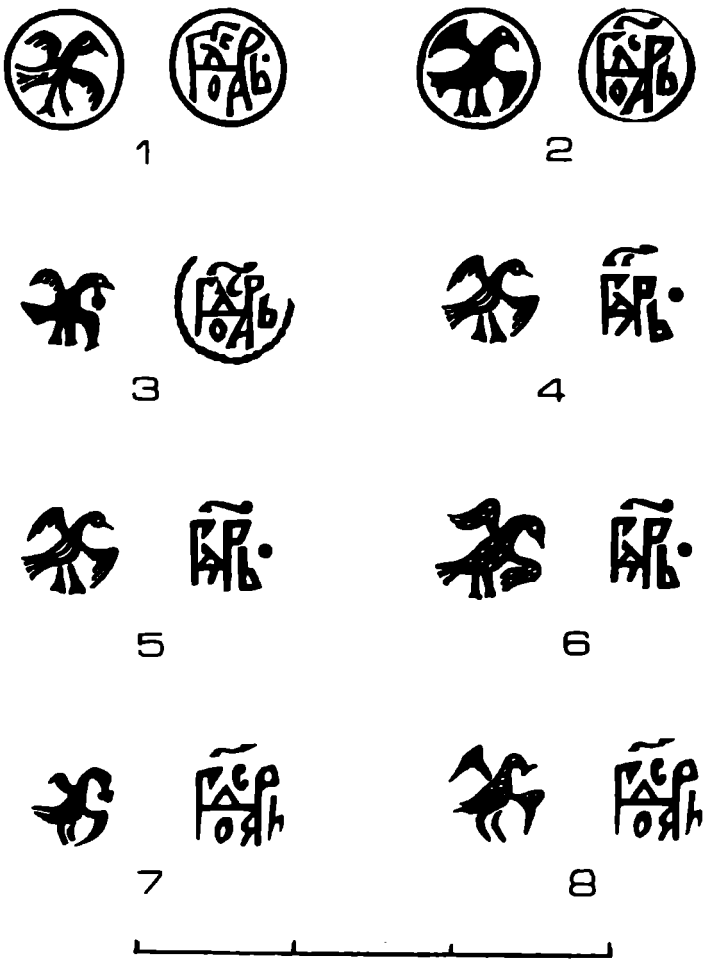


Рис. 2. Прориси полушек с надписью "ГОСУДАРЬ". Варианты 1–8.

протиркам или оттискам в пластилине в пяти кладах (см. № 14, 20, 26, 31, 36), известны по устному сообщению коллег в двух кладах (см. № 29, 38), проанализированы по публикациям в двух кладах (см. № 13, 39). Состав полушек из шести кладов остался неизвестным (см. № 7, 17–19, 27, 28).

Вся масса рассматриваемых полуденег относится к одному типу: на их лицевой стороне помещено изображение птицы вправо, а на оборотной – выполненная вязью надпись "ГОСУДАРЬ". По штемпелям эти монеты разделяются на восемь вариантов (см. *Приложение I*; рис. 1, 2). Весь доступный нумизматический материал был осмотрен и взвешен автором. Большинство монет происходит из беспаспортных музейных коллекций и кла́довых комплексов. Привлечены также полушки из раскопок и случайных находок на территории средневековых русских городов и поселений. Для определения хронологии чеканки и обращения отдельных выпусков монет богатый материал дают клады. От беспаспортных музейных коллекций, а также полушек из раскопок и сборов в средневековых городах и поселениях, практически никакой информации по этому вопросу получить невозможно. Большинство вариантов полушек с легендой "ГОСУДАРЬ" изготавливалось на Московском денежном дворе. Лишь для монет вариантов 3, 7 и 8 есть некоторые данные, которые позволяют ставить вопрос об из чеканке на Псковском денежном дворе.

В нумизматической литературе хорошо известна лишь полушка варианта 1 (рис. 1, *1*; 2, *1*). Перечислю только основные издания этой монеты. Уже в первом печатном русском каталоге (Каталог Кунсткамеры 1745 г.) есть описание полушки с легендой "ГОСУДАРЬ" (Musei Imperialis Petropolitani, 1745, p. 22, № 4). В "Опыте о древних

российских монетах" М.М. Щербатова, изданном в 1781 г., также есть описание такой монеты (Щербатов М.М., 1781, с. 317, № 7). Впервые полушка первого варианта с рисунком была опубликована в 1834 г. А.Д. Чертковым. В более позднее время такая монета описывалась во всех нумизматических каталогах. Датировали ее нумизматы по-разному: И.П. Сахаров, Д.П. Сонцов и С.И. Шодуар отнесли такую полушку к правлению Ивана Ш (1462–1505), А.В. Орешников описал ее среди безымянных монет времени Ивана III и Василия Ивановича (1462–1533), Э.К. Гуттен-Чапский и Ф.Ф. Шуберт относили ее ко времени Ивана IV, как великого князя (1533–1547). А.Д. Чертков склонен был датировать эту полушку временем до 1547 г., а Я.Я. Рейхель вообще не датировал ее, поместив в раздел с монетами без имени великого князя (Чертков А.Д., 1834, с. 66, № 135, табл. VII, *8*; Шодуар С., 1837, табл. II, *3*, рис. 11; 1841, с. 32, № 199; Reichel J., 1842, S. 19, № 398–406; Сахаров И., 1842, с. 62, № 163, табл. XI, *31*; Шуберт Ф.Ф., 1843, с. 81, № 332; Сонцов Д., 1860, с. 96, № 116; Гуттен-Чапский Э.К., 1875, с. 117, № 542; Орешников А.В., 1896, с. 128, № 686, табл. XI, *533*).

В 1911 г. С.И. Чижов посвятил полушкам первого варианта отдельную заметку. Он подробно разобрал историографию вопроса, привлек для исследования полуденги своего собрания (8 экз.) и собрания Исторического музея (9 экз.), а также проанализировал рисунок из книги Адама Олеария с изображением нескольких русских монет XVI–XVII вв. (в том числе и двух полушек). В результате проведенного исследования С.И. Чижов пришел к выводу о том, что рассматриваемые монеты изготавливались в великокняжеский период правления Ивана IV (1535–1547) (Чижов С., 1911). В 1950 г. эта полушка была проанализирована Г.Б. Федоровым, который также как и С.И. Чижов датировал ее 1535–1547 гг. (Федоров Г.Б., 1950). С такой датировкой согласился И.Г. Спасский, прибавив при этом, что штемпелями такой полушки могли продолжать "пользоваться в течение довольно долгого времени, может быть, и после 1547 г." (Спасский И.Г., 1955, с. 292; 1957, с. 55, рис. 46). Он же впервые в литературе (на основе каталога Эрмитажа, составленного А.А. Ильиным) упомянул о том, что имеется несколько типов монет с легендой "ГОСУДАРЬ", по весу резко разделяющихся на две группы (Спасский И.Г., 1955, с. 291). В более позднее время А.С. Мельникова на основе анализа состава кладов монет Ивана IV выпуск полушек с легендой "ГОСУДАРЬ" отнесла к самому началу проведения денежной реформы Елены Глинской, т.е. к 1535 г. (Мельникова А.С., 1980а, с. 86, 104, табл. VIII, *1*; 1989, с. 25, 254, фототабл. 3, а).

Полушки вариантов 2–4, 6–8 впервые выделены и описаны А.А. Ильиным в 1920-е гг. в рукописном каталоге русских монет Отдела нумизматики Эрмитажа среди монет времени Ивана III и Василия Ивановича (1462–1533) (ОНГЭ. Коллекционная опись № 389. Л. 164. № 721–723, 725, 726. Монеты вариантов 7–8 не разделены и описаны под одним номером – 725). Полушка варианта 5 впервые выделена автором в 1994 г.

Фото полуденги варианта 4 (без описания) впервые опубликовано В.Н. Рябцевичем в 1993 г. и монета датирована временем великого князя Ивана IV (Рабцэвіч В.Н., 1993, с. 479, рис. 1).

Фото полушки варианта 6 (без описания) впервые опубликовано В.Л. Яниным в 1978 г. В подрисуночной подписи эта монета отнесена к правлению Михаила Федоровича (1613–1645) и датирована 1626–1645 гг. (Янин В.Л., 1978, с. 49, рис. 21, *10*). В 1989 г. А.С. Мельникова в фундаментальном исследовании русских монет XVI–XVII вв. на основании анализа состава клада монет из Костромы, датирующегося концом 1630-х гг. и содержащего в своем составе 943 полуденги разных типов, пришла к выводу, что монеты варианта 6 относятся ко времени Михаила Федоровича и чеканились в Москве (Мельникова А.С., 1989, с. 164, табл. прорисей 9, А–А; см. *Приложение II*, № 33).

Полушки вариантов 2, 3, 5, 7, 8 впервые изданы в упоминавшейся выше статье автора (Гайдуков П.Г., 1995, с. 290–292).

В 1998 г. при издании полушек и денег из грандиозного Кремлевского клада С.В. Зверев рассмотрел и проанализировал монеты вариантов 1, 2, 4–6, а захоронение клада отнес к июню 1648 г. (Зверев С.В., 1998; см. *Приложение II*, № 39). Подавляющее большинство полуденег относятся к варианту 6 (5787 из 5860 экз., или 98,75%). Автор проделал тщательный поштемпельный и метрологический анализ этого варианта полушек. По стадии разрушения маточника лицевой стороны выстроена схема соотношения штемпелей. На ней хорошо видна деградация изображения птицы, что свидетельствует о процессе изнашивания и постепенного разрушения маточника. Одному штемпелю лицевой стороны соответствуют не менее семи очень похожих друг на друга штемпелей оборотной стороны. К сожалению, в работе приведены лишь графические прорисовки и совсем нет фото и подробных данных о весе монет, что несколько снижает общую научную значимость всего исследования.

Рассмотрим наличие полуденег разных выпусков в монетных кладах.

В 1995 г. полушек первого варианта насчитывалось 610 экз. Они были отмечены в 15 кладах, датирующихся первой третью XVI – началом 80-х годов XVII в. Благодаря наличию таких полушек в Смоленском и Тихвинском кладах (см. *Приложение II*, № 1, 2), зарытых еще в период правления Василия III (1505–1533), а также весу монет из этих кладов было установлено, что начало их выпуска следует относить к дореформенному времени. В период проведения реформы Елены Глинской эти монеты (с пониженным весом) оставили в денежном производстве и они находились в обращении до конца XVII в. (Гайдуков П.Г., 1995, с. 293, 294).

В настоящее время полушки первого варианта отмечены в 25 кладах, датирующихся первой третью XVI – началом XVIII в. (см. *Приложение II*, № 1–6, 8–16, 20, 25, 29, 30, 34, 35, 37, 39, 40). Всего насчитывается 765 экз. таких монет. График весовой диаграммы показывает четкий пик 0,16 г (рис. 3, *1*). На нем хорошо видно, что имеется значительное количество тяжелых дореформенных полушек (вес 0,18 г – 24 экз., 0,19 г – 12 экз., 0,20 г – 1 экз.). К двум кладам первой трети XVI в. с рассматриваемыми монетами в последнее время добавился еще один – Солянский (№ 3), в котором есть две дореформенные полушки первого варианта.

При внимательном рассмотрении этих монет оказалось, что от более поздних, пореформенных, они отличаются не только весом, но и своим внешним видом. Ранние полушки по размеру более крупные и тонкие, они овальной, а иногда и очень сильно вытянутой формы. У них, как правило, на противоположных краях хорошо видны утоньшения в местах разреза проволоки. В числе этих полуденег зарегистрировано 32 экз. обрезанных монет, что также свидетельствует о их дореформенной чеканке. Их вес, г: 0,07, 0,08 (3 экз.), 0,09 (3), 0,10 (6), 0,11 (8), 0,12 (2), 0,13 (2), 0,14 (4), 0,15 (3 экз). Поздние, пореформенные, полушки мельче и толще ранних. Оставаясь овальными, они в подавляющем большинстве более круглые, а следы разрезов проволоки видны не так отчетливо. Эти наблюдения наводят на мысль о том, что в период проведения реформы Елены Глинской наряду с понижением веса монет в процессе денежного производства произошли небольшие технологические изменения. Обрезанных поздних полуденег как первого, так и других вариантов, мне видеть не приходилось.

Таким образом, следует признать установленным, что первая полушка с надписью "ГОСУДАРЬ" проявилась еще в период правления Василия III (1505–1533). В то время из гривенки серебра изготавливалось 260 новгородских и 520 московских денег (весом 0,78 и 0,39 г), а нормативный ("уставный") вес полушки составлял 0,195 г. Вес ранних полуденег первого варианта вполне соответствует этому. Среди монет без имени великого князя времени Ивана III и Василия Ивановича (1462–1533) есть денги, оборотную сторону которых занимает надпись вязью "ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ" (Орешников А.В., 1896, с. 128, № 682, 683, табл. XI, *529, 530*). Стилистически вязь на денгах и полушках близка и они могли бытовать в одно и то же время. По реформе Елены Глинской штемпели этих полушек в отличие от всех остальных монет были оставлены для изготовления тех же привычных населению полуденег, но с весом, ориентированным на новую трехрублевую стопу – 0,17 г.

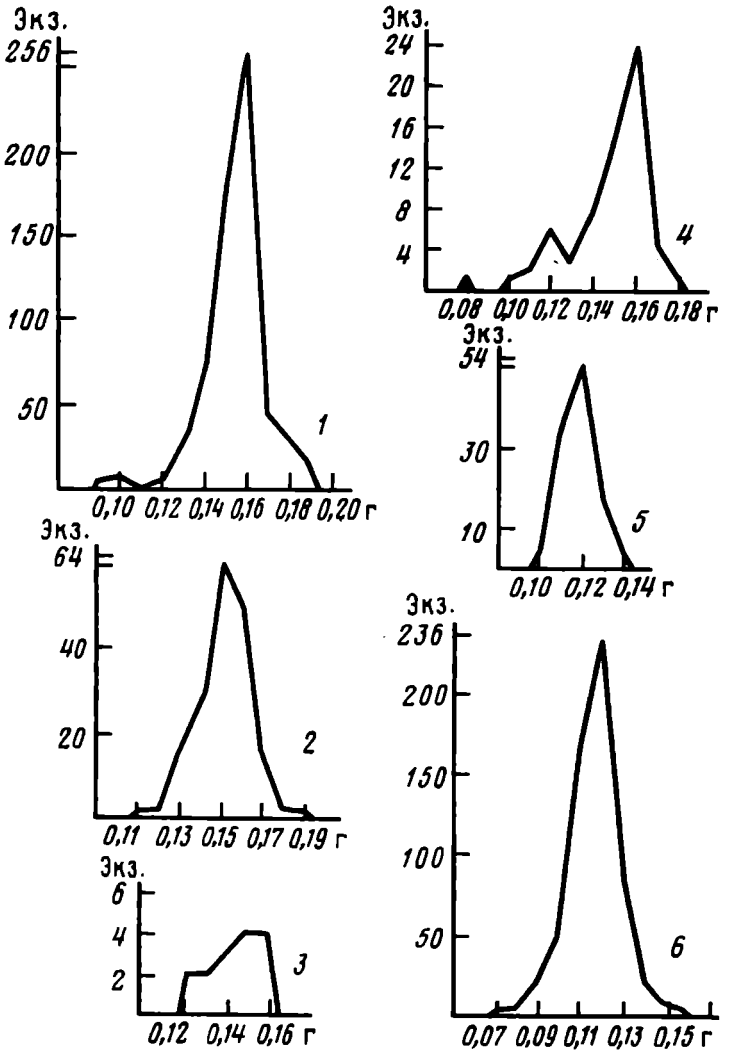


Рис. 3. Весовые диаграммы полушек с надписью "ГОСУДАРЬ". Варианты 1–6

22 клада с полуденгами первого варианта датируются 1535 – 1703 г. В этих комплексах насчитывается от одной (8 кладов) до 49 таких полушек. 12 из них датируются временем правления Ивана IV. Такие монеты есть уже в кладах времени начала проведения реформы (1535 и 1538 гг. – см. *Приложение II*, № 4, 5). Вероятнее всего, именно с этих полуденег началось производство самых мелких денежных номиналов новой монетной системы. До конца XVI в. в кладах оседали только такие полушки. Первая монета варианта 2 отмечена лишь в кладе из Великих Лук, зарытом в 1599 г. (см. № 20). Зарегистрировано девять кладов XVII в. с полушками варианта 1, почти во всех они уже заметно истерты. Можно думать, что такие полуденги чеканились с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего периода правления Ивана IV (1533–1584). Масштабы чеканки этих монет были очень значительны, поскольку их обращение по кладам прослеживается на протяжении всего XVII в. В Кремлевском кладе (см. № 39, 1682 г.), например, на 5860 полуденег приходится 27 полушек варианта 1. Последний монетный комплекс с этими монетами датируется 1703 г., однако есть соображения, что они отложились в ранней части клада, сложившейся в 30-х годах XVI в. (см. № 40).

Полушек варианта 2 насчитывается 209 экз. (рис. 1, *2*; 2, *2*). Они отмечены в 13 кладах (см. *Приложение II*, № 20–26, 30, 31, 33, 37, 39, 40). Древнейший комплекс из Великих Лук с одной такой монетой, как уже упоминалось выше, датируется 1599 г. Шесть более поздних датируются 1605–1610 гг. Многие полушки в этих кладах

сильно потерты. В кладе из д. Сущево (см. № 30, 1613–1614 г.) их насчитывается 13 экз. Все они плохой сохранности. В Костромском (см. № 33, конец 1630-х гг.) содержится 73 такие монеты. В кладе из с. Выползово (см. № 37, 1676–1682 гг.) их 4 экз., а в Кремлевском (см. № 39, 1682 г.) – 17 экз. Последний монетный комплекс с такой полушкой датируется 1703 г. (см. № 40), однако есть соображения, что она попала в среднюю часть клада, сложившуюся около 1610 г. Пик графика весовой диаграммы этих монет показывает 0,15 г (рис. 3, *2*). Чеканились они, без всякого сомнения, по трехрублевой стопе. Начало их изготовления следует относить, вероятно, к Федору Ивановичу (1584–1598), поскольку уже в кладах времени Василия Шуйского рассматриваемые монеты имеют плохую сохранность. Не исключена также возможность чеканки этих полушек и при Борисе Годунове (1598–1605). Они, как и полуденги варианта 1, находились в денежном обращении до конца XVII в.

Полушек варианта 3 известно 24 экз. (рис. 1, *3*; 2, *3*). Пик графика весовой диаграммы равен 0,15–0,16 г, а средний вес составляет 0,15 г (рис. 3, *3*). Чеканились они по трехрублевой стопе. Присутствуют лишь в двух кладах, которые датируются 1610-м и концом 1630-х гг. (см. *Приложение II*, № 25, 33). На этих монетах птица изображена с цветком в клюве. Среди монет времени Ивана IV есть довольно редкая псковская полушка с названием города и изображением птицы вправо с цветком в клюве (Мельникова А.С., 1980а, табл. VIII, *15*; Гайдуков П.Г., 1997, с. 173, рис. 1). Сходство изображений позволяет высказать предположение, что монеты третьего варианта изготавливались в Пскове. Такому предположению не противоречит ни их малочисленность, ни топография находок: одна из них найдена в Пскове, две – в Изборске, две – в Новгороде. К этому следует добавить, что ни одной такой монеты нет в огромном Кремлевском кладе (5860 полушек), найденном неподалеку от Московского денежного двора. Начало их изготовления следует относить, вероятно, как и монеты варианта 2, к правлению Федора Ивановича (1584–1598). Теоретически в денежном обращении они могли находиться до конца XVII в.

Полушек варианта 4 насчитывается 69 экз. (рис. 1, *4*; 2, *4*; 3, *4*). Они присутствуют в шести кладах, которые датируются 1610–1703 гг. (см. *Приложение II*, № 25, 30, 33, 36, 39, 40). Первым в хронологическом ряду стоит клад № 25, который датируется 1610 г. В нем есть одна рассматриваемая полушка, однако состав этого комплекса заставляет сомневаться в его "чистоте". В кладе из д. Сущево (см. № 30, 1613–1614 гг.) есть 13 таких монет хорошей сохранности. В Костромском кладе (см. № 33, конец 1630-х гг.) подобных монет насчитывается 39, значительная часть их сильно потерта. В Кремлевском кладе (см. № 38, 1682 г.) есть три такие полушки, а в Новгородском (см. № 40, 1703 г.) – одна. Средний вес 68 монет этого варианта равен 0,15 г. Однако график весовой диаграммы дает двувершинную кривую: наряду с основным пиком в 0,16 г (24 монеты) есть небольшой пик с весом 0,12 г (6 монет). Если в будущем, с накоплением нового материала, монет с весом 0,12 г прибавится, то можно будет с уверенностью говорить о том, что рассматриваемые полушки начали чеканить по трехрублевой стопе, а продолжили – по четырехрублевой. Пока же следует ограничиться констатацией того, что основная масса этих монет была изготовлена с "уставным" весом 0,17 г. Судя по сохранности полушек в Сущевском кладе, начало чеканки монет пятого варианта следует относить ко времени правления Василия Шуйского (1606–1610). Вполне возможно, что в начале правления Михаила Федоровича чеканка полуденег этими штемпелями была продолжена. Уже в Сущевском кладе (1613–1614 гг.) есть одна такая монета хорошей сохранности с весом 0,12 г. В денежном обращении эти полуденги находились на протяжении всего XVII в.

Полушек варианта 5 известно 124 экз. (рис. 1, *5*; 2, *5*). Пик графика весовой диаграммы равен 0,12 г (рис. 3, *5*). Чеканились они по четырехрублевой стопе. Присутствуют лишь в трех кладах, которые датируются 1618–1682 гг. (см. *Приложение II*, № 31, 33, 39). В кладе со Старой Юрьевской дороги (см. № 31, 1617/1618 гг.) есть одна такая полушка, однако она определена по нечеткой протирке и может оказаться

монетой варианта 4. В Костромском кладе (см. № 33, конец 1630-х гг.) 110 таких полуденег. Сохранность монет разная: есть и новые, и сильно потертые. В огромном Кремлевском кладе (см. № 39, 1682 г.) есть лишь 12 подобных полушек. Это может свидетельствовать о том, что ко времени тезаврации клада в денежном обращении их сохранялось уже немного. Лицевая сторона монет изготовлена штемпелем полушки варианта 4, а оборотная – новым штемпелем. Таким образом, чеканка монет варианта 5 началась после выпуска полуденег варианта 4 и производилась по норме четырехрублевой стопы. С.В. Зверев в 12 полушках Кремлевского клада выделил 3 незначительно отличающихся штемпеля оборотной стороны (Зверев С.В., 1998, табл. 1, штемпели 4, 5, 7). При осмотре таких монет из Костромского клада заметных отличий в надписи я не обнаружил и мне представляется, что легенда всех полушек этого варианта изготовлена при помощи одного штемпеля. Начало производства таких монет уверенно можно датировать первыми годами правления Михаила Федоровича, а изготавливаться они могли в течение всего его царствования. В денежном обращении эти монеты находились до конца XVII в.

Полушки варианта 6 – самые массовые из всех рассматриваемых монет (рис. 1, *6*; 2, *6*). Их насчитывается 6514 экз. Благодаря Костромскому и Кремлевскому кладам, включившим в свой состав огромное количество таких полуденег (618 и 5787 экз.), этих монет сейчас известно в 8,5 раз больше, чем самых известных полушек варианта 1. Они отмечены в шести кладах (см. *Приложение II*, № 25, 32, 33, 37–39). Первый клад с неизвестным местом находки (см. № 25) датируется 1610 г. В нем есть четыре полушки варианта 6, однако, как уже упоминалось выше, состав этого комплекса заставляет сомневаться в его "чистоте" и полноте. Клады из совхоза "Большевик" Московской обл. и из Костромы (см. № 32 и 33; 1 и 618 экз.) датируются 1630-ми годами. Клады из Великого Устюга и с. Выползово Рязанской обл. (см. № 37 и 38; 1 и 57 экз.) датируются временем правления Федора Алексеевича (1676–1682). Многократно упоминавшийся клад из Московского Кремля (см. № 39, 5787 экз.) датируется маем 1682 г. Количество полуденег варианта 6 в двух последних кладах (91, 94% и 98,75% от общего числа полушек) свидетельствует о том, что они значительно преобладали в русском денежном обращении среди монет этого номинала не только в период правления Алексея Михайловича (1645–1676), но и Федора Алексеевича. Оборотная сторона этих монет изготовлена штемпелем для полушек варианта 5, а лицевая – новым штемпелем. Как уже упоминалось выше, С.В. Зверев при систематизации полуденег варианта 6 из Кремлевского клада проследил процесс постепенного изнашивания маточника лицевой стороны, что хорошо прослеживается по рисунку птицы, постепенно утрачивающей отдельные детали изображения. В оборотной стороне монет исследователь выделяет не менее семи штемпелей, восходящих к "одному маточнику или нескольким родственным маточникам, переведенным с одной общей матрицы. Они различаются толщиной титла, небольшими отличиями в начертании букв, наличием или отсутствием дополнительных значков – точек, полумесяцев" (Зверев С.В., 1998, с. 90, табл. 1, штемпели 4–10). Эти наблюдения могут свидетельствовать о том, что выпуск монет варианта 6 осуществлялся на протяжении весьма длительного периода времени.

Пик графика весовой диаграммы 590 полушек варианта 6 равен 0,12 г (рис. 3, *6*). С.В. Зверев на основе изучения метрологических особенностей этих монет пришел к заключению, что полуденги с полным изображением птицы имеют на графике весовой максимум 0,12 г, а полушки "со следами большего разрушения маточника ... показывают 0,11 г, т.е. соответствуют монетной стопе конца царствования Михаила Федоровича (Зверев С.В., 1998, с. 90, 91).

Основываясь на всех этих данных начало выпуска полушек варианта 6 можно отнести к первым годам правления Михаила Федоровича, когда они могли чеканиться одновременно с монетами варианта 5 по четырехрублевой стопе. Уменьшение веса до 0,11 г могло произойти в 1626 г. в связи с переходом к новой монетной стопе: чеканке 425 копеек из гривенки серебра, когда "уставный" вес копейки составил 0,48 г, а

полушки – 0,12 г. Такой вес монет (с небольшими отклонениями) просуществовал в русском денежном деле почти до конца правления Федора Алексеевича, когда фактический вес копеек составлял 0,45–0,46 г, а нормативный ("уставный") – 0,47–0,48 г (Мельникова А.С., 1989, с. 228, 229). Полушки с фактическим весом 0,11 г, таким образом, могли выпускаться как при Алексее Михайловиче, так и в период правления Федора Алексеевича. Монетные клады подтверждают такое заключение.

Полушки вариантов 7 и 8 самые малочисленные и их следует рассматривать вместе. Монет седьмого варианта известно всего лишь 3, а восьмого – 7 экз. (рис. 1, *7*, *8*; 2, *7*, *8*). Они изготовлены при помощи одного штемпеля оборотной и двух штемпелей лицевой стороны. Средний вес составляет 0,12 и 0,11 г что свидетельствует об их изготовлении уже по четырехрублевой стопе. Датировать чеканку полуденег этих типов можно началом правления Михаила Федоровича (1613–1645). Единственный клад (Костромской, конец 1630-х гг.; см. *Приложение II*, № 33), в котором есть четыре такие монеты, не противоречит этому. Птичка на полушках вариантов 7 и 8 держит в клюве цветок. Вполне возможно, что они, как и монеты варианта 3, чеканились в Пскове. В денежном обращении эти монеты, вероятно, находились недолго, а их эмиссия была весьма незначительной. В кладе из Московского Кремля их нет.

Итак, выше были подробно рассмотрены все известные полушки с надписью "ГОСУДАРЬ" и предпринята попытка датировки их выпусков на протяжении XVI–XVII вв. Имеющийся нумизматический материал показывает, что эти крохотные монетки выпускались значительно в меньших масштабах, чем более крупные элементы русской монетной системы того времени – копейки и денги. Изготовление полушек было невыгодно ни заказчикам, ни денежным мастерам, и производство этих монет осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого периода не постоянно, а эпизодически, от случая к случаю. Особенно редко они чеканились, вероятно, во второй половине XVII в. Монеты варианта 6, к примеру, появившись еще в начале правления Михаила Федоровича, были единственными в денежном производстве не только Алексея Михайловича но и, возможно, Федора Алексеевича, и занимали в реальном повседневном денежном обращении совсем незначительное место. В связи с этим здесь уместно привести свидетельство Якова Рейтенфельса, уроженца Курляндии, жившего в Москве в 1670–1673 гг. и написавшего книгу "Сказания о Московии". Он дает следующее описание русских монет: "Серебряная монета (ибо золото чеканится здесь крайне редко) имеет форму гладкого овала шириною не более чем в ноготь, на одной стороне которого оттиснуто изображение царя, а на другой – всадник с копьем. Впрочем, если исключить монеты памятные или торжественные, как их называют, то все они сводятся к двум образцам: копейкам, 50 штук которых, обыкновенно, составляют один немецкий талер, и, денежкам, составляющим половину копейки. Прежде были еще в большом ходу полушки, стоившие полденежки, но теперь их более не видно" (Рейтенфельс Яков, 1997, с. 340).

Благодаря кладам удалось не только определить начало чеканки всех выпусков полушек с надписью "ГОСУДАРЬ", но и проследить их дальнейшее бытование в русском денежном обращении. Следует признать, что для некоторых вариантов монет имеется слишком мало фактического материала и эту хронологию пока следует считать предварительной. Дальнейшее выявление и изучение кладов русских монет "царского периода" с полуденгами, хранящихся в различных музеях России, позволит уточнить и конкретизировать предложенные датировки, однако уже проделанная работа отчетливо показала незначительное, но постоянное участие этих крохотных монеток в денежном производстве и денежном обращении на Руси в XVI–XVII вв.

КАТАЛОГ ПОЛУШЕК С НАДПИСЬЮ "ГОСУДАРЬ"

Вариант 1. *Л.с.* Птица вправо с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок.

О.с. Надпись, выполненная вязью: ГОСДАРЬ; в конце надписи точка; над надписью титло; вокруг линейный ободок.

765 экз. Средний вес 0,155 г (по 634 экз.).

Изд.: Musei Imperialis Petropolitani, 1745. P. 22. № 4(?); *Щербатов М.М.*, 1781. С. 317. № 7 (?); *Чертков А.Д.*, 1834. С. 66. № 135. Табл. VII, *8*; *Шодуар С.*, 1837. Табл. II, *3*. Рис. 11; *Шодуар С.*, 1841. С. 32. № 199; *Сахаров И.*, 1839. С. 38. № 100; *Reichel J.*, 1842. S. 19. № 398–406; *Сахаров И.*, 1842, С. 62. № 163. Табл. XI, *31*; *Шуберт Ф.Ф.*, 1843. С. 81. № 332; *Сахаров И.*, 1851. С. 63. № 162. Табл. XI, *31*; *Сонцов Д.*, 1860. С. 96. № 116; *Прозоровский Д.*, 1865. Стб. 423. № 97; *Прозоровский Д.*, 1868. С. 33, 34. № 165; *Гуттен-Чапский Э.К.*, 1875. С. 117. № 542; *Черепнин А.И.*, 1892. С. 63. № 110; *Черепнин А.И.*, 1894. С. 36. № 110; *Орешников А.В.*, 1896. С. 128. № 686. Табл. XI, *533*; *Марков А.К.*, 1905. Табл. I, *11*; *Чижов С.*, 1911. С. 389–391; *Федоров Г.Б.*, 1950. С. 555, 556. Рис. на с. 552 (вар. 1); *Спасский И.Г.*, 1955. С. 291; *Спасский И.Г.*, 1957. С. 55. Рис. 46 (внизу в центре); *Спасский И.Г.*, 1960. С. 55. Рис. 46 (внизу в центре); *Спасский И.Г.*, 1962. С. 102. Рис. 71, *9*; *Spassky I.G.*, 1967. P. 113. Fig. 79, *9*; *Спасский И.Г.*, 1970. С. 112. Рис. 9; *Векслер А., Мельникова А.*, 1973. С. 156. Рис. 7; *Янин В.Л.*, 1978. С. 45. Рис. 18 (внизу справа); *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 86, 104. Табл. VIII, 1; *Spasski I.G.*, 1983. S. 94. Abb. 9; *Векслер А., Мельникова А.*, 1988. Вкл. между с. 192 и 193. Табл. [3]. Рис. 7; *Мельникова А.С.*, 1989. С. 25, 254. Фототабл. 3, *а*; *Вишневский В.*, 1991. С. 12. Рис. (только л.с.) на с. 11; *Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 71. Рис. 30; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 290. Рис. 1, *1*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42. 49. Fig. 1; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 1; *Гайдуков П.Г.*, 1996б. С. 198. № 1. Табл. I, *5, 6*, II, *3*; *Зверев С.В.*, 1996. С. 85. Табл. 1, *1–1*; *Зверев С.В.*, 1998. С. 89. Табл. 1, *1–1*; *Клещинов В.Н., Гришин И.В.*, 1998. С. 24. № 98.

Вариант 2. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГОСДАРЬ; над надписью титло; вокруг линейный ободок.

209 экз. Средний вес 0,15 г (по 185 экз.).

Изд.: Гайдуков П.Г., 1995. С. 290. Рис. 1, *2*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 2; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 2; *Гайдуков П.Г.*, 1996б. С. 198. № 2. Табл. I, *8–10*, II, *5*; *Зверев С.В.*, 1996. С. 85. Табл. 1, *2–2*; *Зверев С.В.*, 1998. С. 89, 90. Табл. 1, *2–2*; *Клещинов В.Н., Гришин И.В.*, 1998. С. 33. № 140.

Вариант 3. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве цветок.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГОСДАРЬ; над надписью титло; вокруг точечно-линейный ободок.

24 экз. Средний вес 0,15 г (по 19 экз.).

Изд.: Гайдуков П.Г., 1995. С. 290. Рис. 1, *3*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 3; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 3; *Гайдуков П.Г.*, 1996б. С. 198, 199. № 3. Табл. I, *11, 12*, II, *6*; *Клещинов В.Н., Гришин И.В.*, 1998. С. 33. № 141.

Вариант 4. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГДРЬ; в конце надписи крупная точка; над надписью выносное С и титло.

69 экз. Средний вес 0,15 г (по 68 экз.).

Изд.: Рабцэвіч В.Н., 1993. С. 479. Рис. 1; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 292. Рис. 1, *6*; *Рябцевич В.Н.*, 1995. С. 369, 487. Табл. 104, *1*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 6; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 6; *Зверев С.В.*, 1996. С. 85. Табл. 1, *3–3*; *Зверев С.В.*, 1998. С. 90. Табл. 1, *3–3*; *Клещинов В.Н., Гришин И.В.*, 1998. С. 63. № 279.

Вариант 5. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями (тот же штемпель, что и в варианте 4).

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГДРЬ; в конце надписи крупная точка; над надписью титло.

124 экз. Средний вес 0,12 г (по 112 экз.).

Изд.: Гайдуков П.Г., 1995. С. 292. Рис. 1, *7*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 7; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 7; *Зверев С.В.*, 1996. С. 85. Табл. 1, *3–4, 5, 7*; *Зверев С.В.*, 1998. С. 90. Табл. 1, *3–4, 5, 7*.

Вариант 6. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГДРЬ; в конце надписи крупная точка; над надписью титло (тот же штемпель, что и в варианте 5).

6514 экз. Средний вес 0,12 г (по 590 экз).

Изд.: Янин В.Л., 1978. С. 49. Рис. 21, *10*; *Мельникова А.С.*, 1989. С. 164. Табл. 9, *А–А*; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 292. Рис. 1, *8*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 8; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 8; *Зверев С.В.*, 1996. С. 85. Табл. 1, *4,4(А–Д) – 4, 5, 6, 7, 7(А), 8, 9, 10*; *Зверев С.В.*, 1998. С. 90, 91. Табл. 1, *4,4(А–Д) – 4, 5, 6, 7, 7(А), 8, 9, 10*.

Вариант 7. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве цветок.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГОСДАРЬ; над надписью титло.

3 экз. Вес 0,11, 0,12, 0,12 г.

Изд.: Гайдуков П.Г., 1995. С. 290, 291. Рис. 1, *4*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 4; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 4.

Вариант 8. *Л. с.* Птица вправо с распростертыми крыльями; в клюве неопределенный предмет.

О. с. Надпись, выполненная вязью: ГОСДАРЬ; над надписью титло (тот же штемпель, что и в варианте 7).

7 экз. Вес 0,10, 0,11 (3), 0,12 (3) г. Средний вес 0,11 г.

Изд.: Гайдуков П.Г., 1995, С. 291. Рис. 1, *5*; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 42, 49. Fig. 5; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 91. Рис. 5.

Приложение II

СПИСОК КЛАДОВ РУССКИХ МОНЕТ XVI–XVII вв. С ПОЛУШКАМИ "ГОСУДАРЬ"

1. Смоленск, 1948 г. Количество монет – 925 экз. Количество полушек – 15 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–13 экз., вес 0,14 (обрезана), 0,15 (2, обе обрезаны), 0,17, 0,18 (5), 0,19 (4) г; возможно фальшивая, под полушку "ГОСУДАРЬ" варианта 1–1 экз., вес 0,15 г; с надписью "ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ" – 1 экз. Дата захоронения – время Василия III (1505–1533). Место хранения – СМ, № 1493 и № 5855.

Изд.: Мец Н.Д., 1953. С. 118, № 40, 41 (полушки не отмечены); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 297. № 1; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 1. Поступил в музей как два отдельных клада, обе части хранятся отдельно. Первая часть (435 экз.) разобрана В.Л. Яниным в 1951 г., вторая (490 экз.) – П.Г. Гайдуковым в 1995 г. Полушки осмотрены автором в 1995 г.

2. Тихвинский р-н., Ленинградская обл., 1956 г. Количество монет – 12 экз. (часть клада). Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,19 г. Дата захоронения – первая треть XVI в. Место хранения – ГЭ, № XXXVIII.

Изд.: Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. С. 68, № 9; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 297. № 2; *Caidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 2. Полушка осмотрена автором в 1994 г.

3. Москва, ул. Солянка, 1995 г. Количество монет – около 12000 экз. (часть клада разошлась по рукам). Количество полушек – 4 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–2 экз., вес 0,15, 0,20 г; с надписью "ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ" – 1 экз; с надписью "КНЯЗЬ ВЕЛИК ИВАН" – 1 экз. Дата захоронения – вторая половина 20-х гг. XVI в. Место хранения – ГИМ (более 9000 экз., в том числе 3 полушки).

Изд.: Векслер А.Г., Зайцев В.В., 1996. С. 81–83; *Зайцев В.В.*, 1997. С. 166–189. Сведения о полушке "государь всея Руси", хранящейся в частной московской коллекции, получены от В.В. Зайцева в 1997 г. Клад разобран и датирован В.В. Зайцевым в 1995–1997 гг. Полушки осмотрены автором в 1996 и 1997 гг.

4. Павловское, с., Одоевский р-н, Тульская обл., 1913 г. Количество монет – 460 экз. Количество полушек – 2 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–2 экз., вес 0,15, 0,16 г. Дата захоронения – 1535 г. Место хранения – ГЭ, № IX.

Изд.: ОАК за 1913–1915 гг. 1918. С. 193, 267 (полушки не отмечены); *Ильин А.А.*, 1924. С. 50. № 148 (полушки не отмечены); *Спасский И.Г.*, 1955. С. 281 (описан как клад неустановленного происхождения); *Сотникова М.П., Спасский И.Г.*, 1979. С. 68. № 10 (описан как клад у с. Павловка); *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 134. № 2. Прил. I. № 2; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 34, 52. № 134; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 297, 298. № 3; *Caidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 3. Полушки осмотрены автором в 1994 г.

5. Место и год находки не известны. Количество монет – 466 экз. Количество полушек – 40 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–40 экз., вес 0,15 (5), 0,16 (26), 0,17 (6), 0,18 (3) г. Дата захоронения – 1538 г. Место хранения – ГЭ, № XLV.

Изд.: Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. С. 68, 69. № 11 (количество монет в кладе и

количество полушек указаны неверно); *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 134. № 7. Прил. I. № 7 (количество полушек указано неверно; опечатка в номере клада); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 4; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 4. Полушки осмотрены автором в 1994 г.

6. Москва, Кузьминки, 1970 г. Количество монет – 82 экз. (часть клада). Количество полушек – 2 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–2 экз., вес 0,16 (2) г. Дата захоронения – 1547 г. Место хранения – ГИМ, № 101741.

Изд.: Векслер А., Мельникова А., 1973. С. 211. № 66; *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 135. № 9. Прил. I. № 9; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 32. 46. № 58; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 5; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 5. Монеты осмотрены автором в 1996 г.

7. Место находки не известно, найден до 1911 г. Количество монет – 92 экз. Количество полушек – 13 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", варианты неизвестны – 4 экз.; новгородские – 9 экз. Дата захоронения – 1547–1550 г. Место хранения – ГЭ, б/№, из собрания Ф.М. Плюшкина.

Известен по архиву А.С. Мельниковой. Разобран и датирован А.С. Мельниковой.

8. Новгород, берег Волхова на Торговой стороне, 1991 г. Количество монет – 46 экз. Количество полушек – 3 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–2 экз., вес 0,15, 0,16 г; с надписью вязью на обеих сторонах – 1 экз., вес 0,16 г. Дата захоронения – время Ивана IV (1533–1584). Место хранения – НМ.

Изд.: Гайдуков П.Г., Коньков Ю.П., 1993. С. 42–45; *Гайдуков П.Г.*, 1993. С. 70–72, 120. № 51; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 6; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 6.

9. Терпилицы, д., Волосовский р-н, Ленинградская обл., 1925 г. Количество монет – 1741 экз. Количество полушек – 11 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (9 экз.), вариант 1–6 экз., варианты неизвестны – 3 экз.; новгородская – 1 экз.; псковская – 1 экз. Дата захоронения – время ц. Ивана IV (1547–1584). Место хранения – ГЭ (?).

Изд.: Фасмер Р.Р., 1926. С. 297. № VIII, *2* (полушки не отмечены); *Спасский И.Г.*, 1955. С. 282; *Сотникова М.П.*, 1979. С. 124. № 148.

10. Москва, близ Спасо-Андрониевского монастыря, 1900-е гг. Количество монет – 1923 экз. Количество полушек – 3 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–3 экз., вес 0,16, 0,17 (2) г. Дата захоронения – 1570-е гг. Место хранения – ГЭ, № L.

Изд.: Сотникова М.П., Спасский И.Г.,1979. С. 69, 70. № 15; *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 136. № 22. Прил. I. № 22; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 32, 46. № 60; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 7; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 7. Полушки осмотрены автором в 1994 г.

11. Митянино, д., Щелковский р-н, Московская обл., 1981 г. Количество монет – 217 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,16 г. Дата захоронения – 1570-е гг. Место хранения – ГИМ, № 105612.

Изд.: Векслер А., Мельникова А., 1988. С. 197. № 105 (полушка не отмечена); *Мельникова А.С., Дядченко О.С.*, 1994. С. 53. № 201 (полушка не отмечена). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушка осмотрена автором в 1997 г.

12. Новоторжский р-н, Тверская обл., 1950 г. Количество монет – 483 экз. Количество полушек – 41 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1 – 37 экз., вес 0,14 (2), 0,15 (12), 0,16 (21), 0,17, 0,18 г; новгородская – 1 экз.; псковская – 1 экз.; тверская – 1 экз.; с надписью вязью на обеих сторонах – 1 экз. Дата захоронения – 1570-е гг. Место хранения – ТМ, № 1508.

Изд.: Мельникова А.С., 1980а. С. 135. № 19. Прил. I. № 19; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 34, 44. № 32; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 8; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 8; *Gaidukov P.G.*, 1997. P. 72. № 1. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1995 г.

13. Замок Цесис, в 92 км к С-В от Риги, Латвия, 1985 г. Количество монет – 61 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,15 г. Дата захоронения – сентябрь 1577 г. Место хранения – Институт истории АН Латвии.

Изд.: Апала З.Ю., Берга Т.М., 1987. С. 13–22. Клад разобран и датирован Т.М. Бергой.

14. Александров, г., Владимирская обл., 1960-е гг. Количество монет – 50 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,15 г. Дата захоронения – 70–80-е гг. XVI в. Место хранения – МАС, В–22301/АМ–975.

Клад разобран и датирован А.И. Чупашкиной. Сведения о составе клада и протирка полушки получены автором от главного хранителя музея Н.П. Паниной в письме от 18.07.1996 г.

15. Тверь, ул. Учительская, 1964 г. Количество монет – 1140 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,17 г. Дата захоронения – 1580-е гг. Место хранения – ТМ, № 3254.

Изд.: Мельникова А.С., 1980а. С. 136. № 27. Прил. I. № 27; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 34,

44. № 20; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 9; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 9. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушка осмотрена автором в 1995 г.

16. Псков, 1956 г. Количество монет – 192 экз. (часть клада). Количество полушек – 42 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1–32 экз., вес 0,15 (6), 0,16 (24), 0,17 (2) г; новгородские – 7 экз.; псковские – 3 экз. Дата захоронения – 1580-е гг. Место хранения – ПМ, № 2434.

Изд.: Мельникова А.С., 1980а. С. 136. № 33. Прил. I. № 33; *Мельникова А.С.*, 1980б. С. 33, 50. № 100; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298. № 10; *Gaidukov P.G.*, 1996, P. 47. № 10; *Gaidukov P.G.*, 1997. P. 72. № 2. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1995 г.

17. Станция Боровичи, Новгородская губ., 1894 г. Количество монет – неизвестно (вес около 206 г). Количество полушек – неизвестно. Состав: вероятно, "ГОСУДАРЬ". Время захоронения – конец правления ц. Ивана IV (до 1584). Место хранения – не сохранился.

Изд.: Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 126 за 1894 г. Л. 10, 13. (Клад определял В.М. Иверсен. "Полушки с вензелем из слов государь всея России".); ОАК за 1894 г. 1896. С. 162, 163; *Ильин А.А.*, 1924. С. 39. № 59 (полушки не отмечены); *Спасский И.Г.*, 1955. С. 284 (полушки не отмечены); *Мельникова А.С., 1980а.* С. 49. № 92 (полушки не отмечены). Все монеты были переданы в Новгородский музей древностей.

18. Вацкая, д., Княгининский р-н, Нижегородская губ., 1883 г. Количество монет – 2181 экз. Количество полушек – неизвестно. Состав: вероятно, "ГОСУДАРЬ". Время захоронения – конец правления ц. Ивана IV (до 1584). Место хранения – не сохранился.

Изд.: Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 28 за 1883 г. Л. 20, 21. ("Полушки с моногр. Црьивеликий кн. / Птичка". Рядом в черновике: "Птица / Осподарь в моногр."); *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 43. № 16 ("Клад составили копейки, денги и полушки всех известных типов монет Грозного").

19. Тверь, 1909 г. Количество монет – 456 экз. Количество полушек – 6 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1 (?). Время захоронения – конец правления ц. Ивана IV (до 1584). Место хранения – не сохранился.

Изд.: Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 228 за 1909 г. Л. 2. [Клад определял А.А. Ильин. "... состоит из 456 копеек и денег царствования Ивана Васильевича IV. Предыдущих царствований в кладе оказалось шесть полушек царствования Ивана III (Орешников 686)".]; ОАК за 1909–1910 гг. 1913. С. 204, 263; *Мельникова А.С.*, 1980а. С. 43. № 18.

20. Великие Луки, пл. Тимирязева, Псковская обл., 1952 г. Количество монет – 2265 экз. Количество полушек – 18 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (12 экз.), вариант 1 – 6 экз., вариант 2 – 5 экз., вариант неизвестен – 1 экз.; новгородская – 1 экз.; псковские – 5 экз. Дата захоронения – 1599 г. Место хранения – ВЛМ.

Изд.: Мельникова А.С., 1957. С. 150. № 11 (неверно указано количество монет); *Gaidukov P.G.*, 1997. P. 72. № 3 (неверно указано количество монет). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Сведения о количестве монет в кладе и оттиски 16 полушек, изготовленные в пластине, получены автором от сотрудников музея в письме от 7.05.1997 г.

21. Филипповичи, д., Зарайский р-н, Московская обл. Количество монет – 131 экз. (часть клада). Количество полушек – 2 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2 – 2 экз., вес 0,15, 0,17 г. Дата захоронения – 1605 г. Место хранения – ГИМ, № 82713.

Изд.: Мец Н.Д., 1953. С. 116. № 22 (неверно указано количество монет, полушки не отмечены); *Спасский И.Г.*, 1955. С. 298. Сноска 4 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Векслер А., Мельникова А.*, 1973. С. 219. № 103 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Векслер А., Мельникова А.*, 1988. С. 199. № 120 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1997 г.

22. Иваньковское водохранилище, Конаковский р-н, Тверская обл., 1979 г. Количество монет – 339 экз. Количество полушек – 2 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2 – 2 экз., вес 0,13, 0,14 г. Дата захоронения – 1606 г. Место хранения – ГИМ, № 104739.

Изд.: Мельникова А.С., Дядченко О.С., 1994. С. 59, 75, 76. № 270. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1996 г.

23. Морево, с., Свердловский р-н., Орловская обл., 1960 г. Количество монет – 623 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2, вес 0,14 г. Дата захоронения – 1607 г. Место хранения – ГИМ, № 97950.

Изд.: Мельникова А.С., 1966. С. 93. № 43 (неверно указано количество монет). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушка осмотрена автором в 1997 г.

24. Москва, ул. Обуха, Калининский р-н, 1949 г. Количество монет – 8454 экз.

Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2, вес 0,16 г. Дата захоронения – около 1609 г. Место хранения – ГИМ, № 82855.

Изд.: Мец Н.Д., 1953. С. 117. № 32 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Качанова В.И.*, 1954. С. 138. № 19 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Яковлев Г.Г.*, 1971. С. 44, 60, 61 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Векслер А., Мельникова А.*, 1973. С. 222. № 108 (неверно указано количество монет, полушка не отмечена); *Векслер А., Мельникова А.*, 1988. С. 202. № 136 (полушка не отмечена); *Мельникова А.С.*, 1998. С. 107. № 25 (полушка не отмечена). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой и Г.Г. Яковлевым. Полушка осмотрена автором в 1997 г.

25. Место и год находки не известны. Количество монет – 2890 экз. Количество полушек – 60 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ" – 1 экз.; "ГОСУДАРЬ" (59 экз.), вариант 1–44 экз., вес 0,12, 0,13 (2), 0,14 (8), 0,15 (20), 0,16 (7), 6 экз. обл.; вариант 2 – 6 экз., вес 0,13, 0,15, 0,16, (4) г; вариант 3 – 4 экз., вес 0,14, 0,15 (3) г; вариант 4 – 1 экз., вес 0,14 г; вариант 6 – 4 экз., вес 0,10, 0,11, 0,12, 0,13 г. Дата захоронения – 1610 г. Место хранения – ГЭ, № 26.

Изд.: Мельникова А.С., 1998. С. 121. № 118 (полушки не отмечены). Разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1997 г. Есть сомнения в "чистоте" и полноте этого клада, поскольку в нем есть 4 полушки "государь" варианта 6, начало изготовления которых по другим кладам относится к правлению ц. Михаила Федоровича.

26. Двинь, д., Куньинский р-н, Псковская обл., 1973 г. Количество монет – 211 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2, вес 0,17 г. Дата захоронения – время Василия Шуйского (1606–1610). Место хранения – ВЛМ.

Изд.: Сотникова М.П., 1979. С. 132. № 217. С. 137. № 280 (перепутаны места находок двух кладов; неверно указаны место находки, год и вариант полушки); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 298, 299. № 11; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 11; *Мельникова А.С.*, 1998. С. 114. № 72 (неверно указаны год находки и количество монет, полушка не отмечена). Клад разобран и датирован И.Г. Спасским в 1973 г. Точные сведения о кладе и протирка полушки получены автором от директора музея Н.В. Пархомик в письме от 13.09.1995 г.

27. Толкачево, с., Болховский у., Орловская губ., 1828 г. Количество монет – не менее 4000 экз. ("до шести фунтов"). Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант неизвестен, вес 0,124 г. Дата захоронения – 1610 г. (условно). Место хранения – не сохранился.

Изд.: К-ий [Каченовский М.Т.], 1828. С. 152–158 (значится как клад у с. Талкочево). [Описание полушки на с. 156, № 15: "Монета отлично сбереженная, весом 2 грана. На одной стороне ее птичка с распущенными крыльями, на другой буквы ГДРЬ, в монограмме и под титлом. Это полушка – точно такая изображена у Олеария между монетами российскими"]; *Мельникова А.С.*, 1998. С. 112. № 63 (значится как клад у с. Толкачевка).

28. Новая Поповка, д., Казанская губ., 1881 г. Количество монет – 62 экз. (часть клада). Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант неизвестен. Дата захоронения – 1610 г. (условно). Место хранения – ОАИЭК (не сохранился).

Изд.: Савельев В.К., 1884. С. 340–343; *Мельникова А.С.*, 1998. С. 119. № 111 (значится как клад в с. Новая Полевка, полушка не отмечена).

29. Новгород, Кремль, сад Владычного двора, 1921. Количество монет – 6684 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1 (?). Дата захоронения – 1611 г. Место хранения – НМ, № 221.

Изд.: Янин В.Л., 1960. С. 147, 148, № 10. Архив А.С. Мельниковой (полушка не отмечена). Клад разобран и датирован В.Л. Яниным и А.С. Мельниковой. В 1997 г. обнаружить полушку в составе клада автору не удалось. По устному свидетельству В.Л. Янина 1997 г. это была, вероятнее всего, монета варианта 1.

30. Сущево, д., Костромской р-н, Костромская обл., 1956 г. Количество монет – 1919 экз. Количество полушек – 29 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (28 экз.), вариант 1 – 2 экз., вес 0,15 (2) г; вариант 2 – 13 экз., вес 0,14, 0,15 (4), 0,16 (7), 0,17 (3), 0,18 г; вариант 4 –13 экз., вес 0,12, 0,14, 0,16 (7), 0,17 (3), 0,18 г; новгородская – 1 экз. Дата захоронения – 1613–1614 г. Место хранения – КМ, № 13996.

Изд.: Мельникова А.С., 1989. С. 164; *Рассадина Т.В.*, 1993. С. 59; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 299. № 12; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 90, 91; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 12. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1995 г.

31. Старая Юрьевская дорога, Долгопольский с/с., Александровский р-н, Владимирская обл., 1934 г. Количество монет – 2730 экз. Количество полушек – 2 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 2 – 1 экз., вес 0,14 г; вариант 5 (?) – 1 экз., вес 0,12 г. Дата

захоронения – начало правления ц. Михаила Федоровича (1617/1618 г.?). Место хранения – ИМ, № 53033–55762.

Изд.: Мец Н.Д., Мельникова А.С., 1960. С. 61. № 12; *Мельникова А.С.*, 1998. С. 103. № 4 (неверно указаны место и год находки, полушки не отмечены). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки определены по протиркам, присланным сотрудником музея Н.Н. Тимошиной в письме от 5.04.1996 г.

32. Совхоз "Большевик", Серпуховский р-н, Московская обл., 1961 г. Количество монет – 947 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 6, вес 0,12 г. Дата захоронения – 30-е гг. XVII в. Место хранения – ГИМ, № 97619.

Изд.: Мельникова А.С., 1966. С. 90–92. № 38. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушка осмотрена автором в 1997 г.

33. Кострома, 1955 г. Количество монет – 3177 экз. Количество полушек – 942 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (896 экз.), вариант 1 – 49 экз., вес 0,10, 0,13 (6), 0,14 (17), 0,15 (18), 0,16 (6) г; вариант 2 – 73 экз., вес 0,12, 0,13 (8), 0,14 (16), 0,15 (25), 0,16 (19), 0,17 (3) г; вариант 3 – 5 экз., вес 0,12 (2), 0,13 (2), 0,16 г; вариант 4 – 39 экз., вес 0,08, 0,10, 0,11 (2), 0,12 (4), 0,13 (3), 0,14 (6), 0,15 (10), 0,16 (11), 0,17 г; вариант 5 – 110 экз., вес 0,10 (4), 0,11 (35), 0,12 (54), 0,13 (16), 0,14 г; вариант 6 – 618 экз., вес 0,09 (6), 0,10 (33), 0,11 (132), 0,12 (205), 0,13 (86), 0,14 (19), 0,15 (7), 0,16 г, 129 экз. не взвешены; вариант 7 – 1 экз., вес 0,12 г; вариант 8 – 3 экз., вес 0,11 (2), 0,12 г; новгородские – 23 экз; с именем Михаила Федоровича – 10 экз.; фальшивые (?) (подражания полушкам "ГОСУДАРЬ" варианта 6) – 8 экз.; неопределенные – 3 экз. Дата захоронения – конец 1630-х гг. Место хранения – КМ, № 6796.

Изд.:Мельникова А.С., 1960. С. 88 (неверно указано количество полушек); *Мец Н.Д., Мельникова А.С.*, 1960. С. 66. № 31 (неверно указано количество полушек); *Сотникова М.П.*, 1979. С. 118. № 88 (полушки не отмечены); *Мельникова А.С.*, 1989. С. 164 (неверно указано количество полушек); *Рассадина Т.В.*, 1993. С. 59 (неверно указано количество полушек); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 299. № 13; *Гайдуков П.Г.*, 1996а. С. 90, 91; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 13; *Рассадина Т.В.*, 1998. С. 146–148 (значится другое количество монет в кладе – 3179 экз.; неверно указано количество полушек). Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1995 г.

34. Место и год находки не известны. Количество монет – 1067 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,15 г. Дата захоронения – время Михаила Федоровича (1613–1645). Место хранения – ГЭ, № 59.

Изд.: Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. С. 78. № 42; *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 299. № 14; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 14. Полушка осмотрена автором в 1994 г.

35. Картмазово, с., Судогский р-н, Владимирская обл., 1957 г. Количество монет – 178 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 1, вес 0,14 г. Дата захоронения – около 1654 г. Место хранения – ВМ, № В–5843.

Сведения получены от А.И. Чупашкиной в 1995 г. Клад разобран и датирован А.С. Мельниковой (полушка не отмечена, так как хранилась отдельно). Полушка осмотрена автором в 1996 г.

36. Китаево, с., Киевско-Святошинский р-н, Киевская обл. (ныне Московский р-н г. Киева), 1924 г. Количество монет – 2034 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 4, вес 0,15 г. Дата захоронения – после 1655 г. Место хранения – НМИУ, № МІКУ АР 5234–5243.

Изд.: Kotlar M., 1975. S. 282. № 1175 (полушка не отмечена); *Спасский И.Г.*, 1988. С. 33. № 3 (полушка не отмечена); *Зразюк З.А., Омельянчик-Якушева Р.М.*, 1996. С. 102, 103; *Якушева-Омельянчик Р.*, 1996. С. 107, 108. Полушка определена по протирке, присланной сотрудником музея Р.М. Якушевой-Омельянчик в письме от 28.01.1997 г.

37. Выползово, с., Спасский р-н, Рязанская обл., 1967 г. Количество монет – 1182 экз. Количество полушек – 62 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (62 экз.), вариант 1 – 1 экз., вес 0,14 г; вариант 2 – 4 экз., вес 0,13, 0,15 (2), 0,16 г; вариант 6 – 57 экз., вес 0,08, 0,09 (3), 0,10 (10), 0,11 (21), 0,12 (21), 0,13 г. Дата захоронения – время ц. Федора Алексеевича (1676–1682). Место хранения – ГЭ, № XLIV.

Изд.: Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. С. 84. № 61 (количество полушек указано неверно); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 299. № 16; *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 16. Полушки осмотрены автором в 1994 г.

38. Великий Устюг, Вологодская обл., 1968 г. Количество монет – 10134 экз. Количество полушек – 1 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ", вариант 6 (?). Дата захоронения – время ц. Федора Алексеевича (1676–1682). Место хранения – ВКМ.

Изд.: Мельникова А.С., Дядченко О.С., 1994. С. 35. № 40 (время захоронения и коли-

чество монет указаны неверно, полушка не отмечена); *Быков А.В.*, 1996. С. 96 (полушка не отмечена). Сведения о полушке (без воспроизведения) получены от А.В. Быкова (письмо от 8.08.1996 г. и устное сообщение 18.10.1996 г.).

39. Москва, Кремль, Спасская башня, 1939 г. Количество монет – 35469 экз. Количество полушек – более 5860 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (более 5846 экз.), вариант 1 – 27 экз., вариант 2 – 17 экз., вариант 4 – 3 экз., вариант 5 – 12 экз., вариант 6 – более 5787 экз.; фальшивые (?) (подражания полушкам "ГОСУДАРЬ" варианта 6) – 12 экз.; новгородские, вариант 2 – 2 экз. Дата захоронения – май 1682 г. Место хранения – ГММК.

Изд.: Векслер А., Мельникова А., 1973. С. 233. № 164 (количество монет в кладе указано неверно, полушки не отмечены); *Векслер А., Мельникова А.*, 1988. С. 214. № 208 (количество монет в кладе указано неверно, полушки не отмечены); *Гайдуков П.Г.*, 1995. С. 299. № 15 (количество монет в кладе и количество полушек указаны неверно); *Gaidukov P.G.*, 1996. P. 47. № 15 (количество монет в кладе и количество полушек указаны неверно); *Зверев С.В.*, 1996. С. 84–86. Табл. 1; *Панова Т.Д.*, 1996. С. 114–117; *Зверев С.В.*, 1997. С. 37, 38; *Зверев С.В.*, 1998. С. 84–102. Клад разобран Е.В. Вейнмарном, В.М. Никитиной и С.В. Зверевым. Датирован С.В. Зверевым июнем 1648 г.

В Археологическом отделе ГММК хранятся 676 монет из этого клада, переданные для экспонирования на постоянную археологическую выставку в 1960-х гг. Монеты были осмотрены автором в 1990 г. Состав: ц. Михаил Федорович (1613–1645) – 668 экз. (копейки – 667 экз., денга – 1 экз.); ц. Алексей Михайлович (1645–1676), копейки – 4 экз.; ц. Федор Алексеевич (1676–1682), копейки – 3 экз., монета плохой сохр. – 1 экз. Поштемпельное определение копеек Алексея Михайловича (выполнено А.С. Мельниковой): тип 18–11 – 1649 г., тип 24–14 – 1654 г., тип 29–36 вар. – 1666/67 г., л.с. плохой сохр. – о.с. не изд. – тип после 1664 г. Поштемпельное определение копеек Федора Алексеевича: тип 9–18 – 1680 г., тип 10–18 – 1681 г., тип 12–16 – 1682 г. (Типы по: *Мельникова А.С.*, 1989.) Судя по наиболее поздней копейке захоронение клада можно датировать маем 1682 г., когда после смерти Федора Алексеевича (27 апреля) в Кремле три дня (15–17 мая) бушевало стрелецкое восстание.

С.В. Зверев датирует клад июнем 1648 г. на основе самых младших монет, которыми "оказались копейки и денги Алексея Михайловича самых ранних типов". Наличие в кладе трех копеек Федора Алексеевича автор считает "случайным ⟨⟨подмесом⟩⟩ в эту часть комплекса, сделанным уже после находки клада в 1939 г.", однако никаких серьезных обоснований этому заключению не приводит (Зверев С.В., 1998. С. 87, 101).

40. Новгород, церковь Бориса и Глеба в Плотниках, начало 1930-х гг. Количество монет – 12965 экз. Количество полушек – 12 экз. Состав: "ГОСУДАРЬ" (12 экз.), вариант 1 – 10 экз., вес 0,15 (2), 0,16 (6), 0,17 (2) г; вариант 2 – 1 экз., вес 0,15 г; вариант 4 – 1 экз., вес 0,15 г. Дата захоронения – 1703 г. Место хранения – НМ, № 222.

Изд.: Янин В.Л., 1960. С. 150–154. № 15. По мнению В.Л. Янина клад делится на три части, которые образовались в 1533, около 1610 и в 1703 г. Клад разобран и датирован В.Л. Яниным и А.С. Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1997 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апала З.Ю., Берга Т.М., 1987. Археологические данные о событиях Ливонской войны, полученные при раскопках Цесисского замка в 1985 г. // Известия АН Латвийской ССР. N 7.

Быков А.В., 1996. Основные проблемы изучения денежного обращения в России второй половины XVII в. На примере кладов Великоустюгского уезда // Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тезис. докл. М.

Векслер А.Г., Зайцев В.В., 1996. О находке клада монет XV–XVI вв. на ул. Солянка в Москве // Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тез. докл. М.

Векслер А., Мельникова А., 1973. Московские клады. М.

Векслер А., Мельникова А., 1988. Московские клады. 2-е изд., перераб. и дополн. М.

Вишневский В., 1991. Древности Радонежа: Буклет выставки. Загорск.

Гайдуков П.Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.

Гайдуков П.Г., 1995. Типология и датировка полушек XVI–XVII вв. с надписью "ГОСУДАРЬ" // Новгород и Новгородская земля: Материалы науч. конф. Вып. 9. Новгород.

Гайдуков П.Г., 1996а. Полушки XVI–XVII вв. из двух кладов Костромского музея // Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тез. докл. М.

Гайдуков П.Г., 1996б. Коллекция полушек XV–XVII вв. // Монеты и медали. Сб. статей по материалам коллекции Отдела нумизматики ГМИИ. М.

Гайдуков П.Г., 1997. Псковские полушки XVI в. // Памятники старины: Концепции, открытия, версии. Памяти В.Д. Белецкого: 1919–1997. Т. I. СПб. – Псков.

Гайдуков П.Г., 1998. Новгородские полушки XVI–XVII вв. // Шестая ВНК: Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тез. докл. и сообщ. СПб.

Гайдуков П.Г., 1999. Тверские полушки XVI в. // Седьмая ВНК: Ярославль, 20–25 апреля 1999 г. Тез. докл. и сообщ. М.

Гайдуков П.Г., Коньков Ю.П., 1993. Славенский клад русских монет конца XV–XVI вв. // ВНК: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 18–21 мая 1993 г.

Гуттен-Чапский Э.К., 1875. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. Собрание графа Э.К. Гуттен-Чапского. СПб.

Зайцев В.В., 1997. Редкие и неизданные монеты Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533) из московского клада с ул. Солянка // Нумизматический сборник [Московского нумизматического общества]. N 5. М.

Зверев С.В., 1996. Московские денги и полушки первой половины XVII в. // Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тез. докл. М.

Зверев С.В., 1997. Клад монет XV–XVII вв. из коллекции Оружейной палаты // Сокровищница России: Музей "Московский Кремль" вчера, сегодня, завтра. Тез. докл. науч. конф. 13–15 мая 1997 г. М.

Зверев С.В., 1998. Систематизация московских полушек и денег первой половины XVII в. // Международный нумизматический альманах "Монета". Вып. 5. Вологда.

Зразюк З.А., Омельянчик-Якушева Р.М., 1996. Клады российских монет XVI–XVIII вв. // Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г. Тез. докл. М.

Ильин А.А., 1924. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. Л.

Качанова В.И., 1954. Топография кладов Москвы и ее окрестностей // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 5. М.

К-ий [М.Т. Каченовский], 1828. О найденных старинных монетах русских // Вестник Европы. N 22.

Клещинов В.Н., Гришин И.В., 1998. Каталог русских средневековых монет. С правления Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода: 1533–1617 гг. М.

Марков А.К., 1905. Русская нумизматика. Конспект лекций А.К. Маркова, читанных в СПб. Археологическом институте. СПб.

Мельникова А.С., 1957. Клады монет (зарегистрированные ГИМ за 1952–1954 гг.) // КСИИМК. Вып. 67.

Мельникова А.С., 1960. Систематизация монет Михаила Федоровича // АЕ за 1958 г.

Мельникова А.С., 1966. Клады русских монет, зарегистрированные ГИМ за 1960–1963 гг. // Ежегодник ГИМ за 1963–1964 гг. М.

Мельникова А.С., 1980а. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // НЭ. Т. XIII.

Мельникова А.С., 1980б. Монетные клады времени Ивана Грозного // Монетные клады собрания ГИМ: НС. Ч. 6. Тр. ГИМ. Вып. 50. М.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М.

Мельникова А.С., 1998. Служилые люди времени Василия Шуйского по данным монетных кладов // Очерки феодальной России. Вып. 2. М.

Мельникова А.С., Дядченко О.С., 1994. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в ГИМ после 1966 г. [В 1967–1989 гг.] М.

Мец Н.Д., 1953. Клады монет (зарегистрированные ГИМ за 1945–1952 гг.) // КСИИМК. Вып. 52.

Мец Н.Д., Мельникова А.С., 1960. Клады монет (зарегистрированные ГИМ в 1955–1958 гг.) // Ежегодник ГИМ [за 1958 г.]. М.

Орешников А.В., 1896. Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников. Вып. I. Русские монеты до 1547 г. М.

Панова Т.Д., 1996. Клады Кремля. М.

Прозоровский Д., 1865. Каталог музея Императорского Русского археологического общества // Изв. ИРАО. Т. V.

Прозоровский Д., 1868. Каталог музея Императорского Русского археологического общества. СПб.

Рассадина Т.В., 1993. Монетные клады на Костромской земле // ВНК. Тез. докл. и сообщ., Вологда, 18–21 мая 1993 г. Вологда.

Рассадина Т.В., 1998. Клад монет времени Михаила Федоровича с Еленинской улицы г. Костромы // Шестая ВНК. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тез. докл. и сообщ. СПб.

Рабцэвіч В.Н., 1993. Палушка // Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск.

Рейтенфельс Яков, 1997. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680. Перевод с латинского А. Станкевича // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.) М.

Рябцевич В.Н., 1995. Нумизматика Беларуси. Минск.

Савельев В.К., 1884. Описание русских серебряных копеек из клада, найденного летом 1881 г. близ д. Новой Поповки // Изв. ОАИЭК. Т. III: 1880–1882 г. Казань.

Сахаров И., 1839. Описание русских монет минц-кабинета И.Т. Яковлева. СПб.

Сахаров И., 1842. Летопись русской нумизматики. Отделение первое. СПб.

Сахаров И., 1851. Летопись русской нумизматики. Отделение первое. 2-е изд. СПб.

Сонцов Д., 1860. Деньги и пулы Древней Руси, великокняжеские и удельные. М.

Сотникова М.П., 1979. Материалы к топографии находок русских монет XIV–XX вв., зарегистрированных в Эрмитаже в 1948–1974 гг. // Русская нумизматика XI–XX вв. Л.

Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1979. Русские клады слитков и монет // Русская нумизматика XI–XX вв. Л.

Спасский И.Г., 1955. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г.: Историко-нумизматическое исследование // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. МИА. N 44.

Спасский И.Г., 1957. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. М.

Спасский И.Г., 1960. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 2-е изд. М.

Спасский И.Г., 1962. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 3-е изд., доп. Л.

Спасский И.Г., 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд., доп. Л.

Спасский И.Г., 1988. Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск.

Фасмер Р.Р., 1926. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I.

Федоров Г.Б., 1950. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. № 6.

Черепнин А.И., 1892. Каталог Рязанского музея. Отдел нумизматический // Тр. РУАК за 1891 г. Т. VI. № 4–5.

Черепнин А.И., 1894. Каталог Рязанского музея: Отдел нумизматический. Вып. I. / Сост. А.И. Черепнин. Рязань.

Чертков А.Д., 1834. Описание древних русских монет. М.

Чижов С., 1911. Серебряные полушки с надписями "ЦАРЬ" и "ГОСУДАРЬ" // НС. Т. I. М.

Шодуар С., 1837. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Собрание изображений. СПб.

Шодуар С., 1841. Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Ч. II. СПб.

Шуберт Ф.Ф., 1843. Описание русских монет и медалей собрания генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта. Ч. I. СПб.

Щербатов М.М., 1781. Продолжение опыта о древних российских монетах // Академические известия на 1781 год. Ч. VII. При С.-Петербургской Имп. Академии наук.

Яковлев Г.Г., 1971. К вопросу о денежной реформе правительства Елены Глинской: По нумизматическим данным // НС. Ч. IV. [ГИМ: Материалы к нумизматическому каталогу собрания ГИМ.] Вып. I.

Якушева-Омельянчик Р., 1996. Монеты Польши и Московского государства в кладах Украины: На материалах Национального музея истории Украины // Bialorus, Litwa, Polska, Ukraina – Wspolne dzieje pieniadza: Suprasl, 20–22. X. 1994: Materialy z I Miedzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa.

Янин В.Л., 1960. Монетные клады Новгородского музея // НЭ. Т. II.

Янин В.Л., 1978. Краткий очерк истории русской денежной системы до конца XVII в. // А.Н.Дьячков, В.В. Узденников. Монеты России и СССР. Определитель. М.

Gaidukov P.G., 1996. The typology and dating of 16th-17th century polushkas with the legend "ГОСУДАРЬ" // JRNS. N 59. Winter 1996.

Gaidukov P.G., 1997. 16-th Century Pskov Polushkas // JRNS. N 64. Autumn 1997.

Kotlar M., 1975. Znaleziska monet z XIV–XVII w. na obszarze Ukrainskijej SRR: Materialy. Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk.

Musei Imperialis Petropolitani. Types Academial scientiarum Petropolitanae. V. II. Pars tertia, qua continentur nummi recentiores. Nummi Ruthenici, 1745. St. P.

Reichel J., 1842. Die Reichelsche Muenzsammlung in St.-Petersburg. Th. I. Russland.

Spassky I.G., 1967. The Russian Monetary System. A historico-numismatic survei. Amsterdam.

Spasski I.G., 1983. Das russische Muenzsystem. Ein historisch-numismatischer Abriss. Berlin.

Институт археологии РАН,
Москва

P.G. GAIDUKOV

RUSSIAN POLUSHKAS OF THE 16th–17th CENTURIES WITH THE INSCRIPTION "GOSUDAR" (TYPOLOGY AND DATING)

Summary

The Russian coinage of the 16th–17th centuries consisted of three denominations: a kopeck, a denga and polushka or semidenga (1/2 of the denga or $^1/_4$ the kopeck). Available numismatic material provides evidence that more kopecks were minted than other coins, they are followed by dengas, and polushkas occupy the third place. There are few polushkas that have been preserved and so far they are the least studied Russian coins dating to that period. They are scarce in Russian hoards dating to the end of the 15th–17th centuries and are found in small amounts. In the total amount of several hundreds of hoards dating to that period altogether only 46 coin complexes have been identified that have polushkas suitable for studies while these hoards account for more than hundred thousand kopecks and dengas. These complexes have semidengas of various types.

The paper deals with a detailed description of the most numerous group of Russian polushkas dating to the 16th–17th centuries that represent a picture of a bird on one side and the inscription "GOSUDAR" on the other side. We managed to find data about 7700 coins of this type that are kept in various museum and private collections. Polushkas with the inscription "GOSUDAR" have been found in 40 coin hoards. This material allowed the author to divide the whole amount of coins into 8 variants and study their metrology in depth. On the basis of various polushka variants present in hoards of Russian coins dating to the 16th–17th centuries, the author presents a justified dating of their mint and the period when they were in use. Two supplements are enclosed with the paper: a catalogue of polushkas that have an inscription "GOSUDAR" and a list of hoards of Russian coins dating to the 16th–17th centuries that had these coins.

Публикации

В.К. ПЯСЕЦКИЙ

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА МИРОГОЩА I (ПОЛЕ ВОТРУБЫ)

Стоянка Мирогощa I находится на Волынской лессовой возвышенности примерно в 17 км к С-СЗ от стоянки Червоный Камень. Она открыта М.И. Островским в 1937-м году (Островский М.И., Григорьев Г.П., 1966, с. 5) и расположена в 1,5 км южнее восточной окраины с. Мирогощa Дубенского р-на Ровенской обл. В отличие от других стоянок данного р-на ранней и средней поры позднего палеолита стоянка находится не на краю высокого известнякового сарматского плато, а значительно гипсометрически ниже, где современный рельеф по сравнению с известняковым уступом несколько выполаживается. Это обусловлено тем обстоятельством, что под четвертичным покровом лежат нижнесарматские пески.

Кремневый материал собран в южной части длинного мысовидного выступа, понижающегося к северу. Размер стоянки около 50 × 70 м. В древности она была несомненно меньше. В настоящее время обработанные кремни, залегающие в пахотном слое растасканы при неоднократной вспашке. Культурный слой в таких условиях не сохранился, так как не был перекрыт здесь лессовидным суглинком. Под пахотным слоем лежит сарматский песок. В центральной части стоянки сохранились обломки сарматского известняка, образовался так называемый бронирующий рельеф, в результате чего на северном конце стоянки возникло эрозионное понижение, выполненное лессовидным суглинком с хорошо сформировавшейся на нем голоценовой почвой и бурой подпочвой (рис. 1). Интересно, что древние жители выбрали для стоянки песчанистое место, быстро просыхавшее в весенне-осенний период. Лессы и черноземновидная почва развиты и ниже по склону. О том, что вспашкой действительно растаскивался песок, свидетельствует тот факт, что в заложенном на южном краю распространения лессов шурфе, уже за пределами стоянки, выявлено, что песок слоем мощностью 10–15 см перекрывает гумусовый горизонт голоценовой почвы. Ниже по склону это явление не наблюдается. Шурфом пройдены причерноморские лессовидные суглинки до глубины 2,4 м. Ниже залегали обломки сарматского известняка вперемешку с сарматским песком и суглинком мощностью 0,2–0,3 м, подстилаемые сарматским песком. Расщепленный кремень в шурфе нами не был встречен.

Шурф в лессовидном суглинке закладывался и М.И. Островским. Переотложенный со стоянки немногочисленный кремень найден им максимально на глубине 1,5–1,9 м – в приподошвенной части суглинков. Важно при этом то, что расщепленный кремень в нашем шурфе отсутствовал в слое с переотложенными обломками известняка. Этот слой отложился в сравнительно влажных условиях паудорфского времени. Кстати, в нижней, западной части мыса, слой с обломками известняка переходит в типичную легко узнаваемую полигенетичную паудорфскую почву (аналогичная картина наблюдается в Жорнове), перекрытую лессом мощностью до 3 м.

Приведенные данные свидетельствуют о причерноморском (осташковском) возрасте стоянки, причем довольно раннем в пределах осташковского времени. Косвенно об этом может свидетельствовать верхний культурный слой Жорнова, лежащий в кровле

© В.К. Пясецкий, 1999 г.

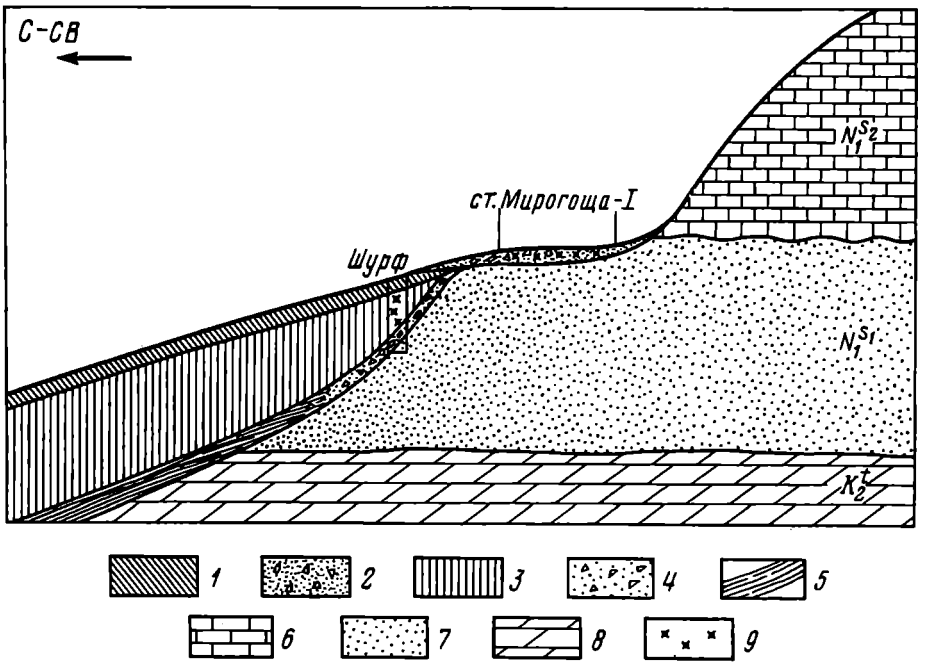


Рис. 1. Схематический геологический разрыв через стоянку Мирогощa I.
1 – голоценовая черноземовидная почва; *2* – песчанистый пахотный слой стоянки. Обломки известняка; *3* – суглинок лессовидный. Причерноморский (осташковский) горизонт; *4* – песчаноглинистые паудорфские осадки склона с обломками известняка; *5* – образование паудорфского педокомплекса; *6* – известняк среднесарматского подъяруса; *7* – песок нижесарматского подъяруса; *8* – мел и мергель туронского яруса; *9* – расщепленный кремень

паудорфских отложений и имеющий группу мустьерских орудий и черты сходства с индустрией Морогощи I (Пясецкий В.К., 1991а, с. 137) и культурный слой стоянки Грядки в том же районе (14 км южнее Мирогощи), залегающий в причерноморских отложениях и тоже имеющий определенные черты сходства с инвентарем Мирогощи I.

Но сборы на стоянке Мирогощa I ранее были далеко не полными, поэтому оказалось, что инвентарь этой стоянки и соотношение отдельных типологических групп орудий в значительной мере не такой (даже можно сказать принципиально не такой), как это считалось ранее. Автор и В.В. Ткач – сотрудник Дубенского музея-заповедника неоднократно в 90-х годах собирали на стоянке расщепленный кремень, пока не появились ряды однотипных орудий и можно было считать, что коллекция статистически достаточно насыщена и более-менее отражает действительный состав орудий стоянки.

Отметим, что отщепы в коллекцию не брались и не подсчитывались, так как это почти ничего не дает, разве что влияет на процент орудий. Но визуально определено, что этот процент и без подсчетов дотаточно высок. Подавляющая часть мелких чешуек смыта в долину.

Кремень, из которого изготовлялись орудия, желвачный, происходит из толщ мела. Кремневые изделия покрыты белой, редко голубоватой патиной.

Нуклеусов 35 экз. Со скошенными площадками одноплощадочных 11 экз. Рабочая поверхность занимает до половины окружности изделий. То же у двухплощадочных – 3 экз. (рис. 2, *1*). С прямыми площадками – подпризматические – 1 экз. Подклиновидные – 5 экз. (рис. 2, *2–4*). Подпирамидальный – 1 экз. С разнонаправленным скалыванием, часто со смежными ударными площадками – 5 экз. На двух противоположных торцах плитки – 1 экз. В отдельную группу отнесены нуклеусы липского типа. Их 6 экз. Имеется экземпляр в начальной стадии обработки (рис. 2, *5*). О типичных липских нуклеусах писали разные авторы, поэтому нет особой необходимости давать им характеристики (рис. 2, *5–8*). Заметим только, что это ни в коем случае не топорики,

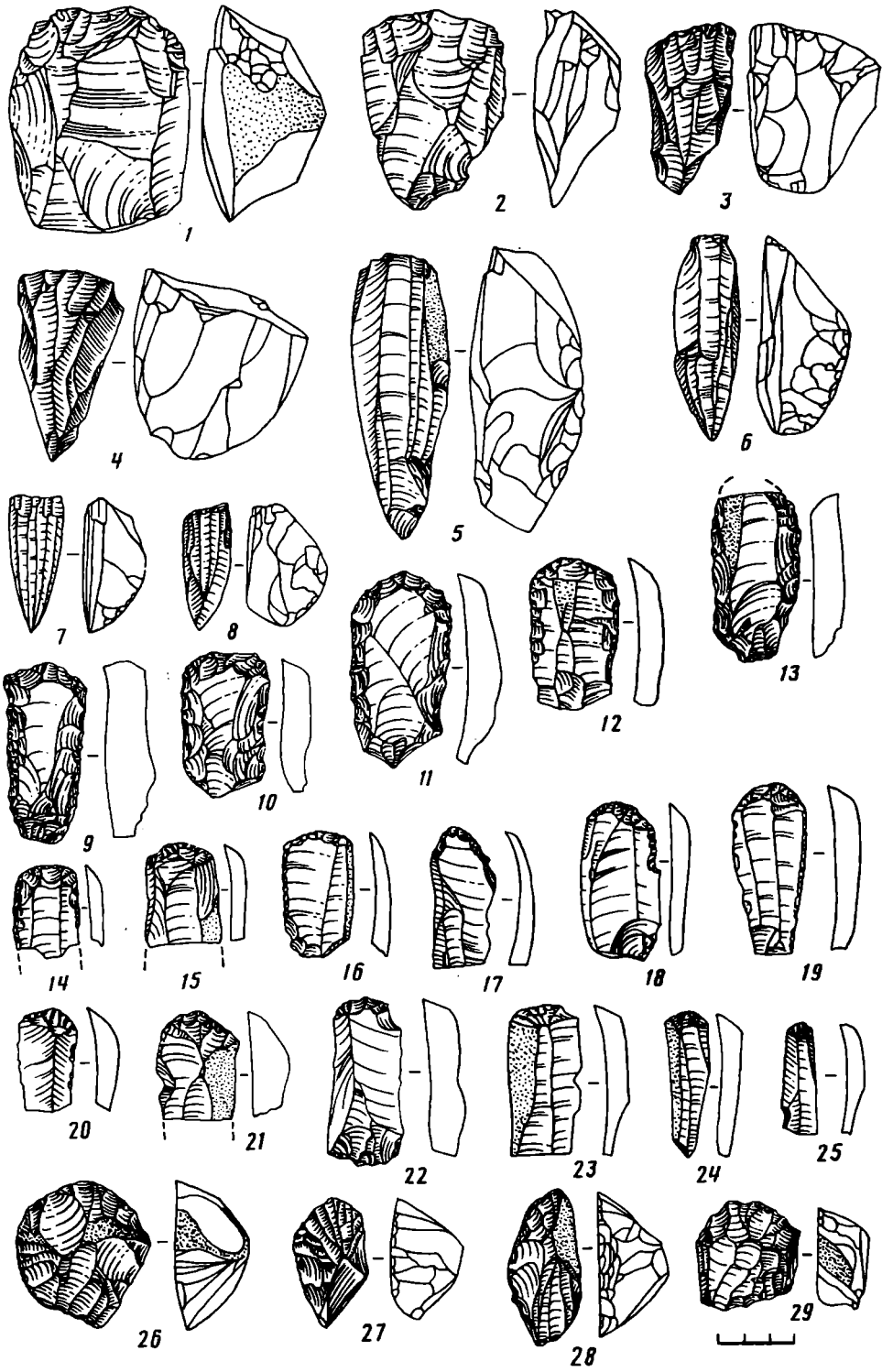


Рис. 2. Мирогощa I. Кремневые нуклеусы и орудия труда

как считали некоторые археолоrи. Еще можно допустить, что своим нижним концом нуклеусы эти могли вставляться в расщелину полена, а пластины при этом снимались с помощью мягкого посредника или отжимным способом. Если начать снятия с одного конца площадки по периметру ко второму, то можно получить пластинки несколько шире негативов, оставленных на нуклеусах. Для чего применялись такие пластинки можно только догадываться. Не исключено, что из них изготовлялись мелкие острия (рис. 3, *30*).

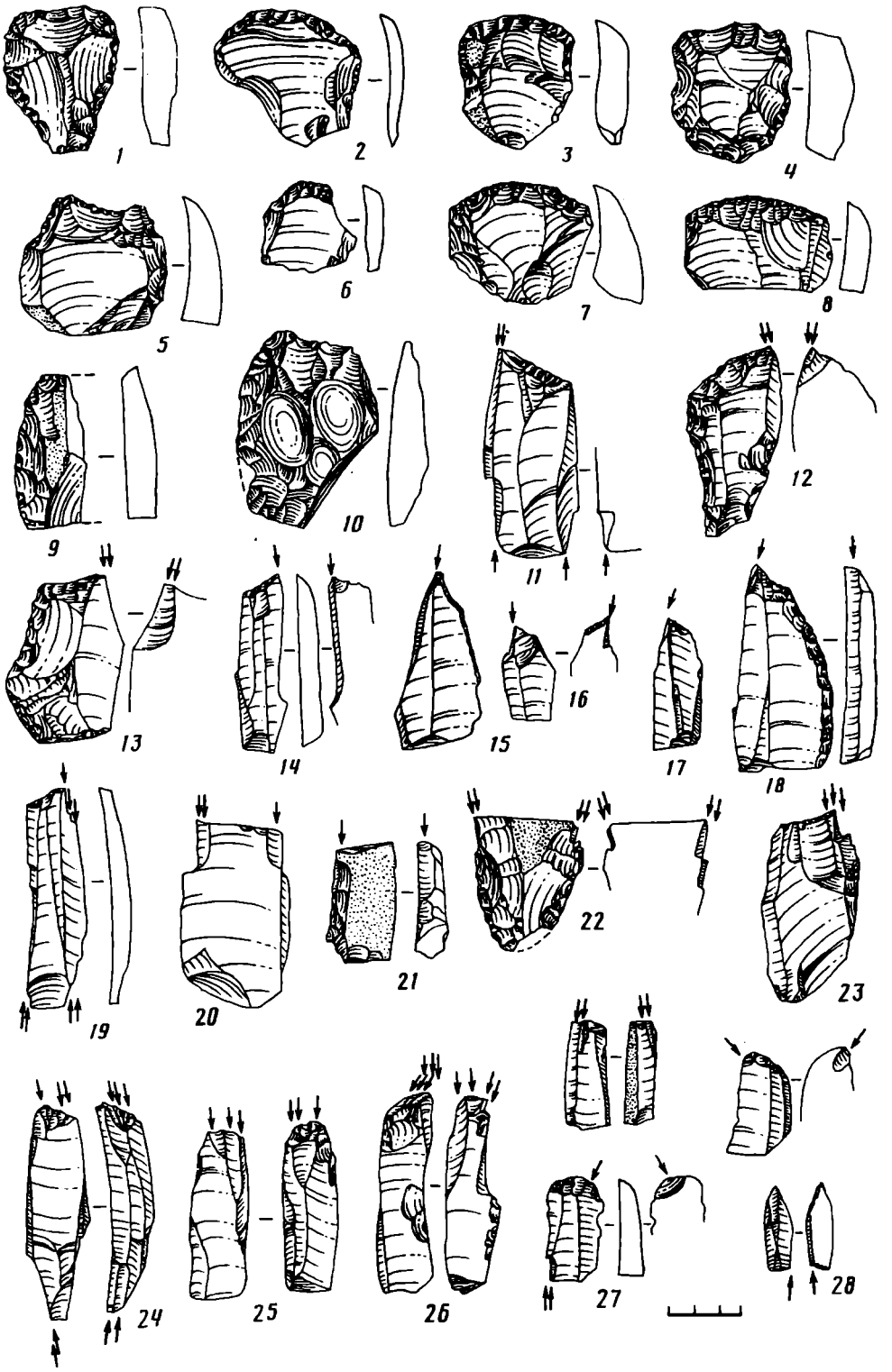


Рис. 3. Мирогоща I. Кремневые орудия труда

Пластин и пластинок в коллекции 75 экз. Микропластинок шириной 0,5–0,7 мм – 4 экз. Они сняты, по-видимому, из нуклеусов липского типа. Много таких мелких изделий, как и чешуйки, смыты за пределы стоянки. Пластин шириной 1,4 см – 5 экз., а шириной 1,9–2,3 см – 22 экз. Пластин шириной 0,3–4,1 см – 6 экз.

Переходим к характеристике кремневых орудий труда со вторичной обработкой со стоянки Мирогоща I (таблица).

Типы орудий труда со стоянки Мирогоша I

№	Орудие труда	Количество	%
1	Скребки концевые	26	24,2
2	Скребки нуклевидные (кареноидные)	4	3,7
3	Скребки на крупных отщепах	6	5,6
4	Скребковидные режущие орудия	2	1,8
5	Режущие инструменты с плоской ретушью (ножи)	3	2,8
6	Резцы	17	15,8
7	Резчик	1	0,9
8	Скребок-резец	1	0,9
9	Мелкое острие на пластинке	1	0,9
10	Острия на отщепах	2	1,8
11	Неоконченное крупное острие	1	0,9
12	Листовидные наконечники	5	4,6
13	Рубящие орудия	2	1,8
14	Проколка	1	0,9
15	Пластины с ретушью	7	6,5
16	Скребловидные орудия	7	6,5
17	Отщепы с ретушью	13	12,1
18	Обломки типологически непределимых орудий	4	3,7
19	Крупные отщепы с уплощающей ретушью	5	4,6
	Всего орудий	108	100

Как видно из таблицы, скребки количественно преобладают над резцами, а среди скребков больше всего инструментов концевых на пластинах. Подобная ситуация наблюдается и в Червоном Камне, но там в группе скребков преобладают кареноидные (нуклевидные). Среди концевых скребков выделяются скребки с боковой ориньякской ретушью. Их 6 экз. Эта ретушь еще более "ориньякская", чем в Червоном Камне. Остальные концевые скребки обычного типа (20 экз.), разве что на боковых краях некоторых из них имеется мелкая ретушь аккомадации (рис. 2, *14–25*), да несколько приостренный рабочий конец (рис. 2, *17, 21, 25*). Типичны скребки-нуклеусы (кареноидные), оформленные лямеллярной ретушью (рис. 2, *26–29*). В этой группе выделяются два ладьявидных скребка (рис. 2, *27, 28*). Скребки на отщепах, как правило, крупные (рис. 3, *1–6*), иногда с высоким выемчато-зубчатым рабочим краем (рис. 3, *4, 5*). Типологически близки к ним скребковидные орудия с хорошо выраженным дуговидным рабочим краем, но они оформлены приостряющей ретушью и служили, скорее, режущими инструментами (рис. 3, *7, 8*). Имеются режущие орудия-ножи, сформированные уплощающей ретушью (рис. 3, *9, 10*).

Преобладают боковые резцы, их 9 экз. (рис. 3, *11–19*). Они довольно разнообразные, некоторые с боковой ретушью (рис. 3, *12, 13, 18*). Три орудия имеют плоские сколы (рис. 3, *12–14*). Два резца напоминают более развитые орудия мадленского времени из поселения Бармаки (рис. 3, *14, 19*). Угловые резцы: 4 экз. на пластинах (рис. 3, *20, 21, 23*), на сломе листовидного наконечника (рис. 3, *22*). Показательна группа многофасеточных резцов – 4 экз. (рис. 3, *24–27*). Один из них напоминает резец бюске (рис. 3, *26*), другой – нуклевидный (рис. 3, *27*). Только один резец напоминает срединный, он атипичен. Имеется резчик (рис. 3, *28*) и комбинированный скребок-резец с подтеской скребковой части (рис. 3, *29*).

Интересны небольшие острия: на мелкой пластинке (рис. 3, *30*) и на отщепах (рис. 4, *1, 2*). Но особенно нужно обратить внимание на листовидные острия (наконечники). Раньше их на стоянке не находили по указанным выше причинам. Одно из острий, как и в верхнем слое Жорнова, изготовлено из так называемого "морозного отлома". Оно лишь частично подправлено с вентральной стороны (рис. 4, *3*). Другое

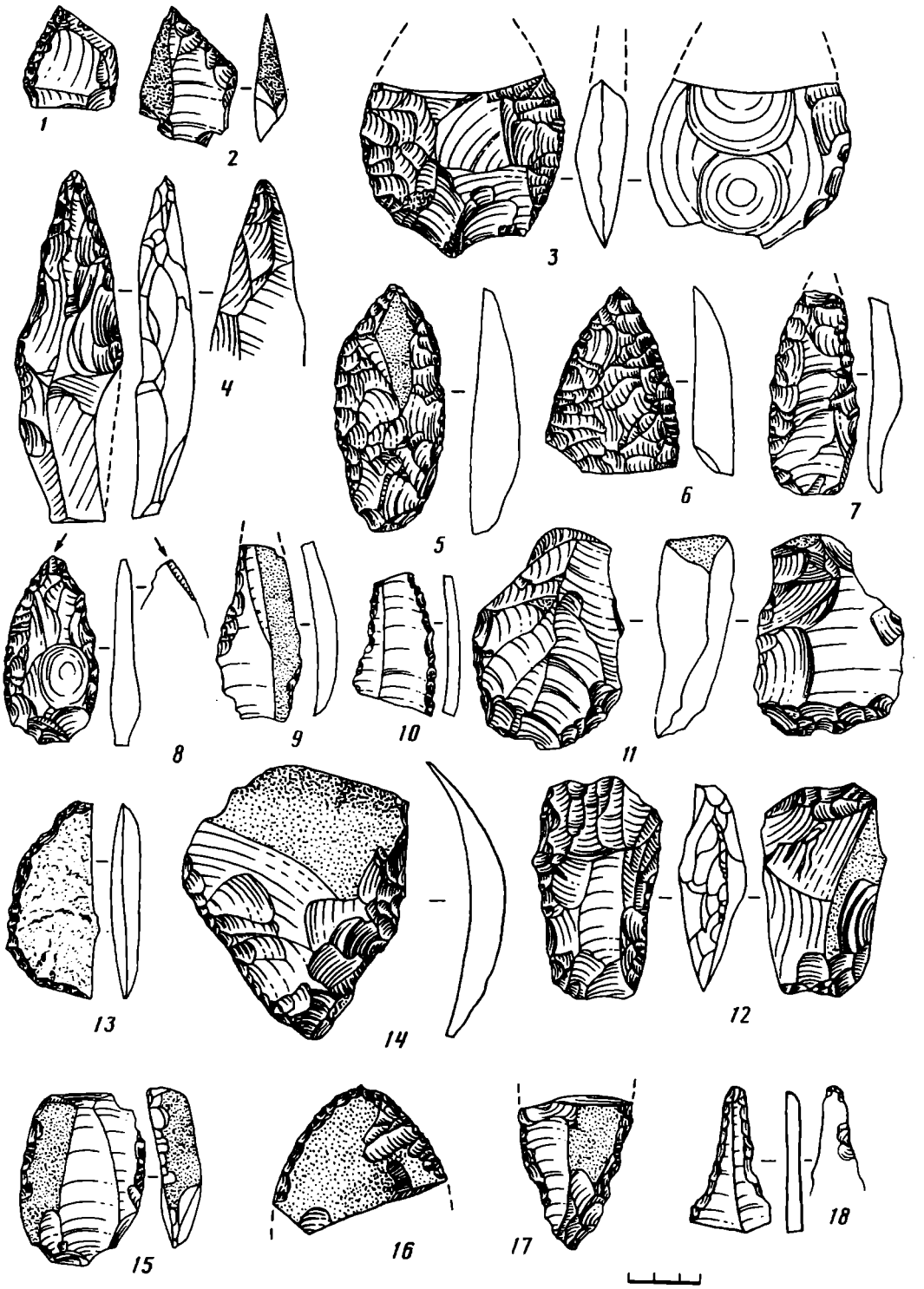


Рис. 4. Мирогоща I. Кремневые орудия труда

острие неоконченное вследствие залома его в основании (рис. 4, *4*). Изготавливалось оно сначала оббивкой. Видимо, предполагалось изгтовление двусторонне ретушированного орудия. Что такие орудия существовали на этом или близком этапе развития культуры, может свидетельствовать находка липского нуклеуса и рядом с ним обломка двусторонне ретушированного острия у села Майдан, западнее, на краю плато. Еще три листовидных острия обработаны ретушью только с одной стороны (рис. 4, *5, 6, 8*). В коллекции имеется довольно крупное острие, возможно не законченное обработкой (рис. 4, *7*). О том, что липские нуклеусы не были своеобразными топориками, косвенно

свидетельствует находка двух рубящих топоровидных орудий (рис. 4, *11, 12*). Кроме того, в коллекции имеется проколка с длинным жальцем (рис. 4, *18*), пластины с ретушью, служившие режущими инструментами (рис. 4, *9, 10*). Скребловидные орудия мало типичны (рис. 4, *13, 15*). Обычны в позднепалеолитических коллекциях отщепы с ретушью. Немало обломков типологически неопределимых орудий (рис. 4, *16, 17*). Но характерны для стоянки крупные отщепы с уплощающей ретушью (рис. 4, *14*).

Каковы же основные особенности инвентаря стоянки? Это, во-первых, нуклеусы липского типа. Далее – преобладание в группе скребков инструментов концевых на пластинах, среди которых характерны скребки на ориньякских пластинах. Кареноидных скребков, в том числе и ладьевидных, немного, но они достаточно характерны. Скребки на отщепах крупные. Их гораздо меньше, чем концевых скребков на пластинах. Не случайно появление режущих инструментов с уплощающей ретушью. Не случайно, по-видимому, и практически полное отсутствие срединных резцов и наличие боковых, угловых и многофасеточных. Боковые резцы типологически в значительной мере отличаются от резцов Червоного Камня, но они на этих двух стоянках преобладают.

Но особенно показательно наличие разнотипных листовидных наконечников, обработанных, как правило, односторонне, часто уплощающей ретушью. Они найдены на стоянке впервые. Впервые найдены здесь и топоровидные изделия. Скребла атипичны, но характерны очень крупные отщепы с приостряющей ретушью. Интерес представляет немногочисленная группа мелких острий на пластинах и отщепах. Острий на пластинках найдено больше на стоянке Липа–Гостра, так что в Мирогоще I они не случайны.

Таким образом, на Западе Украины впервые открыты стоянки с листовидными наконечниками, относящиеся к раннепричерноморскому (раннеосташковскому) времени. Это стоянка Грядки и Мирогоща I. Возможно подобная стоянка существует на западной окраине с. Майдан этого же района. По времени они, очевидно, смыкаются с солютрейскими стоянками Франции, имеющими возраст 20–18 тыс. лет (Монгайт А.Л., 1973, стр. 129, таблица), но ни в типологии, ни генетически оружия солютре и Мирогощи I ничего общего не имеют.

Вряд ли имела место дивергенция ориньяка типа Червоного Камня (Островский М.И., Григорьев Г.П., 1966, с. 6, рис. 2; Пясецкий В.К., 1995, с. 125) в сторону граветта среднего слоя Жорнова (Пясецкий В.К., 1991б, с. 185, рис. 2; с. 186, рис. 3) и одновременно в сторону индустрии Мирогощи I. Ориньяк этот все же развился по направлению комплекса Мирогощи I. Об этом свидетельствует наличие в Мирогоще концевых скребков с ориньякской ретушью и кареноидных скребков, в том числе и ладьевидных. Но доля кареноидных скребков в инвентаре сильно уменьшается. Кроме того, в Червоном Камне имеются уже полностью сформированные нуклеусы липского типа, пускай и единичные, тогда как в среднем слое Жорнова при довольно значительном количестве нуклеусов липские нуклеусы отсутствуют. В таком случае следует признать, что граветт среднего слоя Жорнова развился не из местного ориньяка, а оставлен пришлым населением.

Известны районы, где листовидные острия в верхнем палеолите возникают из мустьерских листовидных острий, например в районе Костенок. Это стоянка Костенки XII, слой III (Аникович М.В., 1977, с. 100, рис. 4, *4*; с. 104; рис. 1, *4, 5* и др.). Но это редкий случай, где стратиграфия довольно ясна. Конечно, и в центральной Европе есть такие случаи, но там селетские индустрии или отдельные селетские острия все же связывались в основном с ориньяком (Klima B., 1961, с. 89, obr. 59, с. 96, obr. 61 и др.), а отнесение некоторых "селетских" индустрий к селету спорно, так как они древнее селета и относятся еще к мустье.

Интересно отметить, что М. Моттл датировала венгерский селет W_{2-3} и даже W_3, что теперь вполне приемлемо. Но Ф. Прошеку это тогда представлялось неправильным (Prosek F., 1953, с. 171).

Благодаря статье Каталин Шиман (Sziman K., 1995, с. 37–42) много прояснилось для зарубежных исследователей в отношении стратиграфии самой Селеты. По

Л. Вертешу внизу залегают мустьерские слои, над ними мустье с листовидными наконечниками, затем древний селет.

Ориньяк лежит здесь в боковой галерее. Верхний слой (по нашему мнению собственно верхнепалеолитическая селетская культура) содержит граветтские наконечники. Дата для этого слоя по радиоуглероду 32820 ± 400 лет (GrN-6020). Дата для так называемого нижнего слоя селеты > 41700 лет (GXO-147). Это, несомненно, мустьерская дата, и недаром М. Габори связал древний селет с мустье типа Шибалюк и отказался от признания генетической связи орудий этого слоя с собственно селетскими остриями. В 1982 году он заявил, что граветтские наконечники найдены в более низкой стратиграфической позиции, чем листовидные острия. Это же мнение поддержала Габори-Шанк в 1983 году. Если граветтские острия залегают действительно ниже селетских острий, то мы имеем картину, аналогичную Жорнову на Волынской возвышенности (Пясецкий В.К., 1991а, с. 134, рис. 3). По мнению К. Шиман нижний селет (т.е. мустье) это и есть настоящий селет, что противоречит сложившемуся мнению о селетской культуре. Но как отмечает К. Шиман, для окончательного ответа на вопросы, касающиеся стратиграфии грота Селета, нужно провести здесь новые раскопки.

В последнее время прошла дискуссия о листовидных остриях в палеолите. Эти острия (наконечники) известны в мустье (Кухарчук Ю.В., 1989, с. 49, рис. 9). Н.К. Анисюткин посвятил мустьерским листовидным остриям Стинка I специальную статью, выделяя среди них наконечники (Анисюткин Н.К., 1972, с. 88–94). В верхнем палеолите такие наконечники появляются, как правило, довольно поздно (пещера Селета Жорнов, Мирогоща I, солютре Франции, Грядки). Я.К. Козловский (Kozlowski J.K., 1995, с. 91–96) причину их появления в тех или иных индустриях видит в условиях изменяющейся среды, в функциональных аспектах, в возможности доступа к качественному сырью и т.д. Он пишет, что ранее считалось, что появление этих наконечников связано с мустьерскими культурами, откуда они были заимствованы в верхнем палеолите, Я.К. Козловский, по нашему мнению, правильно отмечает, что по крайней мере в Европе не существовало, как правило, продолжения традиций двусторонних листовидных наконечников. Появление таких наконечников совпадает с критическими моментами в эволюции среды и культуры. Они появляются в палеолите в момент климатических кризисов, которые требуют культурной адаптации, новой стратегии в экономике выживания. Эту мысль можно попытаться развить применительно к нашей теме. Дело в том, что в ориньякских индустриях листовидных наконечников нет. Это косвенно подтверждает высказанную ранее неоднократно мысль, что ориньякцы пришли в Европу с юга, – в нашем случае достигнув юга Польши, пришли на Волынскую возвышенность. На Ближнем Востоке они охотились на сравнительно небольших животных. Так в гроте Хафзех (слои 6–9, Израиль, Галилея) охотились преимущественно на газель, лань, быка, антилопу, благородного оленя, косулю. В слое 7, кроме того, встречаются антилопа-бубал и дикий кабан (Коробков И.И., 1978, с. 70). Для охоты на этих животных достаточны были небольшие кремневые острия для дротиков, а в некоторых случаях для копий. Продвинувшись в Европу в теплый начальный промежуток паудорфа, как это пытался показать автор (Пясецкий В.К., 1992, с. 125), ориньякцы по традиции использовали подобные орудия охоты (можно допустить, что крупные животные, типа мамонта в это время мигрировали на север). Но с похолоданием в середине и в конце паудорфа и особенно в причерноморское (осташковское) время, видимо, увеличивается количество крупных животных (в верхнем культурном слое Жорнова, например, был найден зуб мамонта). Конечно, если иммигрировавшие в Европу коллективы к этому времени были уже достаточно большими, что мало вероятно, то применялась загонная охота. Но имеющиеся данные по верхнему слою Жорнова, Мирогощи I, Грядкам свидетельствуют о небольших коллективах охотников. Охота еще не всегда могла иметь загонный характер. В этом случае появляются крупные листовидные острия с односторонней или двусторонней обработкой, этими орудиями, прикрепленными к древкам дротиков

или копий, люди могли охотиться даже на крупных животных сравнительно небольшими коллективами. Небезынтересно, что позднее, в мадленское время, когда количество населения возрастает в одном стационарном поселке, исчезают и листовидные наконечники по причине, выходящей из вышеизложенного. Наличие или отсутствие плитчатого кремня для изготовления наконечников Я.К. Козловский переоценивает.

Итак, основную роль в появлении листовидных наконечников, по крайней мере в Центральной и Восточной Европе, играли климатические условия и связанные с ними демографические и хозяйственные факторы. Остается неясным, однако, почему с большим отрывом от мустье наконечники появляются в солютре Франции.

Основным достижением исследования стоянки Мирогоща I, как и некоторых других стоянок, которые придется еще докопать, является выявление факта существования листовидных наконечников в раннеосташковское (раннепричерноморское) время. Наконечники этих стоянок не имеют ничего общего ни с солютре Франции ни с селетом Центральной Европы. В данном случае они характерны для среднего этапа развития верхнепалеолитической липской культуры (раняя ступень – ранний ориньяк Иванич и развитой ориньяк Червоного Камня). Здесь необходимо заметить, что термин "ориньяк" мы понимаем не как археологическую культуру (за исключением территории Франции), а как исторический этап, явление, когда на территории Европы геологически одновременно появляются стоянки со сходным в значительной мере выбором инвентаря. Что касается стоянки Липа-Гостра, то она может быть моложе Мирогощи I, так как там найдено больше мелких острий на пластинках. Сохраняются ли там листовидные острия, неизвестно. Сейчас стоянка поросла лесом и не доступна для исследований.

Можно согласиться с Г.П. Григорьевым (1970, с. 45), что продолжением липской культуры являются культурные слои стоянки Липа VI, которая раскапывалась В.П. Савичем (Савич В.П., 1975, с. 51–101).

Правда, в нижнем, пятом слое стоянки, отсутствуют липские нуклеусы. Но вероятность их нахождения в раскопе площадью 150 м^2 очень мала. Если на площади стоянки Мирогоща I, равной 3500 м^2 найдено 6 липских нуклеусов, то в раскопе на стоянке Липа VI их должно было быть найдено всего 0,3 и они действительно не обнаружены. Зато в пятом слое Липы VI есть кареноидные скребки, которые, правда, по размерам значительно мельче тех, что происходят из Червоного Камня и Мирогощи I. Но уже в третьем и втором "а" слоях липские нуклеусы присутствуют (площадь раскопа этих слоев значительно больше, чем площадь раскопа пятого слоя), хотя сам набор орудий из слоя в слой не может не изменяться.

В заключение нужно сказать, что автор согласен с Г.П. Григорьевым в отношении выделения липской палеолитической культуры. Автор данной публикации считает, что наиболее ранняя ступень представлена раннеориньякской стоянкой Иваничи, где еще не была известна техника отделения мелких пластинок, а следовательно не было и нуклеусов липского типа. Следующая ступень – развитой ориньяк Червоного Камня, где липские нуклеусы только появляются. Эти две стоянки представляют раннюю, паудорфскую ступень развития культуры. На средней ступени (раннепричерноморское, раннеосташковское время) вместе с ориньякскими типами орудий, процент которых снижается, появляются листовидные наконечники и режущие инструменты с уплощающей ретушью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., 1977. Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.

Анисюткин Н.К., 1972. Листовидные острия с двусторонней обработкой со стоянки Стинка I // Палеолит и неолит СССР. МИА. Т. 7.

Григорьев Г.П., 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.

Коробков И.И., 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья. Л.

Кухарчук Ю.В., 1989. Палеолит Юго-Запада СССР и сопредельных территорий. Киев.
Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.
Островский М.И., Григорьев Г.П., 1966. Липская палеолитическая культура // СА. № 4.
Пясецкий В.К., 1991а. Палеолитическое местонахождение Жорнов: верхний культурный слой // СА. № 2.
Пясецкий В.К., 1991б. Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов // СА. № 4.
Пясецкий В.К., 1992. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита // РА. № 3.
Пясецкий В.К., 1995. Ориньякская стоянка Червоный Камень на Ровенщине // РА. № 2.
Савич В.П., 1975. Пізньопалеолітичне населения Південно-Західної Волині. Київ.
Klima B., 1961. Saucasny stan problematiki aurignacienu a gravettienu // AR. r. III sešit 1. Praha.
Kozlowski J.K., 1995. La signification des "outils foliacees // Les industries a pointes foliacees D'Europe Centrale. Miskolc.
Prosek F., 1953. Szeletin na Slovensku // SA. r. I. Bratislava.
Sziman K., 1995. La grotte Szeleta et le Szeletien // Les industries a pointes foliacees D'Europe Centrale. Miskolc.

Ровенский краеведческий музей

V.K. PYASETSKY

LATE PALEOLITHIC CAMP MIROGOSCHA I

(Polye Votruby)

(The middle stage of the Lipa Late Paleolithic culture development)

Summary

The paper deals with stratigraphy and flint goods from a Late Paleolithic camp Mirogoscha I located on the Volynsk highlands. Cores of the Lipa type, an Orinyaks set of tools and leaf-shaped points of various types that have been found here for the first time is a typical burial accompaniment. Cutting tools treated with a flattening retouch is a regular occurrence. Slashing tools and other tools present a certain interest. The camp is dated, like the Solutrean period of France, to the post-Raudorf time, but genetically flint goods are not related to the Solutrean period, and they are not related to the Seleta culture either. The author of the paper shares the opinion of G.P. Grigoryev according to which the camp dates to the Lipa Paleolithic culture, thought flint goods are absolutely different from what we thought them to be in the past. As for its age, the camp dates to the middle stage of this culture development.

Н.А. ГАВРИЛЮК, А.Н. УСАЧУК

ОБРАБОТКА КОСТИ СТЕПНЫМИ СКИФАМИ

(по материалам Каменского городища)

Значимость для кочевников кости и рога как одного из основных сырьевых продуктов скотоводства и получаемых из них изделий, не нуждается в особой аргументации. Вследствие доступности, хороших физико-механических свойств костно-рогового сырья, разнообразия изделий, которые могут быть изотовлены из него, их высоких потребительских качеств, обработка кости (рога) занимала важнейшее место в домашнем производстве кочевников, в том числе скифов.

Нашу работу облегчает наличие проведенных ранее исследований кости в синхронных памятниках и культурах Лесостепи (Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А., 1980, с. 181–189), античности (Петерс Б.Г., 1986), а также решение ряда вопросов по разным категориям и даже отдельным костяным изделиям скифской (Фиалко Е.Е., 1987, с. 130–139) и нескифской (Изюмова С.А., 1949, с. 15–25; Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983, с. 84–94) тематики. Кроме того, один из авторов статьи специализируется в области реконструкции технологии обработки кости путем трасологического исследования костяных изделий (Усачук А.Н., 1993; 1996). Трасологическая методика была апробирована на материалах поздней бронзы и впервые применяется для скифского периода.

Базой для проведения исследований послужили материалы из раскопок Каменского городища, проводившихся Б.Н. Граковым в 1938–40 гг. 1945–1950 (Граков Б.Н., 1954), П.Д. Либеровым в 1952 г., Н.А. Гаврилюк и др. в 1987–1990 гг. (рис. 1), костяные изделия из поселения Лысая Гора и других памятников оседлости степных скифов, а также погребальный инвентарь из рядовых курганов Степной Скифии.

Основные представления о технологии обработки кости и рога, бытовавшей в скифской степной среде, были получены из анализа материалов хозяйственного комплекса из раскопа 13 Каменского городища (Гаврилюк Н.А., 1992, с. 96, 97; 1995, с. 88–101). Под почти полностью вскрытой дюной (к сожалению, часть дюны была уничтожена при строительстве хлебоприемного пункта, а другая часть попала в песчаный карьер) оказался хозяйственно-жилищный комплекс хорошей сохранности, идентифицированный нами как усадьба с "мастерской". Несмотря на слабые консервационные возможности грунтов Каменского городища, в нашем случае удалось зафиксировать практически весь комплекс. По размерам в бортах раскопа и бровках, можно судить о том, что получено сечение всего участка, при этом насыщенный культурный слой залегал в виде линзы диаметром 30 м и максимальной толщиной 1 м на участке, чуть смещенном от центра. Важно, что обе мастерские "косторезаножовщика" – открытые Б.Н. Граковым (Граков Б.Н., 1954, с. 127, 128) и нами – находились в 250 м друг от друга в восточной части кучугур (рис. 1).

Комплекс усадьбы составляли пять углубленных в материк основ глинобитных стен сооружений или ограды и ворот "усадьбы"; пять хозяйственных ям; полуземлянка и остатки глинобитной печи (табл. 1). Заполнение всех хозяйственных ям – обычное для Каменского городища: фрагменты амфор и лепных сосудов, кости животных без следов их обработки. На территории усадьбы вдали от ворот зафиксированы контуры полуземлянки с ровным дном, углубленной в материк на 0,60 м (1,40 м от репера) и близкой по форме к овалу 3,60 × 2,0 м.

© Н.А. Гаврилюк, А.Н. Усачук, 1999 г.

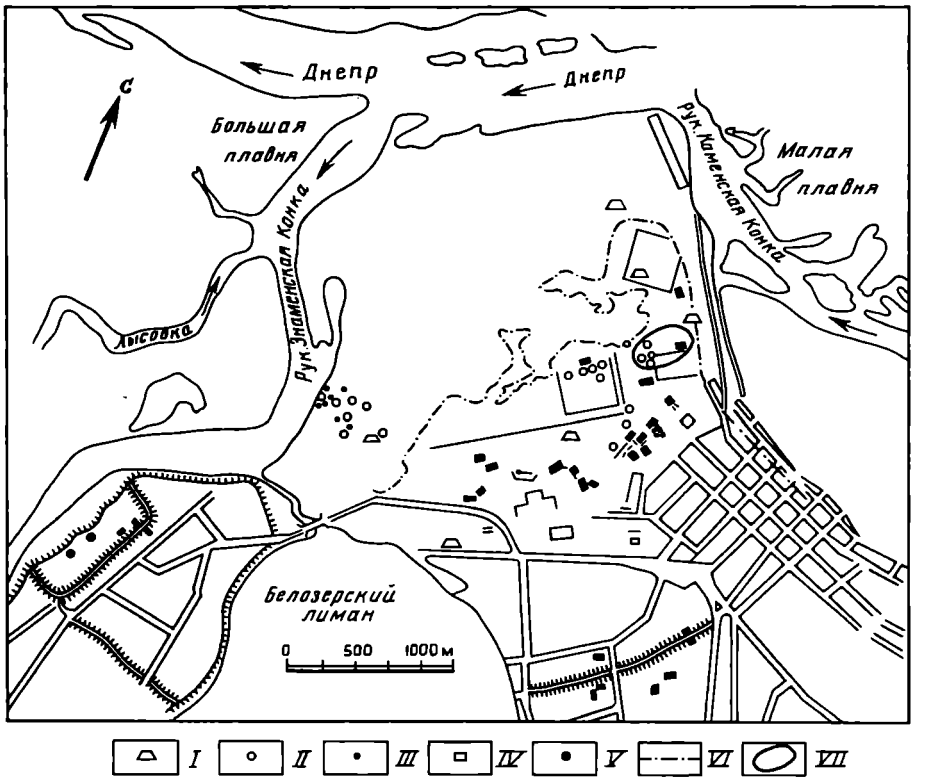


Рис. 1. Расположение усадьбы с косторезной мастерской из раскопа 13 и мастерской костореза-ножовщика из раскопа VIII 1949 г. I–V пункты раскопок Каменского и Знаменского городищ; I – раскопки Д.Я. Сердюкова (1899–1900); II – Б.Н. Гракова (1938–1950); III – П.П. Либерова (1952); IV – Н.А. Гаврилюк (1987–1994); V – Н.Н. Погребовой (1945–1946); VI – современная береговая линия, образованная Каховским водохранилищем; VII – участок с "мастерской"

Большинство находок сосредоточено в юго-западной части раскопа. Наиболее многочисленны находки фрагментов амфор и лепных сосудов. В районе полуземлянки сосредоточены металлургические шлаки. В яме 5 и около нее найдено много костяных изделий, полуфабрикатов, а также запасы кости, предназначенные для дальнейшей обработки. В пределах комплекса фиксируются следы сопутствующих производств – кожевенного (по костяным орудиям обработки кожи) и кузнечного (по обилию шлаков и готовых железных изделий).

Перейдем к анализу находок, относящихся к косторезному производству. Сырьем для изготовления костяных изделий были в основном кости домашних животных, при этом на изготовление ручек ножей и шильев шли трубчатые кости. Палеозоологическое исследование остеологической коллекции Каменского городища, в том числе исследуемой усадьбы (1671 костей животных), проведено О.П. Журавлевым (Журавлев О.П., 1995, с. 131). Всего (целых и/или фрагментированных) костяных орудий и изделий на Каменском городище выявлен 131 экземпляр, из них 105 происходят из мастерской (раскоп 13). Наиболее часто встречаются рукоятки или заготовки рукояток ножей – 60 экз. (57,1%), что вполне соответствуют массовой распространенности в скифской материальной культуре именно железных ножей (Шрамко И.Б., 1984, с. 43). Рукоятки ножей делятся на пластинчатые – 42 экз. (70%), рукоятки-колодки – 10 экз. (16,7%) и заготовки – 8 экз. (13,3%)[1]. В качестве сырья для изготовления рукояток

[1] Заметим, что столь резкое преобладание пластинчатых рукояток может, отчасти, быть объяснено техникой изготовления рукояток-колодок с глубокими продольными пропилами (рис. 2, *3*). Фрагмент подобной рукоятки-колодки, найденный отдельно, можно ошибочно идентифицировать как фрагмент пластинчатой рукоятки.

Таблица 1

Хозяйственные ямы, вскрытые во дворе "усадьбы"

№ хозяйственной ямы	Форма в плане	Размеры, м			Заполнение
		продольные	поперечные	глубина	
1	Овальная	1,0	0,5	0,30	Фрагменты амфор, лепной керамики, кости без обработки
2	То же	1,5	1,0	Неглубокая	То же
3	Круглая	0,8	0,8	0,25	»
4	Овальная	1,0	0,5	0,2	»
5	То же			0,6	+ многочисленные кости и др... – см. в тексте

ножей в подавляющем большинстве случаев использовался компактный слой диафиза трубчатых костей крупных копытных. Толщина компактного вещества до 1,5 см. На некоторых изделиях прослеживаются участки губчатого вещества (рис. 2, *1, 2, 6*). Это свидетельствует о том, что использовался весь диафиз, вплоть до участков перехода его в эпифизы, где и начинает появляться губчатое костное вещество. В единичных случаях использовались лучевая кость мелкого рогатого скота (МРС), фрагмент ребра крупного копытного и плоская кость крупного рогатого скота (КРС). В последнем случае, вероятнее всего, в качестве сырья использовался участок челюстного угла нижней челюсти.

Рассмотрим, используя трасологический метод, технологию обработки кости по изделиям, происходящим главным образом, из материалов вышеупомянутой мастерской раскопа 13. Трасологическое изучение основано на методике микро- и макроанализа, разработанной Г.Ф. Коробковой (Коробкова Г.Ф., 1980, с. 22, 23; 1981, с. 63–66; 1987, с. 17–20, 27–28; 1988а, с. 44–46; 1988б, с. 119–122). Использовались лупы различного увеличения и микроскоп "Микко" (×30). Всего трасологическому анализу подвергнуто 228 костей. Из них 97 экземпляров оказались без следов использования или изготовления. Отметим, что среди костного материала Каменского городища большое количество "залощенных" фрагментов костей. У них легкая завальцованность граней и торцов сломов. Подобная "залощенность" характерна, к примеру, для остеологического материала некоторых поселений эпохи поздней бронзы бассейна Северского Донца. Скорее всего псевдозалощенности фрагментов костей характерны для памятников с песчаными почвами.

После удаления эпифизов диафизы с целью обезжиривания и размягчения кости подвергались кипячению (Изюмова С.А., 1949, с. 19; Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А., 1980, с. 185; Ляшко С.Н., 1994, с. 152). Правда, в зафиксированных нами случаях резки, лезвие ножа входило в кость на глубину от 0,05 до 0,2 см. Такая глубина соответствует резке сырой кости (Изюмова С.А., 1949, с. 16; Радзіэвська В.Э., 1982, с. 24). Однако сырая кость при небольшой глубине режется и на небольшую длину, в то время как на рукоятках ножей Каменского городища длина участка, срезанного за один прием, колеблется от 0,25 до 0,9–1 см, а тонкая стружка компактного слоя – до 2,35 см.

Процесс продольного раскалывания трубчатой кости на пластины производился несколькими орудиями. Зафиксированы следы крупных частых ударов тяжелым орудием типа небольшого металлического топора. Возможно, для раскалывания диафизов использовались топоры-тесла (Радзіэвська В.Э., 1982, с. 25)[2]. Кинематика раскалывания включала следующие действия: осторожный удар подвигал лезвие топора на

[2] Следы рубки на рукоятках часто перекрыты дальнейшей обработкой кости.

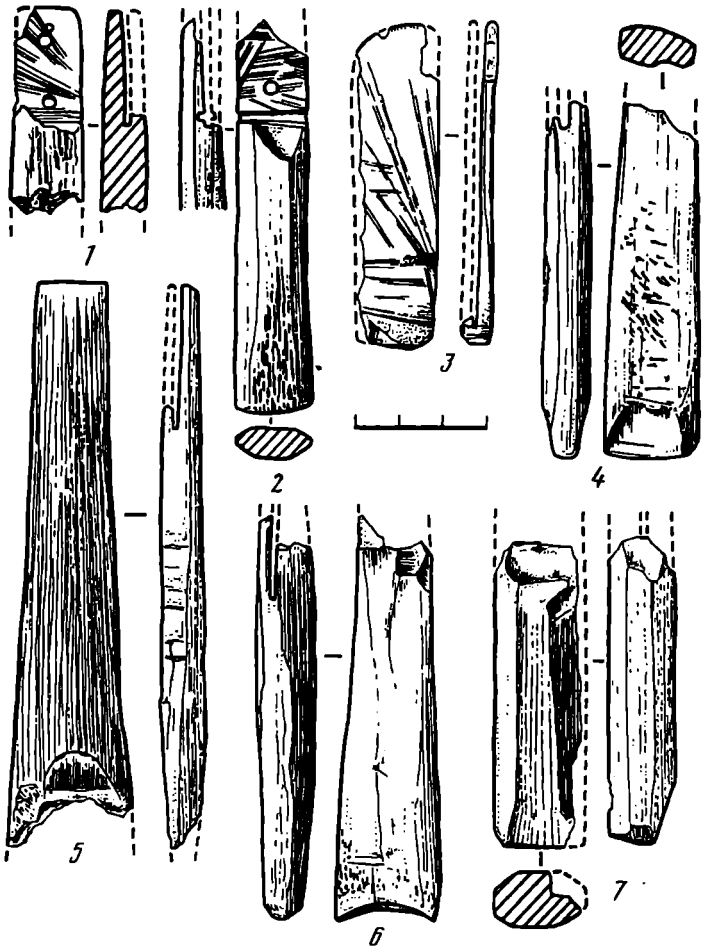


Рис. 2. Каменское городище, раскоп 13. Костяные рукоятки-колодки

небольшую глубину. Затем по обуху топора несильно ударяли (молоточком, камнем). Лезвие проходило дальше в глубь кости, чуть в сторону от оси предыдущего удара. Операцию повторяли несколько раз. Кроме топора и, возможно, топора-тесла, при раскалывании диафизов использовался нож. В связи с этим следует отметить, что нож применялся в двух сложных по кинематике и различных по цели операциях. Раскалывание ножом диафизов фиксируется по его следам на внутренней поверхности кости. Следы скалывания же ножом на внешней стороне кости фиксирует процесс создания граневых рукояток (рис. 3, *8, 11*). Исходя из ширины граней на пластинах, на которых центральная грань чаще всего шире боковых (рис. 2, *2*; 3, *1, 5, 11*), можно сделать вывод о том, что огранка кости производилась до ее продольного раскалывания. Первоначальная ширина граней была более-менее одинакова, однако раскалывание и обработка торцов приводила к тому, что боковые грани пластин сохраняют лишь часть своей первоначальной ширины. Иногда, впрочем, огранка кости велась после ее раскалывания. Это зафиксировано на одной из заготовок рукоятки ножа. Заготовка интересна тем, что дает представление о том, как делались грани на рукоятках (рис. 4, *1*). Сначала откалывали часть компактного слоя по значительной длине диафиза, постепенно расширяясь (от точки А до точки В). Затем в точке С кость обрезали, оставляя грани почти одинаковой ширины.

Кинематика раскалывания и кинематика гранения при помощи ножа, как указывалось выше, сходны. Лезвие приставлялось к торцу кости, по ребру лезвия наносился удар. Глубина проникновения в кость зависела от силы удара и достигала 0,4–0,9 см (рис. 3, *12*). Судя по расположенным почти рядом параллельным друг другу поперечным следам, можно предположить, что не всегда наносился одиночный четкий

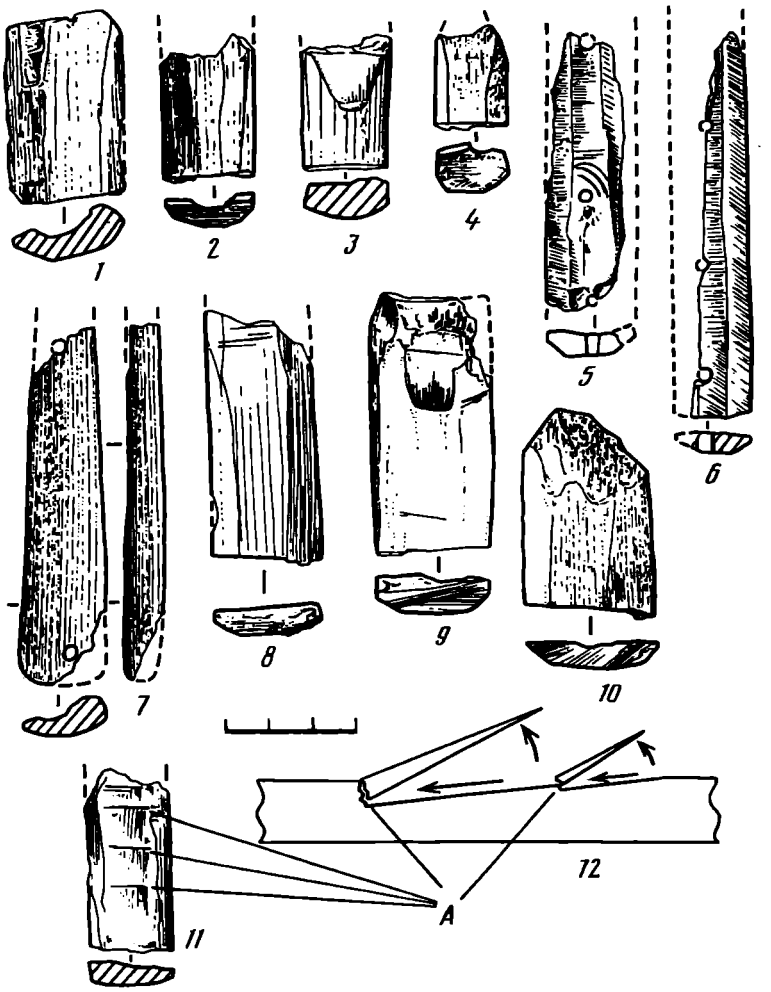


Рис. 3. Каменское городище, раскоп 13. *1–11* – костяные пластинчатые рукоятки; *12* – схема скалывания участков компактного слоя кости (А – уступ в месте скола отщепа)

удар. Иногда следовали один-два удара с меньшей силой, при этом лезвие ножа слегка продвигалось в кости, фиксируя остановки. Видимо, использование ударного воздействия применялось для скалывания больших участков компактного слоя; маленькие участки скалывались ножом силой рук, без удара. Нажим – и лезвие входит в кость под острым углом на длину около 0,25 см. Второе усилие – и лезвие продвигается на 0,5 см, третье – еще на 0,25 см. Результатом трех осторожных движений стало проникновение ножа в кость на глубину 0,2 см при длине срезаемого участка 1,0 см. Следует движение руки чуть вверх, лезвие давит изнутри на срезаемый участок, отщеп кости откалывается, лезвие чуть приподнимается и резка идет дальше, образуя небольшой уступчик в месте скола отщепа (рис. 3, *11, 12*).

Полученные после раскалывания и резки трубчатых костей пластины подвергали дальнейшей обработке, срезанию и соструганию ножом неровностей. Работа велась, как правило, движениями вдоль кости. Зафиксирован единственный случай, когда заготовка рукоятки ножа несет на себе поперечные следы стесывания металлическим лезвием. Отметим, что работа по кости довольно быстро тупила лезвия ножей. Некоторые рукоятки обработаны ножами с разной степенью затупленности и с четко выраженными зазубринами[3]. После возможной огранки и раскалывания диафиза про-

[3] Известно, что для обработки кости существовали специальные ножи с лезвиями повышенной твердости (Шрамко Б.А., 1983, с. 35). Вероятно, помимо них использовались обычные бытовые ножи или металл для специализированных ножей подбирался не совсем удачно (Шрамко Б.А. и др., 1986, с. 168).

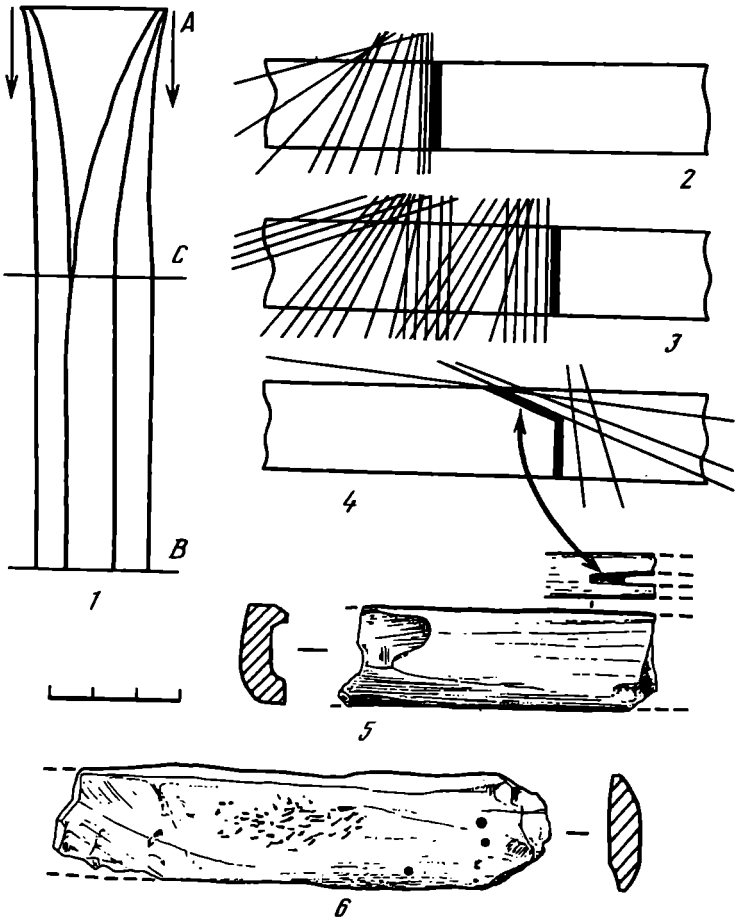


Рис. 4. Каменское городище, раскоп 13. *1* – схема огранки кости; *2–4* – схема продольных пропилов на рукоятках-колодках; *5* – фрагмент рукоятки-колодки; *6* – заготовка рукоятки

исходила распиловка полученных пластин. Судя по следам, пиление производилось как с внешней, так и с внутренней стороны кости зубчатым лезвием. Его зубцы скорее всего были не разведены. Таким полотном можно делать неглубокие надпилы (Радзіэвська В.Э., 1982, с. 30), что и прослежено по следам на торцах пластин Каменского городища. Кость чаще всего надпиливали по периметру или с одной стороны, держа лезвие пилы строго перпендикулярно по отношению к пластине. Глубина надпилов от 0,2–0,3 до 0,7 см. После надпила пластины раскалывали, недопиленные участки шириной от 0,15 до 0,25 см при сломе образовывавшие выступы и неровности, иногда их выравнивали абразивом (рис. 3, *2, 4, 8, 9, 10*).

Описанным способом распиловано большинство пластин из мастерской раскопа 13 Каменского городища. Зафиксированы единичные случаи надпила торца не пилой, а ножом и пиления кости по торцу до раскалывания диафиза на пластины. Рассмотрим подробнее процесс изготовления продольных пропилов на рукоятках-колодках. Кость начинали пилить под углом 12–15° по отношению к продольной оси рукоятки, постепенно увеличивая угол до 90° в конце пропила (рис. 4, *2*). Когда пропилы делались длинные, тогда пиление под острыми углами могло чередоваться с пилением под прямым углом (рис. 4, *3*). Как правило, следы пиления пазов, хорошо фиксируются на внутренней поверхности рукояток (рис. 2, *1–3*). Прослежено отклонение от технологической схемы изготовления пропила (рис. 4, *5*). Пропил, как положено, начат под острым углом, но под чрезмерно острым – 6°. В процессе пиления угол увеличивается до 81° (лезвие опускается), однако постепенное увеличение угла наклона пилы не спасает от того, что пиление захватывает больший участок по длине, чем планировалось

(рис. 4, *4, 5*). Ширина пропилов 0,1–0,25 см. Длина не всегда фиксируется из-за фрагментарности рукояток-колодок. Диапазон длины пропилов – от 2,6 до 6,9 см. Отметим, что наиболее длинный из них проходит практически по середине кости (рис. 2, *3*), в то время как другие пропилы едва заметны (рис. 2, *1, 2, 5*) или сильно (рис. 2, *6*) отклоняются от оси.

Обращает на себя внимание небольшой поперечный надпил, сделанный изнутри после продольного пропила (рис. 2, *2*). Судя по завальцованности края надпила, он сделан в процессе изготовления рукоятки. Неизвестно, был ли такой надпил с другой стороны, как это показано на реконструкции отсутствующей части рукоятки. Надпил сделан очень узким лезвием, вероятно, орудием типа скальпелеподобного резца (Радзіеўська В.Э., 1982, с. 27). Такое орудие найдено нами в раскопе 25 Каменского городища в 1993 г.

После различных операций пиления рукоятки ножей обрабатывались абразивом. Чаще всего абразив применялся для обработки торцов. Помимо абразива рукоятки у торца оформлялись своеобразным скалыванием (стесыванием) участка кости. Это приводило к сужению рукояток с одной (рис. 2, *7*) или двух (рис. 2, *4–6*) сторон. Заметим, что вогнутая поверхность торца рукоятки-колодки (рис. 2, *6*) являлась естественным профилем кости (участок проксимального эпифиза лучевой кости КРС).

Судя по следам, пластинчатые рукоятки обрабатывались абразивом дважды. Сначала – вдоль длинной оси изделия, затем – поперек или под острым углом к длинной оси (рис. 3, *5–7*). Иногда использовались два абразива: сначала мелкозернистый, а поверх него – более грубый (рис. 3, *7*). Следы абразива читаются не только на внешней, но в нескольких случаях и на внутренней поверхности пластинок (рис. 3, *1*).

Последняя операция по изготовлению рукояток ножей – сверление отверстий. Отверстия перекрывают собою следы пиления. Это логично для пластинчатых рукояток, но характерно и для рукояток-колодок[4]. Практически всегда использовалось лучковое сверло, идущее слегка на конус. Возможно, места для просверливания намечали (кернили) отверстиями диаметром 0,2–0,35 см, слегка углубленными в кость (рис. 2, *1, 2*; 3, *5–7*). Сверление велось, как правило, с внешней стороны изделия. Особо следует остановиться на сверлении трех отверстий в одной из пластин (рис. 3, *5*). Одно отверстие диаметром 0,35 см просверлено лучковым сверлом с внешней стороны. Два других диаметром до 0,3 см сверлилось с внутренней стороны другим сверлом, причем центральное отверстие – ручным способом. В результате этого центральное отверстие получилось слегка подовальным. Изготовление (расширение) этого отверстия продолжалось и с внешней стороны. Вероятно, короткое сверло (тонкий резец?) было вдето в более-менее массивную и не идеально круглую в разрезе рукоятку. Вращательные движения этим орудием оставляли следы царапания вокруг отверстия (рис. 3, *5*). В качестве подставки под сверло использовали пластины из кости. Пройдя через рукоятку, пучковое сверло оставляло небольшие углубления и в подставке (рис. 4, *6*)[5].

Рассмотрев технологию изготовления костяных изделий на примере ручек для скифских ножей, перейдем к анализу их распространения как основного вида продукции хозяйственного комплекса из раскопа 13 Каменского городища. Аналогичные ножи производились в известной мастерской из Бельского городища (Радзиевская В.Е.,

---

[4] Вполне вероятно, что во время сверления в продольный паз рукояток-колодок вставлялась костяная или (предпочтительнее) – деревянная пластинка-оправка для устранения вибрации, большей аккуратности отверстий и предотвращения возможной поломки обрабатываемого участка изделия.

[5] В связи с отверстиями в костяных рукоятках затронем вопрос об изготовлении отверстий в черенках ножей. В скифское время подобные отверстия пробивали (Шрамко Б.А. и др., 1986, с. 168). Впрочем, подобная операция характерна и для изготовления ножей и в позднебронзовую эпоху (Гошко Т.Ю., 1992, с. 63–66), логично предположить, что сначала шла подгонка костяной рукоятки к черенку ножа, затем – сверление отверстий в рукоятке. Через полученные отверстия делались разметка на черенке, и лишь затем по ней пробивались отверстия в металле.

Таблица 2

Сравнительная характеристика мастерских Каменского и Бельского городищ

Признаки, характер продукции, критерии	Усадьба с мастерской	
	Каменское городище, раскоп 13	Бельское городище
Площадь, м^2	128	1218
Характер построек	Углубленные в материк сооружения, печь, 6 хоз. ям	Наземное жилище, печь, овин, кухня, мастерская, 4 ямы
Количество находок:		
изделий	105	74
заготовок	8	2300
всего костей	1671 (из них 25 рог)	5000
Технологические операции	Обезжиривание, рубка топором, распиловка, строгание ножом, полировка	То же + орнаментация циркульная
Человеческие кости	Конечности, черепа	Черепа
Орудия	Ножи (6 экз.), шилья (8 экз.) точильные бруски	Ножи, лучковая пила, долота, стамески, мел, пемза
Наличие других видов производства	Кузнечное дело, обработка кож	Нет
Ареал продукции (по материалам погребений)	Степное Поднепровье: Гайманово Поле, Капуловка, Беленькое, Нагорное, Морская Кошара, Орджоникидзе, Шолохово, Верхнетараска, Владимировка, Носаки, Широкое, Шевченко (45 ножей с пластинчатыми ручками)	Вся степь (88 ножей с ручками-колодками)
Кол-во (шт.) и тип находок в мастерских	42 ножа с пластинчатыми ручками, 10 – с ручками-колодками	

Шрамко Б.А., 1980, с. 181–189). Сравнение косторезных комплексов проведено в табл. 2.

Мастерские сходны: по организации производства; ассортименту изделий, хотя в мастерской из Бельска он более разнообразен, в частности встречаются костяные и роговые псалии, чаши из человеческих черепов; по составу технологических операций (обезжиривание костного сырья, рубка топором, распиловка, строгание ножом, заглаживание мокрым песком и т.д.); по неменклатуре видов используемых орудий труда (ножи, долота, топоры, стамески и шилья).

Мастерские различаются: разной мощностью культурного слоя (он более мощен на Бельском городище; следовательно, большая интенсивность потока находок); размерами (на Бельском городище мастерская больше, соответственно большее число находок); технологическим уровнем (мастера Бельска владели более сложными приемами обработки материала, в том числе нанесением циркульного орнамента); оснащенностью инструментом (набор инструмента мастерской Бельского городища включал детали пучкового сверла, мелкозубчатую, специально предназначенную для продольной распиловки кости, пилу); уровнем специализации (в мастерской на Бельском городище производились только ножи, а мастерская Каменского городища занималась еще и обработкой кожи, кузнечным делом).

Ножи с пластинчатыми ручками встречаются в основном в Поднепровье, в то время как ножи с ручками-колодками распространены по всей Степной Скифии (Гаврилюк Н.А., 1995, с. 126). Нам представляется, что ограниченность распространения скифских ножей с пластинчатыми ручками неслучайна. Ножи с ручками-колодками отличает более удачная, неразъемная конструкция ручки, обеспечивающая повышенную по сравнению с пластинчатой ручкой, прочность крепления колодки к черенку. Ножи с ручками-колодками характеризуются также меньшей трудоемкостью и материа-

лоемкостью (число заклепок сократилось с 5–6 до 2), что делало их значительно более дешевым и способствовало их широкому распространению.

Оценивая мастерские Каменского и Бельского городищ, можно прийти к выводу, что мастерская Бельска, более мощная и специализированная, отличается высокой квалификацией мастеров. Этому способствовали больший период существования оседлой жизни, больший производственный опыт мастеров, более высокий уровень технологического развития в лесостепи по сравнению со степью.

Кроме рукояток ножей, в косторезной мастерской раскопа 13 обнаружено 45 костяных изделий. Плохая сохранность и фрагментарность многих из них затрудняет анализ. К примеру, 5 экз. являются орудием с неопределяемой функциональностью; 14 экз. – очень плохо сохранившимися изделиями (рукоятки ножей, заготовки рукояток?). Некоторые изделия лишь формально названы "заготовками" – 7 экз. Это либо фрагменты компактного слоя трубчатых костей, либо сами расколотые вдоль трубчатые кости крупных копытных. Выделяется фрагмент нижней челюсти КРС (рис. 5, *9*). Создается впечатление, что из отколотой части челюсти пытались что-то сделать, заострив узкий конец при помощи металлического лезвия. Два экземпляра относятся к отходам косторезного производства; фрагмент трубчатой кости крупного копытного и участок тела нижней челюсти КРС со следами резки ножом.

Самая большая группа определяемых изделий – костяные рукоятки различных инструментов – 9 экз. Из них некоторые относятся к рукояткам довольно крупных орудий, в том числе орудие из диафиза большой берцовой кости КРС, подрезанной по периметру (рис. 5, *8*). В рукоятке, изготовленной из фрагмента большой берцовой кости лошади, укреплялось круглое орудие диаметром 0,9–1,0 см (рис. 5, *2*). Интересно отметить, что эти рукоятки имели глубокие грубые многочисленные надрезы металлическим лезвием по торцам, а также клиновидные мелкие следы в компактном слое с обеих сторон. Клиновидные следы свидетельствуют о вторичном использовании рукоятки в качестве подставки при обработке каких-то мелких костяных предметов. Предмет упирали в кость-подставку торцом, сострагивая по периметру острым лезвием, держа его под углом к подставке[6]. Конец лезвия захватывал компактный слой подставки и оставлял на ней весьма характерные следы. Заметим, что подобной подставкой является и заготовка рукоятки ножа (рис. 4, *6*), о которой говорилось выше, как о подставке при сверлении[7].

К ткачеству относится единственное изделие – пряслице, изготовленное из головки бедренной кости крупного копытного (рис. 5, *7*). Орудиями кожевенного производства являются, вероятно, две проколки из фрагментов компактного слоя трубчатых костей крупных копытных. На фрагменте одной из проколок (рис. 5, *3*), под легкой рабочей залощенностью видны следы грубой резки со скалыванием. Технология резки и скалывания такая же, как при изготовлении рукояток ножей (рис. 3, *12*).

Интересное орудие – фрагмент суставного угла левой лопатки КРС (рис. 5, *1*). Наличие большого количества длинных грубых разновеликих по ширине и глубине следов, идущих либо вдоль, либо слегка под углом по отношению к длинной оси лопатки, позволяет считать ее лопаточкой-совком для грунта. Подобные орудия с аналогичными следами от работы в грунте представлены как на различных памятниках позднего бронзового века (трасологически изучены одним из авторов статьи), так и на экспериментальных образцах. Однако поскольку от орудия из Каменского городища сохранилась лишь верхняя часть лопаточки, близкая к рукоятке-перехвату на ней следы не составили сплошных рядов, как это характерно для рабочей кромки (расширенного края основания лопатки КРС).

---

[6] Что-то вроде современной заточки карандаша. Кстати, одна из рукояток небольшого орудия (инвентарный номер 329) обработана вокруг торца небольшими сколами-срезами.

[7] Судя по более "аккуратным" следам, на этой подставке обрабатывались более мелкие изделия, чем на подставке из рукоятки крупного орудия.

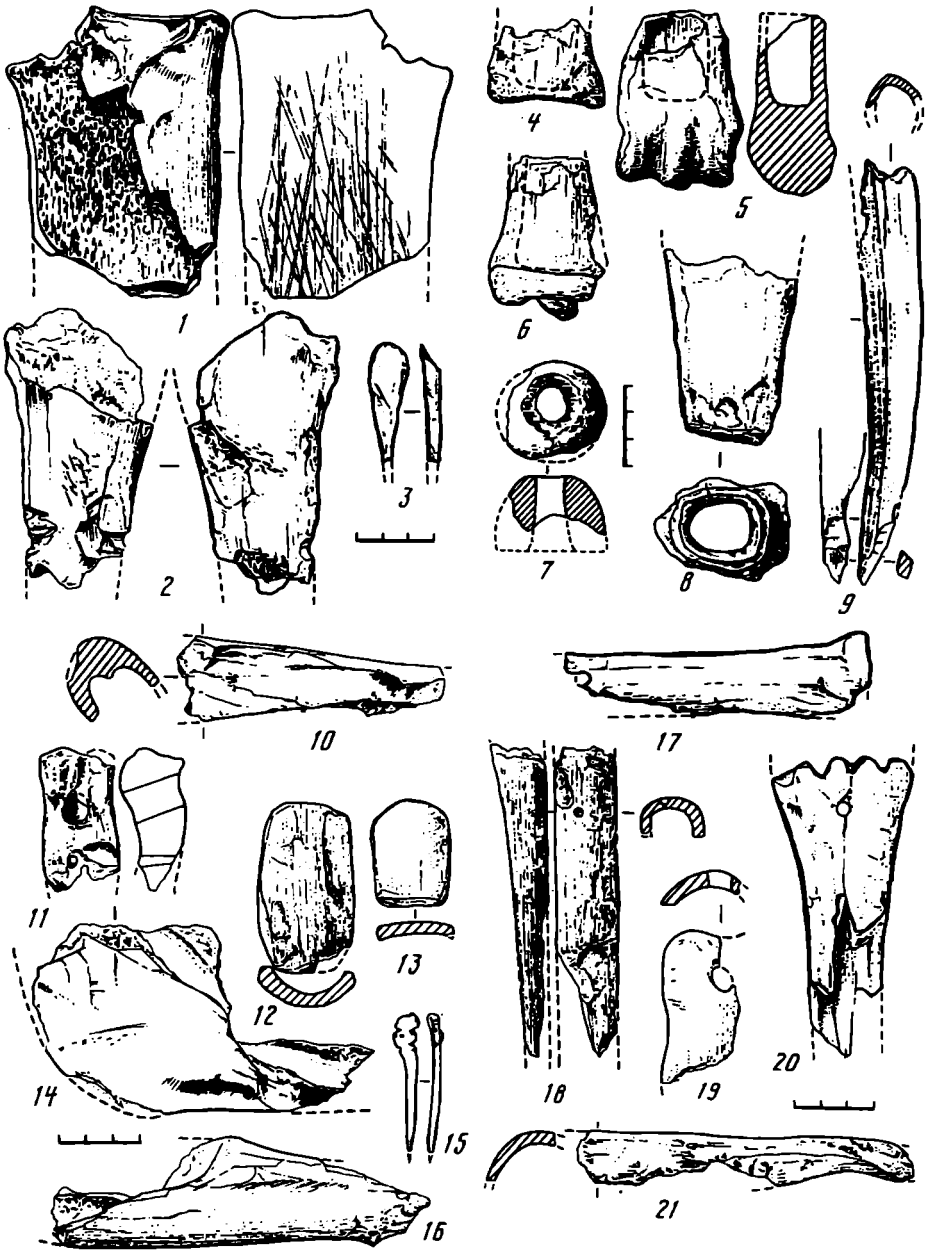


Рис. 5. Каменское городище, раскоп 13. *1* – фрагмент лопаточки совка; *2* – рукоятка; *3* – фрагмент проколки; *4–6* – сосудики; *7* – пряслице; *8* – фрагмент рукоятки; *9* – обработанный фрагмент нижней челюсти КРС; *10* – скребок; *11* – просверленная фаланга; *12–13* – лощила; *14, 16* – фрагменты тупиков; *15* – колышек; *17–20* – фрагменты трубчатых костей с отверстиями; *21* – орудие из фрагмента трубчатой кости

Своеобразные изделия – три небольших сосудика, изготовленные из костей конечностей крупных копытных. Обращает на себя внимание сосудик из фрагмента плюсневой кости КРС с выбранным губчатым слоем. Плюсневая кость взята вместе со второй-третьей заплюсневой костью, служащей своеобразной подставкой (рис. 5, *6*). Еще один сосудик из фрагмента плюсневой кости КРС (?) сохранился хуже (рис. 5, *4*), внутри кости губчатый слой небрежно выбран. Возможно, таким же сосудиком является и плохо сохранившийся блок дистального конца третьей пястной кости лошади (рис. 5, *5*).

Завершает перечень костяных предметов из мастерской раскопа 13 обожженная таранная кость взрослой особи МРС. Следы обработки на кости отсутствуют. Подобные

кости в археологической литературе именуются астрагалами (Петерс Б.Г., 1986, с. 78) или альчиками (Ковалева И.Ф., 1990, с. 67–69; Кореневский С.Н., 1990, с. 35–37; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с. 21) и иногда используются в ритуальных целях.

Помимо раскопа 13, небольшое количество изделий из кости (26 экз.) найдено на других участках городища. Отметим, что вне косторезной мастерской зафиксировано всего 4 экз. пластинчатых рукояток ножей и полностью отсутствуют рукоятки-колодки. Из-за плохой сохранности 5 экз. относятся к орудиям без возможной детализации, к примеру орудие из фрагмента трубчатой кости крупного копытного (рис. 5, *21*). Помимо двух следов, оставленных металлическим острым лезвием при разделке туши, орудие имеет специально сформированный резкой дугообразный участок.

Несколько изделий (6 экз.) относятся к орудиям кожевенного производства. Это прежде всего два фрагмента тупиков из левых половин нижней челюсти КРС (рис. 5, *14, 16*). Орудия сохранились в сильно фрагментированном виде, однако ясно, что при изготовлении подрезался участок альвеол на медиальной (внутренней) поверхности тела челюсти (рис. 5, *16*). В качестве рабочих использовались все грани тупиков, в частности челюстной угол (рис. 5, *14*). Судя по следам, напоминающим абразивные, тупики использовались для волососгонки (Килейников В.В., 1989, с. 124). Кроме тупиков, к орудиям кожевенного производства относятся два лощила из фрагментов компактного слоя кости (рис. 5, *12, 13*), а также скребок из обломка трубчатой кости крупного копытного (рис. 5, *10*). Скребок использовался без специальной подготовки кости непродолжительное время, о чем свидетельствует легкая залощенность края торца и короткие поперечные параллельные друг другу следы на торце.

Вероятно, с обработкой кожи связан и колышек из фрагмента компактного слоя кости (рис. 5, *15*). Вырезы, оформившие головку колышка, сделаны острым металлическим лезвием. Острие колышка подточено на абразиве. Судя по сильному лощению, колышек, возможно, использовался и в качестве проколки. К отходам косторезного производства можно отнести фрагмент ветви нижней челюсти КРС со следами рубки топором (рис. 6, *1*). Ветвь нижней челюсти устанавливалась вертикально, упираясь в плоскость челюстными отростками. Удар наносился сверху вниз слегка под углом. След удара широкий – до 2,9 см. Глубина проникновения в кость – до 0,3 см. Хорошо фиксируется слом отщепа после рубки: движение руки, держащей топор, чуть влево. Под ударом А прослеживается след от удара В с меньшей силой, захвативший меньшую площадь кости. На 1,8 см ниже следа А – след удара С тем же орудием и с той же кинематикой. Судя по аркообразной форме следов, топор имел слегка округлое поперечное сечение. Помимо следов рубки на фрагменте челюстной ветви зафиксированы следы скобления металлическим лезвием, появившиеся, скорее всего, при разделке туши.

Несколько изделий (7 экз.), как и при анализе материалов из косторезной мастерской, названы "заготовками". Это фрагменты трубчатых костей с отверстиями разного диаметра (от 0,35 до 0,5 см). Сверление проводилось лучковым сверлом, идущим слегка на конус (рис. 5, *17, 18*). Возможно, использовалось и ручное сверло (рис. 5, *20*). Вручную, но не сверлом, а скорее всего концом лезвия ножа просверлено большое овальное отверстие на фрагменте изделия (рис. 5, *19*). Заметим, что отверстия сверлились не только под прямым углом, но и под углом 72° (рис. 5, *17*) и 70° (рис. 5, *20*). Кроме трубчатых костей, найдена просверленная вторая фаланга КРС (рис. 5, *11*). Большое отверстие диаметром около 1,0 см было просверлено вручную под углом 69–70°. Ближе к дистальному концу фаланги просверлено маленькое конусовидное отверстие.

Два плохо сохранившихся изделия из крупных трубчатых костей (рис. 6, *3, 4*) являются скорее всего фрагментами сунаков (Петерс Б.Г., 1986, с. 76, 77, 178). Последнее из изученных нами костяных изделий городища – правая фаланга лошади[8],

[8] Очевидно, изделие является подъемным материалом (находки М.П. Грязнова на кучугурах). Год находки неясен, на коробке надпись: "кор. 39. Кухня скифянки". Старый номер изделия – 4, новый – 407.

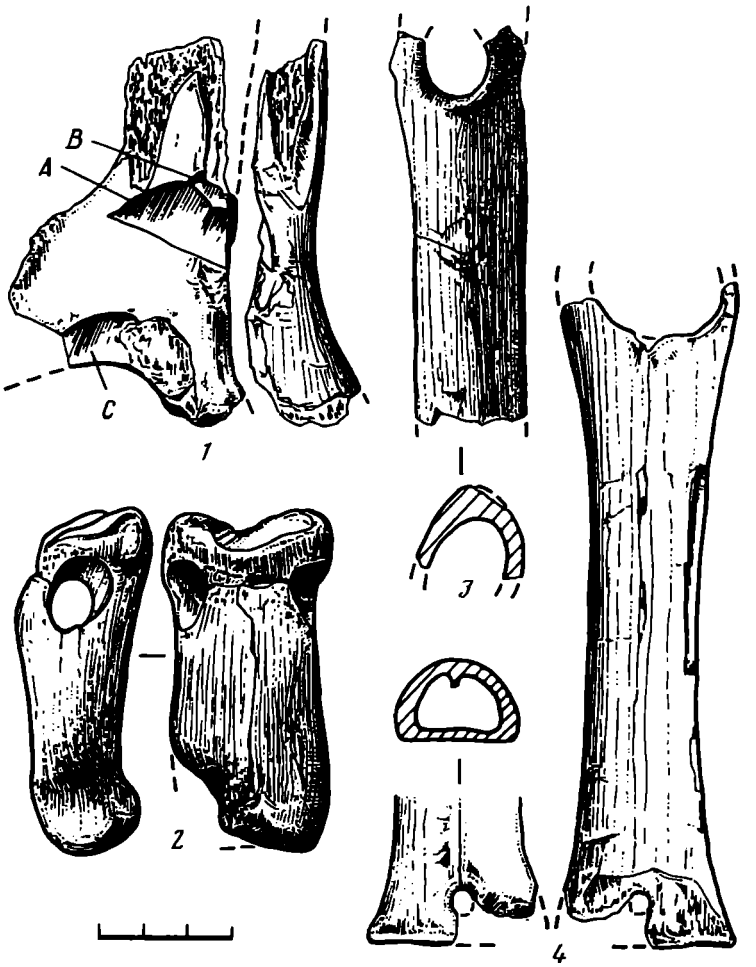


Рис. 6. Каменское городище. Костяные изделия и орудия. *1* – фрагмент ветви нижней челюсти КРС со следами рубки (А, В, С – следы ударов); *2* – изделие из первой фаланги лошади; *3, 4* – сунаки (?)

проксимальный конец которой просверлен насквозь (рис. 6, *2*). Поделка сильно окатана водой, следы использования отсутствуют.

Небольшую группу составляют несколько орудий для обработки кожи. Возможно, кожи обрабатывались здесь же в "усадьбе". Наличие в этой группе двуручных тупиков свидетельствует об использовании деревянной колоды с выгнутой поверхностью (Шрамко Б.А., 1984, с. 145). Оба тупика изготовлены из левых половин нижних челюстей КРС. Скорее всего при использовании нижних челюстей в скифское время соблюдалась левосторонность, столь ярко выраженная в материалах срубных и сабатиновских поселений (Усачук А.Н., 1994, с. 63). Обращает на себя внимание поделка неясного назначения из первой фаланги лошади с отверстием в проксимальном конце (рис. 6. *2*). В качестве далекой аналогии укажем на использование именно первых фаланг лошади с различным оформлением именно проксимального конца в ритуальных целях (Курочкин Г.Н., 1992, с. 98, 103).

К некостяным составляющим хозяйственного комплекса раскопа 13 относятся железные детали ножей и шильев. В районе полуземлянки найдено 27 железных изделий, из них большинство являются ножами, преимущественно ножами с прямой спинкой (6 экз. – рис. 7, *25–30*). Здесь же найдены шилья (8 экз.), чаще имеющие прямоугольное сечение (8 экз. рис. 7, *4, 17, 19, 21*) или круглое (рис. 7, *15, 18, 20, 22, 23, 24*). Часто встречаются железные гвозди и костыли (рис. 7, *6, 8, 10–13*), железные

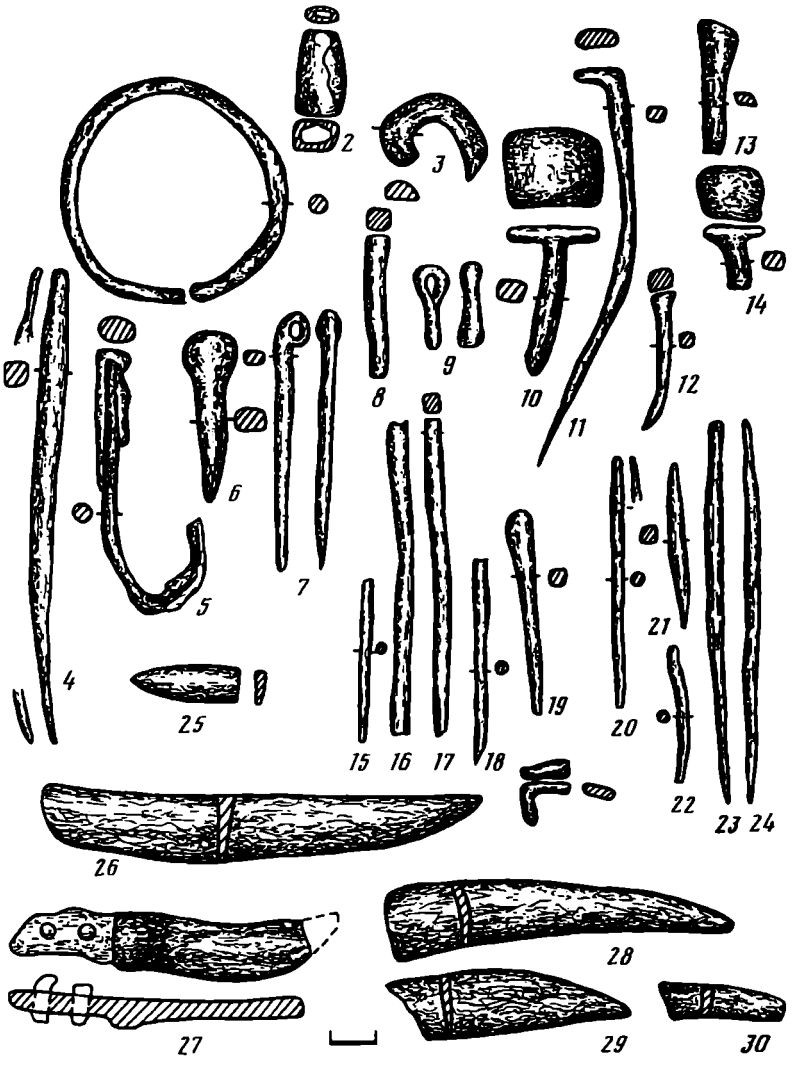


Рис. 7. Каменское городище, раскоп 13. Железные изделия

обоймочки (рис. 7, *2, 3*). В хозяйственной яме 5 найдена железная проволочная подвеска из круглой в сечении проволоки диаметром 5 мм, согнутой в кольцо диаметром 45 мм. Один конец имеет утолщение в виде шишечки, второй обрублен (рис. 7, *1*). В этом же раскопе найден железный крючок (рис. 7, *5*). В квадрате 15 найдена железная стержневидная булавка, один конец которой заострен, второй загнут в виде петельки (рис. 7, *7*).

Во дворе усадьбы и в полуземлянке обнаружены немногочисленные каменные изделия, в основном абразивный инструмент для обработки металлов: точильные бруски (7 экз.) из серого песчаника и бруски для удаления дефектов литья (3 экз.).

В целом материалы вскрытого в раскопе 13 комплекса можно интерпретировать как остатки мастерской по изготовлению изделий из кости и рога. Однако значительное количество железных изделий (в первую очередь ножей и шильев), найденных на территории усадьбы, большое количество шлаков, криц, руды свидетельствуют о том, что в хозяйственном комплексе, вскрытом в раскопе 13, производились и простейшие железные изделия: ножи, шилья, гвозди, скобы.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. На раскопе 13 Каменского городища открыт уникальный для скифской степной культуры хозяйственный комплекс, датируемый IV в. до н.э. В нем выделяются как минимум три вида производства: обработка кости и рога, кожевенное и кузнечное. Об-

работка кости осуществлялась в мастерской, ориентированной на выпуск товарной продукции.

2. Ближайший аналог косторезной мастерской – мастерская конца VI – начала V вв. до н.э. из Бельского городища.

3. Основным видом продукции мастерской раскопа 13 Каменского городища были ножи с прямой спинкой и пластинчатой костяной ручкой – серийная или даже массовая находка в памятниках скифской степи.

4. Изучение материалов скифских погребений IV в. до н.э. показало, что ножи с прямой спинкой различаются по форме и конструкции ручки; выделяются в основном два типа: ножи с ручками-пластинами, крепившимися несколькими заклепками к черенку ножа, и ножи с прямой спинкой и ручками-колодками (рис. 5). Большинство из них были изготовлены, по-видимому, в мастерской Каменского городища, так как мастерская на Бельском городище в IV в. до н.э. уже не существовала.

5. В пределах косторезной мастерской из раскопа 13 изготовлялись и железные части орудий – ножей, шильев, о чем свидетельствуют находки кузнечных шлаков, бракованных изделий, каменных орудий для заточки железных изделий.

6. Как второстепенную продукцию в рассматриваемой мастерской изготовляли рукоятки для других орудий и сами орудия, а также своеобразные сосудики из фрагментов трубчатых костей, орудия для кожевенного производства.

7. Трасологический метод исследования дал возможность пооперационно реконструировать технологию обработки кости и выделить основные приемы косторезного производства (заготовка, включая отбраковку сырья и его подготовку, рубка топором, строгание, пиление, ручное сверление, шлифовка мокрым песком).

8. В технологическом процессе отмечается использование специализированных инструментов (скальпелеподобный резец, лучковое коническое сверло) и приспособлений, хотя в целом набор орудий невелик – нож, топоры различных размеров, пила, отбойники, абразивы, подставка, прокладки, оправки. Очевидно, для изготовления рукояток такое количество орудий было достаточным.

9. Трасологический метод исследования позволяет зафиксировать профессиональный уровень квалификации работников мастерской, что находит подтверждение в уверенной работе с костью, в частности хорошее соразмерение силы и направленности ударов при раскалывании и огранке. В продукции мастерской чувствуется своеобразная небрежность, свидетельствующая не о недостатке опыта, а скорее всего о производстве, поставленном "на поток", когда каждое изделие стремятся сделать как можно быстрее[9].

10. При использовании нижних челюстей в качестве тупиков в скифское время как и в материалах срубных и сабатиновских поселений, соблюдалась левосторонность.

11. Хотя обработка кости и изготовление простейших изделий из нее, не требующие особого умения, были доступны любому скифу-кочевнику, обладавшему неограниченным доступом к костному сырью, изготовление костяных ручек для ножей, однако, выделилось из сферы домашнего производства и потребовало специализации и организации соответствующей мастерской. Почти все приемы обработки кости и рога: обезжиривание путем вываривания, рубка топором, строгание, ручное сверление, шлифовка мокрым песком – известны со времен неолита (Заверняев Ф.М., 1987, с. 11–30). Аналогичные приемы обработки применялись ремесленниками Древней Руси (Изюмова С.А., 1949, с. 15–25) и сохранились до наших времен (Овсянников О.В., 1969, с. 114–122).

---

[9] Один из авторов имел возможность изучить большое количество коллекций костяных изделий различных памятников срубной и сабатиновской культур. Понимая всю условность подобных сравнений, заметим тем не менее, что в целом косторезное производство в позднебронзовое время отличается большим прилежанием и аккуратностью, но и большей "сухостью" при гораздо меньшей "артистичности".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилюк Н.А., 1992. Новый хозяйственный комплекс Каменского городища // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посвященной 90-летию 12-го Археологического съезда. Харьков.

Гаврилюк Н.А., 1995. Скотоводство Степной Скифии. Киев.

Гошко Т.Ю., 1992. Технологія виготовлення бронзових ножів з Гордіївського могильника епохи бронзи // Стародавнє виробництво на території України. Київ.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Журавлев О.П., 1995. Фауна из скифских поселений Нижнего Поднепровья // Гаврилюк Н.А. Скотоводство Степной Скифии. Киев.

Заверняев Ф.М., 1987. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. 3.

Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. Вып. 30.

Килейников В.В., 1989. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Ковалева И.Ф., 1990. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод. М.

Коробкова Г.В., 1980. Методические и методологические обоснования комплексного изучения орудий труда // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Ашхабад.

Коробкова Г.Ф., 1981. Орудия труда в системе производительных сил первобытного общества // Вопросы теории археологии и древней истории (Методология, методика и критика буржуазной науки). Ашхабад.

Коробкова Г.Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.

Коробкова Г.Ф., 1988а. Макротрасология – новое направление в изучении функций каменных орудий // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Тез. докл. к сов.-франц. симпозиуму. Л.

Коробкова Г.Ф., 1988б. Марксистское учение об орудиях труда и экспериментально-трасологический метод в археологии // Studijne zvesti. Arheologickeno ustavu Slovenskej Akademie vied. 25. Nitra.

Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у ст. Новосвободненской и Бутурлинской // Древние культуры Евразийских степей. Л.

Курочкин Г.Н., 1992. Открытие богатой жреческой гробницы сибирских скифов // Археологические вести. № 17. СПб.

Ляшко С.Н., 1994. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита–бронзы на Украине. Киев.

Овсянников О.В., 1969. О косторезном ремесле в средневековой Древней Руси // СА. № 1.

Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Радзіэвська В.Э., 1982. Обробка кістки на рогу в Лісостеповій Скіфії// Археологія. Вип. 41. Київ.

Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А., 1980. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. № 4.

Усачук А.Н., 1993. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Поднепровья. Вып. 1. Луганск.

Усачук А.Н., 1994. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Материалы 3 Рыковских чтений. Саратов.

Усачук А.Н., 1996. Трасологічний метод // Словник–довідник з археології . Київ.

Фиалко Е.Е., 1987. Костяные изделия из кургана Огуз // Скифы Северного Причерноморья. Киев.

Шрамко Б.А., 1983. Археология железного века Восточной Европы. Харьков.

Шрамко Б.А., 1984. Обработка кожи в Скифии // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Шрамко И.Б., 1994. Развитие кузнечного ремесла у племен бассейнов Ворсклы и Псла в скифскую эпоху // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.

Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д., 1986. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. № 2.

Институт археологии НАН Украины, Киев
Донецкий областной Дворец детского и
юношеского творчества

N.A. GAVRILYUK, A.N. USACHUK

BONE TREATMENT BY STEPPE SCYTHIANS

(Based on the materials of the Kamenskoye hilltop site)

Summary

The paper describes a bone treatment factory, which was uncovered on the Kamensk hilltop site in 1988. The authors present a technology and output of the factory and compare them with the output of a similar factory from the Bilsk hilltop site. Bones and bone treatment have been analyzed on the basis of the traceware method. Knifes and other tools with bone handles were the main output of the bone treatment factory. These artifacts were used for trade. Bone artifacts and their fragments have been categorized into two groups according to the center of production. Most bone artifacts from Steppe Scythian burials were made at the bone treatment factory located in the Kamensk hilltop site.

Б.Х. МАТБАБАЕВ

МОГИЛЬНИК МУНЧАКТЕПА В СЕВЕРНОЙ ФЕРГАНЕ

(Узбекистан)

В 2–3 км к югу от современного г. Пап (Наманганская обл., Республика Узбекистан) на правом берегу р. Сырдарьи расположены городище и примыкающий к нему могильник (рис. 1).

В научную литературу городище вошло под названием Беледтепе (местное население называет Мунчактепе – Шахри-Айртом). Здесь в июле 1948 г. побывали участники Памиро-Алайской археологической экспедиции под руководством А.Н. Бернштама (Бернштам А.Н., 1952, с. 237). Позже (1950–1951 гг.) в этих районах работали сотрудники Музея истории Узбекистана М.Э. Воронец и В.И. Спришевский. В 1983 г. Наманганским отрядом ИА АН РУз по составлению свода археологических памятников был собран подъемный материал, снят план и заложен шурф, который не был доведен до материала. И наконец, в 1987 г., в юго-восточной части городища нами был заложен стратиграфический шурф, где выявлены культурные напластования толщиной до 5 м с остатками сооружения четырех периодов. В 1987, 1989–1992 гг. в разных частях памятника заложены раскопы и выявлены новые данные по стратиграфии и планиграфии Баландтепа с первых веков нашей эры до начала VIII в. В нижних слоях найдена красноангобированная керамика, а также образцы красноангобированной керамики с процарапанным орнаментом. В верхних слоях встречена раннесредневековая керамика, а также китайские монеты У-шу, Кай-юань тун бао. Собранные материалы позволяют датировать городище в пределах с первых веков нашей эры до V–VIII вв.

К северо-западной части городища примыкает могильник Мунчактепа (Matbabaev B.Kh., 1994; Анарбаев А., Матбабаев Б.Х., 1990). Здесь с 1987 г. автором ведутся раскопки. В результате на могильнике выявлены следующие типы погребальных сооружений: грунтовые могилы, могилы с подбоем (Мунчактепа I), захоронения в склепах (Мунчактепа II). Обнаружены два захоронения в оссуариях и три – в хумах с расчлененными человеческими скелетами. По ряду признаков последние следует отнести к более позднему периоду (Матбабаев Б.Х., 1993, с. 43–37).

На Мунчактепа I в грунтовых могилах и подбоях открыты одиночные погребения. Всего их 14, из них 9 – в грунтовых могилах и 5 – погребения в могилах с подбоем. Так как верхние слои могильника разрушены, то остается открытым вопрос о наличии и характере надмогильных сооружений.

Грунтовые могилы неглубокие. Все погребенные положены в вытянутом положении на спине, лицом вверх. Преобладает северная ориентировка (головой на север, северо-запад, северо-восток). В могилах немногочисленный инвентарь (рис. 1, *2*).

Подобные погребения более глубокие, дно погребальной камеры ниже дна входной ямы. В переходе из входной ямы в подбой имеются ступеньки. Вход в погребальную камеру закрыт прямоугольными кирпичами. Погребенные лежат на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела, лицо обращено вверх. В подбойных погребениях зафиксированы подстилки из камыша, а также установлено наличие остатков ткани, кожи и камышового гроба (погр. 8) (рис. 1, *5*).

Инвентарь в подбойных погребениях более разнообразный, чем в ямных. Сосуды

© Б.Х. Матбабаев, 1999 г.

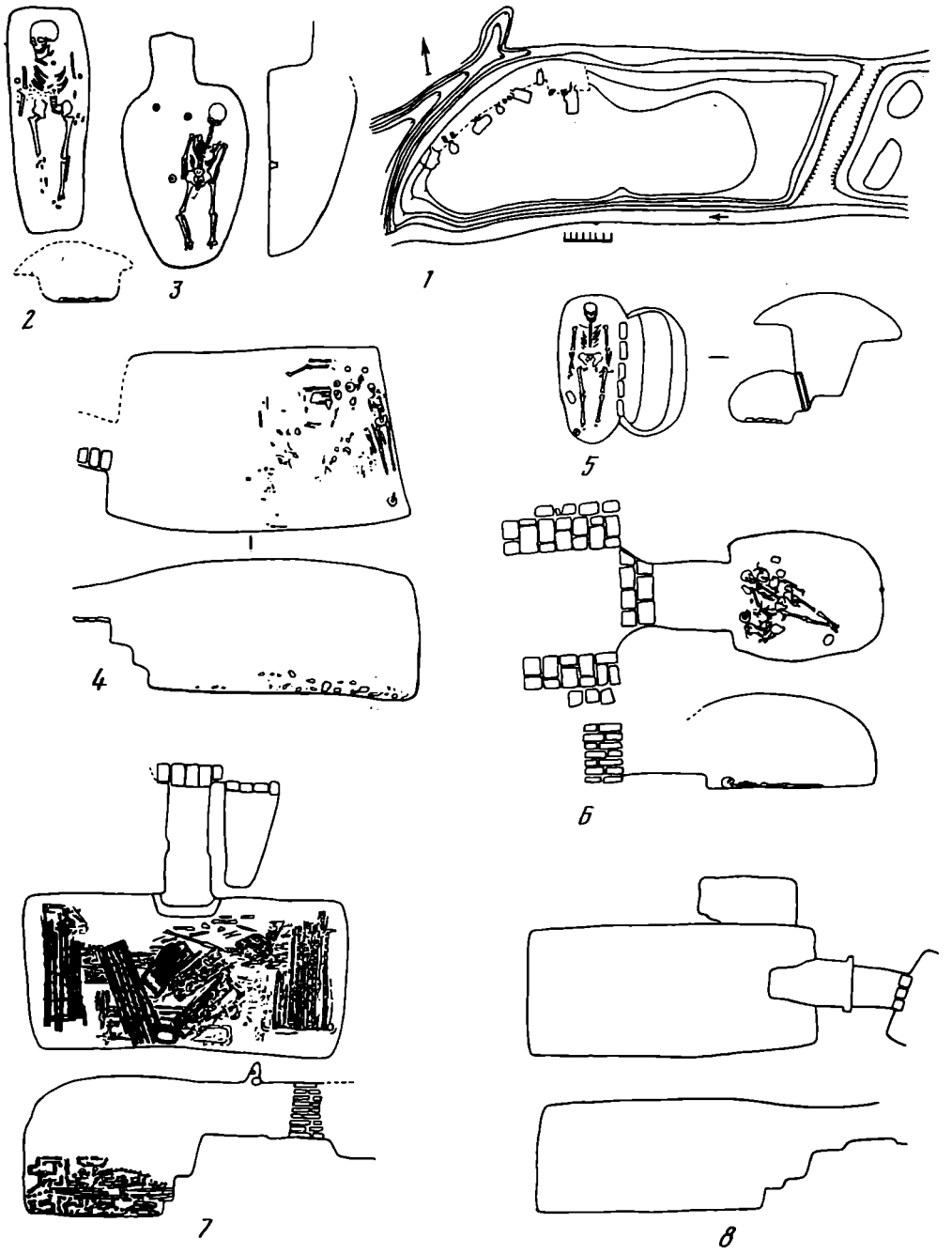


Рис. 1. Могильник Мунчактепа. *1* – план; *2* – грунтовое погребение; *3* – склеп 3; *4* – склеп 1; *5* – подбойное погребение; *6* – склеп 2; *7* – склеп 5; *8* – склеп 9

(один или два) ставили в ногах или в головах, справа или слева от погребенного. Веретена, пряслица, остатки кожаных изделий выявлены только в женских погребениях. Железные ножи, ножи-кинжалы встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях.

В этих районах Ферганы подбойные погребения обнаружены впервые. По конструкции они не отличаются от подобных сооружений других районов долины. Отметим новый элемент в погребальном обряде – фрагменты камышового гроба (деревянные клинья-гвозди для соединения камышовых жердей). Форма и большие размеры подбоя подтверждают предположение о наличии в Мунчактепа I захоронения в камышовом гробу.

Весь комплекс находок из одиночных погребений могильник Мунчактепа I позво-

ляет датировать их V–VII вв. н.э., хотя не исключается и более ранняя датировка (Матбабаев Б.Х., 1996). Видимо, одиночные погребения в грунтовых могилах и подбоях совершены одновременно или же в близкое время. Различные способы захоронения объясняются разнородностью населения, оставившего этот могильник. Сосуществование разных способов захоронения в одном и том же могильнике является типичным для Ферганы (Заднепровский Ю.А., 1960, с. 115, 124–126; Горбунова Н.Г., 1981, с. 88–94).

В Мунчактепа II обнаружены уникальные погребальные сооружения в виде подземных склепов, вырубленных в песчанисто-лессовых отложениях. Они расположены цепочкой по линии запад-восток в продолговатом естественном холме (рис. 1, *1*). Всего вскрыто восемь склепов. По размеру подземные склепы можно разделить на две группы: малые (до 5 м^2), где захоронены от одного до четырех человек (склепы 2, 3, 4) и большие (6 м^2 и более), где отмечено до 50 захоронений (склепы 1, 5, 7, 9). В конструкции склепов отчетливо видна их трехчастная структура: предвходная площадка, коридор (дромос), погребальная камера (рис. 1, *4, 6–8*).

Предвходная площадка, как правило, находилась в северной или северо-восточной части склепов и отмечена в склепах 2, 5, 9. Особенно хорошо она сохранилась в последнем. В некоторых маленьких склепах на предвходной площадке имеются остатки сооружения из сырцевых кирпичей, напоминающие портал. Длина сохранившегося портального сооружения в склепе 2–1,65 м, ширина 2,50, высота 1,25 м (рис. 1, *6*).

В погребальную камеру вел коридор, или дромос. Полностью такой коридор сохранился в склепе № 5. Он невысокий и длинный. В погребальную камеру по нему мог передвигаться наклонившись один человек. Сводчатый потолок коридора и боковые стены оштукатурены толстым слоем глины, перемешанной с саманом. В стенах обеих сторон чуть ниже потолка имеются два маленьких отверстия круглой и яйцевидной формы с остатками дерева. На полу параллельно стенам вырублен горизонтальный желобок. Подобное устройство в коридоре отмечено и в склепе № 9. Функциональное назначение подобного строительного приема пока нам не ясно. Можно предположить, что верхние деревянные балочки и нижний желобок служили основой символического или легкого перекрытия входа в погребальную камеру. Оно могло выполнять функцию символической двери или порога. Коридор у входа в склеп был заложен прямоугольными кирпичами размером 29–37 × 17–21 × 8–9 см. Очевидно, после каждого захоронения проход закрывали и замазывали.

В склеп спускались по двухмаршевой лестнице. Пороги вырублены в материковом грунте, а затем покрыты толстым слоем глиняной обмазки. Погребальные камеры больших склепов четырехугольные или прямоугольные в плане, иногда со слегка закругленными углами. Малые склепы имеют камеры яйцевидной формы (склепы 2, 3). В конструкциях погребальных камер не использованы никакие строительные материалы. Стены, пол и сводчатый потолок имеют гладкую поверхность. Полы в отдельных склепах засыпаны песком. В восточной стене погребальной камеры склепа № 9 вырублена ниша. Ее длина 1,75 м, ширина 0,80, высота 0,55 м (рис. 1, *8*). Аналогичные ниши вне погребальной камеры обнаружены в склепах № 1 и № 5. На наш взгляд, первоначально умершего могли класть в эти ниши на определенное время для отправления каких-либо религиозных обрядов, а затем его перекладывали на пол погребальной камеры. Не исключено, что покойника могли оставлять в нише на 10, 20, 40 дней. Эти дни были связаны с поминальным циклом. В данном случае нишу могли использовать как "мост" между живыми и мертвыми. В этой связи интересно отметить, что в некоторых районах, где существуют захоронения в склепах за пределами погребальных камер, до сих пор имеются такие ниши. Ими пользуются в экстренных случаях, когда в погребальной камере нет больше места из-за увеличения смертных случаев в роду. Подобный случай зафиксирован в кишлаке Карнобота Пахтачийского р-на Самаркандской обл.

Сооружение склепов требовало немалого труда. Склепы высекали в твердой материковой породе. Учитывая материалы других регионов и данные этнографии,

нами (для склепа 5) подсчитано, что объем извлеченной земли при сооружении склепа равен 38,16 м^3. А если предположить, что на Мунчактепа осуществлены работы средней сложности, то на строительство склепа было затрачено примерно 45–60 человеко/дней.

В конструкции склепов строители, видимо, старались воспроизвести копии интерьера реальных домов (Кызласов И.Л., 1993, с. 102). У населения, оставившего склепы, были очень развиты семейно-родственные отношения, отразившиеся в стремлении возвести большие склепы, которые стали бы семейной усыпальницей. Наличие символической двери и порога в склепах 5 и 9 объясняется, по-видимому, именно этим, поскольку порог у многих народов считается местом обитания духов предков (Алекшин В.А., 1986, с. 51–175).

На полу подземных склепов отмечены три вида захоронений: на специальной подстилке, в плетеной корзине, в камышовых гробах.

Захоронения на специальной подстилке из камыша (буйра?) и песка открыты в трех склепах (№ 2, 3, 4) и в склепе № 5. В последнем находились два погребения.

Покойников клали в вытянутом положении на спине. Погребальный инвентарь представлен в основном керамикой, бронзовыми изделиями и украшениями. Захоронение на специальной подстилке было характерно для маленьких склепов. Они продолжают традиции предыдущих периодов. Погребения на подстилке известны в Средней Азии с эпохи бронзы.

В склепе № 5 захоронение грудного ребенка осуществлено в плетеной корзине. Скелет плохой сохранности. Захоронение без инвентаря. Корзина была положена на камышовый гроб (Б-2), что, видимо, указывает на близкую родственную связь погребенных. В другом случае в раздавленной корзине также зафиксированы детские кости. Захоронения в корзине в Фергане нам не известны. Однако они отмечены в памятниках более раннего времени на других территориях (Алекшин В.А., 1986).

Захоронения в камышовых гробах обнаружены в склепах № 1, 5, 7, 9 и в одном подбое. Гробы изготовлены из отборного камыша. В октябре 1993 г. в Мунчактепа совместно с реставратором Ш. Ильхамовым нами восстановлен процесс изготовления камышовых гробов. Делалось это следующим образом. Стебли камыша диаметром 1,5–2 см первоначально очищали. Затем по 10–15 стеблей собирали в пучок и обвязывали камышовыми жгутами. Таким образом изготовлялись округлые в сечении диаметром от 5 до 7 см камышовые жерди. Жерди соединяли при помощи деревянных штырей длиной от 25 до 55 см и получали длинные камышовые боковые стенки гроба. Учитывая рост покойного и количество сопроводительного инвентаря, складывали боковые стенки, придавая гробу прямоугольную форму с закругленными углами (рис. 2, *VI*). Дно изготовляли отдельно, в соответствии с длиной и шириной гроба и прикрепляли деревянными штырями. Размеры гробов неодинаковы: длина от 70 до 225 см, ширина 35–55, высота от 18 до 25 см. Изготовлением камышовых гробов, видимо, занимались люди определенной профессии.

Погребальную камеру использовали очень эффективно. Первоначально гробами заполнялась площадь пола. Затем поверх гробов были положены деревянные балочки, диаметр которых составляет 5–6 см, длина 30–50 см, на них размещали гробы второго ряда и т.д. (рис. 1, *7*).

Таким образом, в склепе насчитывается пять рядов камышовых гробов, поставленных друг на друга. В каждом ряду – от 5 до 13 гробов. В нижних рядах их больше. Сохранность гробов неодинакова; верхние ряды (А, Б) сохранились лучше (рис. 2, *II*). Многоярусные захоронения известны в этнографических материалах Хорезма (Снесарев Г.П., 1969, с. 147). Во всех гробах по одному погребенному. Определенной ориентировки покойников при захоронении не придерживались. Погребенные лежат в вытянутом положении на спине (рис. 2, *III*).

В погребальном ритуале захоронений в камышовых гробах выделяются следующие элементы.

1. Под голову покойников клали "подушки" из веток растений или грубой ткани

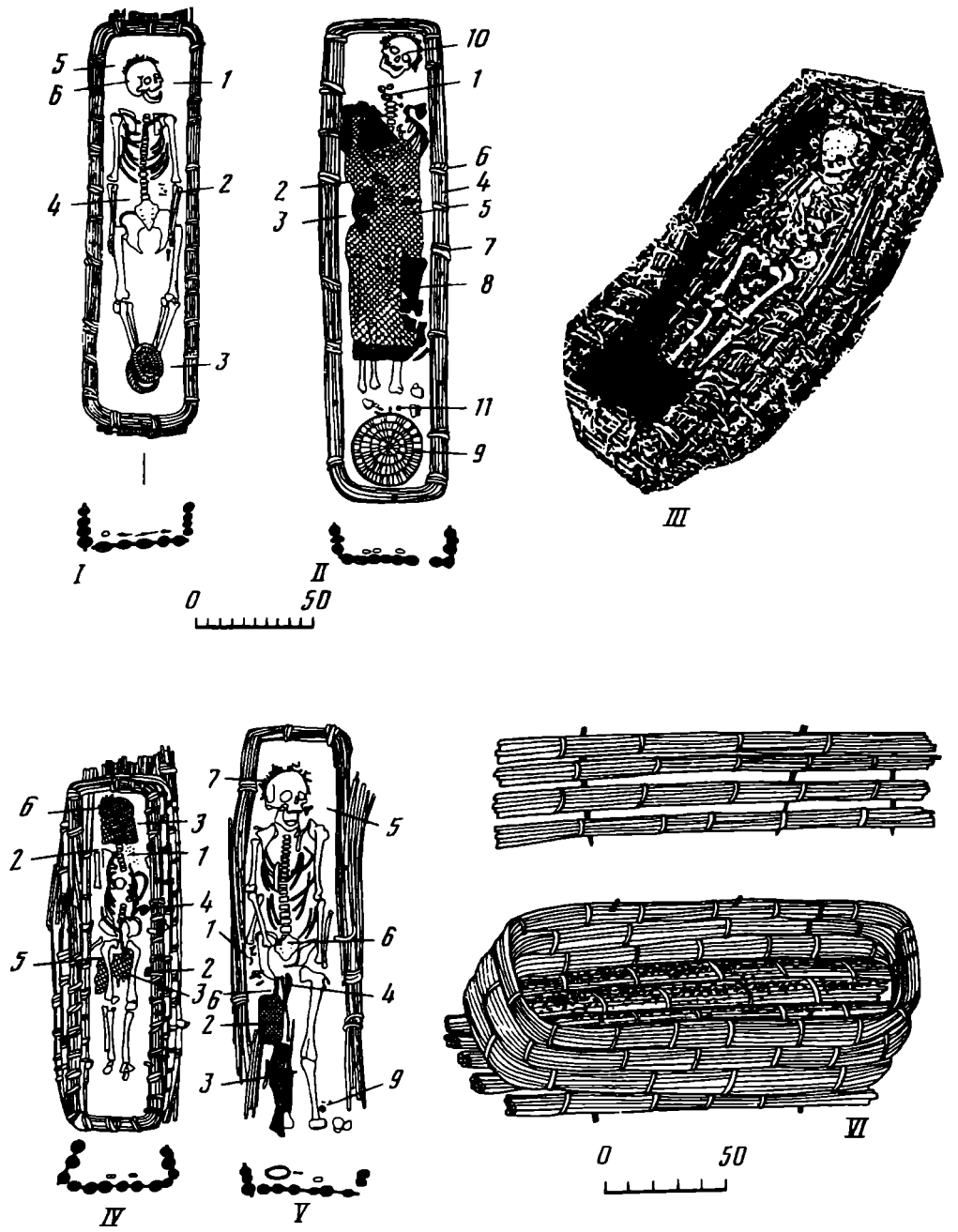


Рис. 2. Могильник Мунчактепе II. Погребения в камышовых гробах. План и разрезы
I – Гроб Д-2 (*1* – косточки персика и орехи; *2* – бусы; *3* – плетеная корзина; *4* – остатки шелковой ткани; *5* – подушка из веток растений); II – гроб Б-3 (*1* – бронзовое украшение; *2* – бусы; *3* – бронзовое зеркало; *4* – каменное прясло; *5* – деревянный гребень; *6* – нож в ножнах; *7* – грецкий орех; *8* – коробочка хлопчатника; *9* – плетеная корзина; *10* – подушка из веток растений; *11* – грецкий орех и миндаль); III – склеп 5. Погребение в камышовом гробу; IV – гроб Б-5 (*1* – мелкие бусы из стекла и пасты; *2* – бронзовые косметические коробочки; *3* – лицевое покрывало и остатки ткани; *4, 5* – крупные бусы из мраморовидного камня; *6* – подушка из веток растений); V – гроб В-5 (*1* – бусы; *2* – деревянный футляр; *3* – детали сложного лука; *4* – стрелы; *5* – остатки шелковой ткани; *6* – музыкальные инструменты; *7* – подушка из веток растений; VI – реконструкция камышового гроба

(рис. 2, I, II, IV, V). Этот обычай был широко распространен в Фергане и за ее пределами с эпохи бронзы и существует в настоящее время. Известны "подушки" из камня, земли, растений, ткани, полуобожженной глины, гальки. На наш взгляд, правы исследователи, полагающие, что родственники таким образом создавали комфорт для покойного (Литвинский Б.А., 1972, с. 104–124).

2. Лица отдельных покойников были закрыты четырехугольными покрывалами из тонкого высококачественного шелка. Размер покрывала 25–25 × 35–37 см. Лицевые покрывала известны в материалах ряда памятников Ферганы: могильники Карабулак (Баруздин Ю.Д., 1961, с. 43–82); Боркорбаз (Сорокин С.С., 1961, с. 117–160); Кенкола в Таласской долине (Бернштам А.Н., 1940, с. 10); Астана, Кара-ходжа, Яр-хото в Восточном Туркестане. Е.И. Лубо-Лесниченко отмечает весьма широкий ареал находок лицевых покрывал и масок. Он считает, что их происхождение следует связывать не с Китаем, а с восточными районами Средней Азии – Тянь-Шанем, Ферганой, Алаем, т.е. с районами захоронений в подбоях и катакомбах (Лубо-Лесниченко Е.М., 1984, с. 115). В Восточном Туркестане наиболее ранние лицевые покрывала известны по судебной записи, датированной 384 г., а поздние отмечены 710 г. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 114).

Восточнотуркестанские и южноферганские покрывала сопровождались наглазниками. В Астане они изготовлены из серебра и свинца. В Карабулаке – из ткани. В последнем случае на глаза положены подушечки (Памятники культуры..., 1983, с. 39, № 95). Мунчактепинские лицевые покрывала хотя и похожи на восточнотуркестанские, но по технике изготовления и форме ближе к карабулакским. Сопоставление материалов привело нас к заключению, что из известных в литературе лицевых покрывал самые ранние – карабулакские. Северофер ганские – более поздние или сосуществовали одновременно с китайскими.

3. У некоторых погребенных, в основном у детей, выявлены налобные повязки в виде длинной ленты шириной 5–8 см. Близкую по форме шелковую повязку исследователи отмечают в кург. 10 Кенкольского могильника (Бернштам А.Н., 1940, с. 9, 10). Есть такие повязки и в Карабулакском могильнике.

4. Вокруг гробов и на многих покойниках зафиксировано большое количество листьев и веток, иногда семена растений. По определению палеоботаников, это листья и веточки мяты (Mentha asiatica Boriss), а семена принадлежат душистому перцу (Vites agnus castus L). Остатки растений дают возможность полагать, что часть захоронений осуществляли в осенне-летний период (в 22 случаях определены точно, остальные гробы и инвентарь очень плохой сохранности). Не исключено, что эти сильнопахнущие растения клали с целью предохранения камеры от запаха смердящего трупа и замедления процесса разложения. Материалы Пазырыкского кургана показывают, что при бальзамировании тел были использованы различные растения (Руденко С.И., 1953, с. 326–341).

Обычай класть растения в гроб сохранился до наших дней. На определенной территории Ферганской долины в саван при захоронении клали базилик (райхон). Весной умерших женщин посыпали лепестками цветущего винограда. Если умерший был молодым, его саван обсыпали семенами чернушки-седана, лепестками роз, клали цветы пахучих растений. Зимой же в саван клали сухой базилик[1]. Этнографы этот обычай связывают с земледельческим культом (Кармышева Б.Х., 1986, с. 145). Обычай хоронить умерших в определенное время года был известен у тюрок в VI–VI–II вв. (Руденко С.И., 1953, с. 326).

Погребальный инвентарь располагали как внутри гробов, так и за их пределами. Он включает одежду из шерсти, шелка, хлопчатобумажных тканей, обувь из кожи, орудия труда – ножи, деревянную колоду, музыкальный инструмент, оружие (кинжал, лук, стрелы), различные украшения, бытовую утварь – глиняную и деревянную посуду. Внутри некоторых сосудов оказались косточки плодов (урюк, персик, орех, вишня, миндаль) и кости животных и птиц (рис. 2, *I, II, IV, V*).

Все найденные вещи разделены на четыре группы (рис. 3–6): керамические изделия; предметы обихода; украшения и одежда; предметы вооружения.

Керамическая посуда, связанная с подземными склепами, насчитывает около 50 экз., из них около 30 зафиксированы в погребальных камерах, остальные располо-

[1] Определения сделаны сотрудниками Института ботаники АН РУз Р. Худайбердиевым и Т. Адыловым, за что автор выражает им свою глубокую благодарность.

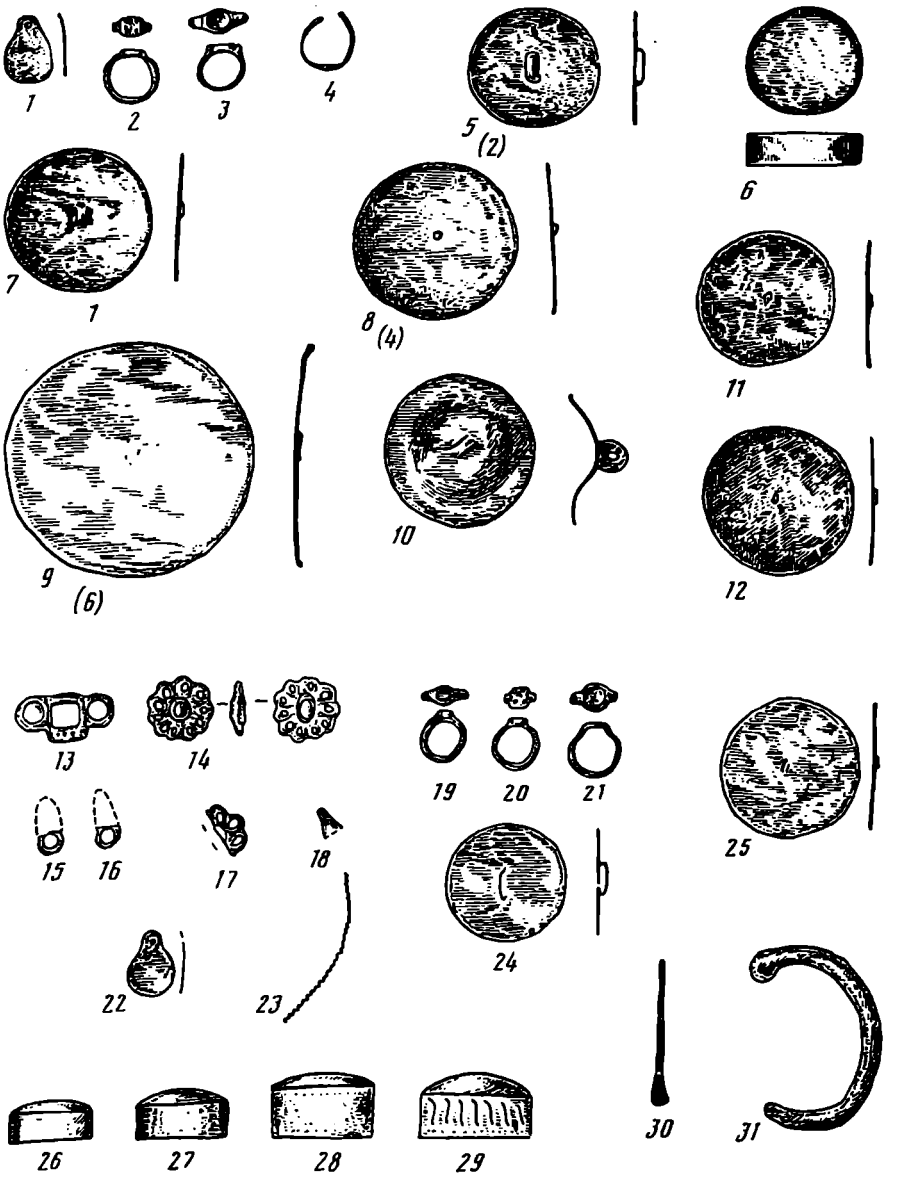


Рис. 3. Предметы украшения.
1 – неопределенный бронзовый предмет (погр. 8); *2* – бронзовый перстень (погр. 8); *3* – бронзовый перстень (склеп 5); *4* – бронзовая серьга (склеп 5); *5, 7, 8–12* – бронзовые зеркала (*7, 10–12* – склеп 5; *5, 8* – погр. 7; *9* – склеп 3); *6* – бронзовая коробочка (погр. 8); *13–18* – детали поясного набора (погр. 2); *14, 17, 23* – детали нагрудных украшений (погр. 2); *19, 20* – бронзовые перстни (погр. 8); *21* – бронзовый перстень (погр. 2); *22* – привеска; *24, 25* – бронзовые зеркала (погр. 8); *26* – бронзовая косметическая коробочка (погр. 5); *27* – бронзовая косметическая коробочка (погр. 6); *28* – бронзовая косметическая коробочка (погр. 2); *29* – бронзовая косметическая коробочка (погр. 2); *30* – железная шпилька (погр. 8); *31* – железный браслет

жены за их пределами в коридоре (дромос) на предвходной площадке и рядом со входом на полу. Они, несомненно, связаны с захоронениями в склепе. Керамика изготовлена на гончарном круге и лепная. Обжиг и тесто хорошие, не все сосуды ангобированы, поверхность в основном светлого цвета. Украшены иногда расписным орнаментом: на светлом фоне красной краской нанесены разные кривые линии, полукруги и др. (рис. 6, *22*). Отдельные сосуды имеют орнамент в виде валиков с нарезами и врезных линий (рис. 6, *20*). Представлены в основном чаши, миски, горшки, кувшины (с ручкой и без нее, с носиком-сливом), кружки (рис. 6).

Предметы обихода. Железные ножи (24 экз.) сохранились плохо, большинство из них сильно проржавело. По размерам выделяются: большие и маленькие и ножи-кинжалы. Все они однолезвийные, треугольные в сечении (рис. 4, *1–9*).

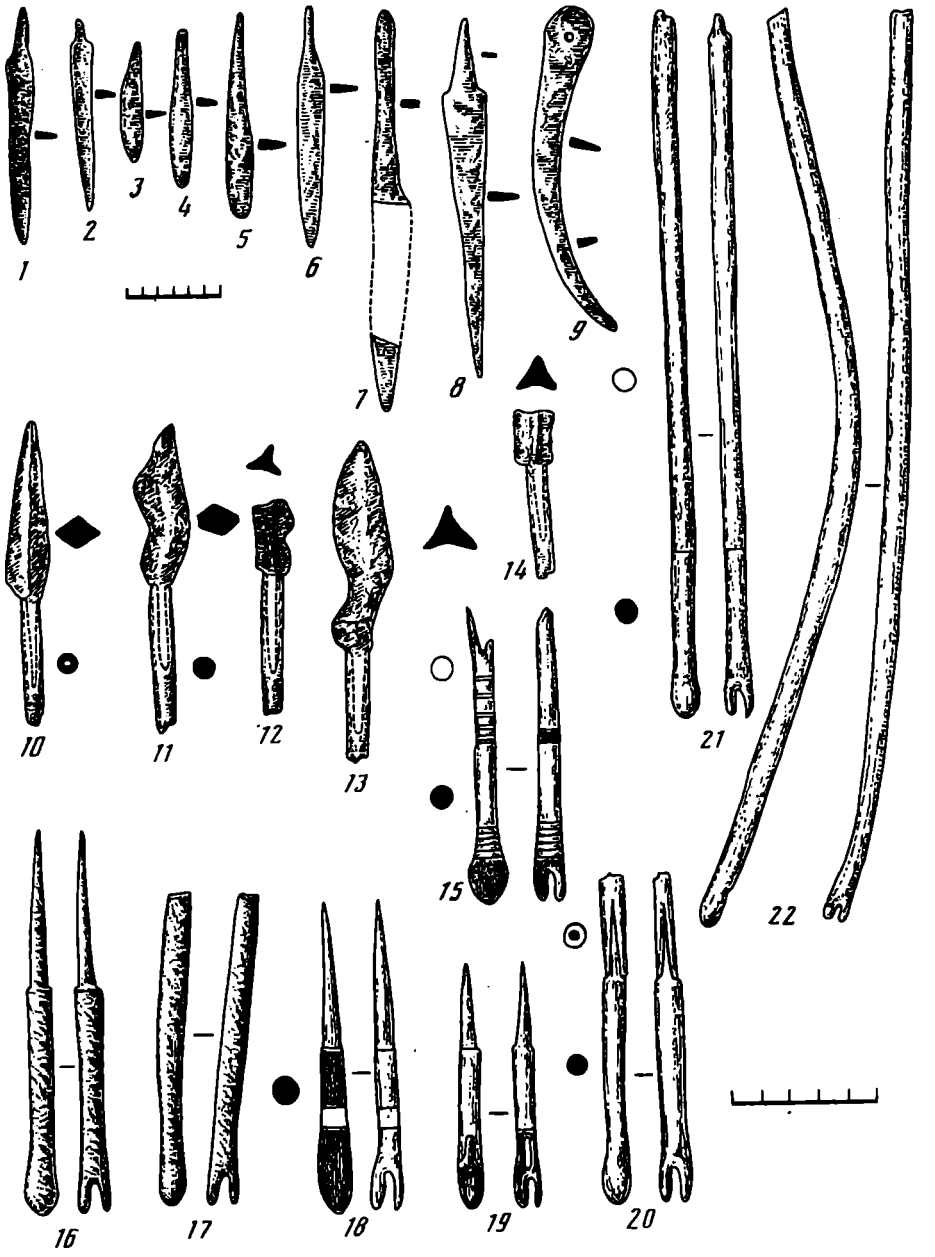


Рис. 4. Орудия труда и предметы вооружения.
1 – нож железный (погр. 1); *2–4, 6* – ножи (погр. 6); *5* – нож (погр. 8); *7* – нож; *8* – нож-кинжал; *9* – серп (погр. 9); *10–14* – железные наконечники стрел (склеп 5); *15, 16, 17–20* – деревянные ушки для хвостовой части стрелы; *17, 22* – деревянные стрелы; *21* – комбинированная стрела (дерево, камень), (*15–22* – склеп 5)

Деревянные изделия (68 экз.) занимают второе место по количеству находок после керамических сосудов. В склепах зафиксированы 16 ножен, 11 гребней (рис. 5, *1–6*), 10 бус, 10 сосудов, 6 экз. ушка для древок стрел, 3 столика для изготовления мучных изделий (рис. 5, *12*), 13 прочих изделий. Среди них имеются деревянная ложка, чаша от весов, предмет для добывания огня, рукоятки от плети и др. В каждом камышовом гробу отмечены деревянные клинья – гвозди, примерно по 20 шт.

Интересны плетеные корзины разной формы, изготовленные техникой спирального плетения (рис. 5, *13, 14*). К числу интересных и редких предметов относятся музыкальные инструменты из камыша (рис. 7). Инструменты и детали к ним были сложены в деревянный футляр цилиндрической формы. Первый музыкальный инструмент состоит из двух полых и совершенно одинаковых по устройству стволов. Один конец ствола инструмента закрыт естественной перегородкой, с другой стороны сделаны

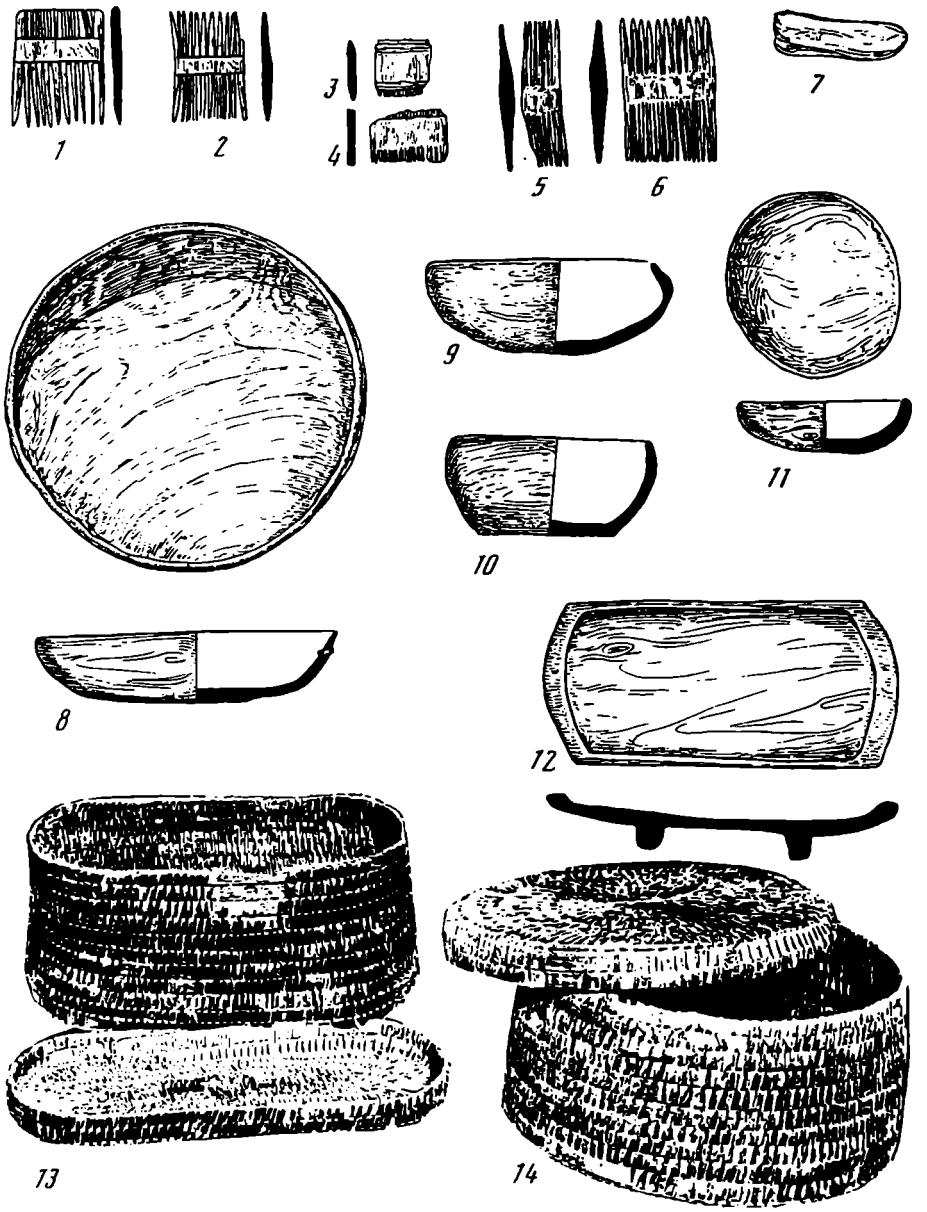


Рис. 5. Изделия из дерева и тростника.
1–2, 5, 6 – гребни (склеп 5); *3, 4* – гребни (склеп 9); *7* – деревянная колодка для обучи; *8–11* – блюда (склеп 5); *12* – столик для изготовления мучных блюд (склеп 5); *13–14* – корзины из тростника

специальные отверстия для вставки язычка. На лицевой стороне каждого из стволов имеется по шесть круглых отверстий, диаметр которых увеличивается к концу ствола. Второй инструмент также из камыша. Один конец ствола слегка обтесан для соединения с другой частью инструмента, а на нем имеется специальное отверстие для язычка. На лицевой части ствола – шесть круглых игровых отверстий одинакового диаметра. Кроме музыкальных инструментов, внутри футляра оказались деревянная палочка, предназначенная, по всей видимости, для их чистки, и семь язычков, изготовленных из камыша разной длины: маленькие, обработанные (обтесанные), и длинные, обработанные в средней части. Таким образом, вместе с покойником в гроб были положены два комплекта музыкальных инструментов, относящихся к наиболее древним духовным инструментам. Это так называемые продольные флейты. Первый, несомненно, кушнай с маленькими язычками. Он ничем не отличается от современного узбекского кушная за исключением формы и диаметра игровых отверстий, а также некоторой разницы в размерах (Петросянц А.И., 1990, с. 72, 73). Второй длиннее

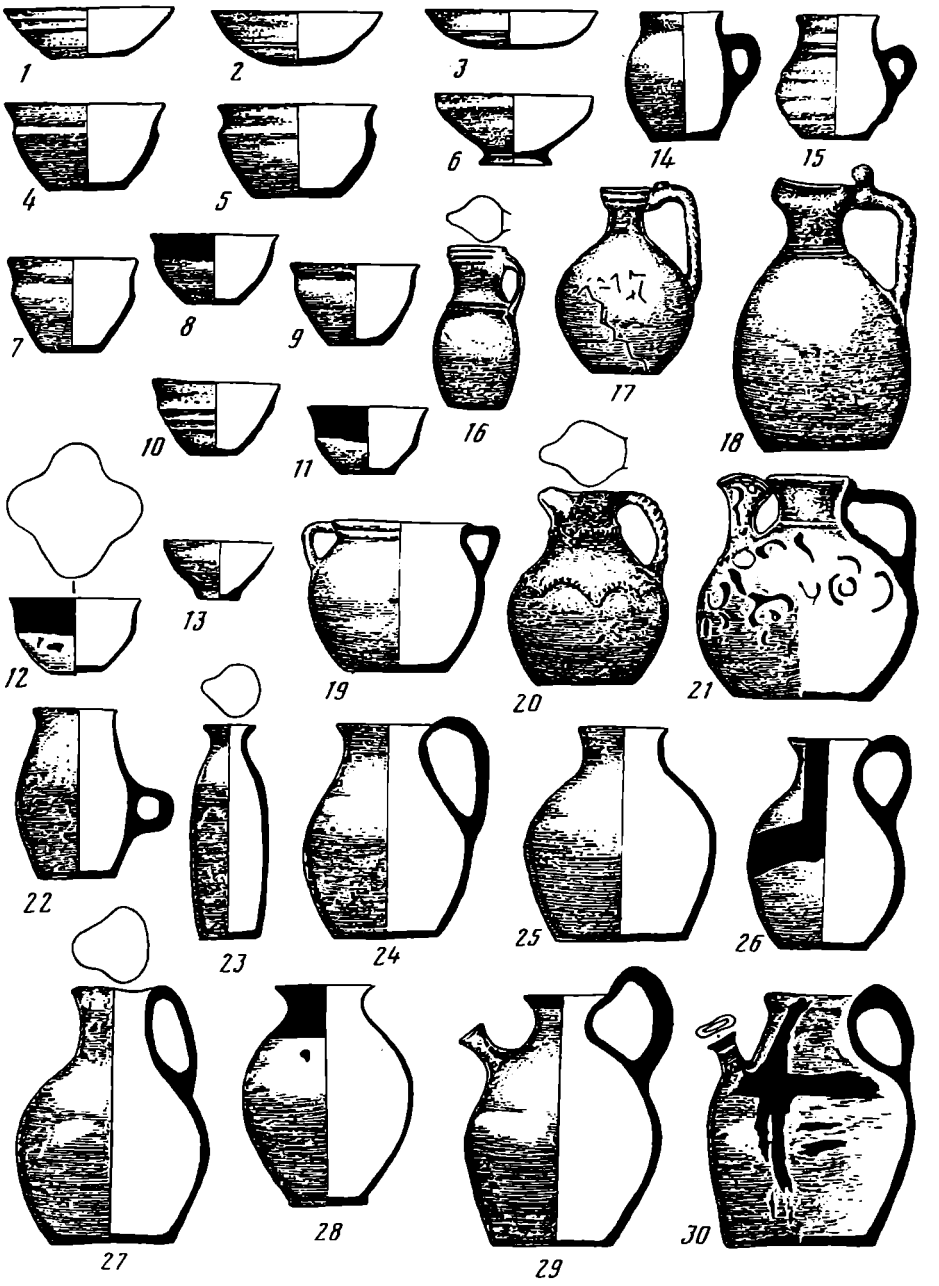


Рис. 6. Керамика.
7–12, 22, 24–27, 29–30 – керамика из склепа 5 (V–VI вв.); *12, 23, 28* – керамика из склепа 1 (V–VI вв.); *1, 18, 19, 21* – керамика около входа в склеп 2 (VII–VIII вв.); *2, 5* – около захоронения в хуме (VII–VIII вв.). *5* – из зачисток; *6, 15–17* – из склепа 2 (VII–VIII вв.); *14, 20* – из склепа 3 (VII–VIII вв.)

первого кушная и, по-видимому, присоединялся к деревянной или металлической основе (?). Скорее всего, он был прототипом сурная или боламана-балабана с длинными язычками (Петросянц А.И., 1990. с. 74).

В подземных склепах найдены в большом количестве предметы украшения. К ним относятся: браслеты, серьги, кольца, перстни, нагрудные украшения и бусы. Последние – самые многочисленные среди предметов украшений (3508 экз.). По материалу изготовления бусы могут быть объединены в следующие группы: из разноцветных стекол; из местных пород минералов (кварц, доломит, мрамор, гранит, змеевик, меловые породы); из полудрагоценных и драгоценных камней (сердолик, лазурит, бирюза, горный хрусталь); из костей животных; из семян фруктов; из дикорастущих кустарников; из бронзы, дерева, керамики.

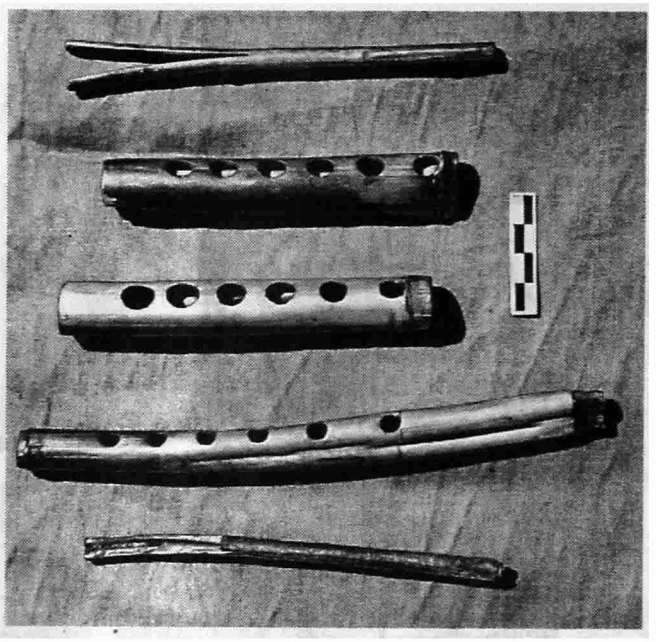


Рис. 7. Склеп 5. Музыкальные инструменты и детали к ним

В Ферганских курганах неоднократно находили фрагменты тканей. В Исфаринских курганах это хлопчатобумажные ткани – тонкие и грубые типа мешковины. Б.А. Литвинский отмечает 23 находки тканей разного размера и разного типа (Литвинский Б.А., 1978, с. 55–57). Из Карабулакского могильника происходят фрагменты орнаментированных шелковых тканей китайского происхождения. В Мунчактепе текстильные предметы зафиксированы в 25 случаях. В основном это остатки шелковой и хлопчатобумажной ткани. Шелк сохранился лучше, чем хлопчатобумажная ткань, и составляет основную массу находок в погребениях. Они представлены остатками одежды, лицевых покрывал, головных уборов и ритуальных "подушек". По заключению реставраторов А.К. Елкиной, Г. Майтдиновой, шелковые рубашки целиком сшиты из тканей местной выработки. Для украшения использованы полихромные шелка типа самит с растительным рисунком (рис. 8). Большая часть одежды сшита из тканей, окрашенных мареной краской. В качестве красителя использовано и индиго. В мунчакской коллекции имеются полностью сохранившиеся рубаха, халат женщины и детская рубашка. В камышовом гробу Д-10 зафиксированы остатки двух рубах и халата, надетых одновременно.

Исследования показали, что у погребенных не было специальной погребальной одежды. Древние ферганцы хоронили умерших в повседневной одежде, о чем свидетельствуют сохранившиеся бытовые пятна, заплатка на подоле платья, потертость полихромных тканей от долгого ношения и т.д. (Матбабаев Б.Х., Майтдинова Г., 1995, с. 40, 41).

Предметы вооружения немногочисленны. Они представлены оружием дистанционного (луки и стрелы) и ближнего боя (кинжалы, ножи). Остатки сложносоставных луков зафиксированы в четырех гробах склепа № 5. В них были захоронены мужчины в возрасте от 30 до 50 лет. В гроб был положен сломанный лук. Сложносоставные луки были очень дорогим оружием, поэтому целые луки крайне редко клали в погребения (Хазанов А.М., 1971, с. 34, 35). Луки имеют деревянную основу, срединно-боковые и срединно-фронтальные костяные накладки. Мунчактепинские сложносоставные луки по многим параметрам сходны с луками из Карабулакского могильника и отличаются от них лишь длиной костяных накладок: в Мунчактепа их длина до 22 см, в Карабулаке – до 26 см. В Карабулаке, по заключению исследователей, длина лука составляла от 140 до 162 см (Баруздин Ю.Д., 1961, с. 61, 62, рис. 11). Лук из Мунчактепа был меньшего размера. Сопоставляя длину мунчактепинских накладок луков

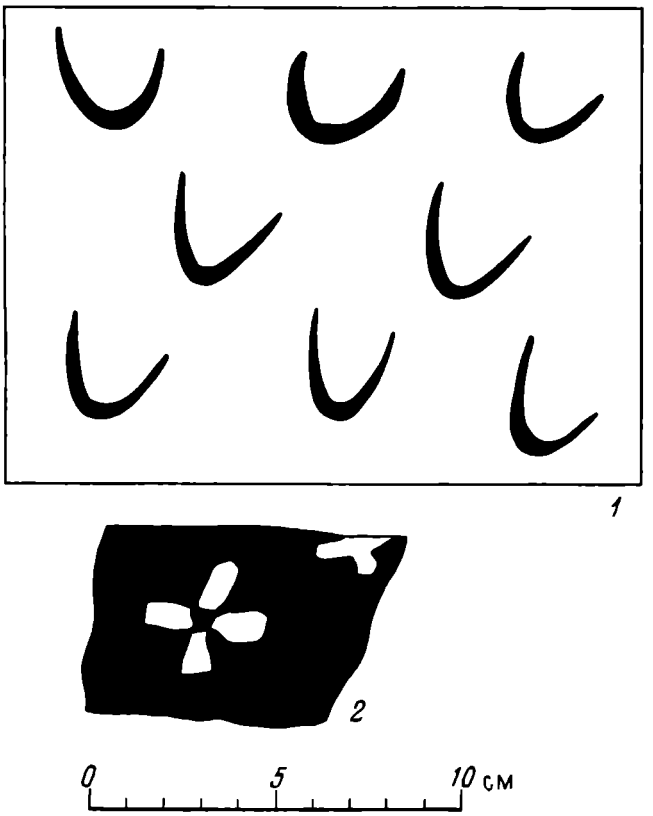


Рис. 8. Склеп. Образцы ткани с узором

тюркского времени, можно предположить, что длина лука из Мунчактепа, как и тюркских, не превышала 140 см (ср.: Савинов Д.Г., 1981, с. 152). Уменьшение размеров луков было общей тенденцией в развитии этого вида оружия, это никак не отразилось на их мощности, она осталась прежней (Хазанов А.М., 1971, с. 35).

Железные наконечники стрел происходят только из склепа 5 (6 экз.), все они черешковые с упором, один из них трехгранный, два четырехгранные (рис. 4, *10, 11*), три трехлопастные (рис. 4, *12–14*). О форме боевой части из-за плохой сохранности наконечников стрел судить трудно. Вместе с наконечниками стрел обнаружены древки стрел (6 экз.) и деревянные ушки для хвостовой части стрел (5 экз.). Ушки имеют круглую форму в сечении: один конец расширяется и имеет вид "головы змеи", где сделан вырез для тетивы; другой конец заострен, для того чтобы удобнее соединить его с камышовым древком. Они тщательно обработаны и украшены кольцевыми чередующимися красными и черными полосами (рис. 4, *15–22*).

В настоящее время результаты изучения условий залегания находок в стратиграфических шурфах в Баландтепа и закрытых комплексах могильника позволяют выделить два периода в функционировании погребального комплекса. Они выделены на основании изменений в технологии керамического производства (появления и исчезновения отдельных форм; улучшения и ухудшения обработки поверхности сосудов), а также особенностей некоторых других категорий находок.

Комплекс V–VI вв. н.э.

Материалы получены из склепов № 1, 5, а также из разрезов и зачисток из Мунчактепа II. Они относятся к более раннему периоду, чем остальной комплекс могильника (рис. 6).

Основную группу в комплексе составляют кувшины с ручкой. Во всех случаях ручки приподняты над венчиками, иногда украшены ангобными полосами, некоторые из них снабжены трубчатым сливом, где носик бывает округлой или смятой формы (рис. 6, *20, 29, 30*). В комплексе есть кувшины, украшенные небрежно нанесенными

ангобными полосами (рис. 6, *15, 30*). Кувшины с ручкой появляются в Фергане в III–IV вв. н.э. (Горбунова Н.Г., 1986, с. 76–86), а кувшины с поднимающимися над венчиком ручками зафиксированы в слоях V–VI вв., или в периоде Куюк II (Горбунова Н.Г., 1979а, с. 129–131). Остальные признаки этих кувшинов (ангобные полосы, формы носиков-сливов) датируются IV–V вв. (Горбунова Н.Г., 1985, с. 67, рис. 15, 12, 19, 20). В более ранних статьях Н.Г. Горбунова их появление отнесла к V–VI вв. н.э. (Горбунова Н.Г., 1979а, с. 129, 130). Однако ручки кувшинов в мунчактепинском комплексе резко поднимаются над венчиком и четко выделяются. Также отметим, такие кувшины с ангобными полосами (крестами?) зафиксированы на полу, т.е. они относятся к самым ранним погребениям склепа 5. В этом комплексе кувшины без ручек (рис. 6, *25, 28*), отдельные чаши и миски иногда украшены под венчиком ангобной полосой (рис. 6, *8, 11, 12*). Ангобные полосы или частичное ангобирование сосуда – характерный признак для этого комплекса. Они датируются IV–V вв. н.э. (Горбунова Н.Г., 1985, с. 58–67, рис. 15). Подобный способ украшения сосудов встречается в материалах более раннего периода (Заднепровский Ю.А., 1962, с. 132, табл. XLVIII; Заднепровский Ю.А., 1960, с. 23; Сорокин С.С., 1954, рис. 4, *4, 20*; Баруздин Ю.Д., 1957, с. 24, рис. 3).

Единственным экземпляром представлена вытянутая кружка: тонкостенная, покрытая блестящим красновато-коричневым ангобом. По мнению исследователей, подобные кружки появляются не ранее IV в. (Горбунова Н.Г., 1983, с. 35, рис. 7, 39). Для круговых чаш характерны отогнутость и тонкостенность венчиков, изящность и тонкостенность. Они без ангобного покрытия. Формы этих чаш существуют очень длительное время и очень часто встречаются также среди лепной керамики. Подобные чаши известны среди материалов могильников Северного Таджикистана (Ашт, Дашти Бодомак), где они в IV–V вв. становятся ведущими формами (Литвинский Б.А., 1973, с. 123). Единственная чаша с коническим туловом на поддоне (рис. 6, *13*) из склепа 1 находит ближайшую аналогию в комплексе могильников Калантархона (Литвинский Б.А., 1973, табл. 10, *27*) и Кайрагач (Заднепровский Ю.А., 1960, рис. 55, *11*). Бутылкообразный сосуд с короткой небольшой горловиной и сплюснутым сливом по краю венчика (рис. 6, *23*), хотя редко, но встречается во многих памятниках Ферганы (Горбунова Н.Г., 1979а, рис. 3, III г; Литвинский Б.А., 1973, табл. 38, *7*) и, учитывая оформления слива, датируется не ранее IV в.

В определении даты захоронения в склепах могут быть привлечены также железные ножи (24 экз.) и ножи-кинжалы (4 экз.). Ферганские железные ножи на основании формы и размера классифицированы в работе Б.А. Литвинского. Мунчакские ножи по этой классификации находят аналогии типов в отделах I, II, они датированы первой половиной I тыс. н.э. (Литвинский Б.А., 1978, с. 10–13, табл. I). Аналогичные ножи зафиксированы в подбойно-катакомбных могилах Ферганы первой половины I тыс. н.э., особенно в горной полосе Южной Ферганы – Карабулак, Кайрагач, Боркорбаз, Исфаринский, Калантархона (Заднепровский Ю.А., 1960, с. 90–100, рис. 59, *15–17*; Сорокин С.С., 1961, с. 117–160).

Следует особо отметить ножи-кинжалы (4 экз.), которые ранее были известны только в могильниках Боркорбаз (Сорокин С.С., 1961, с. 118–121, 135–137). Мунчактепинские кинжалы как по форме (однолезвийные, черешковые), так и по размеру (длина 28–31 см, а в Борборбазе 34–35 см) очень близки южноферганским.

Железные наконечники стрел также могут быть привлечены для датировки этого комплекса. По мнению исследователей, четырехгранные наконечники стрел появляются одновременно с трехгранными (Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984, с. 34) не ранее III–IV вв. (Горбунова Н.Г., 1983, с. 30). В Мунчактепа трехлопастные наконечники обнаружены вместе с трехгранными. Если учитывать то обстоятельство, что эти наконечники стрел происходят из верхнего ряда гробов, то для них вполне допустима дата V–VI вв. н.э. Бронзовые зеркала также могут быть датированы в пределах V–VII вв. Еще один интересный предмет из склепа 1 – бронзовая фертообразная

фигурка человека. Подобные фигурки появляются в Фергане в первые века н.э. и доживают до VII–VIII вв. Ареал их весьма широк – от Приаралья (Джетыасары) до Восточного Туркестана (Баруздин Ю.Д., 1957; 1961; Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962, с. 49; Кадыров А.Б., 1973, с. 152; Левина Л.М., 1968, с. 167–178; Stein A., 1928, Ast. 1, 8, 09; Памятники культуры..., 1983, с. 35; Иванов Г.П., 1991, с. 262–266). Поэтому предложенной дате V–VI вв. склепа 1 последняя находка также не противоречит.

В целом, подытоживая данные всего комплекса из больших склепов, предлагаем датировку в пределах V–VI вв. н.э. Другие материалы: предметы из дерева (предмет для добывания огня, чаши, гребни, столики для изготовления мучных изделий) плетенные корзины также определяются в пределах предложенной даты.

Комплекс VII–VIII вв. н.э.

Материалы второго периода присутствуют в маленьких склепах № 2, 3, 4 и большом склепе № 9. В этом комплексе сохраняется линия развития керамического производства. При этом наблюдается ухудшение качества керамических сосудов. Например, на поверхности сосудов появляется смывающийся ангоб, местами он отслаивается, встречаются сосуды без ангобного покрытия. Видимо, в конце периода исчезает посуда с процарапанным орнаментом. Отмечено появление отдельных форм, украшенных расписным орнаментом и орнаментом в виде валиков с нарезами.

Кружка с округлым туловом и цилиндрическим горлом (рис. 6, *15*) из склепа 2 находит множество аналогий в керамике VII–VIII вв. н.э. (Горбунова Н.Г., 1979б, с. 70, рис. 22, *8*; 1986, с. 76, 161, рис. 6; 1987, с. 89–93, рис. 13, *13*). Этим временем датируются кувшин с шаровидным туловом со смывающимся красным ангобом и выступом-налепом на верхней части ручки (рис. 6, *18*); кувшин с шаровидным туловом со сплюснутым сливом и ажурным орнаментом (рис. 6, *20*) (Горбунова Н.Г., 1979б, с. 70, рис. 22; Бернштам А.Н., 1952, с. 239; рис. 100). Комплекс керамики у входа в склепы № 2 и 3 рядом с захоронением в хуме также определяется этим временем. Среди них – расписной кувшин (рис. 6, *21*), двуручный горшок (рис. 6, *19*). Датировка их VII–VIII вв. н.э. не вызывает сомнений (Горбунова Н.Г., 1979б, с. 67–71; 1987, рис. 13; Беленицкий А.М. и др., 1981). О правильности этой датировки свидетельствуют две монеты у-шу (из склепа 9) с квадратным отверстием, а также ручки от бронзового зеркала в виде головки животных (коней). Подобные известны в Жолсае, Пенджикенте, Афрасиабе и других раннесредневековых памятниках (Литвинский Б.А., 1978, с. 97, табл. 22). Они датируются первой четвертью VIII в. (Распопова В.И., 1972, с. 67). Предложенную дату VII–VIII вв. н.э. подтверждают еще и находки монет из склепа 3. Клад состоит из 63 монет. Среди них пока выявлены две монеты с признаками типа (определение М. Исхакова, Л. Баратовой): первая относится ко второму типу тюрко-согдийских монет по классификации О.И. Смирновой и датируется концом VII – началом VIII в. н.э. (Смирнова О.И., 1981, с. 58); вторая имеет надчекан, нанесенный согдийским письмом (Баратова Л., Матбабаев Б.Х., 1994). Остальные без признаков типа, и, как считают исследователи, они представляют местный неизученный чекан мелкого номинала (Булатов В.А., 1972, с. 49). На правильность даты VII–VIII вв. указывает сопоставление этого комплекса Мунчактепа с керамикой из самой Ферганы (Вархотова Д.П., 1990, с. 144–158; Абдулгазиева Б., 1983, с. 126–135; 1988; Заднепровский Ю.А., 1960, с. 43, рис. 25) и из других районов (Буряков Ю.Ф., 1982, с. 80–86; Беленицкий А.М. и др., 1981, с. 94–110; Бентович М.Б., 1964).

Таким образом, подземные склепы по времени неоднородны. Судя по анализу археологического материала с привлечением аналогий, их можно датировать V–VIII вв. н.э., выделяя внутри два комплекса: V–VI и VII–VIII вв. н.э.

Учитывая результаты анализов археологических материалов и привлекая антропологические данные, мы предполагаем, что в склепах захоронены члены одной общины (рода?).

Об этнической принадлежности погребенных в камышовых гробах говорить пока рано, так как еще предстоит обработать большое количество антропологического

материала. По предварительному заключению антрополога Ш.Л. Абилова, в склепе 5 – 47 покойников: 9 мужчин, 16 женщин, 22 ребенка. В течение 100–120 лет в склепе осуществлены многократные захоронения. В настоящее время известны могильники Биттепа в Чаганиане, Куркат в Уструшане, где захоронения также осуществлялись по родовому и семейному принципу. В самой Фергане только среди более ранних памятников известны "семейные усыпальницы". Это могильники Эйлатано-Актамской культуры (Горбунова Н.Г., 1984, с. 101), еще более ранние аналогии – в Кашкарчинском могильнике (Иванов Г.П., 1988, с. 47). Правда, в Фергане многократные захоронения в одной могиле (ямной, подбойной, катакомбной) продолжались и позднее (I–II; V–VI вв. н.э.) до настоящего времени (Литвинский Б.А., 1972, с. 82–88).

Проблема появления подземных склепов и камышовых гробов пока не может быть окончательно решена. Подземные склепы, относящиеся к изучаемому периоду, на территории Ферганской долины неизвестны. Близкие по конструкции могильные сооружения, кроме уже упомянутых могильников Куркат и Биттепа, известны в Чаче. Между Биттепа и Мунчактепа наблюдаются сходства: наличие ниши внутри погребальной камеры, оформление коридора, коллективное захоронение с трупоположением (Ртвеладзе Э.В., 1986, с. 194–209). Чачские склепы (Ташавтомаш, Домбрабад, Катартал), как и склепы Мунчактепа, устроены в материковой породе, для них характерна трехчастная структура, соблюдено трупоположение на спине (Агзамходжаев Т., 1961, с. 240–245; Грицина А., 1982, с. 97–100). Вместе с тем ферганские склепы имеют ряд принципиальных отличий: наличие специальной ниши (внутри и за пределами погребальной камеры); наличие символической двери; погребение в камышовых гробах.

В погребальной практике Ферганы, а может быть и всей Средней Азии захоронения в камышовых гробах – явление пока уникальное. До сих пор были известны каменные, керамические, деревянные гробы, найденные в разных частях Средней Азии и за ее пределами. В частности, на территории Ферганы в ряде могил первой половины I тысячелетия нашей эры отмечены так называемые досчатые гробы и гробы-колоды, причем их обнаруживают как в подбойных, так и в катакомбных захоронениях (Горбунова Н.Г., 1981, с. 84–99). По нашим подсчетам, известно более 10 могильников, где присутствовали захоронения в гробах.

В Мунчактепа камышовый гроб выявлен в подбойном погр. № 8 (Мунчактепе I). Это самая ранняя находка.

Следует добавить близкий к мунчакскому обряду случай, зафиксированный в катакомбном погребении среди курганов Алайской долины. Здесь костяки лежали в плетенных гробах-футлярах из веток облепихи (Бернштам А.Н., 1952, с. 193). Из дальних аналогий можно привести материалы Хорезмской экспедиции, где обнаружен легкий гроб из деревянных планок и камыша (Толстов С.П. и др., 1963, с. 3–90). В целом камышовые гробы, похожие на североферганские, пока нам неизвестны. Возможно, гробы из камыша были местным нововведением в погребальную практику. Между мунчактепинскими сооружениями и катакомбами Ферганы наблюдаем общие конструктивные решения в устройстве (дромос, погребальная камера). К тому же материальная культура (деревянные предметы, ножи-кинжал, сложносоставной лук, предметы туалета, плетеные корзины и др.) и погребальный обряд (подбои, гробы, лицевые покрывала, "подушка" под головой и т.д.) Мунчактепа очень близок Карабулакскому могильнику и вообще к памятникам предгорной полосы Южной Ферганы (Заднепровский Ю.А., 1960, с. 113–128). Правда, последние датируются более ранним временем I–IV вв. н.э. Учитывая все сказанное, мы полагаем, что примерно в III–IV вв. часть населения, оставившая могильники (Карабулак и др.), передвигается на север долины и смешивается с населением Мунчактепа. Возможно, именно таким образом североферганцы восприняли обряд захоронения в гробу. Расстояние между Карабулаком и Мунчактепа (по прямой около 100 км) и другими указанными выше памятниками также позволяет считать возможным распространение этого обряда в Северной Фергане.

В заключение отметим, что северная часть Ферганской долины в определенной

степени впитывала в себя влияние согдийской и каунчинской культур. Этому способствовало географическое расположение района на оживленных торгово-караванных трассах северной ветви Великого Шелкового пути. Изучаемый район стоял на перекрестке дорог: одна – через перевал в Ахангаранскую долину (Ташкент), далее в Казахскую степь; вторая – через Ашт в Уструшану, далее в Согд и Бактрию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулгазиева Б., 1983. Шортепе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 18. Ташкент.

Абдулгазиева Б., 1988. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье (система расселения, районирования и типология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.

Агзамходжаев Т., 1961. Погребения IV–V вв. н.э. в Катартале // Научные работы и сообщения. Кн. III. Ташкент.

Алекшин В.А., 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.

Анарбаев А., Матбабаев Б.Х., 1990. Мунчактепа – городской могильник в Северной Фергане // Общественные науки в Узбекистане. № 10. Ташкент.

Баратова Л., Матбабаев Б.Х., 1994. Монетные находки из уникального могильника Мунчактепа // Фергана в древности и средневековье. Самарканд.

Баруздин Ю.Д., 1957. Кара-Булакский могильник (Раскопки 1955 года) // Тр. Ин-та истории. Вып. III. Фрунзе.

Баруздин Ю.Д., 1961. Кара-Булакский могильник // Изв. АН Кирг ССР. Сер. обществ. наук. Т. III. Вып. 3 (история). Фрунзе.

Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А., 1962. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1981. Согдийский город в начале средних веков (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. № 2.

Бентович И.Б., 1964. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) // Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. IV. М.; Л.

Бернштам А.Н., 1940 Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Вып. II. Л.

Бернштам А.Н., 1952 Историко-археологические очерки Центрального Тянь Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 26. М.; Л.

Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1984 Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Булатова В.А., 1972. Древняя Кува. Ташкент.

Буряков Ю.Ф., 1982. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент.

Вархотова Д.П., 1990. Керамика VII–VIII вв. с городища Кува // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. Ташкент.

Горбунова Н.Г., 1979а. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры // Тр. ГЭ. Т. XX.

Горбунова Н.Г., 1979б. О раннесредневековой керамике Ферганы // Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л.

Горбунова Н.Г., 1981. О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н.э. // АСГЭ. Вып. 22.

Горбунова Н.Г., 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. № 3.

Горбунова Н.Г., 1984. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. Вып. 25.

Горбунова Н.Г., 1985. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане // АСГЭ.

Горбунова Н.Г., 1986. Зортепинский могильник в Фергане // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.

Горбунова Н.Г., 1987. Памятники Керкидонской группы в южной Фергане (Мыкты-Курган и Чун-тепе) // АСГЭ. Вып. 28.

Грицина А., 1982. Каунчинское погребение первых веков н.э. в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 17.

Заднепровский Ю.А., 1960. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе.

Заднепровский Ю.А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118. М.; Л.

Иванов Г.П., 1988. Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи поздней бронзы в Фергане // Общественные науки в Узбекистане. № 10. Ташкент.
Иванов Г.П., 1991. Кувасайский могильник VII–VIII вв. в Ферганской области // СА. № 3.
Кадыров Э.Б., 1973. Новые данные к изучению культуры Ферганы доарабского времени // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований. Ташкент.
Кармышева Б.Х., 1986. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. М.
Кызласов И.Л., 1993. Мировоззренческая основа погребального обряда // СА. № 1.
Левина Л.М., 1968. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыасарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Литвинский Б.А., 1972. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.
Литвинский Б.А., 1973. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.
Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.
Лубо-Лесниченко Е.И., 1984. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.
Матбабаев Б.Х., 1993. Оссуарии Ферганы // Общественные науки в Узбекистане. № 2. Ташкент.
Матбабаев Б.Х., Майтдинова Г., 1995. Ткани и одежда из Мунчактепа // Тез. докл. конф. "Археология и художественная культура Центральной Азии". Ташкент.
Матбабаев Б.Х., 1996. Одиночные погребения могильника Мунчактепа (К изучению погребальных памятников Северной Ферганы первой половины и середины I тысячелетия н.э.) // ИМКУ. Вып. 27.
Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки, 1983. Л.
Петросянц А.И., 1990. Инструментоведение. Узбекские народные инструменты. Ташкент.
Распопова В.И., 1972. Зеркала из Пенджикента // КСИА. Вып. 132.
Ртвеладзе Э.В., 1986. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. № 4.
Руденко С.И., 1953. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.
Савинов Д.Г., 1981. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
Снесарев Г.П., 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.
Сорокин С.С., 1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. Вып. XX.
Сорокин С.С., 1961. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) // Тр. ГЭ. Т. V.
Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М.
Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
Matbabaev B.Kh., 1994. On the discovery of a unique medieval funerary complex in Northern Fergana, Uzbekistan // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Peterburg.
Stein A., 1928. Inner most Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-Su and Eastern Iran. V. III. LXXXIX. Oxford.

Институт археологии АН РУз,
Самарканд

B.Kh. MATBABAEV

THE BURIAL GROUND MUNCHAK-TEPE IN NORTHERN FERGHANA

(Uzbekistan)

Summary

The paper deals with the results of the study of a unique burial ground Munchak-tepe in Ferghana (Uzbekistan). Burials in underground vaults with well preserved accompanying goods have been discussed here. The construction of the grave structure and the funeral rite have been described in detail. The author proposes his own way of resolving problems related to the appearance of underground vaults and coffins in Northern Ferghana. After determining the date of the site, the author divides it into two periods: V–VI and VII–VIII AD. No doubt that the archaeological complex Munchak-tepe plays an important role in the study of the early medieval culture of Ferghana.

Ю.А. МОТОВ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ПАРНЫХ ПЛАСТИНАХ ИЗ "СИБИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА I"

Большую и наиболее интересную часть так называемой "Сибирской коллекции Петра I" составляют вещи из скифских[1] курганов, располагавшихся "между Иртышом и Обью". Среди них – золотые парные пластины с сюжетными сценами, выполненными как бы в зеркальном отражении, известны под условным названием "Отдых под деревом" (Руденко С.И., 1962, табл. VII, *1, 7*).

С.И. Руденко, опубликовавший вещи коллекции, предположил, что изображения на этих пластинах связаны с героическим эпосом (Руденко С.И., 1962, с. 15). Эта тема была развита М.П. Грязновым (1961, с. 22–29) и М.И. Артамоновым (1973, с. 146–154), сопоставившими персонажей изобразительных сцен с героями эпических произведений тюркских народов Южной Сибири.

Не умаляя заслуг названных авторов в интерпретации сцен, изображенных на пластинах, попытаемся взглянуть на эти памятники с несколько иной позиции, уделив внимание их детальному анализу, чего, к сожалению, до сих пор сделано не было.

Начать следует с сакраментального вопроса: почему пластины парные?

В то время, когда окружающая природа представлялась человеку естественным храмом, многие религиозные обряды жизненного цикла, если не бóльшая часть обрядов вообще, исполнялись человеком, обращенным лицом к востоку – "встречь солнцу". В этом положении ось тела совпадала с линией "восток–запад", представляющей путь "божества – солнца" по небосводу, а человеческая фигура, обретшая в этом положении свойства медиатора, воспринималась как структурно-образующий элемент космоса в его мифопоэтическом аспекте. Сообразно этому юг, находившийся "по правую руку", в сознании человека, жившего в Северном полушарии, связывался с теплом, живительным влиянием и отождествлялся с мужским, светлым, благостным началом, а также – с профанным; напротив, север – "по левую руку" – с холодным дыханием, ледяным мраком отождествлялся с неблагополучием, женским, темным, хтоническим и сакральным (Ардзинба В.Г., 1982, с. 147–149; Басилов В.Н., 1992, с. 25). Система координат, отраженная в обрядах "апасавья", "прадакшина" и иных, судя по текстам "Махабхараты" (Махабхарата. Книга о карне, 1990, с. 294, 298), "Похищения быка из Куальнге" (1985, с. 193, 330) и других, уже на этапе древней истории индоевропейских (и индоиранских) племен обрела значение категоричных императивов. Эта система со всей несомненностью определяла ориентацию персонажей в обрядовой практике и была закреплена в культовой иконографии. Фигуры божеств в изобразительных памятниках раннего железного века зачастую представлялись в прямом ракурсе, вероятно, потому, что кроме основных, они имели функции маркеров сакрального пространства.

Парные пластины, использовавшиеся, несомненно, в комплекте, вписываясь в систему, создавали представление уравновешенности, символизировавшей гармонию, которая имела особое значение в обрядах переходного периода, например в погребальном, когда устойчивое равновесие в мире оказывалось нарушенным вторжением смерти. То обстоятельство, что интересующие нас пластины происходят, очевидно, из погребальных памятников, дает основание предполагать такую связь.

---

[1] В тексте "скифский" с тем же значением, что и "скифо-сакский".

© Ю.А. Мотов, 1999 г.

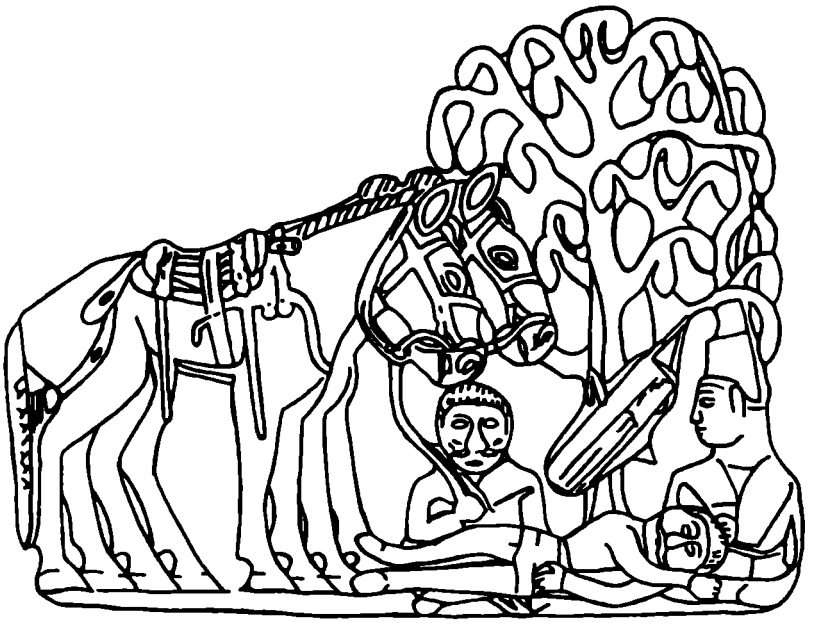


Рис. 1. Одна из золотых пластин

На пластинах изображены двое мужчин и женщина, расположившиеся с двумя конями под деревом (рис. 1). Один мужчина представлен лежащим на земле, голова его лежит на коленях женщины. Одна рука его вытянута вдоль тела, кисть другой руки касается колен женщины. Мужчина облика монголоидного. Он безбород, но при усах. Волосы его зачесаны назад, глаза, надо полагать, закрыты. Одет он в куртку и штаны, в сапогах. Женщина, сидящая на подогнутых ногах, изображена в фас, но голова ее повернута к лежащему и представлена в профиль. Кистью руки женщина касается головы лежащего. На плечи ее наброшен двубортный халат. На голове женщины надет головной убор в виде коробки, слегка сужающейся кверху. Верх убора представляет собой изогнутый стержень, который помещается среди ветвей дерева. К стержню подвязаны косы. В ногах лежащего сидит, скрестив ноги ("по-тюркски"), другой мужчина. Приземистая фигура его дана в фас. У него лицо монголоидное, оно безбородое, с усами, такими же, как у лежащего. Волосы зачесаны назад. Мужчины похожи друг на друга. Сходно и их одеяние. Сидящий мужчина держит чумбуры двух взнузданных и оседланных коней, стоящих рядом. Уздечные наборы и седла их живо напоминают наборы конского снаряжения из погребальных комплексов "царских" курганов Пазырыка. (Грязнов М.П., 1961, с. 22, 25), переданы они очень достоверно: Особенное в изображениях коней то, что гривы их, коротко подстриженные, имеют в верхней части по прямому выступу. Хвосты, вероятно, подстриженные, заплетены в косы и одеты в футляры.

Кони представлены как иноходцы.

Вся эта группа размещена под деревом с мощной кроной, на нижней ветви которого висит горит.

Важнейшим, хотя и "пассивным", атрибутом этой сцены является дерево. Характер этой сцены определяется как космологический, в ней через образ дерева выражается представление о трехчастном строении мира (Савостина Е.А., 1983, с. 54, 55). Дерево, таким образом, имеет значение "Мирового Дерева". Пространство этой сцены имеет структуру, сообразную вертикальной модели мира, а по горизонтали оно делится на "правое" и "левое". Статус персонажей и их роль в сцене, запечатленной на пластинах, раскрываются через образ дерева и по отношению к нему; через атрибуты, им присущие, и позы, которые им приданы.

Лежащий мужчина, фигура которого занимает центральное положение, является

главным в сцене. М.И. Артамонов пишет о нем: "Утомленный битвой герой снял оружие и спит на коленях возлюбленной..." (Артамонов М.И., 1973, с. 146). "Спит он или мертв – решить трудно", – считает М.П. Грязнов (Грязнов М.П., 1961, с. 26). Выводы этих авторов строились на основе восприятия сцены как иллюстрации к героическому эпосу. Определение пространства сцены как пространства сакрализованного требует иного ключа в толковании сцены и ее образов. В связи с этим необходимо заметить, что искусство иранского мира, частью которого являлось скифское искусство, разрабатывало ряд сюжетов, представлявших активную жизнь мужчины. Мужчина – царь или герой[2] – изображался обычно в динамичных сценах, сражающимся с врагами или зверями, пирующим, предстоящим божеству или участвующим в обрядовых действиях. Мужчина-царь (или герой) во всех проявлениях полон сил и энергии. Надо полагать, образ царя (вождя)-героя и не мог быть иным, ибо он являлся не только воплощением единства рода, племени, государства, но также и воплощением производительных сил природы, от которого зависело благополучие страны (Фрэзер Дж.Дж., 1980). Образ царя-героя в иранской традиции символизировал божью благодать (фарн), нисходящую на народ через его персону, но фарн – благодать – добывался в борьбе лишь сильнейшим (Тревер К.В., Луконин В.Т., 1987, с. 58, 59). Искусство, представлявшее через трафаретные сцены идеализированный образ царя (или героя), не знает фигуры лежащего – отдыхающего, она ему чужда.

Человеческое тело, распростертое на земле, принадлежит обычно поверженному врагу или погибшему герою, по сути существу, исключенному из среднего (человеческого) мира. Следует заметить, что образ лежащего мужчины характерен для обрядовых сцен переходного цикла, например инвеституры (Ростовцев М.И., 1913, с. 3, табл. I, *1*; VII, *1;* Луконин В.Г., 1969, с. 35, рис. 5; с. 47, рис. 7; с. 121, рис. 19). Фигура лежащего, изображенного на пластинах, связана с обрядом переходного цикла, но какого?

Все персонажи этой сцены статичны. Содержание сцены, таким образом, передается не через действие, а через состояние, в котором пребывают ее герои. Такая ситуация характерна для обрядов переходного цикла, таких, как свадьба или похороны, в которых действие "ведут" не главные", а "второстепенные" лица (Байбурин А.К., 1993, с. 76, 198).

Тело мужчины положено у основания дерева, у его корней, и это определяет близость к нижнему, подземному миру. На ветке дерева над телом висит горит с луком и стрелами, напоминающий нам о царской власти (Раевский Д.С., 1977, с. 74), о свадьбе (Геродот, 1972, I, 216), об обряде героизации (Савостина Е.А., 1983, с. 47, 48). Горит, несомненно, связан с фигурой героя, героизированного царя. Лежащий мужчина не может быть определен как отдыхающий – он мертв и, значит, сцена, интересующая нас, связана с погребальной обрядностью.

Фигуры сидящих – мужчины и женщины – неестественно приземистые, оттого что представлены склонившимися над телом. Они вписаны в пространство среднего мира. То, что голова лежащего покоится на коленях женщины, позволяет догадываться об особых отношениях между этими персонажами. Несомненный интерес представляет поза, в которой запечатлена женщина: чтобы сесть таким образом, нужно стать на колени, а затем опуститься на пятки.

Поза, связанная с коленопреклонением, очевидно, нечасто воспроизводилась в памятниках скифского искусства. В такой позе, например, представлен скиф с копьями и щитом – один из персонажей изображения на серебряном сосуде из Частых курганов (Граков Б.Н., 1971, с. 149). В этой позе пребывают отдельные персонажи изобразительной композиции на золотой пекторали из Толстой могилы (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 142, 143), а также лица, окружающие главных персон на золотой пластине из Сахновки (Онайко Н.А., 1984, с. 19, рис. 1).

---

[2] Круг образов, атрибутирующих главного героя сцены, определяет золото пластин – металл, имевший статус сакрального, царского.

Недостаточная изученность памятников скифского искусства затрудняет понимание этого культурного элемента, поэтому нам придется обратиться к памятникам раннего средневековья, на которых проследить интересующую нас деталь не представляет труда. В такой позе запечатлены персонажи, предстоящие божествам в росписях Пенджикента (Беленицкий А.М., 1973, с. 30), и на резных досках Куйрук-тобе (Байпаков К.М., 1990, с. 196), а также лица, предстоящие алтарю огня в живописных сценах Пенджикента (Живопись..., 1954, табл. VII, XXVI). Этнограф Ю.В. Кнозрозов, наблюдавший шаманский зикр – обряд, проводившийся в подземелье мазара Мазлумхан-сулу, в Хорезме, в середине XX в. – отметил, что именно в такой позе усаживались все участники обряда, в том числе и шаманы (Кнорозов Ю.В., 1994, с. 93).

Приведенные примеры показывают, что такая посадка у народов Средней Азии имела традиционную связь с обрядовой практикой. В искусстве скифского мира сцена на золотых пластинах Сибирской коллекции уникальна тем, что в коленопреклоненной позе представлена женщина, обладательница высокого статуса. Пребывание женщины в этой позе, очевидно, выражало почтительность ее по отношению к лежащему мужчине. Несомненно также и то, что через этот знак и статус женского персонажа выражен высокий статус мужчины, являющегося главным героем действия, но лишенного личного статуса в связи с пребыванием в переходном состоянии на границе миров. Статус женщины определяет кандиз – "халат", имевший в иранском мире значение ритуального одеяния (Шильц В., 1987, с. 157–163). Особенностью его было то, что надевался он внакидку, при этом руки в его рукава не вдевались. Другой важный атрибут женщины – ее головной убор, макушка которого вплетается в ветви дерева, достигая его вершины, – определенно является убором невесты – "саукеле" (Маргулан А.Х., 1986, с. 41, илл. на с. 115–119, 132–137).

Любопытно, что именно головной убор невесты и горит героя помещены в кроне дерева, маркирующей небесную сферу, что указывает на связь владельцев этих атрибутов с верхним миром. Таким образом, повествовательный контекст памятника перемещает героев сцены в иной, "высший мир", где, очевидно, и предполагается дальнейшее их пребывание. Путь туда наши герои должны проделать верхом. Об этом прямо свидетельствует снаряжение коней. Выступы на гривах коней – это знаки посвящения. Хвосты коней, снаряженных для верховой езды, одетые в футляры, – обычное явление в обрядовых сценах в памятниках Южной Сибири скифского времени. Так оформлены хвосты коней в погребениях курганов Аржан (Грязнов М.П., 1980, с. 44), Пазырык (Руденко С.И., 1953, с. 227, рис. 140, *а*), Ак-Алаха-2 (Полосьмак Н.В., 1993, рис. 4). Кони эти – иноходцы, что явно не случайно: частичное наложение фигур коней на крону дерева указывает на их связь с небесной сферой.

Сцена имеет сакральный характер и в то же время выдержана в трагедийном пафосе: на трех человек, представленных здесь, приходится два коня. Одному из них конь не принадлежит. Кому? Ответ на этот вопрос был бы предельно прост, если бы характеристики сакрализованного пространства сцен были бы выражены однозначно. Зеркальный перенос персонажей сцены на пластинах лишает нас возможности прямолинейного решения задачи, но не снимает его.

Образ Мирового Дерева в сцене, связанной с погребальным ритуалом, – это и символ пограничного рубежа. Отсюда образы сидящих – мужчины и женщины, помещенные по обе стороны дерева, неравнозначны: один из них является представителем "иного" мира, хотя и изображен как живой. Направление движения коней-иноходцев, участвующих в этом дальнем "путешествии", определяет локализацию "иного" мира: с этим миром связана женщина. Для разъяснения ситуации обратимся к материалам "царского" могильника Пазырык на Алтае, хронологически синхронного золотым пластинам (Грязнов М.П., 1961, с. 22–25).

В могиле 5 Пазырыкского некрополя был погребен мужчина, имевший высокий социальный статус. Возраст его определен в 55 лет. Лицо его, однако, безбородое и безусое (бритое) (Руденко С.И., 1953, с. 130, 131), что, возможно, обрядово-символически "снижало" его возраст. С ним погребена была молодая женщина. Она была обря-

жена в кандиз (Руденко С.И., 1953, с. 50) и головной убор невесты (рис. 2) (Руденко С.И., 1953, табл. XXVI, 2). Тождественность головных уборов женщины из Пазырыка и женщины, изображенный на пластинах, установил М.П. Грязнов (Грязнов М.П., 1961, с. 22, 23), В. Шильц определила тождество их верхних одежд в качестве кандизов (Шильц В., 1987, с. 157). В могиле захоронены также кони – верховые и упряжные – и колесная повозка. Путь в верхний мир, как бы намеченный в изображениях на пластинах, реализован там восхождением в высокогорную долину Пазырык. Детали изображений на золотых пластинах сходны с материалом погребения настолько полно, что впору признать их тождество (см.: Грязнов М.П., 1961, с. 22–25), отражающее, очевидно, принадлежность к одному обряду единой культурной традиции. Пазырыкский комплекс приводит к пониманию сцены на пластинах как посмертного путешествия вождя (или героя) с обрученной с ним женщиной, чья судьба – быть погребенной с ним.

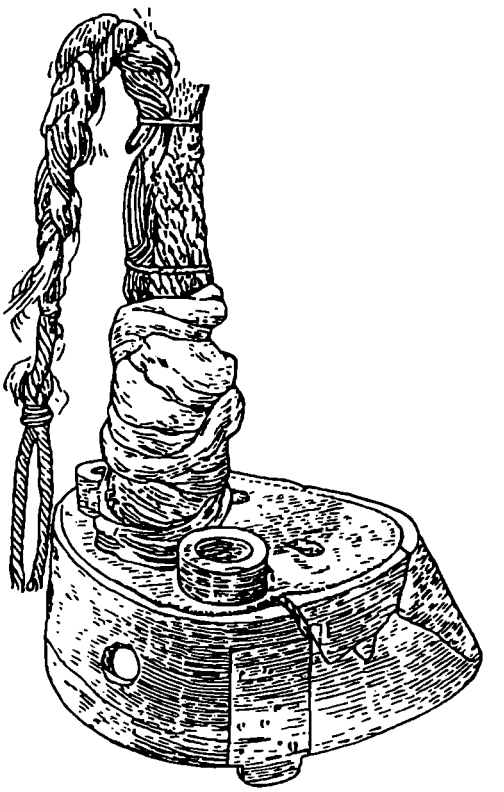


Рис. 2. Головной убор женщины из пятого пазырыкского кургана (по М.П. Грязнову)

Придя к такому выводу, мы можем объяснить как мотивацию самой сцены, так и ее детали. Мотив "Отдыха в пути" под каким бы то ни было деревом неприемлем для скифского искусства. В то же время остановки на участках шествия, обозначающих рубежи пространства, были обусловлены ритуалом погребального (Байбурин А.К., 1993, с. 113), как, впрочем, и свадебного путешествия (Байбурин А.К., 1993, с. 76, 77): тело умершего при этом опускалось (Байбурин А.К., 1993, с. 113). Символом рубежа в нашей сцене выступает Мировое Дерево, что безусловно объясняет смысл остановки. Образ женщины "высвечивается" еще одной деталью: на ее коленях лежит голова героя, и это обстоятельство, несомненно, имеет в сцене значение временной утраты ею способности передвигаться (Байбурин А.К., 1993, с. 66, 67), символически отражая свадебный ("невеста") и погребальный ("покойница") ритуал. Свадебный и погребальный ритуалы объединяются и традиционной атрибутикой: женщин обычно хоронили в той одежде, в которой они венчались (Байбурин А.К., 1993, с. 108).

Восприятие сцены на золотых пластинах как своеобразной "иллюстрации" к погребальному обряду пазырыкской знати, предметно отраженному в могиле 5 Пазырыкского могильника, дает возможность понять и образ мужчины, стерегущего коней. В могиле таковой персонаж не представлен, значит он имеет к погребальному обряду отношение достаточно опосредованное. Значение этого персонажа может быть прояснено тем, что у степняков практиковался способ транспортировки раненого или умершего мужчины в седле верхового коня, когда сидящий сзади поддерживает его (Дьяконова В.П., 1975, с. 55). Прямой ракурс фигуры придает сидящему мужчине вид посредника-медиатора; некоторая отстраненность этого персонажа действа позволяет принять его в качестве сопровождающего. "Портретное" сходство его с умершим дает основание предполагать в нем также и "заместителя умершего", фигура которого была обычной в погребальном обряде многих народов (Авдеев А.Д., 1959, с. 100, 101, 117, 118).

Важно отметить то, что в цикле погребальных обрядов пазырыкцев ярко выражен мотив "посмертного" путешествия. Миф о переправе через Стикс с помощью пере-

возчика (лодочника) Харона был как бы "перекодирован" в реалиях кочевой культуры, и переход из мира живых в мир мертвых воспринимался (и воспроизводился в обряде) как далекое путешествие верхом.

Итак, мы имеем все основания видеть в изображениях на золотых пластинах ритуальное путешествие верхом, при том что один из путешествующих мертв. Его сопровождают женщина в наряде невесты и обрядовый "заместитель". Фигура "заместителя умершего" получила достаточно подробное освещение в литературе на основе этнографических данных (Шишло Б.П., 1975, с. 258–260).

Наше исследование позволяет предложить версию, объясняющую происхождение этого образа: повозка типа той, что была в конце своего пути опущена в могильную яму (кургана 5) в Пазырыке, управлялась кучером. Верховой способ передвижения более привычен для кочевников, но и здесь никак невозможно было обойтись без сопровождающего ("Харона"), ехавшего с умершим на одном коне и замещавшего его в обрядах прощания.

Статус персонажей сцены, их место в мире раскрываются также и через их отношение к земле. Золото как материал пластин определяет статус главного персонажа сцены: он, несомненно, высок и должен соответствовать рангу царя, вождя. Иранская традиция не позволяла царю, вождю – сыну неба – касаться поверхности земли – это десакрализует его личность (Фрэзер Дж., 1980, с. 659, 660). В сценах касание земли царем (лежа) и его ритуальным заместителем (сидя) объясняется фактом смерти. Сакральных атрибутов соответствующего статуса – головного убора и оружия – у них нет: оружие – один горит на двоих – осталось "на небе". Статусные атрибуты не утрачивает, прикасаясь к земле, женщина, имеющая в ритуале значение хтонического существа. Эти факты еще раз подтверждают наши выводы о том, что сцены пластин отражают события "космического" масштаба.

Толкование пластин на основе данных иконографического анализа и параллельного материала Пазырыкских погребений скифского времени и толкование их на основе эпических источников тюркского времени приводят к разным выводам. В первом случае мертвый героизированный царь (вождь) "увлекает" за собой в могилу (в конечном счете "на небо") обрученную с ним женщину – героизированную царицу; во-втором обрученная – невеста – воскрешает, возвращает к жизни погибшего богатыря (см.: Грязнов М.П., 1961, с. 26, 27). Очевидно, оба сюжета имели единую основу. Трагическое звучание темы, отражение ее в реальном материале погребальных памятников скифского времени и "оптимистическое" – за счет применения сказочных волшебных средств – развитие темы нам представляется разновременными разработками одного и того же сюжета.

Парный комплект пластин свидетельствует, как нам представляется, о том, что изображения на них не носят характера художественных иллюстраций к эпосу. Более вероятно то, что пластины предназначались для использования в качестве обрядового реквизита. Наше исследование позволяет прийти к выводу о том, что на золотых пластинах представлена сцена, имевшая отношение к погребальному обряду.

С.И. Руденко и М.И. Артамонов определили пластины "Сибирской коллекции Петра I" как пряжки-застежки, причем С.И. Руденко предполагал: что их использовали в качестве парных застежек плечевого одеяния типа катандинского халата (кандиза), на котором пластинчатая застежка была обнаружена (Руденко С.И., 1962, с. 13)[3].

Логика зеркальных изображений предполагает комплексное (парное) использова= ние пластин. Согласно описанию С.И. Руденко, они имели на тыльной поверхности крепежные приспособления – два ушка на одной пластине и одно ушко на другой. Соединялись они между собой при помощи ремешка (Руденко С.И., 1962, с. 13, табл. XXIV, *3*).

---

[3] Катандинский халат использовался, однако, с одной застежкой; ее изобразительный сюжет был иным (см.: Руденко С.И., 1953, табл. LXXXII, *4*); соответственно иным, вероятно, было ее назначение.

Логическое построение С.И. Руденко безупречно в том, что, действительно, применение в продолжительном обряде кандиза без застежек, должно было создавать множество неудобств, которые, несомненно, усугублялись в специфической атмосфере погребального ритуала. И тем не менее невозможно исключить и иной вариант использования пластин – например, для декорирования-маркирования ткани, применявшейся в качестве обрядового занавеса.

Содержание обряда, возможно, угадывается из контекста рассмотренной сцены. Параллели с изобразительными памятниками раннего средневековья, исследованными более глубоко, позволяют увидеть в лежащем мужчине божественные черты. Образ умершего молодого человека, обладающего божественными чертами и связанного с женским персонажем в брачном наряде, может быть соотнесен с персонажем мифа об умирающем и воскресающем божестве (Живопись..., 1954, с. 33–35, табл. XIX–XXIII). Возможно, именно этот миф инсценировался в погребальном обряде с помощью золотых пластин, впоследствии оказавшихся в составе "Сибирской коллекции Петра I".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.Д., 1959. Происхождение театра. М.; Л.

Ардзинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. М.

Байбурин А.К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. СПб.

Байпаков К.М., 1990. По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата.

Басилов В.Н., 1992. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.

Беленицкий А.М., 1973. Монументальное искусство Пенджикента.

Живопись. Скульптура. М.

Геродот, 1972. История. Л.

Граков Б.Н., 1971. Скифы М.

Грязнов М.П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. № 3.

Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

Дьяконова В.П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.

Живопись древнего Пенджикента, 1954. М.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Кнорозов Ю.В., 1994. Шаманский зикр в подземелье Мазлумхан-сулу // ЭО. № 6.

Луконин В.Г., 1969. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. М.

Маргулан А.Х., 1986. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алма-Ата.

Махабхарата. Книга о карне, 1990. М.

Онайко Н.А., 1984. О сахновской пластине // СА. № 3.

Полосьмак Н.В., 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке //Altaica. № 3.

Похищение быка из Куальнге, 1985. М.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Ростовцев М.И., 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия Имп. археол. комиссии. Вып. 49. СПб.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Руденко С.И., 1962. Скифская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9.

Савостина Е.А., 1983. К символике лука на Боспоре // СА. № 4.

Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.

Фрэзер Дж.Дж., 1980. Золотая ветвь. М.

Шильц В., 1987. По поводу персидского кандиза // Городская культура Бактрии–Тохаристана и Согда. Ташкент.

Шишло В.П., 1975. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Национальной Академии наук,
Министерства науки и высшего образования
Республики Казахстан, Алма-Ата

Y.A. MOTOV

THE ATTRIBUTION OF TWO PLATES FROM "THE SIBERIAN COLLECTION OF PETER I"

Summary

The paper is dedicated to the analysis of two gold plates that date to the Scythian Age and that are kept in the State Hermitage in "the Siberian collection of Peter I". Two plates represent two men and a woman in a mirror reflection; they are under a tree with two horses. This representation that is known as "The Rest under the Tree" has been traditionally looked upon as an illustration of the heroic epos of Siberian peoples, it has been said to represent a hero that is resting or a hero that has died and who will rise from the dead with the help of his bride and his sworn brother.

The attribution of these representations in the light of their semantic meanings in the culture of old Iranians allows us to offer another interpretation. The picture presents a ritual after-death "trip" of a Scythian king together with a young woman that wears the clothes of a bride and is accompanied by a king's double. The horses in the scene represented as amblers are sacred horses that are capable of taking the dead king and his bride to the "upper", heavenly world. The figure of the dead king is placed under the World Tree that symbolizes the border between the worlds in this representation. The image of the dead king that is marrying a young woman seems to be related to a myth of a dying (disappearing) god that was quite common in the Old East.

А.А. МЕДЫНЦЕВА

МАСТЕРСКАЯ ТУДОРА

В свое время Т.В. Николаевой удалось выявить целую художественную школу мелкой пластики, представленную каменными резными иконками высокохудожественной работы. Произведения этой мастерской встречены по всей территории Древней Руси: на Киевщине, Западной Украине, в Рязани и Новгороде. Теперь к списку населенных пунктов, в которых найдена ее продукция, добавляется и Владимир, где обнаружены еще несколько образков, опубликованных в статьях Ю.Э. Жарнова и М.В. Седовой.

Неразработанность проблем определения творческих мастерских древнерусской мелкой каменной пластики, уникальность самих находок, отсутствие в письменных источниках сведений о таких мастерских, до сих пор не найденных при раскопках, заставляют как можно внимательнее отнестись как к новым находкам, так и к опыту определения работ одной мастерской и одного мастера. Владимирские находки дают в этом отношении новый и беспрецедентный материал, так как впервые иконки этой мастерской обнаружены при археологических раскопках в четко зафиксированных слоях и комплексах (известные до сих пор находки происходили либо из музейных коллекций, либо из археологических слоев другого времени). Эта возможность позволяет устранить многие противоречия в датировках и более основательно и четко определить продукцию самой мастерской, выявить работу одного мастера, узнать его имя и национальность, попытаться определить место формирования самой мастерской.

Предварительно необходимо еще раз коротко напомнить историю выявления продукции этой мастерской. Из серии произведенных ею работ первой внимание Т.В. Николаевой привлекла иконка из Солотчинского монастыря, расположенного неподалеку от Рязани. На этой иконке из темно-коричневого шифера невысоким рельефом изображены в рост святые Борис и Глеб с колончатыми именными надписями по сторонам фигур. По особенностям изображений и палеографии надписей, отличающихся яркой индивидуальностью, Т.В. Николаева датировала иконку первой половиной XIII в., отметив как своеобразную черту надписей титла в виде "загнутого с обеих сторон вьюна" (Николаева Т.В., 1968, с. 456 и сл.).

Спустя несколько лет при раскопках в Новгороде была обнаружена еще одна иконка, демонстрирующая близкое сходство с рязанской и по техническим приемам, и по манере изображения, и по почерку надписей. Эта двусторонняя иконка найдена на Торговой Стороне в слоях XIV в. На оборотной стороне – изображение Георгия на коне, выполненное в XIV в., что соответствует археологической дате находки, а на лицевой – стоящие в рост фигуры Симеона Столпника и Ставрокия с именными колончатыми надписями (Николаева Т.В., 1975, с. 456 и сл.).

Эти две иконки (рязанская и новгородская) оказались настолько схожими, что позволили Т.В. Николаевой определить их как произведения одной мастерской. В надписях она обнаружила не только палеографическое сходство, но и единство почерка, выражающиеся в одинаковом начертании букв, их наклоне, расстоянии между ними, размещении надписей и изображений. По палеографическим признакам Т.В. Николаева датировала надписи первой половиной XIII в., а так как эта икона была сделана раньше рязанской, то ее дата была определена в пределах первой трети XIII в.

© А.А. Медынцева, 1999 г.

В этой же статье как произведение той же мастерской упомянут еще один образок с изображением Дмитрия Солунского из Каменец-Подольского музея. Исследовательницей были отмечены одни и те же художественные приемы, поразительное сходство надписей. В качестве индивидуальных особенностей почерка указаны омега с высокой серединой и "изогнутыми крючками" – боковыми линиями, вьюнообразные титла (зеркальные обычному написанию).

К этим трем произведениям мелкой каменной пластики впоследствии было добавлено еще несколько, определенных Т.В. Николаевой как произведения одной мастерской, связанной с южнорусской домонгольской художественной школой. Это образок "Распятие" из городища Княжа Гора под Киевом (№ 20), фрагмент иконки с частью изображения неизвестного святого из Новгорода (№ 31), иконка с изображением Дмитрия Солунского – случайная находка из Новгорода (№ 38). К работам этой же мастерской она отнесла иконки с изображениями Богоматери Умиление из Сахновки (№ 34) и Богоматери Никопея (№ 33), причем последние две предположительно приписаны одному мастеру. По поводу остальных иконок высказано мнение, что "у нас нет основания говорить о том, что все произведения сделаны рукой одного мастера, но их можно рассматривать как продукцию одной художественной мастерской, выученики которой могли работать в разных художественных центрах" (Николаева Т.В., 1983, с. 22). Допуская изготовление некоторых иконок одним мастером, Т.В. Николаева не сочла возможным более конкретно их назвать, вероятно, из-за отсутствия опыта такого определения в истории домонгольского древнерусского прикладного искусства и разбросанности мест находок указанных выше иконок.

Первый опыт определения работ одного мастера, очевидно, был не слишком убедителен, так как А.В. Рындина приблизительно в это же время сочла возможным не только отнести их к сравнительно позднему времени, но и хронологически разъединить рязанскую и новгородскую иконки: рязанскую она считает произведением "раннего XIV в.", а новгородскую – "позднего XIII в.", не отрицая, однако, того явного обстоятельства, что обе исполнены в одном художественном центре и, "возможно, в одной мастерской". Происхождение обеих иконок она склонна связывать не с Киевом (как это делала Т.В. Николаева), а с центральнорусскими землями. Определяющими моментами датировки она считает "трудно уловимые" новшества, отмеченные уже в памятниках XIV в. На основании стилистических аналогий с более поздними произведениями, русскими и византийскими, исследовательница делает вывод, что "особенность декоративной структуры рельефа и экспрессивный накал образов безусловно утверждают роль художественного фундамента зрелого XIII столетия, причем скорее в его славянском, нежели чисто византийском варианте" (Рындина А.В., 1978, с. 35).

Мне уже приходилось писать о значении палеографических и почерковедческих исследований надписей для датировки и определения работ одного мастера, в том числе по поводу произведений данной мастерской. Они дают гораздо более четкие данные как для датировки, так и для определения произведений одной мастерской, а в некоторых случаях – и одного мастера (Медынцева А.А., 1991, с. 119, 120). В частности, основываясь на анализе надписей, доказывалась принадлежность пяти иконок, происходящих из разных городов Древней Руси (трех – из Новгорода, по одной – из Рязани и Южной Руси), руке одного мастера, в то время как остальные при очевидном совпадении художественных приемов резьбы демонстрируют несколько иную графику, что не позволяет считать их работой того же мастера. Палеографический анализ надписей подтверждал правильность дат, предложенных Т.В. Николаевой (Медынцева А.А., 1991, с. 119–124).

Недавние находки из Владимира дают новый материал, происходящий из той же мастерской "мастера рельефной каймы", как называет его Ю.Э. Жарнов. Новая публикация Ю.Э. Жарнова обнаруживает значительные расхождения и в палеографической датировке, и в определении национальности мастера и истоков его творчества с принятыми ранее. Как мне кажется, вновь открытые иконки представляют дополнительный, далеко не использованный до конца материал для выяснения этих важ-

ных вопросов. Имеются в виду не только собственно эпиграфические данные (надписи при изображениях), хотя и они не раскрыты до конца, но прежде всего комплексное исследование всей выявленной к настоящему времени продукции этой мастерской – как стилистических особенностей, художественных и технических приемов изображений, так и надписей, сопровождающих последние.

Нужно еще раз подчеркнуть, что впервые иконка (образок Саввы) найдена при археологических раскопках в четко датируемом комплексе – в жилище, сгоревшем во время разгрома Владимира татаро-монголами 2 февраля 1238 г. Тем самым, безусловно, снимается более поздняя датировка не только новых находок, но и всей продукции выявленной мастерской. Но Ю.Э. Жарнов находит аналогии открытой им иконке (и в почерке, и в стилистике) в более раннем времени – во второй половине XII в., удревняя хронологические границы функционирования самой мастерской, хотя и предлагает датировку образка с изображением Саввы – 20–30-е годы XIII в. Его аргументацию необходимо рассмотреть позднее. Но прежде нужно еще раз остановиться на общераспространенном мнении о традиционности и безликости надписей на произведениях древнерусского искусства. Это наблюдение верно относительно традиционных монограмм, некоторых форм букв, преимущественно декоративных. Но нигде: ни в изобразительных приемах, ни в орнаменте – индивидуальная манера мастера не проявляется так отчетливо, как в почерке, даже в тех случаях, когда мастера стремились выдержать единую систему письма. К тому же стремление к единообразию наблюдается чаще всего при работе нескольких мастеров над одним каким-либо крупным произведением, в то время как в индивидуальных работах, таких, например, как небольшие иконки, кресты, мастера-ремесленники не слишком строго придерживались какого-либо образца и свободно использовали различные начертания, русские формы греческих имен святых, по-своему располагали надписи на свободном пространстве.

В эпиграфике метод сравнения и разграничения почерков до сих пор не нашел достаточно широкого применения прежде всего из-за особенностей, присущих этому материалу: краткости текста, отсутствию толстых и тонких линий, меньшему количеству разделительных знаков. Вместе с тем метод идентификации почерков в рукописях имеет давнее и успешное применение. Первые опыты отождествления почерков были проведены в конце прошлого века Ф.И. Буслаевым, в настоящее время этот метод успешно используется палеографами. Традиционным способом является тщательное сравнение начертаний одних и тех же букв, так называемый литтеральный способ, при котором выясняются особенности начертаний каждой буквы, обобщаются наблюдения над пропорциями, соотношением жирных и тонких линий, расстоянием между буквами. Л.П. Жуковская более 20 лет назад разработала (дополнительно к этим, традиционным для палеографии, методам) так называемый экслиттеральный метод: наблюдение над вариантами написания одних и тех же слов, графическими и орфографическими навыками ("механизмом письма"). При этом она отмечала, что наиболее отчетливо индивидуальные особенности почерка проявляются в мелочах: употреблении и месте расстановки разделительных знаков, их форме, написании и использовании титл и т.д. В этой же статье подведены итоги традиционного палеографического метода, хорошо знакомого каждому палеографу, работающему с древними русскими рукописями (Жуковская Л.П., 1974, с. 27, 28).

Первые успешные идентификации почерков проведены и на сравнительно массовом материале, пограничном между рукописями и эпиграфикой, – берестяных грамотах. Отдельные примеры грамот, написанных одним почерком, определены уже при первых публикациях А.В. Арциховским, и этот опыт успешно продолжен В.Л. Яниным, В.А. Буровым и другими (Янин В.Л., 1977, с. 150–181; Буров В.А., 1975; Медынцева А.А., 1984). Неудивительно, что именно берестяные грамоты предоставили возможность идентификации почерков, чему способствовали как их сравнительная многочисленность, так и другие особенности: хронологическая и точная топографическая (часто в пределах одной усадьбы) определенность, содержание и ряд других обстоятельств. При работе с берестяными грамотами результативно использовался традиционный для

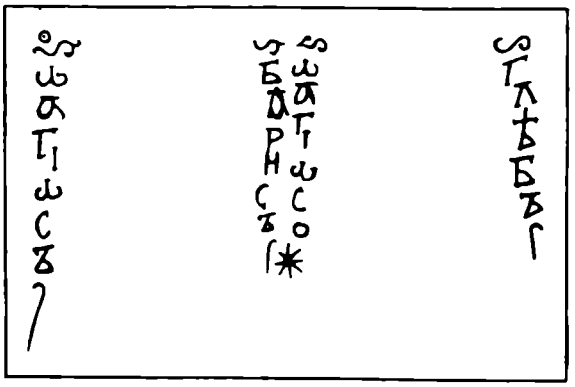


Рис. 1. Прориси надписей на иконке из Солотчинского монастыря

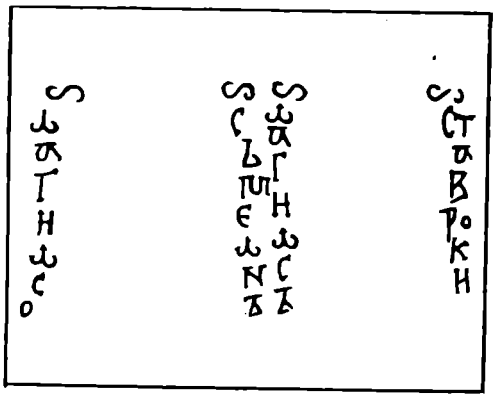


Рис. 2. Прориси надписей на иконке с изображением Симеона и Ставрокия

русской палеографии литтеральный способ и особенно действенным оказался внелитеральный: особенности сокращений одних и тех же слов, начертания титл и разделительных знаков, фразеологическое построение писем и т.д.

Положительные результаты, достигнутые при сравнении почерков берестяных грамот, дают возможность применить эти методы и на эпиграфическом материале: при определении одно- или разновременности изготовления частей сложных произведений прикладного искусства, числа мастеров, при выявлении работ одного мастера (Медынцева А.А., 1991, с. 20, 21, 76–91 и др.). В частности, как говорилось выше, на основании почерковедческого анализа из комплекса работ мастерской, выявленной Т.В. Николаевой, удалось определить как работу одного мастера пять упомянутых выше образков и предположительно еще один (из собрания Чернева "Распятие").

Этому же мастеру принадлежат и вновь издаваемые образки из Владимира. Особенности творческой манеры "мастера рельефной каймы" достаточно подробно рассмотрены Ю.Э. Жарновым. На индивидуальных признаках не только почерка, но и орфографии и языка необходимо остановиться еще раз. Т.В. Николаева не сочла возможным говорить об одном мастере, вероятно, по причине орфографических различий надписей, использования различных форм букв, лигатур на разных иконках. При краткости надписи на отдельно взятых иконках эти различия бросаются в глаза, но при сравнении всего комплекса надписей они исчезают, выявляя, напротив, единую манеру письма. Необходимо еще раз перечислить их, основываясь на **комплексе** данных. Наиболее яркие из них: омега с высокой серединой и "загнутыми крючками" боковыми линиями, ∽-образные титла (зеркальные общепринятым начертаниям), на некоторых иконках они дополняются орнаментальными завитками; "оплывшая" петля буквы "**а**" с горизонтальной отсечкой, причем почти всегда правая часть буквы наклонна и присоединена к овалу несколько ниже отсечки (начертание в три приема); сдвинутая вправо вертикальная черта "**ъ**"; сочетание "**Р**" особой формы со следующей малоформатной буквой; использование маленького круглого "**о**" на конце слова (вместо "**ъ**"), иногда вместе с орнаментальной сигмой в виде вытянутого крючка. Мастер использовал "**ѡ**" и "**о**", "**и**" восьмеричное и "**і**" десятиричное как дублеты, титло – в начале слова не как знак сокращения, а как чисто декоративный элемент, так же как и начертание @, означающее греческое "ὁαγίος", дополняется развернутым написанием этого же слова. Эти черты повторяются на всех иконках, иногда в пределах одной работы (рис. 1–3). Бросается в глаза еще одна яркая особенность графики: неупорядоченное использование "**о**" и "**ъ**" в надписях **на всех** образках. Как известно, она характерна в основном для северных и северо-западных русских графических школ и появляется, как правило, в конце XII–XIII в. Последнее наблюдение касается не отдельных случаев, возможных и в более раннее время, а систематического смешения

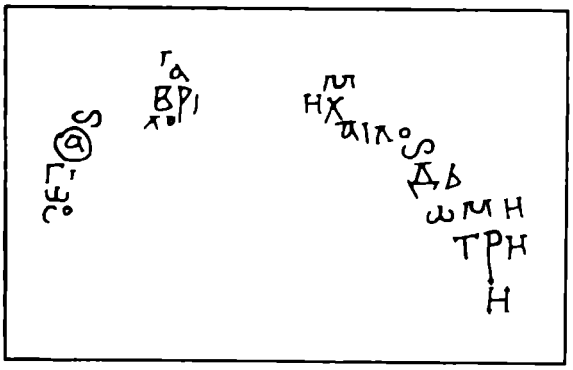


Рис. 3. Прориси надписей на иконке Дмитрия Солунского (Каменец-Подольский музей)

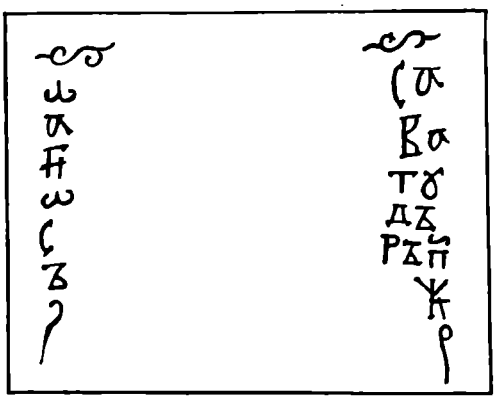


Рис. 4. Прориси надписей на иконке Саввы из Владимира

"ъ/о". Эту закономерность можно проследить по данным А.А. Зализняка, анализирующего "неупорядоченную графику" по берестяным грамотам Новгорода (Зализняк А.А., 1984, табл. 2). К тому же при использовании берестяных грамот нужно учитывать, что датировка археологического материала по ярусам не абсолютна, и отдельные случаи перемещения находок в другие хронологические ярусы вполне вероятны и уже в ряде случаев доказаны.

К перечисленным особенностям почерка можно добавить совпадение овалов и пропорций букв, расстояний между ними, одинаковый наклон и расположение, способы написания. Все это создает яркий, легко узнаваемый характерный почерк, типичный для конца XII – начала XIII в. Ю.Э. Жарнов несколько удревняет его (до середины XII в.), сравнивая почерк мастера с почерком создателя одного из новгородских кратиров – Косты. Действительно, по ряду отдельных форм букв сходство как будто заметно. Но главное отличие – не формы, а общий стиль почерка: "тесное" письмо "мастера рельефной каймы" с более вытянутыми и наклонными буквами и медленное, "широкое" письмо с пропорциями букв, приближающимися к квадрату Косты, что, как известно, является хронологическими приметами (Щепкин В.Н., 1967, с. 116).

Омега с высокой серединой в почерке создателя образков является индивидуальной декоративной чертой: она – особой формы, с загнутыми внутрь боковыми линиями и серединой, иногда сильно выступающей за пределы буквы. Подобная форма известна в надписях византийской мелкой пластики, на территории Древней Руси – в надписи на днище драгоценной чаши византийской работы (Даркевич В.П., 1975, с. 41). В данном случае хронологической приметой она быть не может.

При сравнении надписей на образке Саввы с другими, вышедшими из этой же мастерской, вернее из рук того же мастера, обращает внимание не только наличие этой декоративной формы, но и полное совпадение пропорций и начертаний других букв: дуг, овалов и т.д. (рис. 4). Совпадают очертания "а", написанного в три приема, "ъ", "с" и других. Те же самые "обратные" вьюнообразные декоративные титла, не означающие сокращения в начале слова, вытянутые "крючкообразные" сигмы, не означающие звука, в конце слова после "ъ/о". Особенно следует отметить написание слова "αγίος" с двумя омегами вместо "о микрон".

В надписях на двух других фрагментах иконок из Владимира признаки почерка не выражены так же ярко, как на первой, но при ближайшем рассмотрении можно заметить те же формы "с, в, г, м", характерное "а" с оплывшей петлей. Отличия в почерке есть – это "є" с более длинным язычком, приподнятым вверх, отсутствие сигмы в конце слова. Надписи производят впечатление более торопливого, делового письма, лишенного декоративности, но тем не менее отвечающего почерку того же мастера.

Весь комплекс надписей убедительно свидетельствует о его русском происхождении, точнее о незнании им греческого языка. Это и использование "ѡ" вместо "о", наличие конечного "ъ" вместе с сигмой, неосмысленные повторы греческих сокращений и развернутого написания, русифицированные формы имен: "Михаіло", "Гавриіло" и даже "Іѡвано", "Євъга", последнее – отражение либо старославянского, либо русского произношения (Фасмерм, 1986). Такие русифицированные формы, последовательно использованные на всех образках в именах и титулах святых, нельзя объяснить работой греческого мастера по русскому заказу.

Русские особенности надписей наряду с художественными приемами резьбы, о которых будет сказано ниже, не позволяют согласиться с прочтением последнего слова на иконке Саввы, предложенным Ю.Э. Жарновым, как гипотетического греческого словообразования "ΘΕΟΔΩΡΟΣ + ΠΕΨΕΙΣ", которое он объясняет как синоним титула Саввы "освященный" – "готовый принять божественный дар". Во-первых, в титулатуре этого святого, насчитывающей в XII в. уже много веков со времени канонизации, не отмечено подобное наименование. Как указывал К.И. Невоструев, во всех греческих и славянских месяцесловах, в том числе в Месяцеслове Василия, Синаксаре Никодима, Мстиславовом Евангелии и вплоть до современных святцев, Савва именуется "преподобным": например, "памѧ(т) прп(д)бнаа(г) оц҃а наше(го) Савы" (Мстиславово Евангелие); в Ассемановом кодексе добавляется: "Sancto patris nostro beati monachorum institutores Deiferi Sabae" (Невоструев К.И., 1997, с. 409).

Развернутая титулатура: святой, преподобный, освященный, великий – встречается гораздо позднее, например на фреске Успенского собора Псково-Печерского монастыря (XVI в.) (Концевич М., 1993). И ни один из этих титулов не находит даже отдаленного сходства ни в церковнославянском, ни в греческом ("ΑΓΙΟC, ΟCΙΩΤΑΤΟC, ΗΓΙΑCΜΕΝΟC, ΜΕΓΑC")[1] со словообразованием, предложенным Ю.Э. Жарновым.

Указанные обстоятельства заставляют снова вернуться к прочтению неясного места в надписи. Все буквы сохранились и читаются полностью: "Тꙋ/ДЪ/РЪП/ Ѫо ". Расхождения в прочтении с первооткрывателем следующие: наличие маленького круглого «о» в конце слова, почти слившееся с вертикальным крючком сигмы, и, на мой взгляд, иное прочтение сложной лигатуры. Мне кажется, нет оснований расшифровывать ее как "Ψ + Υ" (греческого начертания). При десятикратном увеличении отчетливо просматривается написание " Ѫ " в пять приемов[2]. Но главное отличие заключается в разделении на слова и их истолковании. Первые шесть букв объясняются легко: "ТꙋДЪРЪ" – славянский вариант греческого имени "ΘΕΟΔΩΡΟΣ", где греческая "θ" – "тета" заменена на "Т", "ЕО" передано через "ꙋ" (Ο + Υ), окончание усечено, а "ω", соответственно графической школе, заменена на "Ъ" (для русского мастера эти буквы были дублетами).

Это греческое каноническое имя в западноевропейском варианте известно как "Теодор", в русском – "Фёдор", в южнославянском – "Тодор". Но в восточнославянском ареале с XII в. оно зафиксировано и в форме "Тудор". По данным письменных источников, так, например, звали тиуна в Вышгороде (1146 г.), известен Тудор Елцичь – воевода Галицкий (1160, 1180 гг.) и др. (Тупиков Н.М., 1903, с. 480). Встречается оно и в новгородских источниках: надписях-граффити XIII в. (Медынцева А.А., 1978, с. 151, № 207) и берестяных грамотах (№ 348 и 632). Там же, в Новгороде, найдена печать, принадлежащая Микифору Тудоровицу (1224 г.). Особенно важно, что на одной из сторон помещено изображение Федора Тирона, что подтверждает идентичность имен "Тудор" и "Федор" (Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993, с. 33, 34).

---

[1] Пользуясь случаем выразить глубокую признательность Э.К. Гусевой и Б.Л. Фонкичу за консультации по данному вопросу.

[2] Искреннюю признательность приношу Ю.Э. Жарнову, любезно предоставившему возможность ознакомиться с иконкой до публикации, но, к сожалению, не принявшему предложенный мной вариант прочтения.

Таким образом, прочтение имени сомнений не вызывает. Ю.Э. Жарнов в своем истолковании этого места исходит из семантики того же ("θΕΟΔΩΡΟΣ» – дар божий), но отсутствие титла над "Тꙋ", написание "Т" вместо "θ" в слове "Бог" немыслимо не только для грека, но и для русского мастера. После прочтения имени легко расшифровывается и неясное слово "п̃/Ѫо ". Монограмму следует читать как "Ψ + Л" как возможный вариант – Ψ + Є + Л», в принятой мастером графической системе: "Ψ + Ь + Л". В развернутом написании "ПѲ̃ЬЛО (П̃ѲЬЛЪ)", что означает "ѲЬСАЛЪ" или "ПОДѲЬСАЛЪ". Во всех вариантах значение одно и то же: "писал" или "подписал", что дает возможность прочесть формулу "имярек писал", известную по эпиграфическим материалам. Часто слово "писал" встречается с использованием буквы "пси", особенно в новгородских надписях-граффити (обычное сокращение "ѲЛ̅Ъ", известно "Ѱ̅Ъ"и одновременно ѲПЪ̃ЛЪ)" (Медынцева А.А., 1978, № 24, 72, 76 и др.). В недавнее время Т.В. Рождественской опубликованы автографы-граффити XII – середины XIII в. из Новгорода, где это слово передано необычной лигатурой "Ѫ (Ψ + А)" и "Ѫ (Ѱ + Ь)" (Рождественская Т.В., 1992, с. 49, 62, 63).

В надписи на иконке Саввы используется соединение "Ψ + Л", что вероятно, вызвано нехваткой места для более развернутого написания. Таким образом, неясное место следует читать: "Тудор написал" или "Тудор подписал".

Среди значений глаголов "ПЬСАТИ", "ПОДЪПИСАТИ" (писать, расписывать красками) древнерусскими письменными памятниками засвидетельствовано и значение, близкое к современному: "подписать", "скрепить своей подписью" (Срезневский И.И., 1895, стлб. 966, 1065, 1776). Подписи-автографы широко известны и по припискам к рукописям, и по надписям – граффити. Среди последних – молитвенные автографы художников, расписывавших фресками Новгородский Софийский собор в середине XI и в начале XII в. Они представляют собой более или менее развернутые молитвенные формулы: "господи помози" с добавлением "писал имярек" либо просто имя и слово "писал".

Как известно, подписи мастеров на произведениях древнерусского искусства домонгольского времени – довольно редкое явление. Образцами таких подписей являются широко известные автографы на новгородских кратирах начала XII в., где они начерчены в развернутой форме, не оставляющей сомнений в назначении: "Господи помози рабу своему Флорови. Братило делал" и "Господи помози рабу своему Константину. Коста делал". Еще более подробная формула с указанием года (6669/1161) помещена на знаменитом кресте Евфросинии Полоцкой: "Господи помози рабу своему Лазореви, нареченному Богши, сделавшему крест сий церкви святого Спаса и Офросинии" (Рыбаков Б.А., 1964). На произведениях мелкой пластики известны подписи мастера XII в. Туны ("Туна ковал"), просто молитвенная формула (крестик Власия из Ярополча Залесского XII–XIII вв.). Иногда подпись сокращается до одного имени, в таком случае ее трудно отличить от подписи владельца (например, автограф "Наум" на драгоценной чаше из Чернигова XII в. (Медынцева А.А., 1991). По сведениям Н.Г. Порфиридова, на иконке XV в., хранящейся в ГИМе (№ 1820–III, ок. 9135), имеется надпись "Резал Истома на Вологде" (Порфиридов Н.Г., 1975).

В надписи на иконке Саввы мастер Тудор использовал глагол "подписал". По смыслу автограф можно истолковать либо как подпись мастера-каллиграфа, подписывающего готовые иконки, либо как мастера-изготовителя всей иконки. Последний вариант предпочтительнее, так как небольшие размеры произведений не позволяют предположить такую узкую специализацию. К тому же большое количество иконок (приближающееся к 10), дошедших до нас, вырезанных и подписанных одной рукой, не дает возможности разделить автора изображений и подписей. Нельзя согласиться с предположением Ю.Э. Жарнова, что, работая на заказ, византийский мастер либо доверил изготовлять подписи на своей продукции русскому подмастерью, либо копировал

русские надписи, так как в данном случае они не вкладные, не заклинательные, а лишь именные, поясняющие изображения. Представляется, что не было никакой необходимости исполнять их русскому мастеру, который мог только исказить их греческое написание.

Анонимность средневекового искусства, в том числе и древнерусского, общеизвестна. Считается, что известные надписи мастеров демонстрируют не осознание себя как мастера-творца, а лишь фиксируют труд, исполненный во имя Бога. Но проблема соотношения личности и общности в средневековье достаточно противоречива. Средние века оставили немало имен, в том числе среди творцов-ремесленников, подготовивших яркий расцвет творческой личности в эпоху Возрождения. Исследователи отмечают, что именно город и занятие ремеслом, от уровня развития которого зависело благосостояние ремесленника, являлись питательной средой для раскрытия творческих возможностей личности (Стамм С.М., 1993, с. 34–48). Вероятно, и Древняя Русь не осталась в стороне от этих процессов, и исподволь среди безликой массы ремесленников появлялись мастера, начинающие осознавать себя как творческую личность. Неслучайно большинство подписей мастеров, известных по их автографам, оставлено ими на настоящих шедеврах (таких, как новгородские кратиры или крест Евфросинии Полоцкой). И подпись мастера-камнереза Тудора появилась на одном из самых удачных его произведений.

Ю.Э. Жарнов настаивает на византийском происхождении мастера – автора иконки Саввы, что вызывает решительные возражения. Несомненно, что на творчество "мастера рельефной каймы" оказала влияние византийская каменная пластика. В образке Саввы это проявляется, на что указывает и Ю.Э. Жарнов, и в использовании специального материала (стеатит), и в золочении фона. Но эти приёмы были известны и русским мастерам (Пуцко В.Г., 1986, с. 176, 177), а само имя и русские надписи убедительно свидетельствуют в пользу русского происхождения мастера. Но надписи – не единственное доказательство. Даже в наиболее византиизированном образке с изображением Саввы явно проступают черты, свойственные древнерусской пластике. Сам Ю.Э. Жарнов, проанализировав творческую манеру "мастера рельефной каймы", справедливо отмечает как главную особенность "сочетание пластического и графического, орнаментального направлений". Такие его особенности, как изысканность и тонкость резьбы, живописное моделирование объемов, демонстрируют влияние искусства Константинополя. Но достаточно отчетливо, особенно при рассмотрении комплекса произведений мастера, выявляется их принадлежность к древнерусскому направлению пластического искусства. Прежде всего это безудержное использование орнамента. Это заметно даже на образке Саввы, монашеская мантия которого вопреки канонам испещрена орнаментами и украшена узорной каймой. Орнамент покрывает даже нимб святого и свиток в его руке. В этом поясном изображении проступают и черты иного (романского?) стиля, проявляющиеся в большеголовой фигуре и крупном округлом лике с подчеркнуто выступающими скулами. Отличия от византийских стеатитов еще более заметны при сравнении с другими образками. Здесь мы также наблюдаем более низкий рельеф, пышное "узорочье" одежд, нарушение пропорций, неправильную постановку фигур в пространстве, иногда неестественную передачу жестов, не соответствующих анатомии, и складок одежды. Особенно это заметно на полнофигурных композициях – таких, как Дмитрий Солунский из Каменец-Подольского музея. Крупноголовая, коротконогая фигура святого, прямо смотрящего на зрителя, изображена с несоразмерно длинными руками, неумело передано положение руки, держащей копье, – всё это далеко от византийских образцов.

Перечисленные особенности при явно высоком профессионализме и тонкости резьбы, умении создавать образы большой духовной сосредоточенности и силы в сочетании с чисто русскими надписями и именем красноречиво говорят о русском мастере.

Тудор прошел длинный творческий путь, о чем говорит не только большое количество дошедших до нас произведений, но и характер созданных им обликов святых, использование различных художественных приемов, развитие и усиление орнаменталь-

ного начала. Выстроить их в последовательную линию развития довольно трудно, так как, несомненно, на его творческую манеру оказывали большое влияние и иконографические образцы.

Жизнь и творчество мастера пришлись на последние десятилетия перед монголо-татарским нашествием, что блестяще подтвердили археологические находки во Владимире. Археологам известно, что наиболее многочисленные однотипные вещи встречаются в слоях, связанных с разорением городов монголо-татарами. Конечно, это не относится к Новгороду, где найдены три иконки его работы.

Относительно места расположения самой мастерской существуют различные мнения. Т.В. Николаева связывала ее с южнорусской художественной школой. К этому же мнению склоняется и В.Г. Пуцко. Напротив, А.В. Рындина отнесла известные к тому времени иконки к среднерусскому региону Древней Руси. По-видимому, сейчас ближе к истине мнение А.В. Рындиной. Хотя она и датировала иконки более поздним временем, но привела убедительные примеры разительного их сходства с рядом персонажей рельефных изображений Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234 гг.), таких, например, как Спас Нерукотворный (Рындина А.В., 1978, с. 41). К этому можно добавить сходство других работ мастера (Дмитрия Солунского из Каменец-Подольска) с рельефами того же собора (одной из фигур композиции "Распятие") (Вагнер Г.К., 1964, табл. III), сочетание одних и тех же характерных орнаментальных приёмов, отмеченное Ю.Э. Жарновым. Эти явные стилистические и технические аналогии могут отражать не только хронологическую близость, но и возможную связь мастерской Тудора и резчиков рельефов этого храма.

К сожалению, у нас пока нет достоверных письменных сведений относительно организации ремесла камнерезчиков домонгольского времени, а археологические раскопки пока также не дали материалов по этому вопросу. Предполагается, что каменные иконки заказывались как индивидуальные изделия состоятельными людьми в специализированных мастерских. При этом из-за немногочисленности заказов они должны были составлять лишь часть их продукции. В тех же мастерских изготовлялись каменные литейные формочки для отливки ювелирных украшений и металлических крестов и иконок (Порфиридов Н.Г., 1975). Мнение о многопрофильной ориентации камнерезных мастерских поддерживает и В.Г. Пуцко, отмечая отклик произведений «мастера группы "Распятие"», т.е. Тудора, в тиражируемых изделиях коропластики и некоторых бронзовых крестах-энколпионах (Пуцко В.Г., 1986, с. 176, 177; 1997, с. 318, 319).

Подтверждение многопрофильной ориентации мастерской Тудора находится в обратном расположении именных подписей возле фигуры Иоанна Богослова (образок "Распятие"): слева от зрителя – имя, справа – титул, что можно объяснить ошибкой мастера, привыкшего вырезать литейные формочки, требующие зеркальности изображений.

Но вопрос о местоположении самой мастерской решить гораздо сложнее, особенно если принять во внимание признаваемый всеми исследователями факт свободного перемещения мастеров из одного города в другой в поисках заказов. Широкая география (от Каменец-Подольска до Новгорода) находок произведений Тудора как будто это подтверждает, хотя иконки могли перемещаться и в результате торговых операций или, что наиболее вероятно, вместе с владельцами. Все же особенности графики надписей (неупорядоченное применение "ъ/оѡ"), в настоящее время в большей степени зафиксированное письменными памятниками северных и северо-западных (Новгород, Смоленск) и центральнорусских (Владимир, Суздаль) земель, чем в Киевском регионе. Большее количество находок именно в этих пунктах, сходство с рядом рельефов Георгиевского собора позволяют предположить, что где-то здесь располагалась и сама мастерская.

Нет необходимости искать непосредственные творческие контакты с византийскими мастерами, работавшими в Киеве ("мастерская 1200 г.", по терминологии В.Г. Пуцко), так как известно, что византийские мастера приглашались и Всеволодом III во

Владимир, и его сыном Константином в Ростов. До нас дошло одно из произведений каменной пластики, а именно "Суздальский змеевик", выполненный одним из этих мастеров около 1189 г. (Медынцева А.А., 1991, с. 139–148). Если учесть, что на двух иконках (заказных) изображен Дмитрий Солунский – христианский патрон самого Всеволода III, можно предположить, что Тудор какое-то время работал при дворе этого князя. Но пока эти факты не выходят из области догадок, в то время как версия о связи самой мастерской с центральнорусскими областями с новыми находками приобретает большую убедительность.

В прояснении местонахождения мастерской и творческого пути художника можно рассчитывать лишь на новые находки. Но уже сейчас имя Тудора, талантливого, яркого и своеобразного "каменных дел мастера", творившего в первые десятилетия XIII в., должно заменить анонимного «мастера "Распятия"», "мастера рельефной каймы".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров В.А., 1975. "Муж добр Есиф Давыдович" // СА. № 4.

Вагнер Г.К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (г. Юрьев-Польской). М.

Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. М.

Жуковская Л.П., 1974. Экслиттеральные способы определения различных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Вып. 2. М.

Зализняк А.А., 1984. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М.

Концевич М., 1993. Стяжения духа Святого в путях Древней Руси. М.

Медынцева А.А., 1978. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М.

Медынцева А.А., 1984. Письма Григория – тиуна боярского // История и культура средневекового города. М.

Медынцева А.А., 1991. Подписные шедевры русского ремесла. М.

Невоструев К.И., 1997. Мстиславово Евангелие XII в. Исследования. М.

Николаева Т.В., 1968. Рязанская иконка с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М.

Николаева Т.В., 1975. Каменная иконка, найденная в Новгороде // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика // САИ Е1–60.

Порфиридов Н.Г., 1975. О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой пластики // СА. № 3.

Пуцко В.Г., 1986. Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Зборник посветен на Бошко Бабић. Прилеп.

Пуцко В.Г., 1997. Художественное ремесло Киева начала XIII в. (по данным археологических находок) // Тр. VI междунар. конгр. славянской археологии. Т. I. М.

Рождественская Т.В., 1992. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. // Новые источники XI–XV вв. СПб.

Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // ЕАИ. Е1-44.

Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. М.

Срезневский И.И., 1895. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб.

Стамм С.М., 1993. Диалектика общности и личности в средние века // ВИ. № 3.

Тупиков Н.М., 1903. Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. Т. VI.

Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.

Щепкин В.Н., 1967. Русская палеография. М.

Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения. Берестяные грамоты и городское боярское землевладение. М.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (1984–1989). М.

Институт археологии РАН,
Москва

A.A MEDYNTSEVA

TUDOR WORKSHOP

Summary

The paper deals with the research of a complex of stone icons that come from the same workshop and all of which were found in various geographical sites on the territory of Old Russia. The products of this workshop were first identified by T.V. Nikolaeva and dated to the first decades of the 13th century. But there still remain considerable differences both in terms of the dating and in terms of the determination of the place where this workshop operated and in terms of the craftsman's nationality. The latest finds of icons in Vladimir provide new material for the solution of these issues. A complex analysis of the products and the handwriting of inscriptions made on them allow us to attribute them to one craftsman. The paleographical date of the inscriptions which is the turn of the 12th and the 13th centuries is confirmed stratigraphically, i.e. by the find of one icon in a house burned down during the destruction of the city by Tartar-Mongols in 1238. The paper offers a different interpretation of the inscription on the icon representing Savva as the inscription made by the craftsman "Tudor signed" which determines the author of a whole series of products. Inscriptions typical for Old Russian (in contrast to Byzantine) craftsmen, the name of the author, artistic aspects and techniques for carving are indicative of the Russian origin. Therefore, a short list of Oda Russian craftsmen is expanded to include a new name, and a whole line of stone icons gets the name of the craftsman that made them.

М.В. СЕДОВА, Т.Ф. МУХИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЛКОЙ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ ВО ВЛАДИМИРЕ

Довольно долгое время малая археологическая изученность города Владимира не позволяла с достоверностью судить о его материальной культуре, в частности о наличии предметов прикладного искусства в быту горожан. Получался определенный разрыв между находящимися в городе шедеврами древнерусской архитектуры и живописи и той материальной средой, в которой они создавались. Археологические исследования последних лет позволяют восполнить этот пробел и по-новому оценить степень проникновения предметов прикладного искусства в городской быт. В этом отношении большой интерес представляют изделия мелкой пластики из камня. До недавнего времени они вовсе не были известны в археологических материалах Владимира, и можно было лишь гипотетически говорить об отнесении к среднерусской или Владимиро-Суздальской школе резьбы по камню того или иного изделия (Рындина А.В., 1978, рис. 30, 31; Николаева Т.В., 1983, табл. 30, *3*).

В 1992 г. в раскопе у Торговых рядов в "Новом городе" была открыта камнерезная мастерская рубежа XIV–XV вв. и в ней – каменная иконка с изображением "Богоматери Одигитрии" (Седова М.В., Мухина Т.Ф., 1995, с. 206–209). Стало ясно, что местные ремесленники изготовляли каменные иконки и что традиции резьбы по камню имеют во Владимиро-Суздальской Руси глубокие корни.

Это предположение подтвердилось новыми находками изделий каменной пластики как на том же Торговом раскопе, так и на усадьбе в "Ветчаном городе", раскопанном Ю.Э. Жарновым (см. его публикацию в настоящем номере журнала).

На раскопе у Торговых рядов (ул. III Интернационала, 19) в 1992–1994 гг. вскрыта площадь свыше 2,5 тыс. м^2, причем выделено три основных строительных периода XII–XVIII вв. Древнейший первый строительный период датируется серединой XII – первой третью XIII в. (до 1238 г.). На площади раскопа в этом слое прослежены границы трех усадеб, постройки на которых погибли от пожара при взятии города татаро-монголами.

На усадьбе "Б" в постройке № 3 в подполье жилища была обнаружена фрагментированная каменная иконка, изготовленная из светло-серого стеатита (рис. 1). Она имеет трапециевидную форму, а сохранившиеся размеры ее 3,8 × 4,3 см. Обратная сторона гладкая. На лицевой стороне помещена поясная фигура святого, облаченного в святительские одеяния. Голова святого и нимб утрачены; правая рука изображена в благословляющем жесте; левая рука прикрыта одеждой и поддерживает книгу – Евангелие. Вся фигура святого очерчена гладкой рамкой и выполнена в очень изящной манере большим профессионалом. Очень красиво разделаны круглящиеся складки одежды (особенно на правой руке). Омофор украшен крестами двух типов: четырехконечными со слегка расширяющимися концами, а на груди – шестиконечным с удлиненной средней ветвью. Четырехконечный крест украшает и Евангелие. Несколько неправильно показаны пальцы благославляющей правой руки святого.

На иконке изображен епископ – скорее всего св. Николай Мирликийский. Изображение святого очень близко фигуре святителя, помещенной на иконке, найденной в Новгороде и датирующейся второй половиной XII в. (1161–1177 гг.): та же изысканность рисунка, те же пропорции фигур, та же трактовка одежд в виде спокойно

© М.В. Седова, Т.Ф. Мухина, 1999 г.

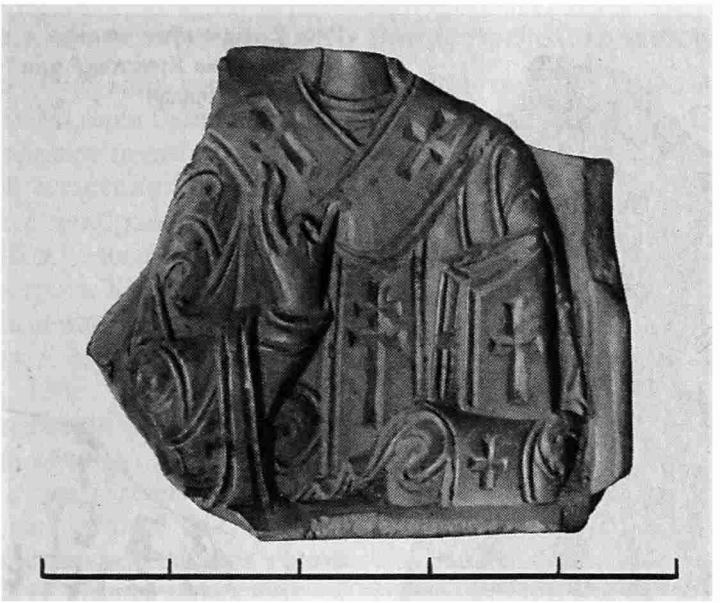


Рис. 1. Каменная икона с изображением святителя

струящихся трубчатых складок (Седова М.В., 1994, с. 90–94). Новгородская иконка, скорее всего, была вывезена из Византии паломниками.

Близкую аналогию фигуре святителя на владимирской иконке представляет и изображение его на стеатитовой византийской иконке XII в. из собрания Лувра в Париже, где, правда, св. Николай изображен в рост (Банк А.В., 1978, рис. 78).

Все перечисленные предметы объединяет манера трактовки одежд в виде спокойно струящихся складок, сложившаяся в прикладном искусстве Византии в эпоху Комнинов. Во владимирском искусстве эта манера отразилась в некоторых рельефах Дмитровского собора (Вагнер Г.К., 1969, ил. 154).

Судя по материалу публикуемой иконки, по следам позолоты на ней, а также по манере исполнения фигуры святого, мастер, изготовивший ее, принадлежал к византинирующей школе, следовавшей традициям комниновской эпохи. Возможно, он являлся выходцем из Византии.

Следует отметить, что в том же помещении, где была обнаружена иконка, был найден очень редкий предмет – железное втульчатое навершие шлема, предназначавшееся для укрепления султана. Такие навершия украшали сфероконические шлемы X–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1971, с. 24–26, рис. 8). Совместное нахождение таких неординарных предметов, как иконка и навершие шлема, свидетельствует о достатке хозяина дома и о принадлежности его к воинскому сословию.

На той же усадьбе "Б" в подполье постройки № 6 (размеры 4,4 × 3,6 м при глубине 2,1 м) была найдена еще одна каменная иконка, представленная двумя фрагментами. Это левая часть композиции "Воскресение" или "Сошествие во ад" (рис. 2).

Вместе с иконкой в подполье жилища были обнаружены такие неординарные предметы, как целая амфора трапезундского производства, шпора с серебряной инкрустацией, вток от копья, удила, перстень стеклянный византийского производства, два каменных крестика-"корсунчика", фрагменты стеклянных сосудов, фрагменты медного колокола и др., то есть весь инвентарь свидетельствует о зажиточности владельца дома и о его принадлежности к воинской профессии, так как инкрустированная серебром шпора могла принадлежать только воину-профессионалу (Кирпичников А.Н., 1973, с. 57–58).

Постройка № 6, где была обнаружена иконка, погибла во время пожара, возникшего при штурме Владимира татаро-монголами в 1238 г., следовательно, изготовлена иконка была на рубеже XII–XIII вв. или в начале XIII в.

Рис. 2. Каменная иконка с изображением сцены "Воскресение Христово" или "Сошествие во ад" (*а* – фото; *б* – прорись)

Выполнена иконка из светло-серого стеатита, однако поверхность ее имеет неровную окраску из-за закопченности. В дошедшем до нас виде размеры ее 7,2 × 3,7 см при толщине 0,4 см. Сохранилась часть гладкой рамки шириной 0,3 см, окаймлявшей композицию лицевой стороны (обратная сторона гладкая). На иконке изображен Иисус Христос, поднимающий правой рукой Адама. Фигура Христа сохранилась частично – только фрагмент крестчатого нимба и правая сторона туловища в пышных одеждах. Внизу иконки виден небольшой фрагмент дверей ада. И край нимба, и кайма одеяния Христа оконтурены двойными линиями, между которыми помещен ряд квадратиков или жемчужная обнизь. Расположенная справа коленопреклоненная фигура Адама повернута в профиль, а лицо – в три четверти. Лицо у Адама удлиненное, волосы разобраны на прямой пробор и локонами спускаются на плечи. Очень выразительно выполнены скорбные глаза, обведенные двойной линией, удлиненный нос, небольшая узкая бородка "клинышком". Поразительно очерчена правая рука Адама – она очень длинная, тонкая с мертвенно безвольной кистью, которую крепко держит Христос, как бы вливая в нее силу. Одежда Адама также оторочена каймой из квадратиков, а на плече она плавно ложится круглящимися складками. Выше Адама находится фигура Евы, расположенная в профиль, с воздетыми руками, прикрытыми одеждой. Одежда Евы, как и Христа и Адама, украшена каймой из квадратиков. Голова Евы на длинной шее сильно запрокинута и изображена в повороте 3/4. Все фигуры выполнены невысоким округленным рельефом. Между нимбом Христа и фигурой Евы размещается в пять строк надпись **Въс(к)р/есе Нѥ/евъга/ада/м/ъ**. В палеографическом отношении следует обратить внимание на написание буквы "ꙗ҃" повторенной трижды. Петля буквы имеет каплевидную форму, перекрытую сверху черточкой. Такая форма присуща надписям, датирующимся концом XII – началом XIII в. Очень характерна для этого же времени буква "М" с широко раздвинутыми мачтами и провисающей петлевидной средней частью, а также буква "ъ" с петлей треугольной формы и верхней выступающей чертой. На некоторых памятниках, в том числе на белокаменной плите,

вмонтированной в кладку Суздальского Рождественского собора (1222–1225 гг.), имеется лигатура "ѦН", аналогичная начертанию этих букв на иконке (Рыбаков Б.А., 1964, табл. V–VII). Иконка была вырезана прекрасным мастером. Ее художественные особенности позволяют поставить это произведение в один ряд с такими памятниками мелкой каменной пластики, как иконки с изображением Бориса и Глеба из Рязани (XIII в.), иконка с изображением Симеона Столпника и Ставрокия из Новгорода (первая треть XIII в.), святого из Новгорода (конец XII – начало XIII в.), Богоматери Никопеи (первая треть XIII в.), Богоматери Умиление (XII – начало XIII в.), Дмитрия Солунского из Каменца-Подольского (первая треть XIII в.) и ряда других. Т.В. Николаева отнесла их к единой художественной школе южнорусской группы изделий (Николаева Т.В., 1983, табл. 5, 6, № 30–39). Все эти произведения объединяют одинаковые изобразительные приемы: трактовка одежды, обрамленной каймой из квадратиков: разделка волос двойной линией пробора; оконтуривание глаз двойной линией; поворот головы в три четверти; рисунок тонко очерченного носа со слегка раздутыми ноздрями и другие детали. Так, например, голова Адама на нашей иконке очень близка по художественной манере голове Ставрокия с новгородской иконки: так же изображены волосы, разделенные двойной линией пробора и локонами, спускающимися на плечи, то же удлиненное одухотворенное лицо. К сожалению, лицо Евы несколько повреждено и поэтому о художественных достоинствах изображения судить трудно. Во всяком случае, можно с уверенностью говорить о высоком профессионализме мастера, вырезавшего иконку, а также о принадлежности его к византинирующей художественной школе. А.А. Медынцева, рассматривая начертания букв на каменных иконках "южнорусской" группы памятников – таких, как иконка из Солотчинского монастыря Рязани с изображениями Бориса и Глеба, иконка с Симеоном и Ставрокием из Новгорода и иконка с Дмитрием Солунским из Каменца Подольского, пришла к выводу о том, что надписи на них сделаны рукой одного мастера (Медынцева А.А., 1991). В эту группу следует включить и нашу Владимирскую иконку "Воскресение". Большинство букв на ней имеет те же начертания Л,М,Ъ,Г и даже особую манеру гравировки.

Очень близка по манере изображений и начертанию букв наша иконка и иконке, найденной во Владимире на усадьбе в "Ветчаном городе" (см. публикацию Ю.Э. Жарнова в настоящем номере). Возможно, они сделаны одним мастером.

Остается открытым вопрос о месте проживания мастера. Возможно, он был выходцем из Византии, осевшим на Руси, поскольку надписи сделаны древнерусскими буквами. А.В. Рындина отметила близость иконографии "южнорусской" группы иконок к пластике рельефов Владимиро-Суздальской Руси (Рындина А.В., 1978, с. 41). Не исключено, что мастер, резавший эти иконки, работал во Владимире. Известно, что князь Всеволод III Большое Гнездо некоторое время находился в изгнании в Византии. Оттуда он впоследствии вывез святыни для строящегося Дмитриевского собора и греческих мастеров. Одним из этих мастеров мог быть резчик, оставивший столь обширный и значительный след в прикладном искусстве Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.

Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.

Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие (3) // САИ. Вып. Е1-36.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв.

Медынцева А.А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1-60.

Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-44.

Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. М.

Седова М.В., 1994. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Седова М.В., Мухина Т.Ф., 1995. Каменная иконка из Владимира // РА. № 1.

Институт археологии ИА РАН, Москва
Управление по реконструкции исторического ядра г. Владимира

M.V. SEDOVA, T.F. MUKHINA

NEW FINDS OF SMALL STONE PLASTICS IN VLADIMIR

Summary

Two stone icons "Saint Nikola" and "the Resurrection of Jesus Christ" have been discovered in Vladimir at the Torgovy excavation area in two different dwellings that were destroyed simultaneously by fire when the city was captured by Tartar-Mongol troops in the February of 1238. Both items are noted for elegance and professionalism as well as for the Byzantine manner of implementation. The icon that represents "the Resurrection of Jesus Christ" can be attributed to a single (the so called "Southern Russian") school. Such masterpieces of stone plastics as "Dmitry of Solun" from Kamenets-Podolsk, "Boris and Gleb" from Solotchi, "Simeon and Stavroky" from Novgorod and a number of other statues dating to the turn of the 12th–13th centuries belong to this school. A similar manner of representation and the inscription of letters on our icon and two icons found in the "Vetchan City" of Vladimir in the excavations of Y.E. Zharnov ("Peter" and "Savva") allow us to attribute all these items to one craftsman. He must have lived at the end of the 12th century in Vladimir and was involved in the creation of the stone decoration of the Saint Dmitry Cathedral.

Ю.Э. ЖАРНОВ

ДВЕ КАМЕННЫЕ ИКОНКИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВЛАДИМИРА-НА-КЛЯЗЬМЕ

Произведения мелкой каменной пластики XII–XIII вв. трудно отнести к числу предметов, часто встречаемых в культурном слое городов Древней Руси. Но если доля археологических находок в общем своде иконок XI–XV вв. "весьма незначительна по сравнению с монастырскими и церковными собраниями" (Николаева Т.В., 1983, с. 6), то для вещей не позднее XIII в. это соотношение уже в пользу археологии (более 70 из почти 130 предметов, учтенных Т.В. Николаевой). Значение постоянно пополняющегося археологического материала для выявления центров изготовления иконок, очерчивания круга вещей, вышедших из одной мастерской или даже из-под руки одного мастера, показано на примере публикации рельефного изображения Симеона и Ставрокия (Николаева Т.В., 1975; Рындина А.В., 1978, с. 40–43).

В настоящее время наиболее крупными археологическими источниками домонгольских каменных образков являются напластования Киева и Новгорода (Седова М.В., 1965; Николаева Т.В., 1983, с. 49–51, 62, 65–73; Боровский Я.Е., Архипова Е.И., 1991; Пекарская Л.В., Пуцко В.Г., 1991). В значительной мере количество обнаруженных здесь иконок определяется помимо исторической роли поселений степенью изученности последних. Это обстоятельство, впрочем, не объясняет весомости соперничающей лишь с новгородской или киевской коллекции образков с городища Княжа Гора, сопоставимого по площади с отдельными раскопами Новгорода.

Владимир-на-Клязьме – столица едва ли не самого могущественного княжества второй половины XII – первой трети XIII в. и один из наименее исследованных археологами стольных градов не только всей Руси, но и ее северо-восточных земель. Неудивительно, что до недавнего времени не было известно ни одной найденной здесь домонгольской каменной иконки[1]. Ситуация изменилась в 1993–1994 гг. благодаря работе двух экспедиций: объединенной Института археологии РАН и Управления по реконструкции исторического ядра г. Владимира и Государственного центра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области (Седова М.В., 1994; Жарнов Ю.Э., 1994).

В настоящее время исследования ведутся в восточной части древнего Владимира ("Ветчаный город"), где удалось обнаружить комплекс жилых и хозяйственных построек, сгоревших в 1238 г. Раскопки усадьбы еще не завершены (в 1997 г. площадь вскрытого участка достигла 807 м^2), однако имеющиеся материалы позволили сопоставить ее с известной новгородской усадьбой художника и священнослужителя XII в. (Колчин Б.А., и др., 1981; Жарнов Ю.Э., 1997). Среди ряда вещей культового назначения из заполнения подполья центрального жилища усадьбы выделяются своими художественными достоинствами две каменные иконки. Оба образка побывали в огне пожара и оказались на дне подвала вместе с рухнувшими обожженными конструкциями дома.

---

[1] Следует, правда, отметить, что в Суздале, передавшем столичные функции Владимиру в середине XII в., каменные иконки также не найдены, хотя площадь раскопанной городской территории составляет более 5000 м^2.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, код проекта 97-01-00204.
© Ю.Э. Жарнов, 1999 г.

На односторонней иконе из темно-серого, почти черного сланца изображен Савва Освященный (439–532 гг.), основатель известнейшего палестинского мамонастыря (Лавры Саввы Освященного), составитель первого типикона, один из самых почитаемых подвижников общежительного монашества (рис. 1). Икона прямоугольной формы, размеры (см): лицевой стороны – 4,7 – 4,8 × 5,6; оборотной – 4,5 – 4,6 × 5,5; толщина – 0,6–0,7.

Преподобный представлен по пояс, строго в фас, с благословляющей правой рукой и со свернутым свитком в левой. Икона выполнена в невысоком рельефе, глубина изображения визуально увеличивается за счет выдвижения фигуры святого на скошенную к фону плоскость узкой рамки. Местами – на одеждах, нимбе, свитке, в бороздках букв – сохранилась позолота. Рельефный нимб с двойным контуром орнаментирован вьюном, намеченным неглубокой резьбой.

Детально проработанные черты лица – изрезанный морщинами высокий лоб с каймой редких волос, нахмуренные брови, мешки под большими миндалевидными глазами, прямой тонкий нос, плотно сжатые губы, небольшая борода, оставляющая открытым подбородок – искусно передают облик сурового пустынника и духовного наставника. С особой формой бороды – характерной иконографической чертой святого – связан один из эпизодов его "Жития". Однажды Савва, постившийся в пустыне, упал в яму, из которой "выходил дым и огонь", и опалил лицо. "И лежал он многие дни без голоса, доколе Божественная Сила не сошла на него свыше и не исцелила его... Борода же его не выросла уже потом такою, как была прежде, стала небольшой и редкой, а он благодарил Бога за уменьшение бороды, чтобы не тщеславиться ему красотой ее" (Жития святых... 1993, с. 134).

Тщательно исполнены монашеские одежды. Под мантией, скрепленной на груди фибулой, резчик показал горловину и узкий обшлаг рубашки, аналав с крестовидным орнаментом; через фибулу пропущена также деталь одеяния, напоминающая платок. Края одежд отделаны каймой из выпуклых прямоугольников, имитирующей нашивные украшения; мантия дополнительно орнаментирована аналогичной лентой, образующей на ней подобие оплечья. Рельефными прямоугольниками декорирован и свиток. Складки мантии обозначены двойными углубленными линиями – параллельными, пересекающимися, изогнутыми; вся поверхность между ними заполнена тонкой штриховкой. С особым мастерством переданы ниспадающие динамичным зигзагом края мантии и "платка".

Высокий профессионализм резчика виден и в изящном жесте благословляющей правой руки с удлиненными тонкими пальцами, собранными в монограмму Христа.

По свободному полю иконы углубленной резьбой выполнены колончатые надписи (рис. 1; 2). Прочтение правого от преподобного столбца букв, заключенных между S-образным титлом и стигмой, не вызывает затруднений: это традиционная передача греческого титула О АГІОС – "святой".

Левый столбец составляют, по-видимому, два слова. И если первое, под декоративным титлом, – имя преподобного (**СΛВΛ**), то второе из-за неясного начертания двух последних знаков и сокращения слова читается не вполне уверенно. Вероятно, лигатуру с пси образует ижица: ее ветви, сливающиеся в поперечину благодаря сколу поверхности камня (подобный скол – между **Ъ** и **П**), достаточно хорошо различаются при уменьшении угла зрения (рис. 3). Последняя буква, зажатая рамкой и плечом преподобного и пересекающаяся с оставленными резцом бороздками, видимо, стигма, заменяющая кириллическое С. Таким образом, второе слово следует читать как "**ТѲДОРОПЄПСИС**", и оно, вероятно, является славянской транскрипцией возможной греческой конструкции "ΘΕΟΔΩΡΟΣ ("дар божий") + ΠΕΨΕΙΣ ("созревший, подготовленный") "–" подготовленный к божьему дару". Подобное прозвище, синонимичное традиционному ("Освященный"), точнее отражает эпизод из "Жития" преподобного: патриарху Иерусалимскому Саллюстию пришлось посвятить Савву в пресвитеры против воли последнего, не считавшего себя достойным этого сана (Жития святых..., 1993, с. 131–133).

Рис. 1. Икона с изображением Саввы Освященного

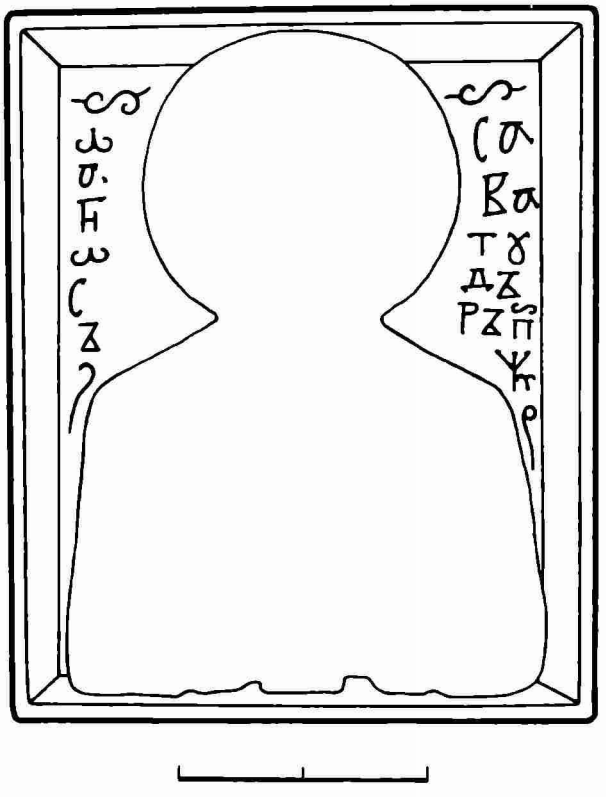


Рис. 2. Прорисовка надписи на иконе с Саввой Освященным

Рис. 3. Фрагмент надписи на иконе с Саввой Освященным

Эпиграфические черты сближают икону с рядом произведений каменной пластики, датируемых большинством исследователей первой третью XIII в.; наиболее полная характеристика их надписей дана А.А. Медынцевой (Медынцева А.А., 1991, с. 110–125). Укажем на еще одну параллель – надписи на кратире Косты, палеографический анализ которых ограничил время изготовления сосуда первой половиной XII в. (Медынцева А.А., 1991, с. 100–106).

Одним из главных аргументов в пользу датировки близких владимирской иконок первой третью XIII в. явилась "неупорядоченная" орфография **Ъ** и **◊**, рассматриваемая как отражение процесса утраты редуцированных гласных (Медынцева А.А., 1991, с. 120). На иконе с Саввой в первой части прозвища святого (**ТѰДЪРЪ**) на месте этимологического **◊** также употреблен **Ъ**, что как будто дает основание датировать ее предмонгольским временем. Между тем, по данным берестяных грамот, "эпоха распространения систем со смешением **Ъ**, **Ь** и **◊**, **Ѣ** начинается раньше (с первой половины XII в.) и кончается много позже, чем прежде предполагалось" – в XIV–XV вв. (Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986, с. 103). Подобные нарушения старославянской орфографии встречаются уже в русских рукописях XI в. (Щепкин В.Н., 1967, с. 118).

Архаичное начертание многих букв (омега с высокой серединой, треугольные петли **Ъ**, **Р** – в строке, **В** – с равновеликими петлями, **Н** – с горизонтальной перекладиной), сходство с надписью на кратире Косты позволяют опустить нижнюю дату изготовления иконы до середины XII в.

Помимо сланцевой известна, кажется, лишь одна каменная икона с изображением преподобного – стеатитовая, датируемая XIII в. (XIII–XIV вв.), из наборного диптиха,

принадлежавшего ордену Госпитальеров на Родосе (Kalavrezou-Maxeiner I., 1985, p. 180–184, fig. 102). На этой небольшой прямоугольной иконе (3,8 × 2,9 см), по характеру резьбы относящейся к произведениям провинциальной (?) византийской мастерской, Савва также представлен по пояс, фронтально, в скрепленной фибулой мантии; сходна и трактовка ликов. Но в отличие от владимирского на стеатитовом образке святой держит в правой руке крест, а левая раскрыта перед грудью.

Достаточно многочисленны иконописные и фресковые изображения Саввы Освященного, обычно входящие в многофигурные композиции наиболее почитаемых преподобных, представителей основных центров христианского Востока.

Серия икон XII–XIII вв. с образом святого происходит из монастыря Св. Екатерины на Синае. Особенно близко владимирскому решение лика Саввы на иконе XIII в. со сценой "Введения во храм" – изрезанный морщинами большой лоб, три "куста" курчавых волос, мощный открытый подбородок, короткая раздвоенная борода (Sotiriou G. et M., 1956, fig. 180). Сходная трактовка лика представлена и на иконе XII в. из собрания Порфирия Успенского (Петров Н.И., 1912, с. 12, 13, рис. 18); с этим образом Э. Бакалова сопоставила одно из наиболее древних сохранившихся фресковых изображений Саввы – в церкви Бачковского монастыря (вторая половина XII в.) (Бакалова Е., 1977, с. 95, 144, 145, ил. 146).

Изображения Саввы Освященного сравнительно часты на стенах сербских храмов XIII–XIV вв.; среди самых известных – росписи Студеницы, Жичи, Сопочан, Милешева. Пристальное внимание к святому помимо стремления иметь в храме образ покровителя общежительного монашества в немалой степени определялось личностью первого иерарха автофекальной сербской церкви – Саввы Сербского (1169–1237 гг.), который почитал его как своего духовного учителя. По инициативе архиепископа была расписана церковь Богородицы в Студенице (1208–1209 гг.); примечательна веерообразная форма бороды преподобного – с открытым подбородком, но смыкающаяся ниже (Petković V.R., 1934, tabl. II).

Одно из ранних изображений Саввы Освященного до второй мировой войны находилось на северной стене церкви Спаса на Нередице (1199 г.) (Государственный Русский музей..., 1925, табл. XLIII, *2*). К началу XX в. сохранилась лишь верхняя (по пояс) часть фигуры святого; иконографическое решение лика, прежде всего форма бороды, близко студеницкому варианту.

Имеются и более древние сведения о почитании преподобного на Руси. По мнению А.А. Шахматова, славянский текст "Жития" Саввы послужил образцом и литературным источником для Нестора, заимствовавшего оттуда при составлении "Жития" Феодосия Печерского "не только отдельные фразы, но также более или менее обширные отрывки" (Шахматов А.А., 1896, с. 50). В Лавре Саввы Освященного больше года прожил игумен Даниил, совершивший в начале XII в. паломничество в Палестину и оставивший описание монастыря (Житие и хождение искусство ..., 1883, с. 53–56). Вероятно, одним из паломников XII–XIII вв. были привнесены на Русь частицы гроба Саввы, хранившиеся в реликварии, позднее оказавшемся в Хильдесхейме (Декоративно-прикладное искусство..., 1996, с. 195–201). В Новгороде в 1154 г. при архиепископе Нифонте была сооружена единственная известная русская церковь Саввы Освященного (Новгородская первая летопись..., 1950, с. 29; Полубояринова М.Д., 1965).

В целом сланцевая икона – пока единственное произведение мелкой пластики с изображением Саввы Освященного, найденное на территории Древней Руси. Иконография лика позволяет рассматривать этот рельеф как пример ранней, возможно, исходной трактовки образа преподобного, вероятно, дольше всего не подвергавшейся изменениям в восточных центрах византийского искусства.

На второй иконе из "Ветчаного города" – стеатитовой односторонней прямоугольной (2,6–2,7 × 3, 7 × 0, 5 см) – представлена уникальная для мелкой пластики сцена Раскаяния Петра, иллюстрирующая финал евангельского сюжета об отречении апостола (рис. 4). Стеатит обгорел, приобрел почти черный цвет, верхний левый угол

Рис. 4. Икона с изображением сцены Раскаяния Петра

иконы отколот, есть утраты и в правом нижнем углу. На нимбе, одеждах, петухе, капители меньшей колонны сохранилась позолота. Икона имеет узкую рельефную рамку с многочисленными сколами, ее нижняя часть использована как подиум для фигуры Петра и колонн. На ряде деталей рельефа заметны следы потертости.

Петр представлен в рост, с изображенным фронтально торсом и на три четверти повернутой вправо головой. В ту же сторону развернуты и ступни босых ног. Правая рука, подпирающая склоненную голову апостола, покоится на капители колонны. Кисть левой руки с тонкими с выгнутыми кончиками пальцами лежит на бедре. Несмотря на повреждения лика, хорошо читаются миндалевидные глаза, изогнутая линия бровей, шапка курчавых волос, нижний край окладистой бороды.

Скол верхнего угла иконы затронул и фигуру птицы, расположившейся на капители более высокой колонны, но утраты в целом незначительны. Изображение петуха, возвещающего о сбывшемся предсказании Иисуса, также отличается тщательной проработкой деталей.

С особым мастерством исполнены складки и орнаментированная выпуклыми квадратами кайма гиматия и короткой туники. Переданные двойными штрихами линии складок покрывают всю поверхность одеяний, а зигзагообразные края плаща образуют пышную драпировку. Декоративное решение одежд дополняет орнамент колонн.

В правом верхнем углу иконы вырезана углубленной линией колончатая надпись: **ПЄТРЪ**. Не имеющее четких хронологических признаков начертание имени апостола целесообразно сопоставить с надписью на сланцевой иконе. Практически идентичны геометричные **Т** и **П**, а также **Ъ** – с треугольной петлей и заходящей вправо верхней чертой. В отличие от образка с Саввой Освященным у S-образного титла нет орна-

ментальных завитков; иное начертание имеет и Р, мачта которой изогнутая посередине, далеко выходит за строку. В целом все же можно говорить о сходстве надписей икон, и прежде всего – в использовании декоративного титла.

Истоки, эволюция, различные редакции иконографии сцены Раскаяния Петра рассмотрены в работах Н.В. Покровского, Е.К. Редина, Г. Милле (Покровский Н.В., 1892, с. 308, 309; Редин Е.К., 1896, с. 114–116; Millet G., 1960, p. 345–360). Опираясь на наблюдения Г. Милле и такие детали стеатитового рельефа, как колонны (месторасположение петуха и опора скорбящему Петру) и короткая туника (одежда слуг), можно наметить иконографический прототип иконы. По-видимому, образцом резчику послужила миниатюра Евангелия, восходящего к иллюстрированным Евангелиям XI–XII вв. – Парижской Национальной библиотеки (gr. 74), Гелатскому (Q-908), библиотеки Лауренциана (VI. 23) (Millet G., 1960, p. 353, 360, fig. 368, 373; Покровский Н.В., 1887, с. 27, 35, 43).

Сравнительный анализ манер исполнения и эпиграфических особенностей икон со сценой Раскаяния Петра и изображением Саввы Освященного позволяет отнести образки к произведениям одной художественной мастерской, и вполне вероятно, что над ними работал один резчик.

В целом стиль резьбы икон характеризуется сочетанием пластического (скругленность контуров, выпуклость ликов, не прикрытых одеждами частей тела и фигуры петуха) и орнаментально-графического направления. Для последнего помимо одноплановости композиции свойственны особые приемы трактовки одеяний, архитектурных и иных деталей – в первую очередь так называемые трубчатые складки и рельефная кайма. Мастер использует два варианта складок, переданных сдвоенными штрихами. Почти прямые, жесткие, они образуют рисунок, который подчас далек от реальных форм (например, складки на плечах Саввы). Другие, круглящиеся, обычно с незамкнутыми концами, стремящиеся передать положение тела, группируются в основном у локтей и на бедрах. Сдвоенными штрихами подчеркнуты резчиком и колени Петра, и складки на ладонях Саввы. Неподвижная или ниспадающая зигзагом рельефная кайма – оконтуренная полоса выпуклых прямоугольников – была, по-видимому, излюбленным орнаментальным приемом резчика. Детальная проработка ее усложненных изгибов демонстрирует высокий технический уровень мастера и служит его своеобразным личным клеймом – знаком "мастера рельефной каймы".

Глубокое знание иконографии, профессиональные навыки резчика по камню, одинаково уверенно использующего породы различной твердости, тончайшая пластическая передача ликов и жестов, духовная мощь и лаконичная простота образов, специфический материал (стеатит) и техника золочения камня – все эти черты икон из Владимира выдают руку греческого мастера. Кириллические же надписи являются признаком работы на заказ, выполненной, видимо, на Руси. По данным археологии и эпиграфики, иконы следует датировать в пределах второй половины XII в. – 1238 г. Учитывая, что некоторые стилистические особенности рельефов (удлиненные тонкие пальцы с выгнутыми кончиками, сложные зигзагообразные края драпировок в сочетании с прямыми и изогнутыми "трубчатыми" складками) имеют параллели среди позднекомниновских памятников (Старая Ладога, Курбиново, Монреале, Торчелло и др.), время исполнения икон, по-видимому, можно ограничить последней третью XII – началом XIII в.

Примечательно, что для византийской мелкой каменной пластики до начала XIII в. ни "трубчатые" складки, ни рельефная кайма не характерны: подобная трактовка драпировок, по Й. Калаврезу-Максейнер, появляется на стеатитах лишь в палеологовское время; XIII в. датируется ею и единственная икона с рельефной каймой (Kalavrezou-Maxeiner I., 1985, p. 45, fig. 106). Между тем так называемое жемчужное обрамление нимбов, одежд (особенно лоратных облачений) и аксессуаров (тронов, книг и др.) – достаточно обычный для прикладного искусства Византии X–XIII вв. орнаментальный мотив. Подобная кайма представлена, в частности, на рельефах таких разнородных вещей, как парижская пластина из слоновой кости с изображением

коронации Романа II и Евдокии, бронзовый литой триптих (Богоматерь с младенцем и святителями) из собрания Музея Виктории и Альберта, серебряный ковчег Константина Дуки из Оружейной палаты, моливдовул императрицы Ефросинии (Эрмитаж) (Лихачева В.Д., 1986, с. 197; Банк А.В., 1978, рис. 51; Bank A.V., 1977, fig. 205, 249). Аналогичное решение нимбов встречается и на стеатитах (Kalavrezou-Maxeiner I., 1985, fig. 21–24a, 30, 31). О том, что манера передачи драпировок "трубчатыми" складками сложилась в комниновское время, свидетельствуют помимо владимирских и еще двух византийских иконок (киевский стеатит с "Уверением апостола Фомы", обломок иконы из Новгорода со святителем) (Седова М.В., 1965, рис. 1, *8*; Николаева Т.В., 1983, кат. № 35, 94) и точно датируемые рельефы Успенского (1158–1160 гг.) и Дмитриевского (1190-е гг.) соборов Владимира, церкви Покрова на Нерли (1165 г.) (Вагнер Г.К., 1969, рис. 62, 87, 106, 154, 174, 180 и др.).

Фасадная скульптура Северо-Восточной Руси важна и для изучения основного орнаментального мотива икон – рельефной каймы. "Жемчужная" отделка одежд, тождественная кайме из прямоугольников, появляется лишь на стенах Георгиевского собора Юрьева-Польского (1230–1234 гг.) (Вагнер Г.К., 1964, табл. III, XIV, XVII, XIX и др.). Для рельефов же храмов Владимира более характерна гладкая оконтуренная полоса, хотя встречается и кайма из колец или косых штрихов; последние два варианта определяют декор церкви Покрова на Нерли и боголюбовской капители (Вагнер Г.К., 1969, рис. 54, 61, 68, 69, 87, 90, 105, 154, 160, 180, 181 и др.)[2]. То обстоятельство, что "трубчатые" складки и "жемчужная" кайма встречены вместе только на фасадах Георгиевского собора, не следует рассматривать как свидетельство относительно позднего (1220–1230-е гг.) исполнения владимирских икон. В контексте общего развития каменной пластики не столь важно, какой вариант каймы был избран резчиком. Более существенен сам факт широкого использования подобной отделки одежд, свойственной скорее парадным облачениям императоров или архангелов, чем монашеской мантии и костюму слуг. Сочетание же обоих приемов трактовки одежд дают уже белокаменные памятники 60-х годов XII в.

Иконы со сценой Раскаяния Петра и изображением Саввы Освященного имеют решающее значение для исследования наиболее яркого течения в домонгольской мелкой пластике, представленного рельефами с Распятием (Княжа Гора), князьями Борисом и Глебом из Солотчинского монастыря, Богоматерью Никопеей (Государственный Русский музей), Симеоном Столпником и Ставрокием (Новгород), Дмитрием Солунским из Каменец-Подольского и Новгорода (Николаева Т.В., 1983, кат. № 20, 30, 32, 33, 36, 38). Впервые эти вещи были сгруппированы Т.В. Николаевой, посчитавшей их продукцией южнорусской (киевской) мастерской первой трети XIII в.; аналогичной точки зрения придерживается и В.Г. Пуцко ("группа мастера Распятия") (Николаева Т.В., 1975; 1983, с. 20–23; Пуцко В.Г., 1986, с. 176, 177). По мнению А.В. Рындиной, солотчинская икона и образок с Симеоном и Ставрокием имеют среднерусское происхождение и исполнены в конце XIII – начале XIV в. (Рындина А.В., 1978, с. 30–43). Т.В. Николаевой была также намечена внутренняя хронология группы; ее тезис о более ранней датировке иконы с Симеоном и Ставрокием по сравнению с солотчинской поддержала и А.В. Рындина (Николаева Т.В., 1975, с. 222; Рындина А.В., 1978, с. 41).

Владимирские находки, бесспорно, по основным признакам (эпиграфика, трактовка облачений) стоят в одном ряду с произведениями этой группы. Более того, иконы с Саввой и кающимся Петром позволяют, исходя из тенденции нарастания орнаментальности, хронологически упорядочить группу. Вероятно, автор икон из "Ветчаного города" стоял у истоков данного направления, первым использовав "трубчатые" складки и рельефную кайму из прямоугольников при передаче одежд и употребив декоративное титло. Именно подобные титла, а не спорную идентичность почерков

[2]Один из "женских" ликов Успенского собора украшает и кайма из прямоугольников (Вагнер Г.К., 1969, рис. 72).

следует считать группообразующим эпиграфическим признаком[3]. Видимо, как и в случае с рельефной каймой, использование неуместного по правилам орфографии титла определялось стремлением резчика придать изображению особую парадность.

Наиболее близка владимирским новгородская икона с Дмитрием Солунским, далее в условном хронологическом порядке следуют рельефы с изображением Дмитрия Солунского (Каменец-Подольский), Симеона и Ставрокия, Распятия, Богоматери Никопеи, Бориса и Глеба. Прослеживаемая эволюция заданной "мастером рельефной каймы" исполнительской манеры (появление дополнительной орнаментации одежд кружками, штриховкой "в елочку" и косую клетку, растительными элементами; упрощение зигзага каймы), вероятно, не выходит за рамки домонгольской эпохи: городище Княжа Гора прекратило существование в результате нашествия, о создании рязанской иконы, видимо, не позднее 1230-х годов косвенно свидетельствует сходство шиферных изображений князей (особенно ликов и одеяний) рельефам северного фасада Дмитриевского собора (Вагнер Г.К., 1969, рис. 248, 264, 266).

Тот факт, что за пределами Южной Руси обнаружено большинство произведений этой группы, в том числе и самые ранние вещи, их несомненная близость владимиро-суздальской фасадной скульптуре подтверждают мнение А.В. Рындиной о среднерусском происхождении икон. Деятельность "мастера рельефной каймы" и его первых учеников, приходящаяся на эпоху Всеволода Большое Гнездо, по-видимому, была связана со столицей его княжества – Владимиром-на-Клязьме; вероятно, представители мастерской принимали участие и в создании рельефов Дмитриевского и Георгиевского соборов[4].

Манера резьбы школ "мастера рельефной каймы" оказала влияние не только на резчиков домонгольского времени (Николаева Т.В., 1983, кат. № 22, 37, 39, 279, 355 и др.), но и явно прослеживается на иконках XIV в. из Новгорода и Центральной Руси (Рындина А.В., 1978, рис. 4–8, 20 и др.). Сами же иконы со сценой Раскаяния Петра и изображением Саввы Освященного – это первые произведения мелкой пластики Владимиро-Суздальской Руси, сопоставимые по своему художественному уровню с признанными шедеврами белокаменной архитектуры и фасадной скульптуры, фресками Дмитриевского собора, суздальскими Златыми вратами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакалова Е., 1977. Бачковската костница. София.

Банк А.В., 1978. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.

Боровский Я.Е., Архипова Е.И., 1991. Новые произведения мелкой каменной пластики из древнего Киева (по материалам раскопок) // Южная Русь и Византия. Киев.

Вагнер Г.К., 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М.

Вагнер Г.К., 1969. Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир. Боголюбово. М.

Государственный Русский музей. Фрески Спаса-Нередицы, 1925. Л.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века. 1996. М.

Жарнов Ю.Э., 1994. Раскопки в "Ветчаном городе" Владимира // АО–1993.

Жарнов Ю.Э., 1997. Усадьба первой трети XIII века "Ветчаного города" Владимира-на-Клязьме // Тр. VI междунар. конгр. славянской археологии. Т. 2. М.

---

[3]Правда, титло отсутствует на иконе "Богоматерь Никопея" и есть на фрагменте иконы, не включенной нами в рассматриваемую группу (Николаева Т.В., 1983, кат. № 31).

[4]Подтверждением основных положений работы служат и публикуемые М.В. Седовой и Т.Ф. Мухиной в этом номере журнала два стеатита, с которыми мне благодаря любезно предоставленной авторами возможности удалось предварительно познакомиться. Фрагментарный образок с неизвестным святителем, как и его ближайшая аналогия (Седова М.В., 1965, рис. 1, 8), является примером византийской каменной иконы комниновского времени с переданными "трубчатыми" складками драпировками одежд. Уникальный характер обломка иконы со сценой Сошествия во ад определяется стилистикой изображения, выдержанного в традициях позднекомниновского маньеризма, и несомненной принадлежностью автора образка школе "мастера рельефной каймы".

Житие и хождение Даниила Русской земли игумена, 1883 // Православный палестинский сборник. Т. I. Вып. 3. СПб.
Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. Кн. 4. М., 1906. Репринтное издание 1993 г.
Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Лихачева В.Д., 1986. Искусство Византии IV–XV вв. Л.
Медынцева А.А., 1991. Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.
Николаева Т.В., 1975. Каменная иконка, найденная в Новгороде // ПКНО-1974.
Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, 1950. М.; Л.
Пекарская Л.В., Пуцко В.Г., 1991. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев.
Петров Н.И., 1912. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. I. Киев.
Покровский Н.В., 1892. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб.
Покровский Н.В., 1887. Миниатюры Евангелия Гелатского монастыря XII в. СПб.
Полубояринова М.Д., 1965. Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде // СА. № 1.
Пуцко В.Г., 1986. Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Зборник посветен на Бошко Бабич. Прилеп.
Редин Е.К., 1896. Мозаики Равеннских церквей. СПб.
Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М.
Седова М.В., 1965. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. № 3.
Седова М.В., 1994. Работы во Владимире // АО–1993.
Шахматов А.А., 1896. Несколько слов о Несторовом Житии Феодосия // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. I. Кн. I. СПб.
Щепкин В.Н., 1967. Русская палеография. М.
Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте. М.
Bank A.V., 1977. L´Art Byzantin dans les musées d l´Union Soviétique. L.
Kalavrezou-Maxeiner I., 1985. Byzantine Icons in Steatite // Byzantina Vindobonensia. Bd. XV/1–2. Wien.
*Millet G., 1960.*Recherches sur l´iconographie de l´Evangile aux XIV, XV et XVI siécles d´apres les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris.
Petković V.R., 1934. La peinture serbe du Moyen Age. T. II. Beograd.
Sotiriou G. et M., 1956. Icones du Mont Sinaï. T. I. Athénes.

Государственный центр по учету, использованию
и реставрации памятников истории и культуры Владимирской области, Владимир

Y.E. ZHARNOV

TWO STONE ICONS OF THE PRE-MONGOL AGE FROM VLADIMIR-UPON-THE KLYAZMA

Summary

The analysis of stylistic and epigraphic features of two stone icons (Figure 1-4) discovered in Vladimir in 1993 that date to the end of the 12th – beginning of the 13th centuries has allowed us to identify group-forming signs of the most vivid area in the pre-Mongol stone plastics, to bring in consistency items of this group in terms of their chronology and indicate a likely center of the style forming, which is Vladimir-upon-the-Klyazma during the ruling of Vsevolod the Big Nest.

С.Г. СКОБЕЛЕВ

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛУК РЕДКОЙ ФОРМЫ С ЕНИСЕЯ

В ходе раскопок могильника Монашка, находящегося на левом берегу р. Кача в 15–16 км от места ее впадения в Енисей, нами изучена могила 2. Как и другие объекты могильника, размещенные довольно плотно на небольшой площади (могильное поле 7 × 25 м), данное погребение расположено на пологом склоне седловины между двумя вершинами горы Монашка, возвышающейся над северной окраиной с. Дрокино Емельяновского р-на Красноярского края. Площадь могильника сильно задернована и покрыта невысокой травой, отдельными кустиками полыни и заячьей капустой. Местные жители никаких сведений о существовании здесь погребений не имеют, хотя с. Дрокино существует уже более 300 лет. Могила 2 представляет собой сильно задернованную, пологую сплошную насыпь неправильных очертаний из мелких обломков плит песчаника и мергелевого щебня высотой ~ 0,1–0,15 м от уровня окружающей поверхности. Максимальная высота – по центру насыпи. Под насыпью находилось погребальное сооружение в виде уложенных в ряд коротких неошкуренных обрубков стволов сосны толщиной 0,1–0,15 м, видимо, опиравшихся когда-то на края ямы. Дерево сильно разложилось, и все сооружение просело. Боковых деревянных стенок не имелось, и обрубки стволов деревьев оказались лежащими на оплывшем с боков слое грунта, под которым находился уже сам костяк. При этом концы бревен, опиравшиеся на края ямы, оказались лежащим выше, чем середина этого перекрытия, что говорит о длительности процесса оплывания почвы внутрь могильной ямы. По центру сооружения наблюдалось скопление мелких камней, набросанных поверх перекрытия в районе живота погребенного. Костяк лежал на спине вытянуто головой на запад – юго-запад. У его головы обнаружены детали головного убора, имевшего, видимо, цилиндрическую форму (каркас из бересты с остатками кожи черного цвета). Слева от погребенного почти во всю длину костяка (концевые вкладыши находились на уровне лобной кости и стопы) лежали остатки лука в берестяной обмотке-обклейке с роговыми костяными деталями (рис. 1). Погребенный был уложен прямо на грунтовое дно ямы (следов дерева или бересты под ним не отмечено). К сожалению, каких-либо датирующих признаков данное погребение не несет. Скудость погребального инвентаря затрудняет его самостоятельную датировку, и в данном случае мы вынуждены проводить ее на основе датировок других погребений могильника, содержавших, как показали раскопки, значительно большее количество вещей с хорошо определяемым временем их бытования. Всего в состав могильника Монашка входило восемь объектов, аналогичных или близких по конструкции могиле 2. Они также выполнены в виде трупоположений, где покойники уложены головами в западном направлении. Погребальный инвентарь наряду с местными вещами содержал значительное количество предметов русского происхождения – бронзовый перстень со стеклянной вставкой, серьги, бисер, бусы, подвески из цветного стекла, пуговицы, бубенчик и т.д. (Скобелев С.Г., 1985, с. 10–22). Среди инвентаря соседних одновременных могильников, расположенных ниже по течению р. Кача, обнаружены и остатки луков с похожими плечевыми и характерными для позднего средневековья центральными веслообразными накладками, имевшими обычную симметричную форму. Имелся случай, когда в погребении одновременно были обнаружены остатки аналогичного извлеченному из могилы 2

© С.Г. Скобелев, 1999 г.

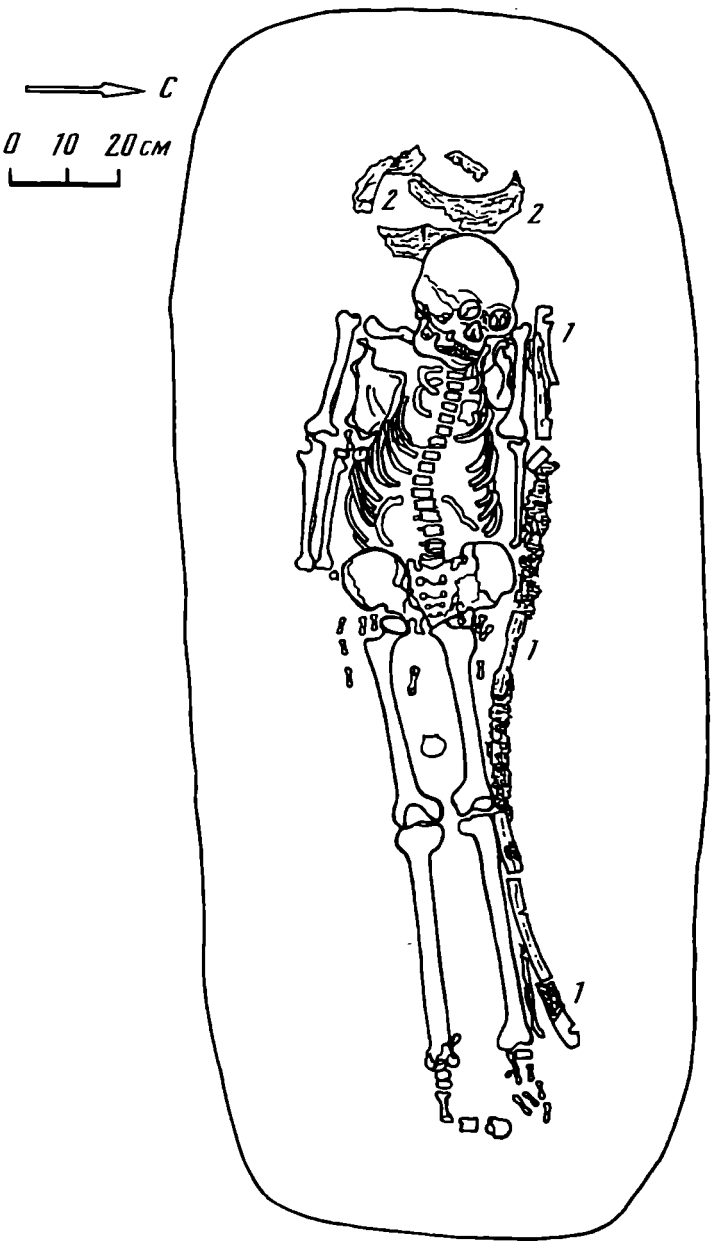


Рис. 1. Погребение могилы 2 могильника Монашка. *1* – остатки лука; *2* – остатки головного убора

головного убора цилиндрической формы, лука в берестяной обмотке с веслообразной накладкой и русская серебряная монета XVII в. (Скобелев С.Г., 1991, с. 138–153). Таким образом, могилу 2 могильника Монашка мы можем датировать также эпохой позднего средневековья (при этом, возможно, она являлась самой ранней в составе данного могильника) и считать принадлежащей проживавшим здесь тогда смешанно тюркоязычным качинцам и кетоязычным аринцам.

Интересующий нас лук лежал на дне ямы вдоль костяка, почти повторяя своей формой линию левого бока погребенного. Каких-либо заметных нарушений в расположении как костей скелета, так и остатков лука не прослеживалось. Видимо, все сохранившиеся детали лука находились в естественном положении. Хотя деревянные части уже почти полностью разложились, линия всего тулова лука хорошо прослеживалась благодаря остаткам берестяной обмотки-обклейки. Изделие имело форму сильно вытянутой буквы "S". Его общая длина 1,4 м. Обнаружено несколько роговых и костяных накладок. Центральная из них – это массивный веслообразный

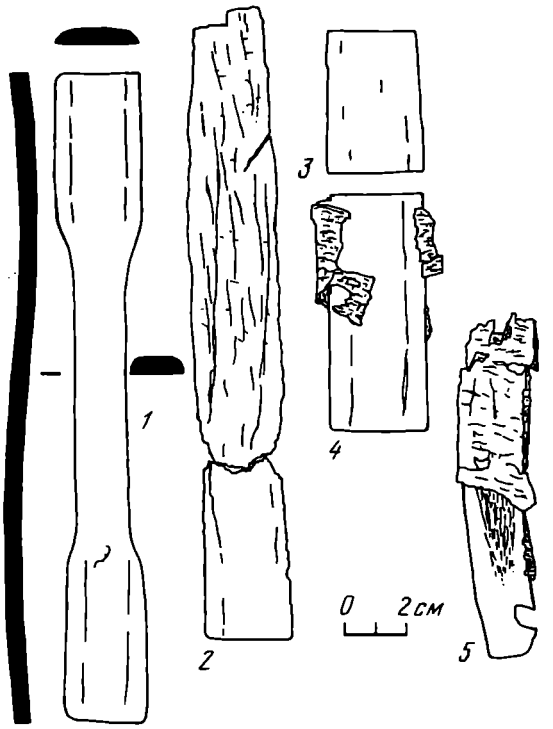


Рис. 2. Детали центральной части и нижнего плеча лука (кость, рог, береста). *1* – центральная веслообразная накладка; *2–4* – плечевые накладки; *5* – концевой вкладыш

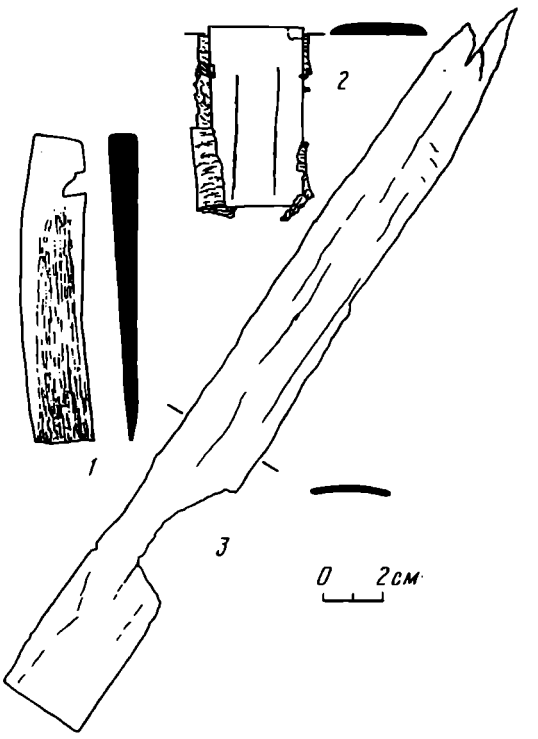


Рис. 3. Детали верхнего плеча лука (кость, рог, береста):
1 – концевой вкладыш; *2, 3* – плечевые накладки

предмет, находившийся в середине тулова (рис. 2, *1*). Есть также два концевых вкладыша, имеющих в продольном сечении форму клина и вырезы для фиксации тетивы (рис. 3, *1*; 2, *5*), и пять плечевых накладок (рис. 3, *2, 3*; 2, *2–4*). Все эти детали очень тщательно выполнены из рога и кости (имеют правильные формы и качественную обработку поверхностей). Вместе с тем некоторые участки поверхностей плечевых накладок заметно пострадали из-за разложения рога в погребении (рис. 3, *3*; 2, *2*). Все плечевые накладки с тыльной стороны имеют неглубокую ромбовидную штриховку, видимо, для лучшей склейки с деревянной основой. Интересно, что число накладок верхнего плеча лука (обращенного к голове человека) меньше, чем число накладок нижнего плеча (обращенного к ногам). Но общая длина этих деталей верхнего (рис. 3, *2, 3*) и нижнего плеч (рис. 2, *2–4*) приблизительно одна и та же. Породу дерева, которое использовалось для изготовления основы, установить не удалось. Лишь внутри отдельных участков берестяной обмотки, которой была покрыта часть тулова лука, сохранились слабые остатки древесных волокон. Таким образом, это типичный образец сложного лука.

При восстановлении его конструкции можно отметить, что основой лука были деревянные детали, на которые почти по всей их площади крепились, видимо, при помощи клея мощные роговые и костяные накладки. Судя по тому, что лук лежал вырезами для фиксации тетивы, направленными в противоположную от погребенного сторону, внутренней можно считать обращенную к костяку часть. Боковые накладки находились на внутренней стороне плечевых частей изделия, поскольку в ходе его зачистки было хорошо видно, что все они в линии остатков берестяной обмотки-обклейки лежали со стороны костяка. Длинные накладки на обоих плечах лука находились в положении, перпендикулярном положению лежавших на плоских сторонах концевых вкладышей. Центральная веслообразная накладка также была укреплена на его внутренней стороне. Вся поверхность изделия с внешней стороны – частично поверх накладок с внутренней стороны и полностью поверх нижних частей

концевых вкладышей, которые подобно острым клиньям входили в деревянную основу и жестко фиксировали концы, – была тщательно обклеена полосами бересты, плотно фиксировавшими конструкцию и создававшими ей некоторую дополнительную прочность и эластичность. Другое назначение берестяной обмотки-обклейки, как традиционно считается, – защита лука от влаги и резких температурных колебаний. Но береста полностью защищала только наружную часть тулова. Изнутри же, что можно хорошо проследить на одном из цельных ее кусков длиной ~ 0,3 м, имеющем ровно обрезанные и загнутые внутрь края, береста могла закрывать лишь часть тулова, и в результате со стороны стрелка, видимо, почти по всей длине лука шла полоса его незаклеенной поверхности, в том числе и поверх накладок. Береста, вероятно, предварительно была выварена в воде с целью придания ей прочности и эластичности. В целом такая конструкция лука давала изделию высокие эксплуатационные качества: большую мощность, прочность и надежность.

Необычная, S-образная форма лука, зафиксированная в линии его остатков в могильной яме, не образовалась случайно в ходе каких-то деформаций внутри погребения. Именно так этот предмет и был уложен в ходе похорон. Центральная веслообразная накладка имеет такой вид, что какую-либо иную форму лука предположить невозможно. В продольном сечении она является зеркально-асимметричной (рис. 2, *1*). Будучи главной формообразующей деталью, центральная и наиболее мощная накладка определяет и весь необычный облик изделия. В связи с такой конструкцией лука представляется достаточно затруднительным определение принципа работы его нижнего плеча. Ясно, что верхнее плечо может выгибаться только наружу, т.е. обычным способом. Направление же выгиба другого плеча установить сложнее. Но, судя по тому, что накладки и здесь находились со стороны костяка, данное плечо при применении изделия также должно было выгибаться наружу, т.е. в сторону от стрелка. Возможно, при полном натяжении тетивы верхнее плечо было выгнуто заметно сильнее, чем нижнее, и форма лука должна по-прежнему иметь асимметрию. Однако в таком случае не совсем ясно, как будет проходить тетива у нижнего плеча. Чтобы оно могло выгибаться в ту или иную сторону, тетива в любом случае не должна скользить по поверхности плеча лука и тогда и со стороны стрелка изделие должно представляться имеющим форму сильно вытянутой буквы "S". Именно так оно и лежит в погребении. Конец верхнего плеча лука заметно отклоняется вниз от условной горизонтальной линии, а конец нижнего плеча, наоборот, поднимается выше этой линии. Средняя же часть верхнего плеча лежит выше, чем соответствующее место нижнего плеча. При взгляде сбоку на находящийся в погребении лук мы видим ту же форму, что и при взгляде на него сверху. Вероятно, еще до проседания перекрытия погребения тулово лука оказалось в постепенно оплывшей с края ямы земле, благодаря чему и сохранило свою двойную S-образную форму. Уверенно можно говорить о том, что лук имел и вторую S-образность, т.е. наблюдаемую со стороны стрелка, глядя на соответствующее расположение плоскостей лопастей на концах внутренней, обращенной к основе, стороны центральной накладки. Располагаясь под углом друг к другу, они создают для накладки в целом форму пропеллера, убеждая в существовании образца лука именно той формы, которую мы и зафиксировали в погребении.

Луки как единственное метательное орудие, использовавшееся на охоте (важнейшей отрасли хозяйства) и в боевых действиях, были одним из главных средств производства и одновременно важнейшим предметом вооружения у коренного населения Среднего Енисея в позднем средневековье. Все его соседи в это время также использовали лук в данных качествах. Как заявляли русские землепроходцы, местные жители охотились исключительно при помощи луков: "Сибирские и Ленские иноземцы, стреляют из луков, а иного промыслу... не знают". (История Сибири..., 1968, с. 77). И. Идес и А. Бранд во время своего посольства в Китай (1692–1695 гг.) специально отметили в отношении соседей с юга – енисейских кыргызов, что "...их оружие состоит из лука и стрел" (Избрант Идес, Адам Бранд, 1967, с. 281). И в

отношении самого населения лесной зоны Среднего Енисея даже в первой четверти XVIII в. Д.Г. Мессершмидт отмечал, что с аринцем, например, в могилу кладут все его вооружение, а именно лук и стрелы (Messerschmidt D.G., 1962. S. 165). Но, к сожалению, современники не оставили нам детальных описаний луков, и сейчас трудно сказать, видели ли они в XVII–XVIII вв. у коренных жителей образцы, подобные описываемому.

Исследователи пришли к выводу о том, что в средневековье сложный лук был широко распространен в Сибири. В археологических памятниках позднего средневековья обнаружено значительное число остатков луков различных видов – от простого деревянного до сложносоставного комбинированного (или композитного). Например, найденные в поздних могилах в Барабе луки относятся к четырем типам, бытовавшим, видимо, одновременно (Молодин В.И. и др., 1990, с. 43–49). В позднесредневековых погребениях у Красноярска нами также были обнаружены луки нескольких типов: простой деревянный без каких-либо дополнительных деталей; имеющий только одну цельную веслообразную накладку; имеющий кроме цельной веслообразной еще и плечевые накладки; имеющий составную веслообразную накладку и составные же плечевые накладки. Все они, как и луки с соседних территорий, имели, видимо, обычную форму с выгибом плеч вперед. Лук же из могилы 2 могильника Монашка, составляя отдельный тип, является самым сложным среди них, имея наибольшее количество видов дополнительных деталей и необычную форму. Из-за отсутствия близких аналогий с соседних территорий пока трудно говорить о каких-либо заимствованиях в производстве изделий подобного типа. Скорее всего, учитывая обнаруженное разнообразие луков у "подгородных" качинцев и аринцев в XVII в., можно полагать, что данный образец является одним из доказательств наличия у них достаточно высокой степени специализации в применении разных типов луков в зависимости как от погодных и сезонных условий, так и от целей, по которым должна вестись стрельба. В данном отношении следует привести известный пример с разнообразием типов корейских луков, предназначавшихся для боя, охоты, соревнований, тренировок, ритуальных действий, стрельбы в пешем и конном положении, для метания различных типов стрел и т.д. (Аткнин В.Д., Глинский Е.А., 1987, с. 84). Видимо, мастера со Среднего Енисея также применительно к разным целям и меняющимся погодным и сезонным условиям с учетом пожеланий заказчиков изготовляли луки разных типов, один из которых в ходе развития производства и получил столь необычную форму. Свидетельством высокой квалификации местных мастеров и уровня развития этого ремесла у коренного населения Енисея являются сообщения письменных источников о том, что у красноярских "подгородных татар" были известны специалисты по изготовлению луков, к которым обращались с заказами даже русские служилые люди (Бахрушин С.В., 1959, с. 32). Вероятно, найденный в могиле 2 могильника Монашка у г. Красноярска оригинальный образец лука также является изделием, вышедшим из рук местных мастеров. Тем не менее не следует полагать, что в Сибири только качинские или аринские умельцы экспериментировали подобным образом. Так, при изучении полуразрушенного позднесредневекового погребения воина в пещере Шида на Байкале была обнаружена костяная центральная веслообразная накладка на лук, имеющая в профиль вид сильно вытянутой буквы "S" и являющаяся двусоставной (Горюнова О.И., Павлуцкая В.В., 1992, с. 87–97). К сожалению, форму лука в погребении из-за частичного разграбления зафиксировать не удалось, но, судя по приведенным нами материалам из могильников у г. Красноярска, накладка из пещеры Шида не случайно приобрела такую конфигурацию в погребении, например, как можно было бы ошибочно предполагать, под воздействием оседающего перекрытия могилы, а была преднамеренно выполнена в этом виде, вероятно, для изделия, которое также имело S-образную форму. Видимо, в позднем средневековье луки подобного вида все-таки имели распространение на достаточно обширной территории Сибири, хотя в количественном отношении они явно и уступали изделиям обычной М-образной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аткнин В.Д., Глинский Е.А., 1987. Снаряжение корейского лучника // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. Л.

Бахрушин С.В., 1959. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научн. тр. Т. IV. М.

Горюнова О.И., Павлуцкая В.В., 1992. Погребение воина в пещере Шида // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск.

Избрант Идес, Адам Бранд, 1967. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.

История Сибири. В 5 томах, 1968. Т. 2. Л.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск.

Скобелев С.Г., 1985. Отчет об археологических раскопках позднесредневековых памятников в Алтайском, Бейском и Емельяновском районах Красноярского края в полевом сезоне 1984 г. // Архив ИА РАН.

Скобелев С.Г., 1991. Позднесредневековая археология и проблема этногенеза современных коренных народов Южной Сибири // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири. Новосибирск.

Messerschmidt D.G., 1962. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. Berlin.

Новосибирский государственный
университет

S.G. SKOBELEV

A LATE MEDIEVAL BOW OF A RARE SHAPE FROM THE YENISEY RIVER

Summary

During the excavations of the Late Medieval burial ground Monashka that is located near Krasnoyarsk, a bow of an unusual shape that is dated to the beginning of the 17th century was uncovered in tomb 2. Thanks to the location of the birch tree cover remains, and thanks to weel-preserved parts made of antler and bone, it is easy to restore the line of this item body, which, if looked from the side, is shaped in the form of an extended letter "S", i.e. with shoulders curved out into different sides (fig. 1). In addition to this, the bow seems to have another "S"-shaped silhouette that is observed from the side of the archer. It must have been needed to prevent the bow-string from sliding along the surface of the lower shoulder curved out towards the archer. The bow did not acquire this unusual form accidentally, while being inside the tomb, because of the sagging roofing, but received this shape on purpose. It is possible to make this conclusion by analyzing a major backbone part of the item, i.e. the central oaf-shaped insert which in its cross-section has a shape of an extended letter "S" and a propeller-shaped form, i.e. flat ends of this insert are placed at a certain angle to each other. (figure. 2, *1*).

История науки

А.А. ФОРМОЗОВ

М.Е. ФОСС И ПРОБЛЕМА НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В 1999 г. исполнится 100 лет со дня рождения известного отечественного археолога, специалиста по неолиту Марии Евгеньевны Фосс. Имя ее не забыто, но сведений о ней в печати очень мало.

Это не случайно. Накануне своей смерти она написала записку: "В ИИМК и ГИМ. Дорогие товарищи, прошу не писать ничего, ни некрологов, ни на погребальных лентах, кроме извещения о смерти. Хоронить... без всяких речей и просто... Спасибо вам за все. Очень жалею, что не успела обработать материалы за 1954 год. М. Фосс. 8–IX–55" (Архив ИА РАН, Р. 6, № 39). Воля покойной была выполнена. На прощании в институте никто не выступал, лишь играл приглашенный пианист. Не было речей и на кладбище. В "Кратких сообщениях ИИМК" (1956, вып. 64, с. 157–161) были помещены только портрет, извещение о смерти и список публикаций М.Е. Фосс (отсылая к нему читателей, в дальнейшем я буду говорить о ее статьях без указания, где и когда они изданы). Памяти Марии Евгеньевны был посвящен другой выпуск "Кратких сообщений" (1959, вып. 75). Здесь о ней вновь сказано очень кратко в предисловии (оба текста писал я).

Прошло четыре десятилетия. Значение научной деятельности М.Е. Фосс стало яснее. Надо было как-то это осмыслить и донести до следующего поколения. Сотрудники Исторического музея попросили сказать об этом С.В. Ошибкину, успешно продолжавшую исследования Фосс в Вологодской обл. Автор справедливо оценивает труды своего предшественника весьма высоко. Но саму Марию Евгеньевну С.В. Ошибкина не знала, и образа человека и ученого в статье нет (Ошибкина С.В., 1994, с. 173–178).

Я близко знал М.Е. Фосс в 1945–1955 гг., бывал у нее дома, дружил с ее племянником (в сущности приемным сыном) – моим товарищем по школе. Она была оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Все это дает мне право охарактеризовать ее как ученого и человека.

Официальная биография археолога проста и вроде бы благополучна: окончив университет, в 1925 г. она стала сотрудником Исторического музея. С 1944 г. совмещала эту работу со службой в Институте истории материальной культуры Академии наук СССР. В 1944 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1953 г. – докторскую.

В действительности же жизнь Марии Евгеньевны, как и жизнь всех ее сверстников, в особенности из того круга, к какому она принадлежала, была отнюдь не простой и не легкой.

Родилась она 19 сентября 1899 г. в г. Гродно в семье выпускника Демидовского лицея, акцизного надзирателя. Юность ее прошла в Воронеже, где в 1916 г. она окончила губернскую гимназию. В годы гражданской войны и разрухи мысль о высшем образовании девушке из семьи "бывших" пришлось оставить. Только в начале НЭП'а, в 1921 г. она смогла поступить параллельно в Воронежскую консерваторию и в Воронежский археологический институт (несколькими курсами старше там учился друживший с ней С.Н. Замятнин). В 1922 г. М.Е. Фосс перевелась в Московский уни-

© А.А. Формозов, 1999 г.

верситет, где специализировалась по археологии под руководством В.А. Городцова. Во время студенческой практики она самостоятельно раскопала курганы вятичей у сел Никитское и Ушмары Московской обл. В 1924 г. участвовала она и в обследовании палеолитических стоянок в Костенках вместе с сотрудником Воронежского музея Д.Д. Леоновым. В этом музее она служила до отъезда в Москву в 1922 г. и периодически, видимо, вновь становилась его временным сотрудником, когда приезжала навестить родных.

В 1925 г. Мария Евгеньевна впервые побывала на Русском Севере. Замечательный костромской краевед Л.Н. Казаринов нашел под Чухломой Федоровскую неолитическую стоянку. Он начал исследовать ее вместе с лидером костромских краеведов В.И. Смирновым, а затем пригласил столичных ученых. В экспедиции 1925 г. приняли участие А.Я. Брюсов, А.В. Збруева и М.Е. Фосс. В дальнейшем Брюсов опубликовал краткую характеристику поселения (Брюсов А.Я., 1928, с. 26–32), а Фосс описала собранную при раскопках коллекцию керамики. Это первая печатная работа археолога (1929).

Еще студенткой, с 1924 г., Мария Евгеньевна водила экскурсии по Историческому музею. По окончании университета, в 1925 г. она была зачислена в его штат как научный сотрудник.

В 1926 г. М.Е. Фосс продолжила исследования на Севере, побывав вместе с А.Я. Брюсовым и А.В. Збруевой на стоянках Беломорья, открытых еще в 1890-х годах К.П. Ревой. В 1928 г. начались, пожалуй, самые плодотворные полевые работы Марии Евгеньевны на Вологодчине: в 1928–1929 гг. на стоянке в устье Кинемы на оз. Лаче (открытой в 1873 г. И.С. Поляковым), в 1928–1931 гг. на стоянке Кубенино (выявленной им же) и в 1929–1934 гг. – на торфянике Веретье. Этот памятник был открыт инженером-гидрологом К.В. Марковым.

В какой мере это направление исследований было подсказано В.А. Городцовым? Ведь сам он эти края специально не изучал. Север Европейской России – традиционно посещали петербургские археологи (И.С. Поляков, А.А. Иностранцев), тогда как московские – издавна сосредоточили свои силы на неолите Оки (А.С. Уваров, В.А. Городцов). Думается, в выборе района работ Городцов сыграл важную роль. Находками К.П. Ревы на Беломорье он заинтересовался еще в начале века (Городцов В.А., 1901, с. 71–77), поместив о них заметку в "Древностях". На Оке уже в 1923 г. развернула исследования экспедиция Б.С. Жукова при участии его учеников О.Н. Бадера и М.В. Воеводского. Сам Городцов оставлять этот район не хотел, провел в 1926 г. раскопки стоянки Панфилово, но своим ученикам предложил заняться новым регионом – Севером, благо в Исторический музей поступили тогда важные коллекции и карты от К.В. Маркова.

Надо заметить, что в отличие от питомцев школы Б.С. Жукова ученики В.А. Городцова как правило не были археологами-разведчиками и раскапывали в основном памятники, открытые кем-то другим. Касается это и М.Е. Фосс.

Раскопки шли весьма успешно, особенно в Веретье и Кубенине, но близился "год великого перелома" со всеми его страшными катаклизмами. В 1931 г. сотрудники ГАИМК, утверждавшие, что именно они воплощают партийную марксистскую линию в истории материальной культуры, обрушились с резкой критикой на сотрудников Исторического музея. В "Сообщениях ГАИМК" С.Н. Быковский и Е.Ю. Кричевский писали, что музей стоит на реакционных буржуазных позициях. Карты расселения древнего человека на Север по мере отступания ледника, составленные А.Я. Брюсовым и М.Е. Фосс, были расценены как проповедь миграционизма. Предположения о финском происхождении неолитического населения этих мест и попытки провести границы древних племен приравнивались к пропаганде расизма. Именно тогда Быковский заявил, что к людям, не умеющим или не желающим мыслить по марксистски, будут применены самые жесткие меры воздействия (Быковский С.Н., 1931, с. 20, 21; Кричевский Е.Ю., 1931, с. 65). В.А. Городцов был уволен из музея как "белогвардеец" и "буржуазный ученый".

В этот роковой момент Брюсов принес свои покаяния и отрекся от Городцова. В 1938 г. был арестован и по решению "тройки" расстрелян отец Марии Евгеньевны – Евгений Николаевич.

И все же по мере сил она продолжала свои исследования. В 1935 г. решила освоить новый район – лесостепь, проведя раскопки у с. Шелаева на Осколе. В 1936 г. ездила с разведкой на Вычегду, где ранее была обнаружена Ванвиздинская стоянка. Три полевых сезона – 1937–1940 гг. М.Е. Фосс пропустила, обрабатывая и классифицируя коллекции из раскопок предшествующих лет на Севере. В 1936 г. ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

Война нарушила все планы. Чтобы не отрываться от своей семьи – престарелой матери, сестры-переводчицы и ее сына, Мария Евгеньевна уехала с ними в эвакуацию в Уфу, потеряв место в музее. Ей пришлось зарабатывать на жизнь шитьем плащ-палаток. Вернувшись в Москву, она не сразу смогла восстановить свое положение. Первоначально в музей ее смогли взять только в филиал "Кутузовская изба".

В 1943 г. произошла другая неприятность. Высшая аттестационная комиссия лишила М.Е. Фосс кандидатской степени. С чем это было связано, я не знаю. Возможно, кому-то не понравилась немецкая фамилия или кто-то напомнил о расстрелянном отце.

С 1944 г. благодаря помощи С.В. Киселева постепенно все стало налаживаться. Марию Евгеньевну взяли в штат ИИМК АН СССР. В 1944 г. она защитила там кандидатскую диссертацию на тему "Каргопольская культура".

Возобновилась и полевая работа. В 1945–1947 гг. М.Е. Фосс исследовала стоянки у Галича, открытые в 1927 г. В.И. Смирновым. В 1924 г. здесь работал и В.А. Городцов (Городцов В.А., 1928, с. 13–56).

В 1948–1950 гг. Мария Евгеньевна в экспедиции не ездила, готовила свой итоговый труд "Древнейшая история Севера Европейской части СССР". В 1952 г. он был опубликован (МИА, № 29), а на следующий год состоялась защита этой книги как докторской диссертации. Оппонировали А.П. Окладников, Х.А. Моора, Т.С. Пассек. Защита прошла не без осложнений. Специалист по истории древнего мира из Азербайджана З.И. Ямпольский, подготовивший докторскую диссертацию в марровском духе, и не сумевший защитить ее после "Лингвистической дискуссии" 1950 г., надеясь, видимо, реабилитировать себя, прислал к диспуту отзыв о книге М.Е. Фосс, обвинявший в марризме уже ее.

После защиты Мария Евгеньевна решила начать исследования в новом районе – в лесостепи, знакомой ей по разведкам в окрестностях Воронежа и по поездке 1935 г. в Шелаево. В 1951 г. изучалась стоянка Озименки в Пензенской обл. (ранее раскапывалась Б.С. Жуковым), в 1953 – стоянки на Тамбовщине Старое Тарбеево и Подзорово, открытые краеведом Н.Н. Деминым в 1927 г. Материалы из этих раскопок М.Е. Фосс успела подготовить к печати, но опубликованы они были уже после ее смерти, как и материалы стоянки Бисерово озеро, раскапывавшейся в 1951 г. под Москвой.

Материалы 1954 г. – из раскопок стоянки Белынец в Брянской обл. и результаты изучения древнего челна, обнаруженного на Дону в Воронежской обл., М.Е. Фосс привести в систему уже не успела.

Она умирала очень тяжело, от рака, в больнице в Болшеве. Скончалась 9 сентября 1955 г. Похоронили ее около церкви в с. Дьякове на территории филиала ГИМ Коломенское. В 1970-х годах могилы у церкви приказали перенести в другое место, ныне прах ученого на Хованском кладбище.

Как видим, жилось Марии Евгеньевне отнюдь не просто. Не сложилась и ее личная жизнь. Она осталась одинокой женщиной, очень привязанной к сестре и племяннику. Жила и держалась крайне скромно, что особенно бросалось в глаза при сравнении с ее сверстницей Т.С. Пассек. Та всегда была в центре внимания, чаруя окружающих своим обаянием, красотой и манерой поведения. Мария Евгеньевна предпочитала оставаться в тени. Она не была красивой, невысокого роста, с несколько непропор-

ционально большой головой, покрытой какими-то букольками. Но все искупали прекрасные лучистые глаза. В них светились мысль, боль, глубокая духовная жизнь. У меня этим она всегда вызывала в памяти толстовскую княжну Марью.

Обратимся же теперь непосредственно к трудам М.Е. Фосс по неолиту лесной зоны Европейской России.

Как уже говорилось, на эту тематику ее направил В.А. Городцов, но не только ее. Годом раньше Фосс археологическое отделение МГУ окончил А.Я. Брюсов, занявшийся тем же кругом проблем. Двум ученикам Городцова суждено было пройти жизнь рядом, работая в одних и тех же учреждениях по весьма близкой тематике. Невольно удивишься, почему Городцов, очень продуманно подсказывавший своим ученикам, над чем им стоит в дальнейшем работать (С.В. Киселеву – по археологии Сибири, П.А. Дмитриеву – Урала, А.П. Смирнову – по финно-угорским древностям, А.В. Арциховскому – по славяно-русским), в данном случае согласился на такое "дублирование". Возможно, в какой-то мере он посчитался с личными интересами своих учеников, но, думается, в первую очередь полагал, что будет лучше, если они смогут как-то дополнять, уравновешивать и корректировать достоинства и недостатки друг друга.

Людям, мало их знавшим, ленинградцам, киевлянам, казалось, что Брюсов и Фосс работают одинаково, лишь слегка варьируя толкование поднятой ими проблемы неолитических культур. В действительности это было совсем не так. Слушая их постоянные споры на заседаниях сектора неолита и бронзового века ИИМК, я всегда вспоминал слова Льва Толстого: "Оба были люди уважаемые и по характеру и по уму. Они уважали друг друга, но почти во всем были совершенно и безнадежно несогласны друг с другом – не потому, что они принадлежали к противоположным направлениям, но именно потому, что были одного лагеря (враги их смешивали в одно). А так как нет ничего неспособнее к соглашению, как разномыслие в полуотвлеченностях, то они не только никогда не сходились во мнениях, но привыкли уже давно, не сердясь, только посмеиваться неисправимому заблуждению один другого" (Толстой Л.Н., 1934, с. 401). В данном случае Мария Евгеньевна отнюдь не посмеивалась, а очень сильно страдала от этого "разномыслия".

По сравнению с Фосс Брюсов обладал рядом бесспорных преимуществ. Он был старше ее на 14 лет и сел на студенческую скамью зрелым человеком с большим жизненным опытом. До революции он вращался в кругу поэтов и критиков "Серебряного века", писал стихи, выступал как переводчик, на деньги отца – пробочного фабриканта – совершил кругосветное путешествие, о котором писал в своих стихах: "Я исходил весь мир, все страны, все моря". В начале Первой мировой войны он попал в плен к немцам и несколько лет провел в лагере для военнопленных. Он знал иностранные языки и, хотя и не очень систематически, следил за зарубежной литературой по археологии. Фосс языки знала неважно. Почти полное отсутствие иностранных сносок в ее работах – вовсе не следствие кампаний по "борьбе с космополитизмом", как решила С.В. Ошибкина.

Если Мария Евгеньевна работала в поле только в лесной зоне Европейской России и изучала только стоянки с каменными орудиями, то Александр Яковлевич вел раскопки и в Карелии, и на Вологодчине, и в Крыму (Чалки), и на Урале (Горбуновский торфяник), затрагивал памятники разных эпох (селище XVII в. Верхняя Лопшенга, золоторазработки конца XVIII в. в Карелии).

Все это предопределило то, что и при создании экспозиции Исторического музея, и при редактировании сборников статей его сотрудников, и во многих других случаях Брюсов играл главную роль, работа велась в соответствии с его взглядами.

Но была в Александре Яковлевиче некоторая ненадежность. Видимо, художественная сторона его натуры порою брала верх над стороной строго научной. Все археологи знали слова, сказанные о нем его братом – поэтом Валерием Брюсовым. В дни революции 1905 г. он записал в своем дневнике: "Мой брат делал вид, что он все знает, со всеми в сношениях, но все известия его оказывались вздором" (Брюсов В.Я.,

1927, с. 137). То, что говорил Александр Яковлевич в своих докладах, и даже то, что он отдавал в печать, всегда надо было проверять и, увы, нередко что-то "оказывалось вздором". Мария Евгеньевна была эталоном надежности. Если что-то было ей сказано, то это так и было.

Не менее важно другое обстоятельство. Брюсов еще в аспирантские годы стал штудировать марксистскую литературу и выдавал себя за ученого, интерпретирующего археологический материал в свете марксизма-ленинизма. В 1953 г. в возрасте 68 лет он вступил в ряды КПСС. Марии Евгеньевне такая политизация науки была чужда. С.В. Ошибкина писала, что М.Е. Фосс в своих работах исходила из учения К. Маркса (Ошибкина С.В., 1994, с. 175). Это не так. Она исходила всегда только из фактов и была типичным позитивистом. Обилие ссылок на "Марксизм и вопросы языкознания" И.В. Сталина в ее докторской диссертации, подготовленной еще при жизни Сталина в институте, до 1950 г. носившем имя Н.Я. Марра, легко объяснимо. Это не более чем "выплата идеологической пени", камуфляж, чего требовали от автора и ее редактор А.Я. Брюсов, и дирекция института, и издательство Академии наук.

При бегло обрисованной мной расстановке сил взаимоотношения с Брюсовым стоили Марии Евгеньевне большого душевного напряжения. В молодые годы они были близки. Потом разошлись. В каких-то случаях Александр Яковлевич считал своим долгом поддерживать Марию Евгеньевну, в частности при защите ее диссертаций. Но на ее докладах нередко выступал в очень резком, агрессивном тоне, позволяя себе отнюдь не безобидные выпады. Ей было безмерно больно.

К 1925 г., когда Брюсов и Фосс занялись неолитом лесной зоны России, в этой области было сделано уже немало. Первые стоянки были описаны еще в середине XIX в. В музеях накопились огромные коллекции каменных орудий и керамики. Но добытых при раскопках, хорошо документированных, профессионально описанных материалов было крайне мало. Можно назвать, пожалуй, единственную книгу "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера" А.А. Иностранцева (СПб, 1882) и серию статей о Льяловской стоянке под Москвой в приложении к "Русскому антропологическому журналу" за 1925 г. Нужно было прежде всего развернуть раскопки новых стоянок, классифицировать добытые при этом коллекции и публиковать итоги этих исследований.

Раскопки вели и А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс, но первый свои материалы в научный оборот в сущности так и не ввел. Информации его сопровождались очень небольшим числом рисунков, весьма схематичных и плохо понятных, и суммарным описанием каменных орудий и керамики. Это касается даже таких первоклассных памятников, как Модлона и Горбуновский торфяник.

В противоположность этому, статьи Фосс о ее раскопках в Веретье, Кубенине и т.д. всегда очень содержательны и хорошо иллюстрированы. Перед нами не схемы, как у Брюсова, а точные изображения древних вещей, когда графические, а когда фотографические.

В довоенные годы из-за отсутствия средств сотрудники Исторического музея почти не имели возможности ездить в командировки по другим музеям для изучения их коллекций. Мария Евгеньевна говорила поэтому только о тех материалах, которые сама держала в руках, главным образом о коллекциях родного музея. Брюсов же спокойно написал "Историю древней Карелии" (1940), не учитывая колоссальные собрания ленинградских музеев, и "Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху" (1952), даже не съездив на Украину. Все это бросалось в глаза людям, занимавшимся неолитом. Для археологов-профессионалов работы Фосс были предпочтительней. Брюсов же больше импонировал не специалистам, а широкой аудитории.

Но задача исследователей неолита, конечно, не сводилась к тому, чтобы выявить, раскопать и ввести в научный оборот новые памятники этой эпохи. Надо было привести в некую систему огромный материал по неолиту России, дать его историческую интерпретацию. Попытки как-то классифицировать эти материалы предпринимались

еще в 1870-х годах (Лерх П.И., 1881, с. 9–17). Важные шаги в этом направлении делал В.А. Городцов. Еще до революции он поднял вопрос об археологических культурах ("Культуры бронзовой эпохи в Средней России", 1915), а в упоминавшихся выше статьях о стоянках Беломорья и района Галича подчеркивал своеобразие этих памятников.

Очень много нового внесли в 1920-х годах в систематизацию стоянок и погребений Волго-Окского бассейна Б.С. Жуков и его ученики. Они показали своеобразие поселений льяловского, балахнинского, волосовского типа, отделили ранние комплексы (такие, как Льялово, Языково) от поселений, связанных уже с эпохой металла (Озименки и др.). Выделен был и очень ранний пласт, характеризующийся керамикой с прочерченным и накольчатым орнаментом (Жуков Б.С., 1929, с. 54–77). К несчастью, арест и гибель в концлагере Б.С. Жукова оборвали эти успешно начатые работы. В 1930–1940 гг. его ученики переключились на другие темы: М.В. Воеводский занялся палеолитом Десны, О.Н. Бадер вел раскопки в Крыму, Приазовье, на Урале.

Стадиальная схема, утвердившаяся к этому времени в ГАИМК в Ленинграде, препятствовала изучению локальных археологических культур. Критика А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс пропагандистами этой схемы помешала сотрудникам ГИМ двигаться в уже намеченном направлении. В 1922 г. в Финляндии на немецком языке вышла книга Ю. Айлио "Проблемы русского каменного века". Автор сконструировал единую зону распространения ямочно-гребенчатой керамики от Прибалтики до Енисея. Сторонников стадильной схемы, занимавшихся неолитом, вроде В.И. Равдоникаса, это построение вполне устраивало. Воспитанников школы Городцова оно не убеждало.

Возобновить работу по членению памятников на территориальные группы удалось лишь в конце 1930-х годов, а отражение в печати она нашла уже в 1940–1950-х годах.

Сравнение публикаций А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс любопытно. В статье 1947 г. "Неолитические культуры Севера Европейской части СССР" Мария Евгеньевна в полной мере учитывала достижения Б.С. Жукова, М.В. Воеводского и О.Н. Бадера. Брюсов их идеи и публикации практически игнорировал, хотя стал копать выявленные Жуковым стоянки Льялово и Николо-Перевоз.

Первоначально выделение археологических культур в неолите Севера России сводилось по сути дела к простейшей операции: сравнивались коллекции, поступившие в музеи из Карелии, с Вологодчины и с берегов Белого моря, и констатировалось, что в каждом из этих трех районов отмечается некоторое своеобразие в облике каменных орудий и керамике. Отсюда делались далеко идущие выводы о существовании определенных неолитических племен или групп родственных племен. Это мы прочтем и в "Истории древней Карелии" А.Я. Брюсова, и в уже названной статье М.Е. Фосс 1947 г.

Между тем сделанные наблюдения, безусловно, заслуживая внимания, вызывали и новые вопросы. Не отражает ли специфика коллекций вовсе не этническое деление древнего населения, а особенности природной обстановки, сказавшиеся на специфике хозяйства и бытового инвентаря? Всегда ли мы имеем дело с одновременными памятниками? Ведь подавляющее большинство коллекций представлено подъемным материалом. Различия могут быть вовсе не этническими, а хронологическими. И, наконец, могут ли быть этническим признаком те или иные формы орудий труда или посуды? Отличия бывают и чисто функционального характера.

Все эти вопросы активно обсуждались исследователями неолита. Позиция Брюсова по сравнению с установками "Истории древней Карелии" почти не менялись. Мария Евгеньевна, напротив всегда была в поиске, стремилась идти в своей работе с каждым годом и дальше, и глубже.

Чтобы расчленить материал не только территориально, но и хронологически, М.Е. Фосс приложила много сил к выявлению следов знакомства с металлом в лесной зоне, к сопоставлению найденных здесь древних вещей с изделиями, распространенными в южных культурах бронзового века. В итоге ей удалось убедительно показать, что многие стоянки, традиционно называвшиеся неолитическими, в действительности относятся к эпохе бронзы, даже к началу железного века. Были выделены и

некоторые типы кремневых орудий, свойственные этому времени (наконечники стрел с пильчатой ретушью и др.). Сейчас для лесной зоны вполне утвердились термины "энеолит" и "бронзовый век". Но уже забылось, что впервые стала говорить об этом именно М.Е. Фосс в статье 1949 г. «О терминах "неолит", "бронза", "культура" и в своей итоговой книге.

А.Я. Брюсов эти соображения не учитывал. У него в неолит входят и могильники фатьяновской и усатовской культур, и стоянки приказанской культуры и т.д. Зато более прав был он в определении нижних дат неолита лесной зоны. В 1950 г. А.А. Иессен писал о некоем пределе – II тыс. до н.э. – "его же не прейдеши", довлевшем над сознанием наших археологов 1930–1940-х годов (Иессен А.А., 1950, с. 194). Тогда даже Майкопский курган отнести к III тыс. до н.э. казалось неоправданной смелостью.

М.Е. Фосс тоже относила памятники неолита лесной зоны к отрезку времени от III до начала I тыс. до н.э., в основном же ко II тыс. Раскопав Нижнее Веретье с архаическим костяным инвентарем и полным отсутствием керамики, она не решилась связать этот комплекс с мезолитом и находила, что он недалеко отстоит от времени появления глиняной посуды и датируется скорее всего концом IV – начало III тыс. до н.э. А.Я. Брюсов был прав, не соглашаясь в этом с М.Е. Фосс и удревняя Веретье, хотя его попытки очень углубить во времени некоторые случайные находки на Севере и в Зауралье были несостоятельны.

И А.Я. Брюсов, и М.Е. Фосс старались привлечь к обоснованию датировок изучаемого ими археологического материала данные естественных дисциплин: пыльцевой анализ, определение возраста речных террас, дюн, торфяников. Укажу хотя бы на статью М.Е. Фосс 1947 г. "О датировке неолита по данным естественных дисциплин" и соответствующие разделы в ее итоговом труде. Это выглядит сейчас вполне банальным, но после кампаний "борьбы с биологизаторством", проведенных в ГАИМК в начале 1930-х годов, развернуть такую работу было совсем не легко.

Насаждавшееся в ГАИМК социологическое направление в археологии прошло мимо и А.Я. Брюсова, и М.Е. Фосс, хотя в публикациях П.Н. Третьякова были, бесспорно, интереснейшие, заслуживающие всякого внимания разработки в области неолита. У М.Е. Фосс мы найдем лишь отдельные, правда, достаточно перспективные наметки по типологии неолитических стоянок – как бы мы сказали сейчас – базовых и временных. И Брюсов, и Фосс иногда прибегали к этнографическим параллелям, неолитическим материалам, но это скорее примеры, иллюстрации к некоей схеме, чем результат всестороннего анализа большого массива фактов, как это умел делать тот же П.Н. Третьяков (Третьяков П.Н., 1935, с. 97–180).

Главным для М.Е. Фосс было изучение самих археологических находок. Как я уже говорил, первая ее статья была посвящена керамике. Но в 1930–1932 гг. в Историческом музее ей было приказано заниматься не такими пустяками, а фундаментальными проблемами. Сменивший В.А. Городцова на посту главы археологического отдела ГИМ А.В. Арциховский выдвинул как основную тему отдела – изучение орудий труда, поскольку последним придавал определяющее значение в "Капитале" К. Маркс. Работа сотрудниками была проделена большая и не бесплодная. С помощью специалиста по механике В.А. Желиговского вычислялся коэффициент полезного действия для каменных, бронзовых и железных топоров (Левашева В.П., 1959, с. 46–56).

Занималась этими темами и М.Е. Фосс. Любопытна ее статья "О добывании камня и о древних каменоломных орудиях на Севере Восточной Европы", написанная совместно с историком античности Л.А. Ельницким, участником ее экспедиций и близким ей человеком. Но постепенно интерес исследовательницы к древним орудиям слабел. Она увидела, что некогда найденная функционально оправданная форма орудий может сохраняться тысячелетиями. Одна и та же кремневая пластина могла служить для вспарывания шкуры мамонта, убитого палеолитическими охотниками, и для срезания злаков при уборке урожая ранними земледельцами. Это не диагностическая форма.

Вывод как-то не согласовывался с тезисом К. Маркса и не позволял использовать каменные орудия как основу при классификации коллекций. А.Я. Брюсов с этим не соглашался. Возражал и я, ибо некоторые детали орудий не имели функционального назначения и отражали местные традиции в приемах обработки камня, принципиально ничем не менее показательные, чем различия в керамических формах и орнаментации.

Отныне внимание М.Е. Фосс было сосредоточено на керамике и прежде всего на ее орнаментике. Различия в мотивах орнамента, свойственные отдельным районам, она стала рассматривать как этнический признак. Мне такой односторонний подход к комплексу находок чужд, но в дальнейшем исследование неолита пошло по линии, намеченной именно М.Е. Фосс (см. хотя бы все построения Н.Н. Гуриной и Д.Я. Телегина). В этих своих исследованиях Мария Евгеньевна развивала наблюдения В.А. Городцова (его "Русская доисторическая керамика" появилась еще в 1901 г.) и разработки Б.С. Жукова и М.В. Воеводского 1920-х годов.

Как мы сейчас хорошо знаем, многие удобные для поселений точки посещались первобытным человеком неоднократно, а брошенные и оставленные им вещи в песчаной почве оказывались перемешанными. Поэтому не только подъемный материал, собранный на дюнах, но и коллекции из раскопок дюнных стоянок редко дают надежные комплексы находок. Понято это было не сразу. В 1935 г., найдя в одном слое Шелаевской стоянки кремневые геометрические орудия и керамику катакомбной культуры, М.Е. Фосс сочла их одновременными (как ранее В.В. Гольметен при раскопках на дюне Марычевке в Среднем Поволжье). Так же воспринимал материал и А.Я. Брюсов.

В конце 1940-х годов М.Е. Фосс как редактор познакомилась со статьей Н.Н. Гуриной "Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера" (МИА, 1951, № 20). Это часть кандидатской диссертации, написанной под руководством П.П. Ефименко. Используя членение древней керамики, разработанное в Финляндии (посуда типа сперрингс, ямочно-гребенчатая, асбестовая, сетчатая), Н.Н. Гурина показала, что в Прионежье есть стоянки с чистыми комплексами, а есть со смешанными, так что говорить о любой находке в этом районе как о принадлежащей к единой карельской культуре (по А.Я. Брюсову) никак нельзя.

На Марию Евгеньевну этот новый подход к материалу произвел большое впечатление и, готовя свою докторскую диссертацию, она заново пересмотрела все коллекции. Результат ее ошеломил. Не только для стоянок Карелии, но и для материалов, позволявших, как будто, выделять каргопольскую и беломорскую культуры, картина оказалась сходной: всюду представлена весьма разнородная керамика. Отсюда следовало сделать вывод, что карельская, каргопольская и беломорская культуры были выделены в статье 1947 г. неудачно и надо дать иное, более обоснованное членение материала.

В сущности в книге 1952 г. М.Е. Фосс это деление и дала (на схематической карте – рис. 88). Намечены три большие зоны: западная с гребенчато-ямочной керамикой, центральная – с ямочно-гребенчатой и восточная, приуральская – с гребенчато-струйчатой. О первой зоне Мария Евгеньевна смогла говорить после своей командировки в Прибалтику, а зауральских материалов после раскопок Д.Н. Эдинга и А.Я. Брюсова в коллекциях ГИМ было много.

Выделив эти три большие зоны, М.Е. Фосс не отказалась, однако, и от старых терминов и от узколокальных культур. К карельской, каргопольской и беломорской добавилась и четвертая – печорская (на основании сборов Г.А. Чернова). При этом большим зонам автор придавал этническое значение, а малым культурам – нет, полагая, что тут проявлялось лишь влияние хозяйственно-географических факторов. В построении возникла некоторая противоречивость, на что указывали и я, и позднее В.П. Третьяков.

Достоинства книги 1952 г. перевешивают этот недостаток. Удачно показано происхождение неолитического населения Севера из Волго-Окского бассейна (так думал и

А.Я. Брюсов). Не менее убедительно интерпретированы памятники, инородные для лесной зоны: фатьяновские и среднеднепровские. Они расценивались как свидетельства проникновения в массив охотничье-рыболовческих племен населения из западных и южных районов, освоившего уже скотоводство. В приложениях суммировано много справочных данных о памятниках каменного века, выявленных на Севере Европейской России. Но проблема собственно этнической истории оказалась несколько запутанной, и это мучило автора.

Я считаю, что истинным достижением книги помимо уже названных был опыт выделения больших культурно-исторических областей в Северном неолите. Эти наблюдения вполне отвечали тенденции к выделению больших историко-культурных общностей в неолите Азиатской России, чем занимались тогда А.П. Окладников и В.Н. Чернецов. Большие зоны выделяли в верхнем палеолите С.Н. Замятнин, а в мезолите – автор этих строк. Опыт выделения множества микрокультур в палеолите, предпринятый А.Н. Рогачевым, как сейчас признают, был интересным, но в целом оказался малоубедительным.

А.Я. Брюсов как раз шел этим путем. В 1950–1960-х годах в IV зале Исторического музея он показывал неолитические материалы в такой последовательности: 1) карельская культура, 2) каргопольская, 3) горбуновская, 4) срубная, 5) андроновская, 6) коллекции с Кольского полуострова и из Большеземельской тундры, 7) Бессарабский клад, 8) полтавкинская культура, 9) балановская, 10) Федоровская стоянка, 11) среднеднепровская культура, 12) галичская, 13) карасукская (Государственный исторический музей, 1960, с. 35–64).

Еще тогда я воспринимал эту экспозицию как сумбурную, не способную что-либо прояснить для посетителей, ни специалистов-археологов, ни, тем паче, неподготовленных. Здесь были смешаны материалы по крайней мере пяти резко различающихся в историческом плане регионов. 1) Область ямочно-гребенчатой керамики, включающая карельскую, каргопольскую и галичскую культуры, Федоровскую стоянку, памятники Кольского полуострова и Большеземельской тундры, а также совершенно напрасно оторванные от них льяловскую, белевскую, рязанскую, балахнинскую, представленные в зале III. 2) Культуры степного круга – срубная, андроновская и предшествовавшая им полтавкинская. Последнюю следовало демонстрировать вместе с катакомбной, попавшей в зал III. 3) Культуры центрально-европейского происхождения – среднеднепровская и балановская, противоестественно оторванные друг от друга и от фатьяновской, помещенной в зале III. 4) Зауральская культура Горбуновского торфяника. 5) Центральноазиатская – карасукская.

Понимание того, что малые единицы – археологические культуры – должны объединяться в более крупные группы, подобно тому, как виды животных и растений входят в роды, семейства, классы, было чуждо А.Я. Брюсову. Для него все подразделения были равноправны, а не включались в некую иерархическую систему.

А вот М.Е. Фосс в ходе своей работы это поняла и тем самым внесла в хаос материала определенный порядок.

Поэтому дальнейшее изучение северного неолита пошло скорее по путям, намеченным М.Е. Фосс, чем по интересным для своего времени, но все же очень уязвимым разработкам А.Я. Брюсова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я., 1928 Федоровская стоянка // ТСА РАНИОН. Вып. II.

Брюсов В.Я., 1927. Дневники 1891–1910 гг. М.

Быковский С.Н., 1931. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // СГАИМК. № 9–10.

Городцов В.А., 1901. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря // Древности. Т. XIX. Вып. II.

Городцов В.А., 1928. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. Вып. III.
Государственный исторический музей, 1960. Путеводитель по залам I–IV, А, Б. В. М.
Жуков Б.С., 1929. Теория хронологических и культурных модификаций неолитических стоянок Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. № 1.
Иессен А.А., 1950. К хронологии "Больших кубанских курганов" // СА. Вып. XII.
Кричевский Е.Ю., 1931. Буржуазная археология в советском музее // СГАИМК. № 9–10.
Левашева В.П., 1959. К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИИМК. Вып. 75.
Лерх П.И., 1881. Какие замечаются черты сходства или различия в материале и форме и поэтому и в целях назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и в Прибалтийском и Северо-Западном краях? // Труды II АС. Т. II. Протоколы.
Ошибкина С.В., 1994. О значении трудов М.Е. Фосс // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85.
Толстой Л.Н., 1934. Анна Каренина // Полн. собр. соч. в 90-томах. Т. 18. М.
Третьяков П.Н., 1935. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. Вып. 106.

Институт археологии РАН,
Москва

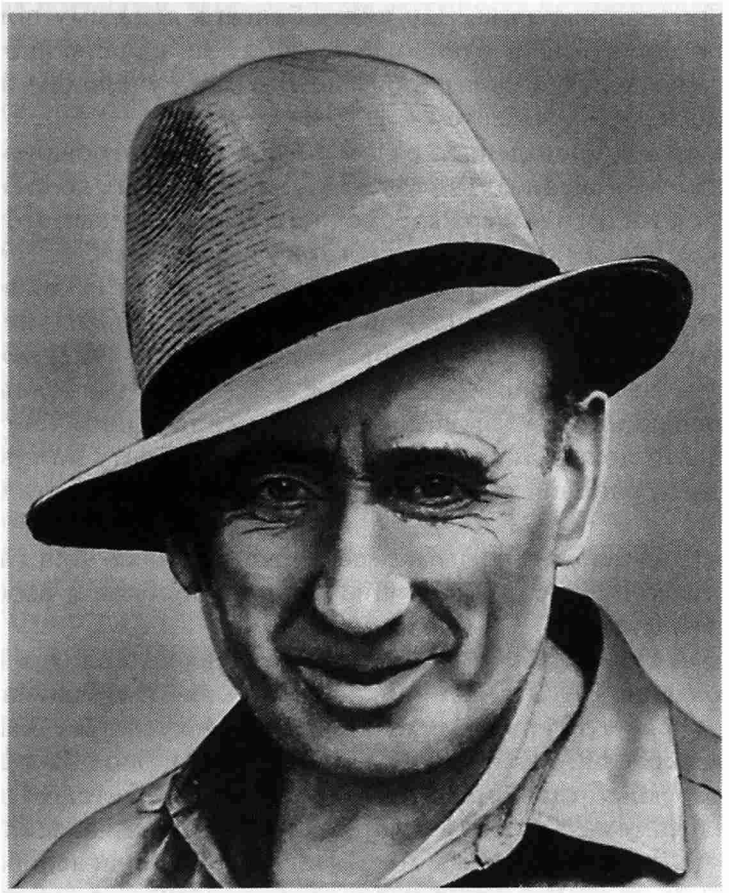
Г.А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

К 100-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА СМИРНОВА

Сто лет прошло со дня рождения одного из крупнейших представителей русской исторической науки, классика русской археологии Алексея Петровича Смирнова. Он родился в Москве 29 мая 1899 г. в семье присяжного поверенного, выходца из духовной среды, учился в одном из Московских реальных училищ, которое окончил в 1916 г. Первая мировая война не обошла молодого А.П. Смирнова стороной: он попадает на фронт в качестве вольноопределяющегося. После революции и гражданской войны А.П. Смирнов смог получить высшее образование: в 1922–1924 гг. он учится на Факультете общественных наук I МГУ. Во время учебы А.П. Смирнов едет в свою первую археологическую экспедицию и так увлекается ею, что становится археологом и с тех пор почти все годы ездит в археологические экспедиции. Руководителем его в те годы был выдающийся русский археолог В.А. Городцов, вместе с которым А.П. Смирнов работает до 1926 г. Трудно перечислить все места, где ученый проводил полевые работы. Достаточно сказать, что с 1923 по 1941 г. он руководит раскопками в Московской и Ивановской областях, в Коми, Краснодарском крае, в Татарии и Удмуртии, принимает участие в археолого-архитектурных исследованиях в Южной Осетии. Археология в этих экспедициях часто совмещается у А.П. Смирнова с этнографией, к которой он сохраняет интерес в течение всей жизни. Из ранних его работ по этнографии особенно важны исследования в Удмуртии.

В грозный 1941 г. А.П. Смирнов уходит добровольцем в Московское ополчение. Будучи простым солдатом, он испытал на себе все беды и ужасы, которые судьба предназначила этому ополчению. После разгрома последнего А.П. Смирнов в составе небольшой группы выходит из окружения и возвращается в Москву. Вскоре как крупный ученый он был демобилизован, но и после этого продолжал работать на оборону. В системе Академии наук он некоторое время руководит отрядом Экспедиции особого назначения, работавшей по заданиям Народного Комиссариата обороны. Впоследствии А.П. Смирнов выполняет задания Государственной чрезвычайной комиссии по установлению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками.

© Г.А. Федоров-Давыдов, 1999 г.



А.П. СМИРНОВ

После войны А.П. Смирнов направляет основные свои усилия на изучение городища Великие Болгары, начатое еще до войны. Он становится начальником огромной новостроечной Куйбышевской экспедиции, включавшей много отрядов с разнообразной тематикой: изучение неолита Среднего Поволжья, памятников бронзового и раннежелезного веков, а также средневековья, среди которых главным был, конечно, Болгар. Опыт руководства большими комплексными экспедициями А.П. Смирнов использует впоследствии, когда под его началом создается Чувашская археологическая экспедиция: те же разнообразие памятников и мастерство руководства несколькими отрядами. А.П. Смирнов был душой этих экспедиций, а они в свою очередь были главным стержнем его жизни. Он ездил на раскопки до последних лет своей жизни. В последний раз он работал в экспедиции в возрасте 72 лет, примерно за два года до своей смерти.

Все участники этих экспедиций навсегда запомнят Алексея Петровича в роли начальника. Неутомимый, простой, неприхотливый, он делил вместе со всеми трудности экспедиционного быта, не позволяя себе никаких льгот и особых удобств. Известный ученый и крупный администратор, он всегда был доступен для каждого члена коллектива. Его демократизм являлся продолжением лучших традиций старой русской археологии. Многое он взял у своего учителя В.А. Городцова – те же строгость к себе и другим, военная четкость и порядок. В 60 и 70 лет А.П. Смирнов проводил все рабочее время на раскопе, иногда даже утром готовил для всех еду вместе с дежурными. Был он подтянут и деловит до самых последних своих экспедиционных сезонов, а его начищенные каждое утро в любую погоду сапоги вошли в экспедиции в поговорку.

В пору расцвета Куйбышевской экспедиции, т.е. в 1950-х годах, полевая работа длилась три и более месяцев, и А.П. Смирнов сам сопровождал машины из Москвы и обратно, как бы пытаясь доказать себе, что еще не все потеряно, что он здоров и еще

долго сможет ездить на раскопки. Но когда болезнь дала ему понять, что близок конец, он не стал цепляться за руководство, не стал "начальником из Москвы", а сразу, без колебаний передал свои любимые Болгары ученикам и больше не вмешивался в полевые дела.

Трудно забыть время, проведенное рядом с Алексеем Петровичем в экспедициях – на раскопках, в дороге, в машинах, в разведках, на случайных ночлегах, в поездках на телеге под дождем и т.п. Его выдержка, смелость, хладнокровие, хотя он был в целом нервным человеком, заражали всех бодростью и верой в успех.

Маститый ученый, А.П. Смирнов часто сам расчищал вскрываемые объекты, обмерял их и чертил, сам снимал план памятника, не гнушаясь никакой работой в экспедициях. Для А.П. Смирнова не было деления на "чистую" кабинетную и "грязную" полевую археологию. Для него не было также и деления на верхушку, начальство в экспедиции и рядовой состав. Все жили одним бытом и выполняли общую работу. Часто пожилой ученый сам брался за лопату или нож, простаивал в жару на раскопе весь рабочий день. Все это будут всегда помнить те, кто работал с ним.

А.П. Смирнов работал во многих научных учреждениях. Два главных, которым ученый отдал больше всего сил, были Институт археологии и особенно Государственный Исторический музей.

В 1926–1929 гг. А.П. Смирнов – аспирант Отделения археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Он остается там работать научным сотрудником, а потом переходит в Институт истории материальной культуры АН СССР (впоследствии Институт археологии). В этом институте А.П. Смирнов был долгие годы заведующим Сектором скифо-сарматской археологии и заместителем директора. Им во многом определялись тематика и ход исследований в области археологии раннего железного века. Под его руководством в этом секторе закончили аспирантуру несколько человек. На этом посту А.П. Смирнов показал огромную эрудицию ученого, а его талант организатора науки проявился на посту заместителя директора.

Но больше всего усилий отдал А.П. Смирнов Историческому музею, будучи заведующим одним из археологических отделов и долгие годы заместителем директора музея. Он был завален организационной работой: вопросы экспозиции и хранения, кадров и реставрации, в том числе и архитектурных памятников. Заметим, что А.П. Смирнов буквально спас некоторые шедевры зодчества Москвы. Немало хлопот доставляли филиалы музея; при этом самым неприятным было то, что во главе последнего был человек, выдвинувшийся только благодаря своим связям с правящей в то время партийной верхушкой, которому нужно было объяснять, что важны не только реликвии революции, но и древности, что музейные фонды нельзя раздавать и тому подобные истины. Настоящим директором должен был бы стать А.П. Смирнов. Фактически он им и являлся.

Алексей Петрович был "службист". Он добросовестно относился к своим служебным обязанностям и требовал такого же отношения от подчиненных. Вместе с тем никто не может сказать, что он был карьеристом. Алексей Петрович получил за свою службу минимум благ и почестей, тот минимум, которые ему не могли не дать. Служил ли он режиму? Нет, он его не любил, был внутренне чужд ему, хоть и защищал его на фронте. В личных разговорах с людьми, которым доверял, ученый осуждал и репрессии, и общую политику государства. И тем не менее служил. Это феномен характерен для его эпохи. Понять его и разъяснить предстоит будущим историкам. А.П. Смирнов хотел пройти жизнь активно, отдать ее науке, культуре своей страны, и чтобы сделать это, нужно было "служить".

Об А.П. Смирнове ходило много анекдотов, причем он сам часто давал повод для них. Его чудачества, эскапады, дерзости начальству, характерное "прикидывание" простачком – все это хорошо помнят те, кто близко его знал. Умнейший и тонкий человек, он порой изображал из себя эдакого "недотепу", не понимающего простых вещей. Это была маска, под которой он спасался от чиновнической стихии, в которую

волею судьбы был погружен. Мне он часто напоминал великого Суворова. Я не хочу сравнивать историческое значение этих двух людей, совершенно несопоставимых. Да и не в этом дело. Сходным было то стремление к чудачеству, которое для умного русского человека, зажатого в тиски казенной службы, было выходом его свободной души.

А.П. Смирнов часто говорил мне, что человек не может не приспосабливаться. Но есть два вида приспособления. Один, и он его отвергал, – приспособление к начальству, к сиюминутной ситуации, бесхребетность. Другой – приспособление к эпохе, и он его принимал, оправдывал, и мы должны его оправдать, ибо нельзя активно жить и не зависеть от своего времени. Как не вступить в партию, хотя внутренне ей совершенно чужд, когда от этого зависит, будешь ли начальником огромной экспедиции, – дело, к которому чувствуешь себя подготовленным, которое дало бы возможность развернуться и выполнить все задуманные и подготовляемые научные планы, т.е. дело всей твоей жизни!

Молодым, еще в РАНИОНе, А.П. Смирнов примкнул к социологическому направлению в археологии, являвшемуся общим течением в советской гуманитарной науке. Но вскоре отошел от него, хотя "рецидивы" оставались еще долго. Это сказалось на одной из первых его статей о социально-экономическом строе восточных финнов, а позднее – на работе о рабстве у скифов. И опять же это не было конъюнктурным приспособлением, а отражало общее направление развития нашей науки, через которое прошли многие ученые.

А.П. Смирнов вместе с А.В. Арциховским, С.В. Киселевым, А.Я. Брюсовым принял участие в вульгарно-социологической группе "новых марксистских археологов", а потом в 1932 г. под давлением грозных обстоятельств, весьма далеких от науки, отказался от нее вместе с другими участниками. Но он никогда не подписывался и, я уверен, не подписался бы под статьями вроде "Вредительство в археологии".

Россия прошла в XX в. тяжелый, противоречивый, трагический путь, и дети ее, ровесники века, повторили его в своей судьбе: некоторые, среди которых был А.П. Смирнов, в целом благополучно, а многие и гибельно. Алексей Петрович сочувствовал последним и никогда не осуждал их, а некоторым по мере своих сил, рискуя иногда своим положением и благополучием, помогал.

Жизнь ученого должна быть измерена не житейскими фактами, не ступеньками его продвижения по службе, а ростом его творческой личности, его научными достижениями. А.П. Смирнова занимали две основные научные темы.

Первая тема – это история и археология тюркских народов Поволжья, и прежде всего болгар. Ученого увлекала проблема появления тюркоязычных племен в Среднем Поволжье и связанный с ней вопрос о происхождении волжских болгар. Он был сторонником той точки зрения, что только с появлением в конце I тыс. н. э. в этом районе с юга болгар начинается тюркизация края. Он вел полемику с А.Х. Халиковым, В.Ф. Генингом, П.Н. Старостиным – сторонниками тезиса о более раннем появлении тюрок в Среднем Поволжье, о тюркской природе ряда памятников первой половины I тыс. н. э., о тюркской принадлежности именьковской культуры и т.п. Дискуссия ведется и сейчас. От признания тюрок носителями именьковской культуры большинство его оппонентов отказалось. Этническая природа других, выдаваемых за тюркские, памятников до сих пор не выяснена. Положение А.П. Смирнова о болгарских племенах как первых носителях тюркского этноса в Среднем Поволжье пока остается неопровергнутым и принимается многими исследователями.

А.П. Смирнов делал основной упор на средневековую историю волжских болгар, на их историю и археологию в эпоху государства. Этой теме посвящено несколько монографий ученого, и прежде всего книга "Волжские булгары" (М., 1951). Грандиозные раскопки городища Великих Болгар – памятник научной деятельности ученого. Вскрыты и блестяще зафиксированы такие объемы, как бани, в том числе замечательная "Красная палата", оборонительные системы, дренажные сооружения, гончарные и металлургические мастерские, дома горожан, изучены армянская

колония Болгара и его пристань – Ага-Базар. А.П. Смирновым была создана схема стратиграфии Болгарского городища и прослежена историческая динамика топографии города. Исторический музей и Татарский музей в Казани наполнились сотнями рядовых и уникальных предметов из этого памятника.

А.П. Смирнов создал на раскопках Болгар целую школу исследователей. Высокая современная методика, тщательность фиксации делают эти раскопки важнейшей вехой в истории российской археологии. Множество публикаций самого А.П. Смирнова, его учеников и сотрудников, главным образом участников раскопок Болгар, создают впечатляющую картину изученности этого средневекового города – важнейшего торгового, ремесленного и политического центра Восточной Европы. А.П. Смирнов до конца сопротивлялся ненаучным попыткам отнести исторический Болгар к Билярскому городищу.

Изучение болгарской археологии и истории этого этноса было важным для реконструкции ученым этногенеза ряда поволжских народов, в первую очередь казанских татар и чувашей.

Кроме Болгарского городища А.П. Смирнов занимался исследованием и других болгарских городов, больших и малых. Еще в начале изучения болгарских памятников он предпринял значительные по объему раскопки Сувара. В книге "Волжские булгары" он дает характеристику ряда других болгарских городов. Кроме того, он исследовал и феодальные замки – малые болгарские городища.

А.П. Смирнов был убежденным сторонником того тезиса, что в Волжской Болгарии XI–XIII вв. был феодальный общественный строй типа русского феодализма, и исследуемые малые городища совершенно справедливо относил к категории феодальных замков с их характерной аграрной округой в виде открытых селищ. Он обследовал Андреевское городище, Хулаш, Тигашевский замок-святилище, городище Большая Тояба и другие памятники. Изучались и большие болгарские селища домонгольской поры. А.П. Смирнову принадлежит заслуга превращения массового керамического материала в хронологический индикатор культурного слоя. Подсчеты соотношения того или иного вида и цвета керамики стали указывать на дату слоя болгарского памятника с поправкой на то, городские это слои или слои мелких сельских поселений. В этих работах А.П. Смирнов был одним из зачинателей применения статистики в археологии.

Понимая, что ничто так не характеризует уровень развития города, как ремесло, исследователь много внимания уделял изучению ремесла Волжской Болгарии. На базе раскопок в Болгарах он организовал металлографическое изучение черной металлургии – одно из первых у нас.

Так как основная толща культурного слоя Болгара относилась к золотоордынской эпохе, А.П. Смирнов не мог пройти мимо золотоордынской археологии. В 1958 г. совместно с автором этих строк он выступает с инициативой возобновления археологического изучения золотоордынских городищ Нижнего Поволжья и сам едет осматривать Царевское городище. Он помогает организовать раскопки золотоордынских городов Нижнего Поволжья и сам неоднократно посещает их.

Второй главной темой в научном творчестве А.П. Смирнова была археология и история финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Он посвятил ей несколько фундаментальных работ: "Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья" (М., 1952), "Железный век Чувашского Поволжья" (М., 1961) и ряд других более мелких работ. Ученый выступал со статьями о древнейшем прошлом и этногенезе финно-угорских народов. Значительное место в его работах занимали вопросы ананьинской и пьяноборской культур. Он исследовал происхождение ананьинской культуры, отмечая в ее этногенезе абашевские и сибирские элементы. Проблема этногенеза ряда финно-угорских племен заставила А.П. Смирнова пристально изучать древности бронзового века, абашевскую, срубную и другие культуры и даже организовать раскопки памятников этих культур.

А.П. Смирнов занимался вопросами древней истории марийцев, впервые определил территорию расселения этих племен в древности, наметил решение вопроса об их этногенезе, определил их некоторые локальные различия. Главную роль в процессах формирования древних финно-угорских народов Поволжья и Прикамья исследователь отводил пьяноборской культуре. Последняя, по его мнению, лежала в основе марийского этноса, сочетаясь с сильным компонентом пришлых из Правобережья Волги городецких племен.

Значительное внимание А.П. Смирнов уделил изучению именно городецкой культуры, во многом развив достижения В.А. Городцова и В.В. Гольмстен в этой области. В связи с этой проблемой А.П. Смирнов обращается к изучению могильников древней мордвы и рязанских могильников, ведет полемику с П.П. Ефименко по поводу их датировок. Важное значение для будущего изучения этого материала имел выдвинутый А.П. Смирновым тезис о возможности и необходимости выделения археологического материала древних мордвы-мокши и мордвы-эрзи, муромы, мещеры. Он отмечал пережитки пьяноборской культуры в ряде групп могильников и существенную роль влияний культур Прикамья на сложение культур этих могильников. Кошибеевские племена ученый считал тем компонентом, который вошел в состав чувашского этноса на ранних стадиях развития последнего.

Таким образом, А.П. Смирнов уделил значительное внимание проблеме происхождения мордовского народа. Он полагал, что мордва была потомком городецкого населения I тыс. до н.э. и в древности занимала (и мокша, и эрзя) территории по течению рек Мокша, Сура и Цна. А область рязанского течения Оки в древности была заселена муромой.

Изучая городецкую культуру, А.С. Смирнов неоднократно ставил вопрос о буртасах и об их археологических следах.

Ученый с трудом принимал выделение азелинской и мазунинской культур, вызревавших на почве пьяноборской общности. Дальнейшие исследования и новые материалы показали, что постпьяноборская эпоха в Прикамье развивалась много сложнее, чем это представлял себе А.П. Смирнов.

В своей совокупности работы А.П. Смирнова о ранних этапах истории башкир, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, городецкой культуры составляют грандиозное исследование о раннем и среднем железном веке Среднего Поволжья и Прикамья, т.е. огромной части Восточной Европы.

В этногенетических исследованиях по изучению сходства культур, в самой проблеме выделения археологических культур А.П. Смирнов был последовательным сторонником комплексного подхода, не допуская сравнения культур по одному признаку, тем более выделения по нему археологической культуры. Он написал по этому поводу теоретическую работу.

А.П. Смирнов принимал активное участие в создании региональных историй народов Восточной Европы и обобщающих монографий по истории СССР. Эти разделы представляют самостоятельные обширные исследования. Таковы главы из очерков "История СССР" (М., 1966). Им было написано несколько обзоров раскопок как Куйбышевской археологической экспедиции, так и археологических работ по всей РСФСР.

Заслуживает упоминания краеведческая и педагогическая работа А.П. Смирнова. Некоторое время он преподавал в Московском архитектурном институте, был заведующим Сектора археологии и дореволюционной истории Научно-исследовательского института краеведения и музейной работы. Он состоял профессором Исторического факультета МГУ, где читал спецкурсы по археологии болгарских и финно-угорских народностей. Педагогическую работу А.П. Смирнов вел всю свою жизнь: всегда у него были аспиранты, он не уставал учить молодых сотрудников в экспедиции, в поле. Среди его учеников – А.М. Ефимова, Т.А. Хлебникова, Г.А. Федоров-Давыдов, Ю.А. Краснов, Г.А. Архипов и другие.

А.П. Смирнов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему были

присвоены звания Заслуженного деятеля науки и культуры Татарской и Чувашской АССР.

А.П. Смирнов был на редкость разносторонним ученым. Наряду с другими его волновали проблемы скифологии. Еще в молодые годы он написал работу об общественном строе и рабстве у скифов, позднее издал небольшую популярную книгу о последних, отразившую новейшие знания об этом древнем народе и его археологии. Уже после смерти ученого эта книга была переведена на немецкий язык и вышла в Германии и Чехословакии. Известно несколько интересных работ А.П. Смирнова об отдельных вещах, относящихся к скифо-сарматским древностям, об особенностях происхождения и развития скифского звериного стиля.

Славяно-русская тематика привлекала внимание ученого в связи с разработкой проблем болгарской и финно-угорской археологии. Но у А.П. Смирнова есть и специальные работы в этой области. Еще в 1950-х годах А.П. Смирнов высказывал мысль о славянах на Средней Волге и указывал на аналогии с древностями некоторых культур "погребальных урн" (волынцевская культура) в древностях Прикамья. Позднее эти наблюдения были повторены другими археологами в дискуссии об именьковской культуре. Интересна статья А.П. Смирнова о происхождении "Приазовской Руси". Ценными являются публикации его о находках изделий "восточного серебра".

Еще в молодые годы А.П. Смирнов активно работал в Археологической службе на Метрострое в Москве. Им написано несколько отчетов об этих работах. Он – автор ряда археологических инструкций по методике раскопок и музейному делу, а также музейных путеводителей.

А.П. Смирнов долго болел, но превозмогал свой недуг и не хотел, чтобы его считали больным. Смерть настигла его 10 марта 1974 г. Похоронен он на Ваганьковском кладбище в Москве.

Список печатных работ А.П. Смирнова опубликован (см. "Из истории хозяйства населения Марийского края. Археология и этнография Марийского края". Вып. 4. Йошкар-Ола, 1979. С. 139–151).

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Т.Б. НИКИТИНА

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ МАРИ В ТРУДАХ А.П. СМИРНОВА

Марийцы по сравнению с другими финно-угорскими народами заняли более скромное место в научном наследии А.П. Смирнова. Вопросами марийской истории он занимался в основном лишь в 50-е годы.

В 1949 г. была издана работа "Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья", представляющая археологический очерк истории населения Марийского края с периода заселения до XVII в. (Смирнов А.П., 1949). До этого времени целенаправленных археологических исследований в республике не проводилось, в регионе еще не сложилась школа археологов, а археологические материалы были представлены лишь разрозненными источниками, полученными в дореволюционное время или за годы работы Комплексной антропологической экспедиции МГУ. А.П. Смирновым впервые были обобщены имеющиеся сведения по древней и средневековой истории народов Марийского Поволжья в виде монографического исследования, в котором основное внимание было уделено

© Т.Б. Никитина, 1999 г.

изучению истории и культуры марийцев, являющихся, по его мнению, коренной народностью этих мест. Впоследствии материалы монографии были доработаны и вошли в "Очерки по древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья" (Смирнов А.П., 1952, с. 161–174). Характеристика марийской культуры на историческом фоне развития других финно-угорских этносов, торговые и культурные связи с народами различных языковых систем, уровень социально-экономического развития в сжатой форме раскрываются им в одной из глав коллективной монографии "Очерки истории СССР. III–IX вв." (Смирнов А.П., 1958а). Вопросы этнической истории марийского народа заняли значительное место также в монографии "Железный век Чувашского Поволжья" (Смирнов А.П., 1961), которая создавалась уже в конце 50-х – начале 60-х годов после образования Марийской археологической экспедиции, развернувшей широкие работы по изучению древней истории и культуры мари. Использование дополнительных, ранее неизвестных источников при подготовке исследования позволило автору значительно расширить характеристику марийской средневековой культуры и высказать ряд новых интересных гипотез и предположений. Материалы с городищ Марийского Поволжья и Поветлужья также введены в Свод археологических источников, посвященный городецкой культуре (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965). К отдельным аспектам этнической истории марийского народа исследователь неоднократно обращался при решении спорных вопросов финно-угорской археологии (Смирнов А.П., 1957), а также в связи с рассмотрением проблемы этногенеза чувашского народа (Смирнов А.П., 1958б).

В своих трудах А.П. Смирнов неоднократно отмечает, что марийский этнос "сформировался на базе более ранних племенных групп, населявших междуречье Волги – Вятки", и его представители "являются автохтонным населением края" (Смирнов А.П., 1949, с. 122). Еще с эпохи раннего железного века левобережная часть Марийского Поволжья была занята ананьинской и последующей за ней пьяноборской культурами. "Правый же берег был занят иной культурой, известной под именем культуры городищ с рогожной керамикой..." (Смирнов А.П., 1949, с. 78) или городецкой культуры. Эти городища "в значительной мере близки аналогичным памятникам северо-западной части Чувашии, расположенным на участке между современными городами Чебоксары–Цивильск–Ядрин" (Смирнов А.П., 1952, с. 161). Основу марийского этноса составили ананьинско-пьяноборские племена (Смирнов А.П., 1961, с. 125). Говоря об ананьинской основе мари, А.П. Смирнов еще в 50-е годы подчеркивал отличие ананьинской культуры этого региона от культуры Средней и Верхней Камы. С появлением новых источников его идеи были развиты более подробно и превращены в стройную научную гипотезу А.Х. Халиковым и В.С. Патрушевым. Несмотря на ограниченность материала, автор делает верное заключение "о проникновении племен Правобережья в лесную зону левого берега Волги и ассимиляции с местным населением" (Смирнов А.П., 1949, с. 79). По его мнению, первоначальная инфильтрация племен городецкой культуры в область левобережья прослеживается уже в начале н.э. (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965, с. 9) и усиливается к середине I тыс. (Смирнов А.П., 1952, с. 169, 1957, с. 26; Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965, с. 9), достигая наибольшего размаха в VI–VII вв. н.э. (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965, с. 10), а все дальнейшее развитие Марийского края связано с правобережным населением племен городецкой культуры. Пришельцы принесли в левобережье неорнаментированную плоскодонную керамику с примесью дресвы и шамота и обряд скорченного захоронения в пьяноборских могильниках на территории лесного Поволжья (Мари-Луговской могильник).

Исходя из особенностей формирования марийского этноса, А.П. Смирнов убедительно объясняет своеобразие марийской культуры, которое проявляется, с одной стороны, в общности с культурой населения правобережного Поволжья, особенно мордовского, а с другой – в сходстве с памятниками левобережья Вятки и бассейна р. Чепцы, т.е. с северной группой древних удмуртов. Границу между древними марийцами и удмуртами исследователь проводит по р. Вятке, отмечая при этом, что в X–

XI вв. марийцы заходили на удмуртскую территорию вплоть до р. Чепцы. Подтверждением тому явились городища, пор-кары (марийские городки) (Смирнов А.П., 1952, с. 169) и могильник Бигер-Шай, расположенный в 14 км к западу от г. Глазова близ д. Адамской, который А.П. Смирнов считал марийским (Смирнов А.П., 1937; 1952, с. 170, 171).

Несмотря на скудность имеющихся источников, А.П. Смирнов уже тогда вполне справедливо отметил, что марийская культура имеет ряд отличий в зависимости от географического расположения ее памятников. Основой для такого разделения послужил керамический материал из городищенских слоев. Городища в правобережной части Среднего Поволжья исследователь связал с культурой городищ рогожной керамики. На р. Вятке городища и могильники отличаются наличием глиняных чаш с закругленным дном ананьинско-пьяноборского типа; ветлужские городища сочетают оба типа керамики, среди которой преобладает плоскодонная посуда с примесью шамота и дресвы. Разные культуры раннего железного века, составившие основу марийского этноса, определили разделение марийцев на две этнографические группы: горных и луговых (Смирнов А.П., 1952, с. 174).

Несмотря на локальные отличия марийских памятников, А.П. Смирнов все же последовательно и обоснованно объединяет их в одну культуру с общими чертами на всей территории Волго-Вятского междуречья. Особое значение при выделении самостоятельной культурной и племенной области исследователь отводит височным украшениям (Смирнов А.П., 1961, с. 129) и впервые в научной литературе дает общую характеристику марийской культуры, определяя хронологические рамки известных могильников. В вещевом комплексе он выделяет серию вещей, имеющих широкие аналогии с муромскими, а особенно с мордовскими древностями. Другая группа украшений (ажурные украшения полуовальной формы, коньковые подвески с сильно изогнутыми шеями, подвески-всадницы и т.д.) отличается от поволжских и стоит близко к камским. Сходство с мордовскими и удмуртскими племенами он объясняет тесными взаимоотношениями и родственными связями. Отмечая всесторонние связи марийских племен с соседями, А.П. Смирнов предостерегает от преувеличения роли этих связей, полагая, что марийская культура оставалась долгое время достаточно замкнутой системой. По его мнению, проникновение многих вещей из Руси, Скандинавии и других регионов в марийскую среду осуществлялось опосредованно через ближайших соседей, внедрение большого количества болгарских вещей и восточных монет происходило в результате болгарской торговли, получившей в эпоху средневековья широкое развитие благодаря Волжскому торговому пути.

Анализируя погребальный обряд древних марийцев, А.П. Смирнов неоднократно обращает внимание на появление обряда кремации и пытается дать научное объяснение этому явлению. Считая его чуждым местным похоронным традициям, А.П. Смирнов вначале предполагает привнесение трупосожжения с Вычегды (Смирнов А.П., 1958а, с. 662), а впоследствии отмечает сходство сожжений Средней и Нижней Оки со славянскими (Смирнов А.П., 1957, с. 30) и связывает его появление в марийских могильниках с воздействием на местные племена носителей культуры "полей погребальных урн" типа Рождественского могильника (Смирнов А.П., 1961, с. 128).

А.П. Смирнов попытался найти ответ на важный для этнической истории марийского народа вопрос об идентичности мари и мери. Его вывод, сделанный на разрозненном археологическом материале, о том, что это два различных народа, впоследствии был неоднократно подтвержден широкими исследованиями Г.А. Архипова, А.Е. Леонтьева и др.

Значительный интерес для последующих работ представляет его тезис о преемственности древнемарийских могильников с культурой марийского населения XVI–XVII вв. При обосновании этого положения А.П. Смирнов впервые вводит в научный оборот в качестве археологических источников материалы могильников XVI–XVIII вв., значительно расширив возможности научного поиска истоков культуры марийского народа. Изучение поздних могильников способствовало более

полному сравнительному анализу этнографических материалов и археологических древностей, построению ретроспективных моделей по отдельным элементам культуры, изучению эволюции украшений, обрядов, позволило более подробно характеризовать отдельные этнографические группы и конкретизировать территорию их обитания, выявить закономерности исторического развития.

Особенно много внимания А.П. Смирнов уделял реконструкции социально-экономического строя финно-угорских народов. Им был впервые произведен всесторонний анализ хозяйственной деятельности финно-угров Поволжья, в том числе и древних марийцев, выявивший комплексный характер ведения хозяйства и развитые социальные отношения, соответствующие уровню предклассового общества (Смирнов А.П., 1952, с. 168, 169).

Несмотря на то что большинство взглядов А.П. Смирнова относительно истории марийского народа изложены в тезисной форме и многие из них были построены на немногочисленных источниках, они обозначили основные направления этой проблемы, указывали пути их решения и явились основополагающими для последующих разработок марийских археологов.

Многолетние работы Марийской археологической экспедиции наполнили фактическим материалом схему происхождения марийского этноса, во многом подтвердив основные выводы А.П. Смирнова. Близки к его точке зрения высказывания А.Х. Халикова, также считавшего, что основу древнемарийского этноса составили позднеананьинские племена (Халиков А.Х., 1991), хотя впоследствии основную роль в этногенезе мари он стал отводить носителям азелинской культуры и разошелся с А.П. Смирновым в ее оценке. Более последовательно взгляды А.П. Смирнова развил один из его учеников – Г.А. Архипов. Начиная с первых работ и вплоть до докторской диссертации, тема этногенеза и этнической истории мари явилась основной в его научных трудах (Архипов Г.А., 1973; 1991). На материалах Младшего Ахмыловского могильника, некрополей IX–XI вв. (Дубовский, Выжумский, Веселовский и т.д.) и средневековых городищ (Кубашевское, Ижевское и др.) он стремился последовательно раскрыть процесс ассимиляции городецкого и постпьяноборского азелинского населения.

Проверено временем и подтверждается новыми материалами выделение А.П. Смирновым трех локальных групп марийских городищ, привязанных к бассейнам крупных рек – Волги, Ветлуги, Вятки. В 70-е годы Г.А. Архипов подтвердил правильность этих наблюдений на материалах могильников, имеющих серию локальных отличий (Архипов Г.А., 1973, с. 14–16). В Дубовском могильнике им отмечено преобладание северо-западной ориентации, а в Веселовском и Кочергинском – северо-восточной. Среди особенностей погребального инвентаря в памятниках Вятского бассейна отмечены гладкие круглопроволочные гривны с окончаниями в виде колбочки (тип Б V по классификации Г.А. Архипова), железные гривны – только в Дубовском могильнике, нагрудные подвески групп А, Б, Ж (т.е. с трапециевидным, с круглым ажурным и горизонтальным щитками) – в могильниках Волго-Ветлужского междуречья. Спиральные перстни также больше характерны для Ветлужско-Волжских памятников, и только два встречены в Юмском могильнике на р. Вятке. Особенности Дубовского могильника позволили Г.А. Архипову увязать этот памятник с этнографической группой горных мари.

Появление новых источников по истории мари IX–XI вв. и более детальный анализ ранее изученных погребений позволили расширить перечень этнокультурных особенностей как в погребальном обряде, так и в составе инвентаря.

Прежде всего существенные различия наблюдаются среди памятников двух регионов: Ветлужско-Волжского и Вятского бассейнов – в ориентации костяков (процентное соотношение дано от числа погребений с твердо установленной ориентировкой). На могильниках в бассейне р. Вятки северная ориентация составляет 83,45%, в ветлужских могильниках – 60%, а в волжских – 33,2%. Но в Вятских захоронениях совсем нет северо-западной ориентации, в ветлужских она составляет 22,5%, в волжских –

58,5%. Западная ориентировка в положении костяка зафиксирована лишь в ветлужских (7,5%) и волжских (6,7%) могильниках.

В засыпи погребений Черемисского (1 погр.) Веселовского (2 погр.) Нижняя Стрелка (10 погр.) могильников найдены вещи: чаще это железные, медные или керамические сосуды, берестяные туески, а в одном погребении могильника Нижняя Стрелка – серебряная чаша. В погребениях Вятского бассейна таких особенностей нет. Ритуальные клады вещей, расположенные обычно в ногах или в головах костяка, также характерны только для Ветлужско-Волжских памятников.

В погребениях этого же региона (Веселовском, Дубовском, Нижняя Стрелка) дно могилы часто застилалось подстилками из меха, бересты, луба и войлока, сверху погребенный закрывался кожей и мехом. Вятские памятники аналогичных подстилок не имеют.

Локальные особенности марийской культуры хорошо иллюстрированы массовым материалом из могильников XVI–XVII вв., изученных в 80-е годы (Никитина Т.Б., 1992, с. 93–108) и продолжают проявляться в облике различных этнографических групп марийского народа до настоящего времени.

Тезис о близости городищ Северо-Западной Чувашии с правобережными памятниками Марийского Поволжья, обоснованный А.П. Смирновым на сходстве керамических комплексов, подтверждается раскопками МарАЭ последних десятилетий. В 1990–1995 гг. во время раскопок на Васильсурском V городище "Репище" автором этой статьи обнаружены следы нескольких жилых построек и остатки печей. Судя по расположению печей, постройки размещались по краю площадки городища таким образом, что задние стены жилища служили одновременно оградой. Аналогичная планировка зафиксирована на городище Тоганаши и на других одновременных памятниках Чувашии (Трубникова Н.В., 1965, с. 227). Сходство с городищами Чувашии дополняется наличием на них захоронений. На Васильсурском II и на "Репище" обнаружены своеобразные коллективные захоронения. На Васильсурском II городище кости обнаружены в восточной части у края террасы, на "Репище" – на мысу и на валу. Во всех случаях костяки положены ногами друг к другу на дно могильных ям подчетырехугольной формы без подстилок, вытянутых по линии СЗ–ЮВ (Васильсурское II), С–Ю (на мысу "Репища"), З–В (на валу "Репища"). На мысу городища "Репище" отмечены частичные захоронения костяков, черепа придавлены крупными камнями, вокруг них зафиксировано большое количество углей. Описанные захоронения также аналогичны погребениям на городищах северо-западных районов Чувашии: "Ножа Вар" близ д. Сареево под г. Ядрином (Трубникова Н.В., 1964, с. 134, 135) и Тоганаши Шумерлинского р-на Чувашии (Трубникова Н.В., 1966, с. 226), а также на Ош-Пандо (Степанов П.Д., 1967, с. 22).

Завершая обзор научного наследия А.П. Смирнова в области древней истории мари, можно констатировать, что он первым обозначил основные моменты происхождения и этнической истории народа, охарактеризовав уровень социально-экономического и культурного развития средневекового общества. Основные выводы А.П. Смирнова проверены временем, обрастают фактическим материалом, подтверждающим его незаурядную интуицию, основанную на научном предвидении. Поэтому его труды представляли значительный интерес для нескольких поколений ученых и не утратили своей актуальности в настоящее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А., 1991. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на соискание ученой степени д-ра ист. наук. М.

Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

Смирнов А.П., 1937. Могильник Бигер-шай // СА. № 2.

Смирнов А.П., 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Смирнов А.П., 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии // СА. № 3.

Смирнов А.П., 1958а. Финно-угорские племена северо-востока // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М.

Смирнов А.П., 1958б. Древнейшее население на территории Чувашии // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары.

Смирнов А.П., 1961. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. № 95.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д 1–14.

Степанов П.Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.

Трубникова Н.В., 1964. Раскопки на городище Ножа Вар близ д. Сареево в 1958–1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1964 годах. Уч. зап. ЧувНИИ. Вып. XXV. Чебоксары.

Трубникова Н.В., 1965. Городище у д. Тоганаши Шумерлинского района // Вопросы истории Чувашии. Уч. зап. ЧувНИИ. Вып XXIX. Чебоксары.

Трубникова Н.В., 1966. Раскопки у д. Тоганаши Шумерлинского района // Вопросы истории. Уч. зап. ЧувНИИ. Вып. XXIX. Чебоксары.

Халиков А.Х., 1991. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья // Происхождение финно-язычных народов. Казань.

**Марийский научно-исследовательский
институт литературы, языка и истории,
Йошкар-Ола**

Критика и библиография

Е.Я. ТУРОВСКИЙ . МОНЕТЫ НЕЗАВИСИМОГО ХЕРСОНЕСА IV–II вв. до н.э. // Южногородские ведомости. Севастополь, 1997. 86 с.

Книга Е.Я. Туровского, несомненно, представляет собой долгожданное явление в историографии античной нумизматики Северного Причерноморья. Ровно 20 лет прошло с момента выхода в свет труда В.А. Анохина "Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.)" (Анохин В.А., 1977), который после известного очерка А.Н. Зографа (Зограф А.Н., 1951, с. 146–160) стал первой работой, обобщившей на современном научном уровне наши знания о монетном деле этого античного полиса. Несмотря на декларативность отдельных выводов, работа В.А. Анохина превратилась (прежде всего благодаря содержавшемуся в ней каталогу) в настольную книгу для всех, кто интересуется херсонесской нумизматикой, и стала основным цитируемым изданием при публикации херсонесских монет как из музейных коллекций, так и их археологических раскопок.

Вполне очевидно, однако, что справедливая критика, прозвучавшая на страницах научной литературы в адрес как этой анохинской книги, так и всех последующих, во многом разделивших слабые стороны первой (Грандмезон Н.Н., 1983; Фролова Н.А., 1988), не могла тем не менее заменить полноценного издания, в котором была бы предложена целостная альтернативная концепция истории монетного дела античного Херсонеса.

Трудно поэтому переоценить появление книги Е.Я. Туровского, которая, по словам автора, является "попыткой обобщения опыта предшественников с учетом новых исторических и нумизматических данных" (с. 5). Основная цель работы – "создание убедительной относительной и абсолютной хронологической колонки для выпусков херсонесских монет позднеклассического – эллинистического времени" (с. 6). Книга состоит из введения, восьми глав, заключения и приложений. В приложении I дан каталог херсонесских монет IV–II вв. до н.э., в приложении II – список имен магистратов, встреченных на херсонесских монетах.

Источниковедческую базу работы составили главным образом монеты из собрания Национального заповедника "Херсонес Таврический" и многочисленных частных коллекций. В основу хронологических штудий положены посылки о ежегодной маркировке херсонесских монет (буквами, слогами, именами магистратов) начиная со второй половины IV в. до н.э. и единоличном характере монетной магистратуры, которая отправлялась в течение одного года (с. 5). Хронологические рамки работы охватывают время с момента начала монетной чеканки в Херсонесе (вторая четверть IV в., до н.э. по Туровскому) до диофантовых войн, после которых Херсонес попадает в зависимость от Митридата VI Евпатора (конец II в. до н.э.).

Объективно на сегодняшнем этапе развития нумизматики античного Херсонеса книга Е.Я. Туровского, несомненно, призвана заменить работу В.А. Анохина в части, посвященной позднеклассическому и эллинистическому времени. Очень важно, что Е.Я. Туровский, постаравшись избежать методических недостатков предшественника, попытался создать отличную от анохинской целостную историю развития монетного дела Херсонеса на протяжении длительного периода времени.

Первая глава книги посвящена организации монетного дела в античном Херсонесе. Исследование дополнительных знаков на херсонесских монетах, по верному замечанию автора, является на сегодняшний день единственным способом пролить свет на эту довольно запутанную сторону монетной чеканки. Е.Я. Туровский прослеживает, как менялся характер дифферентов херсонесских монет на протяжении всего исследуемого периода, и

© С.А. Коваленко, 1999 г.

делает безусловно правильный вывод о том, что главная цель помещения дифферентов на монеты состояла в обеспечении верховного учета и контроля полиса над чеканкой (с. 10). Несколько односторонним, однако, представляется понимание им содержания такого контроля только как средства предотвращения порчи монеты. Смысл помещения дифферентов на монеты не ограничивался только этим. Безусловно верное для серебра, такое объяснение, однако, теряет смысл в случае с медной монетой, порчей которой заниматься было бессмысленно. И речь здесь должна идти скорее о государственном контроле над объемами эмиссий и хронологическом различении выпусков.

Исходя из представления о единоличном отправлении монетной магистратуры, Е.Я. Туровский вслед за Н.Н. Грандмезоном (Грандмезон Н.Н., 1982, с. 38, 39) подвергает последовательной критике предположение В.А. Анохина о том, что контроль за чеканкой в Херсонесе осуществляла коллегия номофилаков (с. 8, 9). Основанием для подобной гипотезы стал, в частности, факт выпуска медных монет, на которых изображения аверса и реверса (присевшая Дева и бегущий грифон) попеременно менялись местами. На этих монетах встречено три буквенных сокращения – ΠΑ, ΑΡΙ, ΚΡΑ, явившиеся, видимо, начальными буквами имен магистратов. Исходя из того, что все эти дифференты встречены на обеих разновидностях выпуска, В.А. Анохин и пришел к выводу о существовании коллегии из трех человек, при которой сперва выпускалась разновидность грифон – Дева, а затем Дева – грифон (Анохин В.А., 1977, с. 42, 43).

Отвергая гипотезу В.А. Анохина, Е.Я. Туровский, однако, не дает удовлетворительного объяснения отстаиваемой им версии об одновременной чеканке тремя последовательно сменяющимися магистратами обеих разновидностей монет, на которых указанные изображения одновременно являлись типами и аверса, и реверса. Между тем такая поразительная неустойчивость монетных типов при одном магистрате (труднообъяснимая и нерациональная прежде всего с технической стороны) так же не имеет аналогий в античной нумизматике, как и появление на монетах имен магистратов коллегии не вместе, а порознь, на что справедливо указывает Е.Я. Туровский. Не абсолютизируя тезис В.А. Анохина о коллегиальности монетной магистратуры в Херсонесе, приходится тем не менее признать, что его объяснение появлению набора одних и тех же имен на различных выпусках по-прежнему столь же вероятно, сколь и мнение Грандмезона–Туровского.

В заключение характеристики первой главы заметим, что предлагаемое Е.Я. Туровским уточнение списка имен монетных магистратов Херсонеса требует дополнения. Ссылаясь на список имен, приведенных В.А. Анохиным, Е.Я. Туровский считает предложенное В.А. Анохиным восстановление сокращения ΔΑΜ как ΔΑΜΑΡΕ маловероятным (с. 11). Из поля зрения автора, однако, выпал тот факт, что В.А. Анохин приводит не восстановление имени магистрата, а ту форму, в которой оно сохранилось на монете из собрания Британского музея (Анохин В.А., 1977, № 67). Визуальный осмотр этой монеты показал, что имя магистрата на ней однозначно читается как ΔΑΜΑΤΕ. С этим же именем данная монета опубликована в "Sylloge" Британского Музея (The British Museum, 1993, pl. XXX, *764*). В том же собрании хранится еще одна подобная монета, на которой имя магистрата дано в форме ΔΑΜΑ (The British Museum, 1993, pl. XXX, *765*). Это позволяет восстановить полное имя как ΔΑΜΑΤΕΛΕΥΣ.

Вторая глава книги называется "О начальной дате чеканки монеты в Херсонесе". К сожалению, столь важной проблеме автор посвятил всего полторы страницы. Подобная лаконичность была бы понятна, если бы Е.Я. Туровский принимал датировки, уже предложенные в научной литературе. Однако он передатирует начало выпуска первых херсонесских монет, относя его ко второй четверти IV в. до н.э. Столь ответственный вывод при этом не сопровождается убедительной и развернутой аргументацией.

Автор указывает на неопределенность датировок монет Лариссы с фасовыми изображениями, которые привлекались в качестве аналогий херсонесским монетам с фасовыми типами. Вслед за А.Л. Бертье-Делагардом Е.Я. Туровский относит появление фасовых изображений на монетах херсонесской метрополии Гераклеи Понтийской ко времени правления тирана Сатира (353–345 гг. до н.э.) и выпуск аналогичной херсонесской серии датирует временем около середины IV в. до н.э. (с. 12). Соответственно чеканка предшествующей монетам с фасовыми изображениями первой серии имеет место, по его мнению, в пределах второй четверти IV в. до н.э. Этим по существу исчерпывается нумизматическая аргументация автора.

Реальность предложенных датировок, по мнению Е.Я. Туровского, подтверждается приводимыми им соображениями об экономическом развитии Херсонеса, согласно которым

необходимый для организации чеканки экономический потенциал был накоплен полисом только к началу второй четверти IV в. до н.э. Свидетельством этому являются начало каменного домостроительства в городе, освоение Маячного п-ова, эксплуатация которого положила начало товарному производству сельскохозяйственной продукции и способствовала развитию рыночных отношений, которые в свою очередь и вызвали потребность в собственной монете (с. 13). Основная тяжесть в обосновании новой датировки приходится, таким образом, на общие соображения об уровне экономического развития Херсонеса и рассуждения о времени достижения необходимого для начала чеканки экономического потенциала. Искомая дата определяется, следовательно, не на основании материала, а исходя из общеисторических представлений автора, в рамки которых и втискивается сам исторический источник. Вряд ли такой подход можно назвать плодотворным.

Думается, в характеристике, данной Е.Я. Туровским Херсонесу рубежа V–IV вв. до н.э. как "заштатному поселку, жители которого проживали в убогих землянках и полуземляночных строениях" (с. 41), краски слегка сгущены. "Заштатный поселок" был основан на выгоднейшем с географической точки зрения месте, где с неизбежностью пересекались многочисленные морские торговые пути и откуда морем быстрее всего можно было достигнуть южного побережья Понта. О роли торговли в жизни раннего Херсонеса писалось неоднократно (Burnstein S.M., 1976, p. 34, 35; Кац В.И., 1979; Щеглов А.Н., 1981, с. 211; Сапрыкин С.Ю., 1986, с. 83, 89). Находки здесь монет других центров, датируемых рубежом V–IV вв. до н.э. (Гилевич А.М., 1968, с. 35), – такой же факт, как землянки и полуземлянки, открытые в северо-восточном районе Херсонеса. Нацеленность ранней херсонесской чеканки, и прежде всего серебряной, на внешний рынок – несомненна. Строительство на рубеже V–IV вв. до н.э. первых городских оборонительных стен, безусловно, свидетельствовало о достаточно высоком уровне экономического развития города.

Недоучет всего сказанного придает односторонность взглядам Е.Я. Туровского на проблему начала херсонесской чеканки и лишает его аргументацию убедительности. Датировать появление фасовых монет в Гераклее временем правления Сатира без всякого обоснования, как это делает Е.Я. Туровский, сегодня вряд ли возможно. Эти монеты в настоящее время не имеют определенной датировки, возможные хронологические рамки их выпуска помещались учеными в пределах 415–280 гг. до н.э. (Franke P.R., 1966, p. 139, note 40), и любое уточнение этой даты, несомненно, должно быть обосновано.

С сожалением приходится констатировать, что Е.Я. Туровский не использовал всех возможностей, которые предоставляют херсонесские монеты для выяснения начальной даты их выпуска, решив, что аргументов в пользу более ранней, чем предложенная им, даты нет.

Между тем как раз сегодня мы можем говорить о возможном удревнении хронологии выпуска ранних серий херсонесских монет. Аргументы в пользу этого предположения вкратце сводятся к следующему: 1) публикация ранее неизвестного херсонесского гемиобола с достаточно архаичным изображением головы Девы и рыбы на л.с. и палицы с городской легендой на о.с. (The British Museum, 1993, pl. XXIX, *714*). Выпуск монеты этого типа явно предшествовал чеканке первой херсонесской серии с головой Девы в кекрифале на л.с. и рыбы с палицей на о.с. Изображение л.с. нового гемиобола стилистически близко изображению головы Геракла на гераклейских гемиоболах рубежа V–IV вв. до н.э. (The British Museum, 1993, pl. LVII, *1570–1572*); 2) изображения л.с. монет так называемой первой серии находят близкие стилистические аналогии в чеканке Нимфея, Лариссы, Синопы, датируемой концом V – началом IV в. до н.э.; 3) пересмотр датировки монет Лариссы с фасовыми изображениями на основании анализа данных кладов (Martin T.R., 1983). Ближайшие ларисские аналогии херсонесским монетам с фасовыми мотивами датируются первой четвертью IV в. до н.э. (Martin T.R., 1983, p. 25, 33); 4) мотив фасового изображения головы Геракла на гераклейских монетах заимствован с киликийского выпуска Фарнабаза, о чем говорит совпадение обоих изображений вплоть до мелких деталей (Erhart K.P., 1978, p. 253, fig. 55, 56). Наиболее обоснована датировка этих статеров Фарнабаза 386–383 гг. до н.э. (Moysey R.A., 1986, p. 15) и гераклейских монет соответственно рубежом 80–70-х годов IV в. до н.э. Херсонесская серия монет с фасовыми изображениями, учитывая ларисские аналогии, может датироваться 380–375 гг. до н.э.

Две следующие главы книги посвящены классификации и хронологии херсонесской меди и серебра IV–III вв. до н.э. Не останавливаясь на приводимой Е.Я. Туровским последовательности медных выпусков, которая в целом повторяет разработки предшествующих исследователей, обратимся к предлагаемой автором хронологической шкале, создание которой было декларировано как одна из основных целей работы. Ранние медные выпуски

Херсонеса, не имевшие еще буквенных дифферентов, не привлекли особого внимания исследователя. Е.Я. Туровский совокупно датировал их примерно серединой IV в. до н.э. (№11–20 по каталогу), никак не обосновывая своего мнения. К самому началу херсонесской чеканки он отнес два выпуска крупной меди с типами "сидящая Дева – бодающий бык" и "голова Девы – львиный скальп" (Анохин В.А., 1977, № 8, 26). Монеты обоих выпусков были определены как дихалки. Остается, однако, непонятным, если они примерно одновременны, чем объясняются значительное отставание весов монет второго типа (5,67–7,04 г) от весов дихалков первого типа (8,58–9,56 г) и появление только на монетах "голова Девы – львиный скальп" поздней надчеканки "дельфин" (с. 53, № 30).

Третьей четвертью IV в. до н.э. датируется многочисленная серия мелкой меди "голова льва – звезда" (Анохин В.А., № 27–32). Н.Н. Грандмезон относил выпуск этой серии ко всей второй половине IV в. до н.э. и предполагал, что в качестве младшего номинала эти монеты сопровождали более крупные выпуски, на которых уже регулярно появляются дополнительные буквенные дифференты (Грандмезон Н.Н., 1982, с. 35). Их отсутствие на монетах рассматриваемой серии Е.Я. Туровский пытается объяснить маленьким размером монетного кружка, на котором-де не хватало места для иных обозначений помимо демотикона. Наивность подобного объяснения очевидна. Херсонес выпускал монеты такого же размера и с развернутыми именами магистратов на реверсе (Анохин В.А., 1977, № 168, 169). Тот факт, что на медной мелочи типа "голова льва – звезда" нет имен магистратов или их сокращений, указывает просто на принадлежность этой серии более раннему времени, когда практика помещения магистратских имен на монеты еще не была принята в Херсонесе.

Мнение Н.Н. Грандмезона о длительном выпуске этих монет, якобы подтверждаемом большим количеством их разновидностей и постепенной деградацией, выразившейся в значительной потере веса, на деле не имеет под собой оснований. Штемпельный анализ показывает, что разнообразные варианты о.с. монет этой серии сочетаются с одними и теми же лицевыми штемпелями. Монеты же, чеканенные одной парой штемпелей, по весу могут различаться в 1,5–2 раза. Речь поэтому должна идти скорее не о длительном, а напротив, относительно кратковременном, но весьма обильном выпуске с частой сменяемостью наборов штемпелей. О массовом характере чеканки этих монет говорит и изготовление кружков для них путем литья.

Пристальное внимание Е.Я. Туровского привлек и один из наиболее известных выпусков херсонесской меди с квадригой и Девой на л.с. и гоплитом на о.с. Именно эти монеты открывают новую страницу в истории херсонесской нумизматики, так как начиная с их выпуска в практику входит регулярное помещение в монетном поле буквенных дифферентов. Приводя существующие точки зрения на хронологию данного выпуска, Е.Я. Туровский почему-то не упомянул, пожалуй, наиболее обоснованную на сегодняшний день датировку С.Ю. Сапрыкина (1980, с. 56). Собственный же взгляд автора на проблему определения нижней даты этих монет стоит привести целиком: "Начало этого выпуска следует датировать, по-видимому, временем около 345 г. до н.э., поскольку такая датировка позволяет разместить в хронологической колонке без излишнего сокращения время выпуска более ранних херсонесских монет" (с. 14). Стремление избежать "излишнего сокращения времени выпуска" свидетельствует о том, что в данном случае Е.Я. Туровский забыл о дискретном характере античной чеканки, за непонимание которого выше он справедливо критиковал В.А. Анохина (с. 10).

Суммируя количество буквенных дифферентов и слогов, встреченных на монетах типа "квадрига – гоплит" (и упоминая при этом почему-то лишь 16 букв (с. 14), хотя их известно 18 и столько же приведено в его каталоге), и приплюсовывая один анэпиграфный выпуск, Е.Я. Туровский вслед за В.А. Анохиным получает длительность чеканки этого выпуска – около 20 лет и дату – 345–325 гг. до н.э.

Однако до сих пор никем не доказано, что дополнительные буквы на данных монетах, обозначавшие, как верно заметил А.Н. Зограф, выпуски в порядке их следования (Зограф А.Н., 1927, с. 380), сменяются раз в год. Более того, и В.А. Анохин, и вслед за ним Е.Я. Туровский почему-то игнорируют результаты проведенного А.Н. Зографом штемпельного анализа изучаемых монет. Этот анализ же недвусмысленно свидетельствует о том, что выпуски, обозначавшиеся буквами, сменялись значительно чаще, чем выпуски со слогами. Один штемпель аверса использовался с двумя-тремя смежными вариантами реверса (Зограф А.Н., 1927, с. 380–383). А.Н. Зограф совершенно обоснованно приходит к заключению о необычно обильном характере этого кратковременного выпуска, обусловленном его экстраординарностью (Зограф А.Н., 1927, с. 383).

Четвертая глава в части, посвященной весовым системам херсонесского серебра, является по сути пересказом взглядов А.Л. Бертье-Делагарда, высказанных им в серии известных статей. Наиболее же интересен новый материал, впервые публикуемый Е.Я. Туровским. Отметим прежде всего монеты первой серии весом 4,40 и 8,58 г. Е.Я. Туровский, к сожалению, не дает удовлетворительного объяснения месту этих экземпляров в системе ранней херсонесской серебряной чеканки. Определив первую монету как пентобол персидской системы (с. 16, каталог № 1), он больше о ней не упоминает, давая вслед за В.А. Анохиным соотношение весов только трех ранее известных номиналов – тетробола, диобола и гемиобола. Вторая монета приведена Е.Я. Туровским только в дополнении к каталогу и предварительно определена как декобол (с. 65, № 1). Заметим сразу, что в коллекции ГИМа хранится еще одна монета, вес которой может быть сопоставлен с публикуемым Е.Я. Туровским экземпляром[1] – 6,78 г. Поскольку монета сильно корродирована, ее первоначальный вес, несомненно, был значительно выше. Позволим себе высказать несколько замечаний по поводу этих чрезвычайно интересных находок.

Прежде всего маловероятно, что монета с весом 4,40 г была пентоболом. Чеканка смежных номиналов, да еще с полностью аналогичными типами аверса и реверса была лишена смысла из-за чрезвычайной трудности их различения. Более вероятно, что перед нами – драхма персидской системы, вес которой значительно отличается от теоретического в силу использовавшихся в античности весьма грубых методов контроля за весовыми характеристиками отдельных монет. В пользу этого предположения свидетельствует и факт ранней чеканки драхм персидского веса херсонесской метрополией Гераклеей Понтийской, о чем, видимо, не было известно В.А. Анохину. Так, единственная хранящаяся в коллекции Британского музея гераклейская драхма, датируемая концом V в. до н.э., весит 4,89 г (The British Museum, 1993, pl. LVII, *1566*). Заметим, что неправильная бобовидная форма толстенького кружка, как и грубоватый стиль изображения л.с. херсонесской монеты, говорят о более ранней дате, нежели вторая четверть IV в. до н.э.

Показательно появление столь крупных номиналов в самом начале херсонесской чеканки. Они, безусловно, предназначались для внешнеторговых расчетов. Выпуск монет весом 6,78 и 8,58 г позволяет говорить о включении Херсонеса в систему торговых взаимоотношений, базирующихся на эгинском и хиосско-родосском весовых стандартах. Первый использовался в конце V – начале IV вв. до н.э. в Синопе, Амисе, Калхедоне и других городах южнопонтийского побережья – наиболее вероятных торговых контрагентах Херсонеса. К этому же времени относится и широкое распространение хиосско-родосского стандарта. Проблема соотнесения этих весовых систем была решена около 394 г. до н.э., когда были отчеканены монеты, по весу равные родосской тридрахме и одновременно эгинской дидрахме облегченного веса (11,50–11,55 г) (Head B.V., 1897, p. civ). Херсонесские монеты, средний вес которых равен 7,68 г, могут рассматриваться как дидрахмы родосского стандарта (вес драхмы 3,90 г). С другой стороны, три таких монеты могут быть приравнены к четырем эгинским драхмам со средним весом драхмы 5,85 г. Выпуск подобной серии, таким образом, позволил Херсонесу без затруднений вести торговые расчеты в двух наиболее распространенных на тот момент денежно-весовых системах, не считая чеканки монет по персидскому стандарту для торговли с метрополией.

Дуализм серебряной чеканки в монетном деле Херсонеса сохранялся на всем протяжении IV–III вв. до н.э. и подробно охарактеризован Е.Я. Туровским в четвертой главе. Так называемая "группа Девы" – тетрадрахмы (веса 12,72–13,94 г) и дидрахмы (6,71–6,88 г) с изображением головы Девы на л.с. (Анохин В.А., 1977, № 82–90) отнесены им к родосской весовой системе. Монеты "группы Геракла" – дидрахмы (9,05–9,41 г) и драхмы (средний вес – 4,60 г), объединенные изображением головы Геракла на л.с. (Анохин В.А., 1977, № 95–119), чеканились для расчетов с метрополией.

Е.Я. Туровским проведено сравнение имен магистратов, встреченных на монетах обеих групп. Совпадение ряда имен позволило ему не только выдвинуть гипотезу об их одновременной чеканке, но и предложить последовательность выпуска дальнейших серий серебра. Согласно количеству имен магистратов, учтенных на серебряных выпусках. Е.Я. Туровский датировал их чеканку 300–275 гг. до н.э.

Со своей стороны заметим, что надежное установление порядка смены магистратов внутри одной группы монет возможно только на основе штемпельного анализа. Поскольку,

---

[1] Коллекция Н.Н. Грандмезона, № 14830. Искренне благодарю Н.А. Фролову за предоставленную возможность ознакомиться с этим материалом.

судя по всему, такой анализ Е.Я. Туровским не был осуществлен, его вариант последовательности выпусков внутри однородной группы остается предположительным. Далее, нет особой уверенности в том, что одинаковые имена на монетах разных групп принадлежат одним и тем же людям, а не, скажем, деду и внуку. В пользу первого предположения помимо совместной встречаемости монет этих групп в одних кладах можно привести, например, тот факт, что из шести имен магистратов, чеканивших монеты "группы Девы", три встречено на монетах обеих групп, происходящих из одних и тех же кладов. Это в какой-то степени подтверждает одновременность их выпуска и обращения. С другой стороны, несмотря на то что монеты с изображением Геракла и монеты с Девой имеют одинаковые надчеканки ("молния" и "дельфин"), несомненно, процесс их контрамаркирования осуществлялся в разное время. Об этом говорит, во-первых, наличие только на монетах "группы Девы" надчеканки в виде монограммы ПАР (смысл которой еще предстоит разгадать), во-вторых, характер и порядок нанесения надчеканок. На монетах с Девой они ставились только на л.с., последовательно, одна за другой – ПАР, дельфин, молния. Известны неконтрамаркированные монеты этой группы, как и монеты с одной надчеканкой. На серии Геракла надчеканки ставились с обеих сторон монеты одновременно, сопряженными штемпелями.

Не прояснен до конца и вопрос о весовой системе, по которой чеканились монеты "группы Геракла". Вслед за А.Л. Бертье-Делегардом Е.Я. Туровский справедливо связывает их с системой, применявшейся в Гераклее Понтийской во второй половине IV–III вв. до н.э. (с. 20). Ее А.Л. Бертье-Делагард считал облегченной персидской. Однако Е.Я. Туровский согласен с мнением А.Н. Зографа о том, что к началу III в. до н.э. персидская весовая система повсеместно перестает применяться. Его ссылка на использование подобной весовой системы на Боспоре, где известны находки гирь весом 4,6–4,8 г, неудачна, так как с конца IV в. до н.э. и вплоть до третьей четверти III в. до н.э. Боспор скорее всего серебра не чеканил (Шелов Д.Б., 1956, с. 89, 90). Между тем еще А.Н. Зограф указывал на большое количество монет группы Геракла, вес которых значительно меньше 4,6–4,8 г, и считал их чеканенными по другой системе (Зограф А.Н., 1951, с. 147). Таким образом, здесь мы снова сталкиваемся с необходимостью проведения штемпельного исследования и учета как можно большего объема весовых данных с последующим построением весовой шкалы, на что в свое время указывал и А.Н. Зограф. Вопрос о весовой системе монет группы Геракла превращается в принципиальный, поскольку именно резкое сокращение нормативного веса монет этой группы, по мнению Е.Я. Туровского, являлось одним из признаков разразившегося в Херсонесе денежного кризиса (с. 21).

Выстраивая непрерывную цепочку сменяющих друг друга монетных магистратов, Е.Я. Туровский передатирует первой четвертью III в. до н.э. выпуски, относившиеся В.А. Анохиным и другими исследователями к последней четверти того же столетия (Анохин В.А., 1977, № 121–126, 133–142). Датировка эта, однако, весьма уязвима, поскольку строится лишь на предположении о том, что каждый раз магистрат, при котором происходила смена старого монетного типа или номинала новым, является одним и тем же человеком. Проще сказать – встречающиеся на разных типах и номиналах одинаковые имена принадлежат одному чиновнику. Однако, если для вышеупомянутых групп Девы и Геракла такое предположение частично подтверждается взаимовстречаемостью монет с аналогичными именами в кладах, для последующих выпусков подобные данные отсутствуют. Более того, одна из монет магистрата Невполиса, например, относимая Е.Я. Туровским к первой четверти III в. до н.э., как и все другие типы монет с этим именем, встречена в кладе вместе с гемидрахмами Мойриса и Диотима, которые им же датируются концом столетия (Бертье-Делагард А.Л., 1906, с. 251, 252). Сложно поэтому предполагать, что тот же Невполис был единственным чиновником с подобным именем.

Существуют, однако, и более веские аргументы против датировки Е.Я. Туровского. П.О. Карышковским было отмечено разительное сходство гемидрахм Херсонеса и Ольвии (тип "голова Девы в венке – горит с луком"), "которое могло быть результатом намеренного копирования херсонесского образца со стороны ольвийских монетчиков, либо даже следствием полного тождества художественных изобразительных и технических приемов изготовления монет, ведущего к предположению о единстве мастерской, из которой вышли соответствующие штемпеля" (Карышковский П.О., 1965, с. 166). Ольвийские гемидрахмы с указанными типами надежно датируются первой половиной II в. до н.э. (Карышковский П.О., 1988, с. 99). Маловероятно, чтобы их херсонесские прототипы, как и драхмы той же серии (голова Девы – Дева, поражающая лань), заметно предшествовали ольвийским по времени.

К последней четверти III в. до н.э. Е.Я. Туровский относит выпуск известной серии драхм и гемидрахм с головой Девы в башенной короне на л.с. старшего номинала. Значительная часть драхм этого типа была перечеканена из монет "Дева – Дева поражает лань". Поскольку последние датируются автором первой четвертью III в. до н.э., ему кажется сомнительным, что эти монеты пробыли в обращении более полутора столетий, прежде чем послужили материалом для перечеканки. Это соображение в свою очередь должно подтвердить удревнение даты последнего независимого выпуска херсонесского серебра. Считая, что никаких оснований для общепринятой датировки драхм с головой Девы в башенной короне концом II в. до н.э. нет, Е.Я. Туровский ссылается также на А.Н. Зографа, который отмечал эллинистическую фактуру этих монет. Почему-то это соображение оказывается решающим для отнесения рассматриваемой серии к III в. до н.э. Автор даже подчеркивает, что эти драхмы выполнены в духе херсонесской монетной традиции III в. до н.э. Остается, правда, неясным, в чем состоят характерные черты этой традиции. Описываемые драхмы, безусловно, отличаются от всех известных херсонесских серебряных монет III в. до н.э. как фактурой (вогнуто-выпуклый кружок со скошенным и заостренным краем), так и изображениями. Появление головы главной городской богини в башенной короне явно не случайно и вызвано какими-то военными событиями, в которых Дева играла роль защитницы города. Параллели как самому изображению, так и его стилистическим особенностям могут быть найдены, например, на тетрадрахмах Смирны, относящихся к концу II в. до н.э. (Head B.V., 1892, pl. XXV, *5, 6*). Изображение стоящей лани также становится в это время популярным на монетах южнопонтийских городов (The British Museum, 1993, pl. XLII, *1134*), что связано с возрастающей ролью Понтийского царства.

Глава V называется "Клады херсонесских монет". Автор дает краткую характеристику различным кладам на основе типологии, разработанной А.М. Гилевич. Приведенную Е.Я. Туровским сводку, однако, нельзя считать исчерпывающей. Не упомянуты находка у Евпаторийского Маяка (Колесников А.Б., 1991, с. 186, 187) и Караньский клад начала XX в. (Бертье-Делагард А.Л., 1906, с. 250, 251). К перечню кладов, приводимых Е.Я. Туровским, можно также добавить и Сапунгорский клад, обнаруженный в 1970-х годах (Костромичева Т.И., Алексеенко Н.А., 1997, с. 8, 9).

В структуре работы Е.Я. Туровского очень важна шестая глава, посвященная денежному кризису в Херсонесе. Основные выводы автора, частично данные в этой главе, частично – в историческом очерке (гл. VIII), можно свести к следующему: 1) денежный кризис в Херсонесе имел те же причины и особенности, что и синхронные явления в монетном деле Боспора и Ольвии; 2) его конкретным проявлением был отток благородных металлов из обращения и превращение меди в основное средство платежа; 3) нехватка меди привела к уменьшению веса монет, постоянным изменениям их типов, надчеканкам и перечеканкам, а также к началу выпуска свинцовых монет; 4) кризис длился около 35–40 лет и был преодолен в последней четверти III в. до н.э., когда Херсонес осуществил широкомасштабный выпуск крупной меди и серебра с типом л.с. старшего номинала "голова Девы в башенной короне".

Не углубляясь по причине нехватки места в подробный разбор гипотезы Е.Я. Туровского о денежном кризисе в Херсонесе, приведем несколько соображений, которые если не подрывают концепцию автора, то заставляют серьезно в ней усомниться. Прежде всего подчеркнем еще раз недостаточную обоснованность предложенной Е.Я. Туровским датировки серебряных выпусков III–II вв. до н.э., которая по существу является отправной точкой в его построениях. Ненадежна и хронология так называемой "кризисной меди", относимой к концу 60-х – началу 40-х годов III в. до н.э. Например, известная серия "голова Девы в венке – Дева, стреляющая из лука" с именем Агасикла (Анохин В.А., 1977, № 154, 155) сегодня, по условиям находок на усадьбах у Евпаторийского маяка и Панском, надежно датируется не позднее начала III в. до н.э. (Колесников А.Б., 1991, с. 187; Кутайсов В.А., 1990, с. 106). Непонятно далее, почему выпуски крупной меди типа "голова Геракла – прора" и "голова Афины – грифон" (Анохин В.А., 1977, № 131, 132, 159, 160), являющиеся, по мысли Е.Я. Туровского, свидетельством положительных тенденций в экономике и знаменующие собой начало преодоления кризиса, тем не менее также подвергаются многочисленным надчеканкам, как и кризисная медь. Против тезиса Е.Я. Туровского о выводе серебра из обращения в момент кризиса говорят и так называемые мероприятия по упорядочению денежного обращения в Херсонесе в последней четверти III в. до н.э. Суть этих мероприятий состояла в масштабной чеканке новой серии серебряных монет, старший номинал которых имел на л.с. изображение головы Девы в башенной короне. Обще-

известно, однако, что значительная часть этого серебра была перечеканена из старых монет, вопрос о нахождении которых к моменту перечеканки в обращении не ставится под сомнение и самим Е.Я. Туровским. А ведь в случае острой нехватки серебра в денежном обращении в момент кризиса эти монеты неизбежно должны были выпасть в клады и оказаться недоступными для перечеканки. Имеются, наконец, и эпиграфические свидетельства о наличии в Херсонесе крупных денежных сумм в монетах из благородных металлов в середине III в. до н.э. Это известный декрет ольвиополитов в честь сыновей херсонесита Аполлония, который предоставил городу ссуду в размере 3000 золотых (Надписи Ольвии, 1968, с. 34–36, № 28). Разделяемое Е.Я. Туровским мнение Н.Н. Грандмезона о введении в Херсонесе в связи с нехваткой меди свинцовых монет, на наш взгляд, маловероятно. Кроме того, что свинец из-за своих качеств нигде в античном мире не использовался в качестве монетного металла, на всех этих "монетах" почему-то отсутствует важнейший признак собственно монеты, понимаемой как государством освященного и охраняемого средства платежа, – имя эмитента.

Глава VII "Типология херсонесских монет" содержит интересную сводку наиболее примечательных изображений, использовавшихся в Херсонесе в качестве монетных типов. Автор дал подробную характеристику существующим в научной литературе мнениям о путях появления тех или иных изобразительных мотивов на херсонесских монетах, предложил свое оригинальное объяснение семантики некоторых изображений.

В главе VIII "Исторический очерк" и заключении подводятся итоги исследования истории монетного дела Херсонеса на фоне событий, переживаемых городом в IV–II вв. до н.э. Самостоятельное научное значение, безусловно, имеет помещенный в конце книги каталог монет, содержащий немало нового материала. К сожалению, принятая автором система описания монет в каталоге не является достаточно полной – отсутствуют сведения о происхождении монет и соотношении осей л. и о.с. Различные номиналы, принадлежащие одной серии, нередко разнесены по разным частям каталога. На фототаблицах не всегда соблюдается размещение изображений согласно принятому в каталоге порядку. К сожалению, часты и ошибки в тексте книги при ссылках на каталог (с. 8, 21, 22, 32).

Все сделанные замечания, однако, не мешают рассматривать книгу Е.Я. Туровского как чрезвычайно интересную и полезную работу, предлагающую оригинальный взгляд на монетное дело одного из крупнейших античных полисов Северного Причерноморья.

Государственный музей изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина, Москва *С.А. Коваленко*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев.

Бертье-Делагард А.Л., 1906. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. Т. XXVI.

Гилевич А.М., 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. Вып. 3. Киев.

Грандмезон Н.Н., 1982. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Грандмезон Н.Н., 1983. Рецензия на книгу В.А. Анохина "Монетное дело Херсонеса" // ВДИ. № 2.

Зограф А.Н., 1927. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. Т. V.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16. М.; Л.

Карышковский П.О., 1965. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОАМ за 1963 г. Одесса.

Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии. Киев.

Кац В.И., 1979. Экономические связи позднеклассического Херсонеса // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов.

Колесников А.Б., 1991. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М.

Костромичева Т.И., Алексеенко Н.А., 1997. Сапунгорский клад херсонесских античных монет IV–III вв. до н.э. // Пятая Всероссийская нумизматическая конф. Тез. докл. и сообщ. М.

Кутайсов В.А., 1990. Античный город Керкинитида. Киев. Надписи Ольвии, 1968. Л.

Сапрыкин С.Ю., 1980. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. № 3.

Сапрыкин С.Ю., 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.

Фролова Н.А., 1988. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. (рецензия на книгу В.А. Анохина) // ВДИ. № 2.

Шелов Д.Б., 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Щеглов А.Н., 1981. Тавры и греческие колонии в Таврике // Матер. II Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья. Тбилиси.

The British Museum, 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. V. IX. The Black Sea. London.

Burnstein S.M., 1976. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea // University of California publications: Classical Studies. V. 14.

Erhart K.P., 1978. The Development of the Facing Head Motif on Greek Coins and its relation to Classical Art. Cambridge.

Franke P.R., 1996. Zur Tyrannis des Klearchos und Satyros in Heracleia am Pontos // AA. Heft 2.

Head B.V., 1892. Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Coins of Ionia. London.

Head B.V., 1897. Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Coins of Caria, Cos, Rhodes. London.

Martin T.R., 1983. The Chronology of the Fourth-Century BC Facing-Head Silver Coinage of Larissa // ANSMN. 28.

Moysey R.A., 1986. The Silver Stater Issues of Pharnabazos and Datames from the Mint of Tarsus in Cilicia // ANSMN. 31.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ АЗОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1981–1995 гг.)

Азов – не самый крупный город и не самый значительный районный центр Ростовской области. Но его привлекательное расположение в самых низовьях Дона привело к тому, что под современным городом скрыто большое количество археологических памятников. Можно сказать, что самой историей Азову было предназначено рано или поздно стать заметным центром археологических исследований.

Это предназначение воплотилось в работе Азовского краеведческого музея. Формально музей в Азове был создан в 1917 г., но реальное его становление как научно-исследовательского и культурно-просветительного учреждения началось только в 1970-х гг., когда музей покинул неприспособленные помещения жилого дома и полностью занял вместительное здание (ул. Московская, д. 38/40), построенное в 1892 г. для городских думы и управы.

В 1973 г. директором Азовского краеведческого музея стал археолог, способный и энергичный администратор А.А. Горбенко. С середины 1970-х гг. коллектив музея пополнился археологами-выпускниками Ростовского университета, начавшими самостоятельные археологические работы в Азовском и соседних районах. Укрепление материальной базы и кадрового состава музея, резкое расширение хранительских и экспозиционных возможностей стали основой публикационной деятельности, начавшейся в 1981 г.

На развитие издательской деятельности Азовского музея повлияло то обстоятельство, что музейные археологи совместно с некоторыми специалистами Института археологии Академии наук СССР, Ростовского-на-Дону государственного университета, Ростовского-на-Дону государственного педагогического института и Ростовского областного музея краеведения проводили полевые исследования в составе Азово-Донецкой археологической экспедиции, организованной в 1976 г. В 1976 и 1977 гг. ее научным руководителем был крупнейший археолог-сарматовед К.Ф. Смирнов. После того, как Константин Федорович по состоянию здоровья был вынужден отказаться от работы в поле, экспедиция продолжала действовать под общим научным руководством В.Е. Максименко. 1987 г. стал последним годом существовавшей уже формально Азово-Донецкой экспедиции. Но именно с ней и с памятью о К.Ф. Смирнове связаны проведение в 1981 г. в Азове первого археологического семинара и издание Азовским музеем скромной брошюры, включившей 11 кратких информаций о полевых исследованиях 1976–1981 гг. (Материалы..., 1981).

Это издание положило начало основной серии ежегодников музея, именующейся с 1989 г. "Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону". В 1982–1988 гг. эти брошюры выходят в основном под названием "Итоги исследований Азово-Донецкой археологической экспедиции" с подзаголовками "Материалы к семинару" или "Тезисы докладов к семинару" (Итоги..., 1982; Исследования..., 1983; Итоги..., 1985; 1986; 1987; 1988). Когда в 1989 г. изменяется название ежегодника (Историко-археологические

© В.А. Кореняко, 1999 г.

исследования..., 1989), а в 1990 г. он получает в подзаголовке формальную нумерацию "выпуск девятый" (Историко-археологические исследования..., 1990), то все предыдущие выпуски становятся как бы предшествующими, несмотря на титульное наименование, выпусками "Историко-археологических исследований в Азове и на Нижнем Дону".

Следовательно, можно считать, что в 1981–1994 гг. музей выпустил 13 ежегодников, причем прослеживается явная положительная динамика в сторону все большей солидности изданий. Скромные брошюры в 16–24 страницы сменились книгами в 200–250 страниц, хотя и в мягких обложках. С условного восьмого выпуска ежегодники стали иллюстрированными (Историко-археологические исследования..., 1989). Если в 1981–1987 гг. большинство публикаций имело характер кратких сообщений о полевых исследованиях, то с 1987 г. начинают преобладать работы аналитического направления, составляющие в последних выпусках от половины до двух третей общего количества публикаций.

Для публикации наиболее интересных полевых материалов и проблемно-аналитических статей музей начал издавать серию "Донские древности", в которой в 1992–1995 гг. вышли четыре выпуска. Выпуски 1 и 2 представляют собой обычные сборники. Несколько отличается от них выпуск 4, посвященный 35-летию научно-педагогической деятельности В.Я. Кияшко. В него включены посвященная В.Я. Кияшко статья редакционного совета, подборка стихотворений юбиляра, список его печатных работ и мемуары В.С. Флерова «"Феномен Кияшко" есть только в Ростове-на-Дону» (Донские древности, 1995, с. 3–32).

Выпуск 3 "Донских древностей" представляет собой не сборник статей, а небольшую монографию В.Я. Кияшко "Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.)" (Кияшко В.Я., 1994). Монография состоит из четырех глав основного текста и 43 иллюстративных графических таблиц. Глава I посвящена истории изучения нижнедонского энеолита. Во II главе рассматривается проблема перехода от неолита к медно-каменному веку. Глава III представляет собой характеристику известного энеолитического поселения у г. Константиновска на правом берегу Дона. В главе IV В.Я. Кияшко систематизирует данные о нижнедонских энеолитических погребениях и предлагает обобщенную характеристику энеолитических памятников Подонья.

Всего в двух основных археологических сериях изданий Азовского музея была опубликована 321 работа, в том числе 307 чисто археологических. Объем данного обзора не позволяет остановиться на подробной характеристике всех публикаций, поэтому я попытаюсь дать хотя бы общее представление о статьях и заметках аналитического и обобщающего характера, не рассматривая кратких информационных публикаций о результатах полевых исследований.

Эти 147 печатных работ дают яркое впечатление об археологическом богатстве Ростовской области и о разнообразии стоящих перед исследователями задач.

Небольшое число публикаций посвящено памятникам древнего каменного века: А.Е. Матюхина по палеолитическим местонахождениям Бирючья Балка и Калитвенка IB, Л.М. Казаковой по памятникам Азовского района, Н.И. Ромащенко по верхнепалеолитической стоянке Ивановка II в Северо-Восточном Приазовье, Н.А. Хайкуновой по хорошо известным стоянкам Каменная Балка I и II (Донские древности, 1994, с. 4–36; 1995, с. 47, 78; Историко-археологические исследования..., 1991, с. 24–28; 1994а, с. 32–42; Итоги..., 1982, с. 7, 8).

Если не учитывать публикации В.Я. Кияшко и Н.И. Ромащенко мезолитическо-неолитического местонахождения Раздорское-2, то можно сказать, что практически отсутствуют исследования по этим эпохам каменного века (Историко-археологические исследования..., 1994б, с. 58–70). Мезолитические и неолитические памятники лишь кратко описаны в некоторых из упомянутых выше статей и в монографии В.Я. Кияшко.

Помимо монографии В.Я. Кияшко, приходится констатировать, что вклад донских археологов в изучение энеолитических памятников довольно незначителен. И.В. Белинский и С.В. Гуркин кратко опубликовали результаты раскопок поселения Батай I, а Ю.Я. Мягкова – характеристику остеологических остатков из него (Итоги..., 1982, с. 8, 9; 1988, с. 33–35). Л.С. Ильюков опубликовал работу о кенотафах эпохи энеолита (Донские древности, 1994, с. 37–47). Интересна статья С.Н. Братченко "Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке" (Донские древности, 1995, с. 79–92). В.В. Саяпин предложил трехэтапную периодизацию энеолитических памятников на Нижнем Дону (Итоги..., 1988, с. 44, 45).

Памятники древнеямной и катакомбной культурно-исторических общностей нашли отражение в публикациях нескольких выразительных погребальных комплексов, подготовленных В.М. Косяненко, Т.А. Шаталовой, В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко, Е.И. Беспалым,

Е.В. Козюменко, В.В. Саяпиным (Итоги..., 1982, с. 12–16, 24, 25; 1988, с. 18–20; Историко-археологические исследования..., 1989, с. 77–81; 1993, с. 44–54).

В.Я. Кияшко и Л.С. Ильюков представили довольно убедительные опыты реконструкции духовной культуры степных обществ раннего и среднего периодов бронзового века, основанные на широком сравнительном анализе различных предметов. Две статьи В.Я. Кияшко посвящены хорошо известным молоточковидным булавкам (Историко-археологические исследования..., 1993, с. 55–61; Донские древности, 1992, с. 4–57). Еще одна работа В.Я. Кияшко представляет собой сводку и интерпретацию амулетов-букраниев, найденных в катакомбных захоронениях среднего бронзового века (Донские древности, 1994, с. 48–55). Л.С. Ильюков в статье "Пастушья палка" на основе анализа находок в могилах катакомбной культурно-исторической общности бронзовых стержней и древесных остатков выдвинул гипотезу о существовании в древних скотоводческих обществах ритуалов, в которых использовались пастушеские стрекала и ярлыги (Историко-археологические исследования..., 1994б, с. 50–58).

Интересна разработанная для бронзового века в целом гипотеза М.П. Чернопицкого. Он предположил, что основным конструктивным приемом сооружения курганных насыпей была кладка из дерновых блоков или земляных брикетов (Итоги..., 1988, с. 50–52; Историко-археологические исследования..., 1991, с. 29–31).

Концу среднего и началу позднего бронзового века посвящены статья В.В. Рогудеева о поминальных курганах культуры многоваликовой керамики (Историко-археологические исследования..., 1989, с. 73–77), сводная работа Э.С. Шарафутдиновой о памятниках покровского типа XVII в. до н.э. (Донские древности, 1995, с. 93–166), публикация Л.С. Ильюковым бронзового наконечника дротика, имеющего аналогии в Синташтинском могильнике (Историко-археологические исследования..., 1991, с. 34–36).

Несмотря на обилие памятников срубной культурно-исторической общности на Нижнем Дону, они нашли отражение в основном в кратких информационных сообщениях о полевых исследованиях и в статье В.В. Рогудеева об абашевских и андроновских компонентах в погребениях позднего бронзового века (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 46–52).

Памятники "киммерийского времени" – эпохи перехода от бронзового к железному веку – представлены сводкой В.В. Отрощенко "О погребениях черногоровского типа в Нижнем Подонье" (Историко-археологические исследования.., 1994б, с. 103–117) и описательными публикациями И.Г. Бабешко, В.П. Копылова, С.И. Лукьяшко, В.В. Потапова (Донские древности, 1995, с. 117–148; Историко-археологические исследования..., 1991, с. 36–42; 1994а, с. 118–132).

Древности кочевников скифо-савроматской эпохи – одно из наиболее изучаемых направлений в археологии Подонья. Здесь можно отметить прежде всего публикации новых памятников VI–IV вв. до н.э., подготовленные Л.С. Ильюковым, В.П. Копыловым, С.И. Лукьяшко, В.Е. Максименко, И.Н. Парусимовым, Т.А. Шаталовой (Донские древности, 1994, с. 57–79; 1995, с. 117–148; Историко-археологические исследования..., 1991, с. 47–50, 55–57; 1993, с. 78–96; 1994б, с. 95–102; Итоги..., 1986, с. 23, 24).

В нескольких совместных и раздельных работах В.Е. Максименко и С.И. Лукьяшко был дан очерк этнической истории донских савроматов в связи с проблемами происхождения савроматов, скифо-савроматского взаимодействия, этнокультурной атрибуции сарматов и язаматов. Вкратце эту концепцию можно изложить следующим образом. Генезис этнического ядра нижнедонских савроматов связан с Предкавказьем и Прикубаньем, откуда в VI в. до н.э. мигрировали на север известные античным авторам язаматы-иксоматы-иксибаты, савроматская принадлежность которых наиболее вероятна. Они интегрировались со скифскими племенами и создали в дельте Дона этнополитическое объединение, контролировавшее обширные степные пространства в VI–V вв. до н.э. После V в. до н.э. в этой "этносоциальной области" обособились европейские савроматы-сирматы, а в последних веках до н.э. произошло выделение из этнополитической общности нижнедонских савроматов-язаматов другого известного племенного союза, сарматов-языгов (Донские древности, 1992, с. 57–68; Итоги..., 1988, с. 30, 31; Историко-археологические исследования..., 1989, с. 64, 65).

Две публикации В.Е. Максименко и С.И. Лукьяшко посвящены проблемам социальной, в частности, военной организации у скифов и савроматов (Итоги..., 1987, с. 32, 33; Историко-археологические исследования..., 1993, с. 69–78).

Технологию изготовления железных топоров донскими савроматами на примере находок из Шолоховского кургана V–IV вв. до н.э. попытался реконструировать С.В. Рязанов (Историко-археологические исследования..., 1994а, с. 84–88).

Ростовские археологи В.Г. Житников и В.П. Копылов уже третье десятилетие работают на Елизаветовском городище – крупнейшем поселении скифо-савроматского времени на Дону. В.Г. Житников, изучив находки фрагментов позднеархаических амфор, делает вывод о том, что они "позволяют несколько удревнить время возникновения Елизаветовского поселения или, точнее, начало освоения кочевниками скифского периода территории будущего городища, и отнести его к последней четверти или, скорее всего, к концу VI в. до н.э." (Донские древности, 1995, с. 179–184). Интересна и статья В.Г. Житникова "Рыбный промысел в хозяйственной системе Елизаветовского городища на Дону" (Донские древности, 1992, с. 68–78). В.П. Копылов изучил распределение различных категорий погребального инвентаря в 243 надежно документированных комплексах V–IV вв. до н.э. Елизаветовского могильника (Историко-археологические исследования..., 1989, с. 55–58). Изучение этого памятника позволило В.П. Копылову выдвинуть гипотезу о социальной организации оставивших Елизаветовский могильник донских скифов, согласно которой выделяются "четыре группы имущественного и, вероятно, социального статуса погребенных" (Итоги..., 1988, с. 20–22).

Древнегреческая колонизация и торговля в скифо-савроматскую эпоху на Нижнем Дону стали предметом статей В.П. Копылова и В.Г. Житникова о возникшем в конце VII – начале VI в. до н.э. и предположительно отождествляемом с гаванью Кремны Таганрогском поселении (Итоги..., 1988, с. 15–17; Историко-археологические исследования..., 1991, с. 42–47), С.Ф. Пустынникова об амфорах V–III вв. до н.э. из Северо-Восточного Приазовья (Историко-археологические исследования..., 1991, с. 50–54), Ю.Б. Потаповой о граффити на чернолаковой и столовой керамике Елизаветовского городища (Историко-археологические исследования..., 1994а, с. 101–118), В.П. Копылова о греческих импортных изделиях и И.В. Соломахи и П.А. Ларенка об амфорах из расположенного близ Елизаветовского городища могильника у хутора Дугино (Итоги..., 1987, с. 31–32; Донские древности, 1992, с. 78–87).

Одна из статей В.П. Копылова посвящена боспорскому эмпорию, существовавшему в III в. до н.э. на "акрополе" Елизаветовского поселения, когда оно было оставлено скифами (Итоги..., 1988, с. 22–24). В соавторстве с С.Ю. Янгуловым он предложил расчет численности населения этой греческой колонии в 1-й трети III века до н.э. – от 2600 до 3200 человек (Итоги..., 1988, с. 25, 26).

Довольно много публикаций по археологии и истории сарматов. За последние 20 лет на Дону раскопано немало ценных сарматских памятников, которые вводят в научный оборот С.И. Безуглов, И.В. Белинский, Е.И. Беспалый, А.Л. Бойко, М.В. Власкин, А.В. Захаров, П.А. Ларенок (Историко-археологические исследования..., 1989, с. 25–37, 44–51; 1990, с. 64–68; 1991, с. 65–71, 85–96; Итоги..., 1982, с. 12–14). Проблемы хронологии и соотношения памятников раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культур разработаны в статьях В.Е. Максименко, С.И. Безуглова, Ю.К. Гугуева, А.В. Захарова (Итоги..., 1986, с. 26–28; 1988, с. 5, 6, 17, 18). Сарматские погребальные ритуалы анализируют А.В. Захаров, Л.С. Ильюков и М.В. Власкин (Итоги..., 1982, с. 21–24; 1988, с. 8, 9). Исследование в 1987 г. богатейшего неразграбленного погребения знатной сарматки в кургане 10 Кобяковского могильника обусловило появление работ В.К. Гугуева и Т.А. Прохоровой, которые на основе анализа гривны, головного убора и уздечного набора исследуют искусство и религиозные представления степняков I–II вв. н.э. (Донские древности, 1992, с. 87–114; Историко-археологические исследования..., 1990, с. 68–73; 1991, с. 57–65). Уникальной золотой пластине с изображением трехногих копытных животных и собаки, датируемой также I–II вв. н.э., посвящена статья Т.А. Прохоровой, интерпретирующей композицию как "сюжет из солнечного мифа скифо-сармато-алан" с "четко выраженным митраистическим комплексом" (Историко-археологические исследования..., 1994а, с. 89–101). С.И. Безуглов сопоставляет данные Аммиана Марцеллина об аланах-танаитах с "археологическими реалиями" – погребениями IV в. н.э. в Северо-Восточном Приазовье (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 80–87).

Примерно столько же работ опубликовано по археологии памятников оседлого населения сарматского времени дельты Дона – давно известных Кобякова, Крепостного и Подазовского городищ и соответствующих им грунтовых некрополей, а также поселений и могильников, открытых сравнительно недавно. Основное место здесь занимают работы В.М. Косяненко, систематически и скрупулезно вводящей в научный оборот различные категории материалов (Донские древности, 1994, с. 80–101; Историко-археологические исследования..., 1989, с. 58–62; 1991, с. 82–85; 1993, с. 97–100; 1994б, с. 33–36, 70–83). Материалы последнего 20-летия публиковали И.В. Гудименко и В.В. Чалый (Итоги..., 1982, с. 9–11; Историко-археологические исследования..., 1993, с. 104–121; Донские древности,

1994, с. 102–108). Зоолог Ю.Г. Мягкова (Кожевникова) опубликовала краткую характеристику остеологического материала из раскопок одного такого памятника – поселения Рогожкино (Итоги..., 1985, с. 19–21).

В.Е. Максименко выдвинул гипотезу о тождестве поселений римского времени в дельте Дона с топонимами, известными Клавдию Птолемею: Крепостного городища с Паниардисом, а Подазовского городища с Патарвой (Итоги..., 1987, с. 33–35). Эту гипотезу поддержал А.Л. Бойко (Итоги..., 1987, с. 35, 36), которому также принадлежат статьи об уточнении времени возникновения Крепостного городища (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 73–80) и истории изучения этого памятника (Историко-археологические исследования..., 1991, с. 71–82).

Еще одним аспектом археологии сарматского времени является исследование взаимосвязей местного населения с античной цивилизацией. Импортные изделия позднеэллинистического и римского периодов анализируют Н.Н. Головкова, И.В. Гудименко и А.Ю. Кузьмин (Историко-археологические исследования..., 1991, с. 96–103; 1994а, с. 143–162; 1994б, с. 36–50).

К самому началу средневековья относится погребение V в. н.э. в Танаисе, исследованное В.В. Чалым и опубликованное С.И. Безугловым (Историко-археологические исследования..., 1993, с. 121–130).

Несмотря на немногочисленность работ по домонгольскому средневековью в изданиях музея, они вызывают достаточно большой интерес. Среди них можно выделить три направления. Во-первых, это работы П.А. Ларенка о памятниках салтово-маяцкой культуры (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 93, 94; 1993, с. 130–137; 1994а, с. 137–139; 1994б, с. 93, 94). Во-вторых, большой интерес представляет серия работ С.В. Гуркина, в которых публикуются и во многом по-новому интерпретируются половецкие святилища и прежде всего их основные элементы – каменные и деревянные антропоморфные изваяния (Исследования..., 1983, с. 12; Историко-археологические исследования..., 1989, с. 39–43; 1990, с. 97–106; 1991, с. 103–113; 1993, с. 138–144; Донские древности, 1992, с. 114–143). В-третьих, в Северо-Восточном Приазовье открыты Куричанское и Семеновское славяно-русские поселения, существовавшие в XII–XIII вв., т.е. в половецкое время и в начале золотоордынской эпохи. Материалы этих поселений частично опубликованы в работах С.В. Рязанова и В.А. Ларенок (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 108–112; 1991, с. 113, 114; 1994а, с. 132–136; 1994б, с. 127–135).

Из публикаций золотоордынских памятников необходимо отметить заметку А.И. Гармашова о погребении в могильнике Вербовый Лог IV, статью А.Н. Масловского о поселении Пешково I и публикацию В.А. Ларенок погребений второй половины XIII в. в курганном могильнике у хутора Семенкина, убедительно определяемых как захоронения монголов (Историко-археологические исследования..., 1990, с. 112–116; 1991, с. 114–126; Донские древности, 1992, с. 158–189).

Но основным золотоордынским объектом для азовских археологов является культурный слой одного из наиболее известных городов Золотой Орды – Азака, включающий в себя и остатки итальянской колонии Таны. Отчеты о раскопках Азака опубликованы Л.М. Казаковой, В.И. Перевозчиковым, В.В. Чалым, Н.М. Фомичевым, И.В. Гудименко, А.Ю. Кузьминым, А.Н. Масловским, А.Ф. Рогачевой (Материалы..., 1981, с. 6–8; Итоги..., 1982, с. 9–11; Историко-археологические исследования..., 1990, с. 117–135; 1993, с. 155–224; 1994а, с. 162–177; 1994б, с. 83–93).

Основной вещевой материал из раскопок Азака – местная и привозная керамика. Ее публикации и сравнительному анализу посвящены работы В.И. Перевозчикова, В.А. Ларенок, И.В. Волкова, И.В. Белинского, А.Л. Бойко, Я.А. Щегловой (Итоги..., 1986, с. 28–30; 1988, с. 28–30, 37–41; 1989, с. 69–73; 1991, с. 126–146; 1994б, с. 28–32; Донские древности, 1992, с. 143–157, 189–193). Более редкие находки рассматриваются И.В. Волковым, Н.М. Фомичевым, М.В. Гореликом, С.В. Рязановым (Итоги..., 1987, с. 40–42; 1988, с. 11–13; Историко-археологические исследования..., 1993, с. 145–155, 225–228). Нумизматические находки проанализированы Н.М. Фомичевым и А.А. Молчановым (Итоги..., 1987, с. 42–45; Историко-археологические исследования..., 1989, с. 65–69), остеологические материалы – Ю.Я. Мягковой, В.А. Ларенок, П.А. Ларенком (Итоги..., 1988, с. 28, 32, 33).

К археологии турецкого Азова относятся статьи И.В. Волкова "Хронология турецких слоев Азова (XVI–XVIII вв.)" и "Гостевая церковь-мечеть Баязида Вели в Азове" (Историко-археологические исследования..., 1989, с. 37–39; 1990, с. 136–150).

К "поздней археологии" (XVII в.) имеет отношение лишь работа В.П. Копылова и В.Н. Королева "О месторасположении Монастырского городка" (Итоги..., 1986, с. 31, 32).

Особняком стоят публикации, не связанные с конкретным материалом и имеющие историографический, теоретический или методический характер. Л.М. Казакова опубликовала сводку сведений об археологических экспедициях, работавших в Ростовской области в 1949–1970 гг. (Донские древности, 1995, с. 33–40). Организационные вопросы охраны памятников и археологических исследований, проблемы экспозиционной и хранительской музейной работы отразились в работах А.А. Горбенко, Н.М. Фомичева, В.И. Перевозчикова, С.В. Гуркина (Итоги..., 1982, с. 18–20; 1987, с. 4, 5; Историко-археологические исследования..., 1990, с. 35–40; 1994а, с. 3–7; 1994б, с. 118–127). Статья В.А. Кореняко "Константин Федорович Смирнов как исследователь" написана в жанре персоналии, но претендует на постановку проблемы профессиональной этики в археологии (Историко-археологические исследования..., 1994а, с. 8–29).

Сериями "Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону" и "Донские древности" не исчерпывается список археологических публикаций Азовского краеведческого музея.

В 1988 г. музей издал сборник тезисов докладов конференции "Проблемы сарматской археологии и истории", состоящий из десяти текстов, являющихся по существу не тезисами, а достаточно полными текстами докладов: "Сарматы и Северный Кавказ" М.П. Абрамовой, "Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда)" С.И. Безуглова и В.К. Гугуева, "Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до нашей эры (очерк этнокультурных процессов)" Я.Б. Березина и В.Б. Виноградова, "Сарматы в Прикубанье" А.М. Ждановского и И.И. Марченко, "Степи Восточной Евразии в VI–II вв. до н.э." Б.Ф. Железчикова, "Этнические процессы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э." С.И. Лукьяшко, "Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)" А.П. Медведева, «Понятие "археологическая культура" и савроматосарматская культурно-историческая общность» М.Г. Мошковой, "Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (проблемы этнической интерпретации памятников)" В.Е. Максименко, "Азиатская Сарматия: проблемы истории и культуры" А.С. Скрипкина (Проблемы..., 1988). Взгляды если не всех, то явного большинства этих авторов хорошо известны специалистам, что позволяет мне воздержаться от комментариев.

В 1991 г. музеем был издан сборник тезисов докладов конференции "350-летие Азовского осадного сидения". Из 17 публикаций сборника 5 имеют непосредственное отношение к донской археологии: "Временные жилища русского населения периода реконструкции Азовской крепости конца XVII – начала XVIII в. из раскопок 1990 г." А.Л. Бойко, «"Утюжки" эпохи неолита-энеолита и их смысловая интерпретация» В.Я. Кияшко, "Район дельты Дона – перекресток торговых коммуникаций с древнейших времен" В.П. Копылова, "Население округи Азова и Северо-Восточного Приазовья в VI в. до н.э." С.И. Лукьяшко, "Об охране памятников истории и культуры г. Азова" Н.М. Фомичева (350-летие Азовского осадного сидения, с. 7–9, 21–26, 32–34, 42, 43).

С течением времени деятельность музея приобретала все большую археологическую направленность, которая абсолютно точно проявляется в количественном росте и составе коллекций. Вероятно, чтобы установить какое-то равновесие, музей в 1992–1995 гг. издал 4 выпуска "Очерков истории Азова". Они не предназначались для публикации археологических материалов. В качестве 3-го и 4-го выпусков были изданы монографии по новой и новейшей истории Азова (Перепечаева Л.Б., 1995; Федотова Т.А., 1995). И все же в 1-й и 2-й выпуски включены статьи археолога Н.М. Фомичева "Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV–XV вв." и "О происхождении названия и времени основания города Азова" (Очерки..., 1992, с. 35–54; 1994, с. 5–18).

Предлагаемый обзор явно указывает на неравномерность изучения археологических памятников разных эпох. Практически полностью отсутствуют исследования материалов эпохи мезолита и неолита, позднего бронзового века. Это связано, думается, со следующими обстоятельствами: во-первых, обзор охватывает только печатные работы, выпущенные музеем, а не всю литературу по археологии Нижнего Дона; во-вторых, опубликованные в музейных изданиях статьи отражают круг научных интересов и специализацию его сотрудников.

Пожалуй, единственный серьезный упрек возможен лишь в одном отношении, вполне зависящем от дирекции и научного коллектива музея: по археологическим коллекциям до сих пор не выпущен ни один каталог, хотя еще в 1984 г. в музее была издана брошюра "Методические разработки к каталогу археологических коллекций Азовского краеведческого музея" (Методические разработки..., 1984).

Суммарная количественная оценка археологических изданий Азовского краеведческого музея впечатляет. Всего в 1981–1995 гг. издано 24 книги и брошюры общим тиражом 13 500 экземпляров и общим объемом более 2800 страниц. Опубликована 361 работа, в том числе 3 монографии. Непосредственное отношение к археологии имеют 320 публикаций, в том числе 1 монография. Совершенно очевидно, что мы не можем назвать музея ни в одном другом районном центре России с таким же объемом издательской продукции. Это трудно сделать и по отношению к музеям республиканским, краевым, областным. Мы имеем дело с явлением уникальным. Главная заслуга здесь бесспорно принадлежит директору музея, заслуженному работнику культуры Российской Федерации А.А. Горбенко. В большой мере ее разделяют с ним взявшие на себя научное редактирование изданий преподаватели Ростовского-на-Дону государственного университета – профессор В.Е. Максименко, доценты В.Я. Кияшко и С.И. Лукьяшко.

Сосредоточив в своих фондах огромную – более 100 000 предметов – коллекцию древностей, включающую в себя большое количество произведений искусства и изделий из драгоценных металлов, Азовский краеведческий музей стал хранителем одного из крупнейших и интереснейших археологических собраний на юге России. Благодаря этому в 1990-х гг. стало возможным участие музея в крупных зарубежных экспозиционных проектах. В 1991 г. состоялась выставка "Сокровища кочевых племен на Юге России" в Токио, Киото и Фукуоке (Япония), в 1993 г. – выставка "Из сокровищниц Евразии. Шедевры древнего искусства" в Цюрихе и Киото, в 1995 г. – выставка "Золото сарматов. Кочевники степей в древности" в Культурном центре "Аббатство Даулас" в департаменте Финистер (Франция). Ко всем выставкам были изданы прекрасные каталоги. (Росия но хихо..., 1993; Aus den Schatzkammern Eurasiens..., 1993; Entre Asie..., 1995; The Treasures..., 1991). Таким образом, деятельность Азовского краеведческого музея вполне закономерно получила международное признание.

Государственный музей Востока,
Москва

В.А. Кореняко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Донские древности, 1992. Вып. 1. Азов.

Донские древности, 1994. Вып. 2. Азов.

Донские древности, 1995. Вып. 4. Азов.

Исследования объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М.А. Суслова и Ростовского областного музея краеведения в 1983 г. (материалы к семинару), 1983. Азов.

Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. (тез. докл. к семинару), 1989. Азов.

Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. (выпуск 9-й), 1990. Азов.

Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. (выпуск 10-й), 1991. Азов.

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 г., 1993. Выпуск 11-й. Азов.

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г., 1994а. Выпуск 12-й. Азов.

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г., 1994б. Выпуск 13-й. Азов.

Итоги исследований Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1982 г. (материалы к семинару), 1982. Азов.

Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М.А. Суслова и Ростовского областного музея краеведения в 1984 г. (тез. докл. к семинару), 1985. Азов.

Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. (тез. докл. к семинару), 1986. Азов.

Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. (тез. докл. к областному семинару), 1987. Азов.

Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. (тез. докл. к областному семинару), 1988. Азов.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов.

Материалы к семинару «Итоги исследований объединенной Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета и Ростовского ордена "Знак Почета" государственного педагогического института в 1976–1981 гг.», 1981. Азов.

Методические разработки к каталогу археологических коллекций Азовского краеведческого музея, 1984. Азов.

Очерки истории Азова, 1992. Вып. 1. Азов.

Очерки истории Азова, 1994. Вып. 2. Азов.

Перепечаева Л.Б., 1995. Крепость и посад Азов (конец XVII – начало XX вв.) // Очерки истории Азова. Вып. 3. Азов.
Проблемы сарматской археологии и истории (тез. докл. конференции), 1988. Азов.
350-летие Азовского осадного сидения (тез. докл. конф.), 1991. Азов.
Федотова Т.А., 1995. Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Очерки истории Азова. Вып. 4. Азов.
Росия но хихо. Токубэцутэн Ю-разия но кагаяки (Сокровища России. Специальная выставка "Шедевры Евразии") (на яп. яз.), 1993. Киото.
Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Kunsthaus Zürich. 29. Januar bis 2. Mai 1993, 1993. Zürich.
Entre Asie et Europe. L'or des sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquite. 17 juin – 29 octobre 1995, 1995. Abbaye de Daoulas.
The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia, 1991. Tokyo–Kyoto–Fukuoka.

Doura-Europos. Études IV. 1991–1993. Édité par P. Leriche et M. Gelin, IFAPO, Beyrouth, 1997. 256 p.

Как известно, в 1986 г. возобновились масштабные исследования широко известного (благодаря предшествующим раскопкам) памятника, расположенного в Сирии на берегу реки Евфрат города Дура-Европос. Сейчас его изучает объединенная франко-сирийская экспедиция, во главе которой состоят два руководителя: известный французский археолог, специалист по античному Переднему Востоку и Средней Азии П. Лериш и директор Археологического музея в Дейр ез-Зоре Махмуд ал Асад.

Цели данной экспедиции несколько отличаются от целей обычных археологических экспедиций – ее главная задача состоит не в собственно раскопках, а в превращении Дура-Европос в крупный центр туризма, чего, естественно, этот город вполне достоин. Соответственно осуществление данной задачи требует значительных по масштабам реставраций, которые в первую очередь должны коснуться наиболее ярких и впечатляющих памятников, например Пальмирских ворот, резиденции стратега, цитадели и т.д. Однако эта реставрация должна быть проведена на самом современном уровне не только с технической точки зрения, но и с точки зрения исторической и археологической достоверности. Памятники, которые в первую очередь должны быть реставрированы, в 20-е и 30-е годы были уже объектами раскопок экспедиций, работавших тогда в Дура-Европос: французской (под руководством Ф. Кюмона) в начале 20-х годов и американо-французской (под общим руководством М.И. Ростовцева) в конце 20-х – 30-х годах. В силу ряда причин отчетные сведения о памятниках недостаточны для реставрации, и поэтому в плане работ франко-сирийской экспедиции стоят и ограниченные раскопки, зондажи и зачистки, целью которых является верификация полученных ранее данных, уточнение неясных вопросов, снятие всякого рода сомнений для того, чтобы проекты реставрации были совершенно бесспорными[1].

Работы данного характера продолжаются уже несколько лет и их результаты (достаточно серьезные) регулярно публикуются. До сего времени вышло уже три выпуска отчетов об исследованиях в Дура-Европос (Doura-Europos, 1986; 1988; 1992). Рецензируемый – четвертый выпуск отчетов имеет определенную специфику – все предшествующие ему выпуски печатались в форме приложений к соответствующим номерам журнала "Syria", данный же – опубликован в форме отдельного сборника. Изменение формы отражает и некоторые изменения в характере самих работ на памятнике. Как указывает в "Предисловии" к данному сборнику П. Лериш, финансирование экспедиции в первые годы ее работ было весьма ограниченным и соответственно результаты работ были также достаточно скромными. Только начиная с 1991 г. финансирование стало более значительным, что позволило укрепить научный состав экспедиции, расширить масштабы исследований и реставрации памятника. Кроме того, хотя формально в данном сборнике представлены результаты исследований экспедиции только за 1991–1993 гг., на эти годы приходится окончание нескольких проектов и ряда важных этапов в других проектах, поэтому ряд

[1] Об основных задачах экспедиции см.: Leriche P. et al., 1986, p. 5–25.

© В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко, 1999 г.

статей, представленных в сборнике, имеет более обобщающий характер, чем обычные продолжающиеся отчеты об археологических исследованиях. В силу этого представляется необходимым откликнуться на данный выпуск отчетов экспедиции.

Статьи, опубликованные в сборнике, объединены в три раздела, которые носят следующие названия: 1) Результаты раскопок на различных объектах; 2) Исследования по различным проблемам, связанным с раскопками в Дура; 3) История исследований в Дура-Европос.

В первом разделе, самом значительном по объему, представлены следующие статьи: "Основные результаты кампаний 1991–1993 гг. франко-сирийской экспедиции по исследованию Дура-Европос" (П. Лериш и Махмуд ал Асад); "Пальмирские ворота Дура-Европос" (М. Желэн, П. Лериш, Ж. Абдул Масси); "Дополнительные ворота Дура-Европос" (Ж. Абдул Масси); "Стратегейон в Дура-Европос" (П. Лериш, М. Желэн, М. Гарби, М.-Б. Ион); "Траншея на Главной улице и раскопки святилища и дома в Блоке М5 в Дура-Европос" (П. Лериш); "Новые данные относительно юго-восточного района Дура-Европос" (К. Салиу и А. Дандро); "Раскопки в храме Зевса Мегистоса в Дура-Европос в 1992 г." (С. Дауни); «Комнаты W9 и W10 в храме Аззанактоны в Дура-Европос: историческое развитие и семейная топография в "зале со ступенями"» (П. Арно).

В первой статье (с. 1–20) дается общая характеристика работ экспедиции начиная с 1986 г., но наиболее подробно – в 1991–1993 гг. Авторы указывают, что основные задачи экспедиции в этот момент были определены следующим образом: 1) осуществлять археологическое исследование памятников Дура-Европос, особое внимание обращая на те памятники, которые уже раскапывались ранее (в период работ французской экспедиции под руководством Ф. Кюмона в 1922–1924 гг. и объединенной экспедиции Йельского университета (США) и Академии надписей и изящной словесности (Франция) под руководством М.И. Ростовцева в 1928–1937 гг.), но которые были опубликованы только в форме предварительных отчетов (или даже вообще не были опубликованы); 2) начать работы по сохранению ряда памятников, которые подвергались наибольшим разрушениям с момента завершения предшествующих археологических раскопок.

Первые годы работ основные усилия экспедиции были сосредоточены на двух памятниках: официальной резиденции высшего городского магистрата – стратега, и укреплениях, в первую очередь городских воротах. Это определялось тем обстоятельством, что именно эти памятники, с одной стороны, являлись наиболее впечатляющими сооружениями города, вызывающими наибольший интерес туристов, с другой же – именно они оказались в наиболее угрожаемом, с точки зрения их сохранности, положении. Только позднее сфера деятельности экспедиции стала постепенно расширяться.

Авторы в своей статье кратко, но достаточно отчетливо описывают основные итоги раскопочных и реставрационных работ как по отдельным годам описываемого периода, так и по каждому из объектов.

Более подробное изложение результатов исследований представлено в отдельных статьях данного раздела книги. В частности, очень интересной представляется статья (с. 21–46), посвященная результатам изучения так называемых Пальмирских ворот – т.е. главных городских ворот, расположенных примерно в середине западной стены[2]. Эти ворота исследовались в свое время американо-французской экспедицией, но результаты этих раскопок были представлены в публикациях в очень краткой форме, что, естественно, вызывало много вопросов. Первой задачей работ было освобождение ворот от огромной массы земли – отвалов прежних раскопок. Только после этого стало возможным проводить новые исследования. Важнейшим результатом их (отдельные шурфы, зачистки, вскрытие не до конца раскопанных помещений в башнях) является установление, кажется, достаточно надежной даты их сооружения: вторая четверть или середина II в. до н.э., что совпадает со временем строительства и городских стен. Удалось установить детальную историю сооружения и реконструкции башен, представляющих основной элемент укреплений городских ворот.

Главным итогом всех этих работ является воссоздание основных этапов развития Пальмирских ворот: 1) строительство их к середине II в. до н.э.; 2) перестройка в течение парфянского периода (создание системы предвратных укреплений); 3) возведение мощной

[2] Название дано исследователями из американо-французской экспедиции. Ф. Кюмон называл их "монументальными воротами" или "центральными воротами западной стены".

системы гласисов, выполненных из сырцового кирпича, в римское время[3]. Исследование городских ворот увязывалось с общей историей города. В частности, авторы доказывают, что строительство городских ворот происходило одновременно с полной перестройкой самого города, с созданием гипподамовой системы городской планировки.

Наконец, что также весьма интересно, были вскрыты остатки поля боя перед городскими воротами во время последней осады города в середине III в. н.э. Здесь на большом пространстве на поверхности земли находятся наконечники стрел и копий, умбоны щитов и т.д.

Статья, посвященная так называемым "дополнительным" (secondaire) воротам (с. 47–54), показывает, что они не до конца были исследованы во время работ американо-французской экспедиции и что в том кратком отчете об их исследованиях, который был опубликован в 1939 г. (Gerkan A. von, 1939), имеются некоторые ошибки. Эти ворота также находятся в западной стене, в 70 м к югу от Пальмирских ворот. Видимо, справедливо мнение, что эти ворота функционировали только в то время, когда строились Пальмирские ворота. Позднее, когда была закончена постройка главных ворот, они были заложены. В этом месте также были получены факты, подтверждающие одновременность строительства укреплений и создание гипподамовой системы планировки городской застройки.

Интересно отметить, что в этом месте была обнаружена "мина", подведенная под стену извне и "контрмина" – изнутри. Хотя никаких датирующих материалов в них не было найдено, имеются серьезные основания полагать, что эти подкопы – один из следов осады города в 165 г. н.э. войсками Авидия Кассия.

Большое место в работах экспедиции занимали все эти годы исследования и реставрация (частичная) официальной резиденции высшего городского магистрата – стратега. Об этих работах говорится в третьей статье (с. 55–80) первого раздела сборника. Раскопки этого здания также проводились американо-французской экспедицией, но результаты их не были представлены в опубликованном виде. В архиве Йельского университета имеются две рукописи (К. Гопкинса и Г. Пирсона), в которых даны очень различные версии относительно хронологии и истории существования здания. Кроме того, местоположение здания таково (на краю вади, отделяющего плато, на котором построен город, от плато цитадели), что часть его уже обрушилась за время, прошедшее с момента раскопок, а часть могла обрушиться в ближайшее время. В связи с этим были предприняты исследования в той части здания, которая ближе всего расположена к рухнувшему фасаду, и на дне вади, поскольку там должны быть возведены конструкции, поддерживающие восстановленный фасад.

Результатом этих работ стало некоторое изменение представлений об истории здания. Ясно, что на первом этапе своего существования здание имело меньшие размеры и северная (в значительной мере ныне пострадавшая) часть здания была построена во II в. до н.э., когда его реконструировали и расширяли. Несколько изменился и план его, поскольку были открыты некоторые стены в тех частях здания, которые были не полностью вскрыты предшествующими раскопками.

Проведенные в самом вади раскопки показали, что тех контрфорсов, которые показаны на реконструкции здания, предложенной Йэльской экспедицией (Rostovtzeff M., 1938, pl. V – на основании реконструкции Г. Пирсона), на самом деле нет и, тем самым, эта реконструкция ошибочна. Кроме того, здесь же были выявлены остатки каменоломни, из которой извлекались каменные блоки для строительства самого здания. Точно так же была показана ошибочность предположения М. Пийе о нахождении в северо-восточном углу одного из входов в Стратегейон.

В течение этих лет были начаты работы по реконструкции фасадной части здания. Для реконструкции используются и те каменные блоки, которые сохранились от первоначального здания.

Значительный раскоп был заложен на главной улице города, идущей на восток от главных городских ворот. Отчет об этих исследованиях представлен в четвертой статье данной части сборника (с. 81–94). В отличие от других раскопов в этом месте никаких предшествующих раскопок не проводилось. Американо-французская экспедиция вскрывала главную улицу только на ее окончаниях: у Пальмирских ворот и у триумфальной арки. Первоначально улица была пересечена траншеей (она находится на расстоянии в 100 м от внешних стен Пальмирских ворот), а затем с южной стороны улицы начали вскрывать помещения, входившие в состав здания, расположенного рядом с улицей. Данный раскоп

[3] Новые исследования показали, что размеры гласисов, наличие которых было уже установлено в ходе предшествующих работ, тогда были определены неверно.

имел своей задачей решение вопроса о времени создания главной городской артерии и тем самым должен был проконтролировать результаты, полученные при исследовании Пальмирских ворот. По мнению автора, раскопки показали, что данная улица была создана в середине II в. до н.э. Она имела в этот момент ширину 10,5 м. Она пережила за время своего существования несколько реконструкций, но никогда серьезно не изменялась.

К югу от улицы находился жилой дом, входивший в состав квартала M5 (согласно принятой в Дура системе обозначения отдельных кварталов). Часть этого дома была раскопана. Вдоль улицы располагалось продолговатое помещение ("банкетный зал"). Выявлено наличие нескольких этапов его существования. Первоначально в его устройство входили колонны, затем они были заменены столбами, стоявшими по длинной оси помещения. Судя по наличию алтаря, остатков фресок и культового рельефа, обнаруженного здесь (ему посвящена отдельная публикация – см. ниже), помещение в это время имело сакральный характер. На самом последнем этапе помещение превращается в место хранения запасов оружия (стрелы, копья, камни для пращи). Естественно предположение о том, что данный этап – время осады города войсками Сасанидов в 50-е годы III в. н.э. Рядом с этим залом расположено еще несколько комнат, но они вскрыты только частично. Кроме того, было установлено, что рассматриваемое здание построено на остатках другого – более раннего, вход в которое вел прямо с улицы.

В статье относительно раскопок в юго-восточной части города (с. 95–106) сообщается о работах, проведенных на участке, где располагается база экспедиции. Строительство новых помещений привело к необходимости вскрытия на этом участке самых верхних слоев городища. Здесь был обнаружен дворик с окружающими его комнатами: судя по характеру строительных остатков и найденным материалам, жилище людей достаточно скромного достатка. Это здание, на основании керамических материалов, датируется V в. н.э., может быть, даже еще более поздним временем. Установление этого факта имеет достаточно важное значение, поскольку ранее считалось, что после захвата города Сасанидами в 256 г. н.э. жизнь в нем полностью прекратилась.

В расположенном рядом раскопе были найдены остатки здания (видимо, общественного назначения) римской эпохи, а над ними – остатки двух погребений. Одно из них – кенотаф – в таннуре (тандыре), а другое – также в таннуре, но, судя по характеру костей погребенного, выполнено, видимо, по зороастрийскому обряду. Эти погребения одновременны с упомянутыми выше остатками жилища и, по всей видимости, свидетельствуют о том, что и после разрушения города войсками сасанидского царя Шапура I остатки жизни еще некоторое время здесь теплились.

Статья С. Дауни (с. 107–116) описывает работы, проводившиеся в храме Зевса Мегистоса. Они имели своей целью уточнение сведений об этом важном памятнике религиозной архитектуры Дура-Европос, которое исследовалось в 1936–1937 гг. Однако в архиве Йельского университета имеется только часть документации об этих раскопках, осуществленных Ф. Брауном[4]. В связи с этим оставалось несколько неясных вопросов относительно устройства храма, особенно на самом раннем этапе его существования. Расчистка руин позволила снять эти вопросы. В связи с этой статьей необходимо, однако, заметить, что автор, как нам кажется, несколько преувеличивает ошибки Ф. Брауна.

В последней статье первого раздела сборника (с. 107–143) описываются результаты исследований, проведенных в двух помещениях святилища Аззанатконы. Одно из них представляло собой типичный для религиозной архитектуры Дура-Европос двух первых веков н.э. "зал со ступенями"[5], т.е. помещение, в котором сидения для участников сакральной трапезы, входившей в число важнейших элементов религиозной церемонии, располагаются рядами, каждый из которых выше предыдущего (как в амфитеатре театрального зала). Особенностью этих сидений было то, что они были подписными, т.е. на каждом из них указывались дата, имя женщины, "владелицы" данного сидения, имя ее мужа и его генеалогия в двух или трех поколениях.

Святилище также раскапывалось во время работ американо-французской экспедиции. Однако в опубликованном отчете основное внимание было уделено только самим надписям, детального плана данного помещения опубликовано не было. Эти надписи уже были объектом изучения, показавшего, что в этом ритуале принимали участие члены очень ограниченного круга семей граждан города.

---

[4] О причинах и обстоятельствах гибели части экспедиционной документации последних двух сезонов американо-французской экспедиции см.: Mathieson S., 1992, p. 121–140; 1993, p. 207–212.

[5] О них см.: Downey S., 1988, p. 88, 89.

Задачей данного исследования было уточнение плана помещения с выяснением порядка создания новых рядов сидений и проверка чтения надписей. В результате этого удалось составить и уточнить стеммы нескольких наиболее влиятельных семей среди граждан Дура-Европос в I – начале II вв. н.э. (до 107 г. н.э.) и лучше понять характер связей между ними.

Вторая часть сборника носит название "Исследования по различным проблемам, связанным с раскопками в Дура". В ее состав входят следующие статьи: "Создание компьютеризованной базы данных относительно жилой архитектуры в Дура-Европос" (А. Аллара и К. Салиу), "Гипс, штукатурка и джус" (А. Дандро), "От Дура-Европос до Арамеля: этноархеологические исследования относительно традиционных каменоломен" (Ж.-К. Бессак, Ж. Абдул Масси и З. Вала), "Хатрийские надписи из Дура-Европос: эпиграфическое исследование" (Р. Бертолино), "Хатрийские надписи из Дура-Европос: исторический и археологический контекст" (П. Лериш и Р. Бертолино), "Новый пальмирский барельеф из Дура-Европос" (А. Буни), "Монеты из Дура-Европос 1989–1993 гг." (К. Оже), "Военное снаряжение из раскопок Дура-Европос, проведенных экспедицией Иельского университета и Французской академии в 1928–1936 гг." (С. Джеймс).

В первой из статей данной части сборника (с. 145–154) описывается процесс создания компьютеризованной базы данных по проблеме жилой архитектуры Дура-Европос. Эта задача встала в связи с тем, что в ходе раскопок экспедиций Ф. Кюмона и американо-французской под руководством М. Ростовцева было раскопано (в той или иной степени) более ста домов. При этом многие дома были в опубликованных отчетах представлены очень кратко, а о некоторых вообще в отчетах нет ни слова. Работа состояла из двух частей: сбор всего доступного материала в архивах и наблюдения на месте (в Дура-Европос). В базу данных включались следующие сведения: 1) библиография и иная имеющаяся информация, 2) характер, масштабы и глубина раскопок, 3) наблюдения над имеющимся планом и сохранившимися остатками строений, 4) состояния сохранности, 5) хронологические данные, имеющиеся в отчетах и видимые на месте, 6) техника строительства (стены, перекрытия, полы, колонны и т.д.), 7) функциональные устройства: подача воды, расположение кладовых, помещения для банкетов и т.д.). Уже собранные таким образом материалы позволили авторам сделать некоторые достаточно важные выводы о характере жилой архитектуры Дура-Европос.

Две следующие статьи самым прямым образом связаны с проблемой реставрации сооружений города. Первая из них посвящена характеру строительных материалов, использовавшихся в Дура-Европос (с. 155–157). Автор указывает, что в этом городе для строительства использовались два вида строительных материалов: сырцовые кирпичи и местный камень (гипс). В качестве связующего материала в кладках или в качестве покрытия стен использовался материал, который сейчас в этом районе называется "джус". Обычно археологи считали, что джус представляет собой раствор гипса, получаемый путем кальцинации гипса (сульфат кальция) – материал известный с доисторических времен. Данный материал обладает рядом отрицательных качеств, в частности он легко разрушается под воздействием влаги. Естественным в этой связи представляется вопрос – почему жители Дура-Европос столь широко использовали столь непрочный строительный материал? Анализ ряда образцов, взятых из домов парфянского и римского времени, показал, что состав джуса был значительно сложнее: в него помимо сульфата кальция входили также глина, кварц и органические материалы.

Вторая статья связана с проблемой реставрации каменных конструкций, в первую очередь стен города. Она представляет собой этноархеологическое исследование по проблеме добычи и обработки камня (с. 159–197). Хотя в Сирии в настоящее время большинство каменоломен работают с использованием современных орудий труда, имеется несколько из них (в частности, в районе Арамеля), где используется только ручной труд. Авторы исследовали процесс и организацию труда в них, обращая особое внимание на орудия труда, организацию работ, социальную среду, из которой выходят и рабочие и предприниматели, занятые этим видом деятельности. Можно полностью согласиться с основными выводами исследователей – подобное исследование поможет лучше понять многие из вопросов относительно строительной истории Дура-Европос, да и других городов древности в Сирии и прилежащих регионах. Из более практических выводов необходимо обратить внимание на следующие: извлечение 1 $м^3$ песчаника средней плотности требует несколько более15 рабочих часов и использования 8 различных орудий труда. Авторы отмечают также, что традиционные каменоломни могут в известной мере конкурировать с соседними более или менее механизированными каменоломнями. Для реставрационных

работ в Дура-Европос предпочтительнее использовать камень, добытый именно в таких каменоломнях. Завершается статья словарем, в котором собраны основные термины традиционного камнеобработочного промысла и их перевод на французский язык.

Две статьи, посвященные хатрийским надписям из Дура-Европос, видимо, необходимо рассматривать вместе (с. 199–206 и 207–214). В данном городе до сего времени найдено четыре хатрийских надписи[6], что позволяет ставить вопрос о распространении хатрийской письменности на запад, поскольку Дура-Европос – самый западный пункт, где засвидетельствовано использование хатрийской системы письма (Хатра находится на расстоянии 250 км, к востоку от Дура-Европос)[7]. Одна из этих надписей вообще уникальна – она представляет собой хатрийско-греческую билингву. Естественно, что наличие этих надписей в Дура-Европос позволяет поставить вопрос о характере взаимоотношений двух городов и т.д. Трудности проистекают из того, что авторы предыдущих раскопок не очень точно указывают места находок надписей. Однако, как считают П. Лериш и Р. Бертолино, на основании имеющихся в отчетах сведений можно сделать некоторые выводы об этом, что в свою очередь позволяет высказывать предположения и об их датах. Особое внимание привлекает билингва, которая, как выяснилось, происходила из храма Атаргатис. В надписи упоминается пожертвование Шамашу, и вполне возможно, что данная надпись – вообще древнейшая из всего корпуса хатрийских надписей. В одном из домов, расположенных недалеко от храма Атаргатис, было найдено граффито, в которых упоминается хатрийская триада верховных богов.

Одной из наиболее интересных находок, сделанных в Дура-Европос в ходе недавних раскопок, является рельеф, явно пальмирской по своему происхождению и характеру. Его публикация – предмет отдельной статьи (с. 215–218). Рельеф вырезан на плите, имеющей следующие размеры: 52 × 44 × 6 см. Хотя плита несколько повреждена, тем не менее сцена, изображенная на ней, понимается без всяких затруднений. В центре рельефа представлено божество, справа от него – жертвователь рядом с алтарем-пиреем, слева – мужская фигура, выходящая из храма (видимо, жрец). На фронтоне храма – изображение Геракла. В надписи упоминается некто (имя повреждено, сын Шалмана, внук Ялкута), кто посвятил данный рельеф Белу. Практически бесспорно, что мы имеем здесь дело с пальмирянином, живущим в Дуре и посвятившим рельеф верховному божеству пальмирского пантеона. Дата, упомянутая в надписи, – 787 г. (по селевкидской эре) – явно ошибочна, так как в упомянутый в надписи год (475 г. н.э.) ни Дура-Европос, ни Пальмира уже не существовали. Особый интерес вызывает имя деда жертвователя – Ялкут, это имя встречается только в сабейском ономастиконе, что позволяет говорить о связях между Дура-Европос и южной частью Аравийского полуострова. Дата рельефа, определяемая на основании стилистических особенностей его, – I в. н.э.

В статье, посвященной монетным находкам из раскопок Дура-Европос за 1989–1993 гг. (с. 219–222), публикуются следующие монеты: несколько селевкидских бронзовых монет II в. до н.э. (из них только одна может быть датирована достаточно надежно – № 1, принадлежащая к чекану Антиоха III), также несколько парфянских бронзовых монет (из них только одна – идентифицируемая достаточно надежно – № 6, видимо, принадлежащая чекану Митридата I и похожая на те, которые чеканились на монетном дворе Селевкии на Тигре). Основную часть монетных находок составляют римские монеты императорской эпохи II и III вв. н.э. Среди них интересны собственно имперские динарии (№ 13 и 15). Однако гораздо больше бронзовых монет, чеканенных различными городами римского Востока в первые десятилетия III в. н.э. (Эдесса, Карры, Низибин), но среди этих монет присутствуют также и монеты из Неокесареи в Понте.

Завершает этот раздел сборника статья, посвященная оружию и доспехам, найденным при раскопках Дура-Европос и хранящимся в музее Йельского университета (с. 223–228). Автор указывает, что наиболее интересные находки публиковались в "Предварительных отчетах" и планировалось, что весь материал в целом будет исследован и опубликован в одном из "Финальных отчетов". Однако данный отчет так никогда и не появился. Автором отмечаются два обстоятельства: 1) коллекция оружия и доспехов, хранящаяся в Йельском университете, возможно, самая крупная в мире, 2) за последние два десятилетия достигнут значительный прогресс в изучении этой категории археологических материалов. Автор

---

[6] Язык населения Хатры представлял собой один из восточно-арамейских диалектов, система письма – также вариант арамейской графики.

[7] Правда, на той же самой странице указывается и другая цифра – 300 км.

указывает, что данная статья носит предварительный характер и указывает только то направление, в котором он намерен работать при исследовании данной коллекции.

Наконец, третий раздел сборника включает две статьи: "Предшествующие раскопки в Дура-Европос и их контекст: архивные документы, хранящиеся во французских учреждениях, и свидетельства" (М. Желэн) и "Условия работы американо-французской экспедиции в Дура-Европос на основе архивов Йельского университета" (Ж.-Б. Ион).

Первая из них (с. 229–244) состоит из двух частей. В начале статьи дан перечень тех архивов, в которых хранятся материалы, относящиеся к ранним раскопкам в Дура (Институт Франции, Йельский университет, Французский институт археологии Ближнего Востока в Бейруте, Лувр, Коллеж де Франс (Кабинет ассирологии), Французский институт арабских исследований в Дамаске). Вторая часть статьи характеризует основные события истории Сирии (и Ливана) в те периоды, когда действовали обе ранние экспедиции (взаимоотношения с Францией, внутриполитические проблемы, изменения административной структуры и т.д.), главным образом с точки зрения того, как они отражались на деятельности экспедиций.

Статья очень полезна для понимания очень многих проблем истории археологического изучения Дура-Европос. В ней также много чрезвычайно интересных фотографий, например фотография Э. Эррио, когда он посетил Музей в Дамаске на пути из СССР во Францию[8]. В "Приложении" автор публикует текст Договора о совместных работах по исследованию Дура-Европос между Верховным комиссаром Французской республики при государствах Сирия, Ливан, Алауитов и Джебель Друза и Президентом Йельского университета (без даты, между 18 января и 1 октября 1927 г.) сроком на 6 лет.

Вторая статья (с. 245–255) основана на архивных материалах, хранящихся в Йельском университете, и посвящена условиям работы совместной американо-французской экспедиции. Статья содержит значительное количество фактов, которые очень ярко показывают некоторые особенности жизни экспедиции. Это тем более интересно, что их можно сопоставлять с тем, что писал К. Гопкинс в своих воспоминаниях о работах в Дура-Европос (Hopkins C., 1979). Не перечисляя всех приведенных фактов, отметим только в качестве примера некоторые из них. Архивы показывают, что все сколько-нибудь серьезные проблемы решались обязательно с личным участием М.И. Ростовцева. Он был подлинным руководителем, который выступал высшим авторитетом в решении как научных, так и административных и "дипломатических" вопросов. С другой стороны, важна и информация о роли А. Сейрига, который являлся в это время руководителем Службы древностей на всей территории французского мандата. А Сейриг сделал очень многое для обеспечения нормальной работы экспедиции.

Также интересны сведения о внутренних конфликтах в экспедиции и вообще достаточно напряженной обстановке в ней, что проистекало из факта участия в единой экспедиции представителей двух стран. Особенно напряженными были отношения в тот период, когда приходила пора делить (согласно договору) находки. Интересны сведения о количестве рабочих, их "бригадиров" и археологов. Рабочих довольно часто бывало более 300, их бригадиров – 5, а археологов – 3.

В целом, подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что данный выпуск отчетов экспедиции, исследующей Дура-Европос, представляет очень большой интерес для специалистов. Можно приветствовать направленность работ, все основные выводы кажутся очень серьезно обоснованными. Можно только пожалеть, что до сего времени не опубликованы керамические материалы, полученные в ходе исследования памятника.

Институт археологии
РАН, Москва

В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Doura-Europos, 1986. Études I. Paris.
Doura-Europos, 1988. Études II. Paris.
Doura-Europos, 1992. Études III. Paris.
Downey S., 1988. Mesopotamian Religious Archietecture. Alexander through the Parthians. Princeton.

[8] Как известно, Э. Эррио находился несколько лет в гитлеровском концлагере и был освобожден советскими войсками.

Gerkan A. von, 1939. The fortifications // The Excavations at Dura-Europos. Freliminary Report of 7–8 seasons of work. New Haven.

Hopkins C., 1979. The Discovery of Dura-Europos. New Haven; London.

Leriche P., Mahmoud A., Mouton B., Lecuyot G., 1987. Le site de Doura-Europos: état actuel et perspectives d'action // Doura-Europos. Études I. Paris.

Mathieson S., 1992. The tenth Season at Dura-Europos, 1936–1937 // Dura-Europos, Études III. Paris.

Mathieson S., 1993. The Last Season at Dura-Europos // Eitus Virtutis Studiosi: Classical and Postclassical Studies in Memory of Frank Brown (Studies in the History of Art, 43).

Rostovtzeff M., 1938. Dura-Europos and its art. Oxford.

Т.И. ОСТАНИНА. НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ В III–V ВВ. Ижевск, 1997. 327 с.

Рассматриваемая книга Т.И. Останиной посвящена анализу и систематизации древностей III–V вв. на Средней Каме, известных в науке как мазунинская культура. Значение этих памятников переоценить невозможно. Без их изучения нельзя понять исторические процессы в Восточной Европе, которые определили сложение современных народов. Работа состоит из Введения, шести глав, списка литературы по проблеме, включающего 66 рукописей и 170 опубликованных работ, списка памятников, включающего 425 объектов, карт, таблиц.

Во Введении изложена история изучения памятников Мазунинской культуры. Культура была выделена В.Ф. Генингом в середине 1950-х годов. В 1954–1956-х годах при исследовании Мазунинского могильника им был обнаружен своеобразный, отличный от пьяноборского материал, хотя и имеющий с ним ряд общих черт. Позднее аналогичный материал был найден на других памятниках как в Удмуртии, так и на территории Башкортостана. Н.А. Мажитов был склонен отнести его к бахмутинской культуре V–VII вв.

Т.И. Останина четко излагает концепции разных исследователей. В заключение она предлагает послепьяноборские древности в Среднем Прикамье III–V вв. называть мазунинскими. Они прежде всего представлены Мазунинским могильником, который однокультурен, что позволяет рассматривать его как эталонный (с. 16). Для памятников VI–VII вв. в бельско-уфимском междуречье следует оставить прежнее название – бахмутинские. Они отражают следующий этап в истории населения Среднего Прикамья (с. 17).

Глава первая посвящена описанию могильников Мазунинской культуры. Она включает два раздела: 1) "Погребальный обряд" и 2) "Классификация погребального инвентаря". Учитывая то, что подавляющая часть материала была получена при исследовании некрополей, эта глава является в работе главной.

Всего известно 29 могильников. Все они грунтовые и, как отмечает автор, погребения ориентированы не относительно стран света, а относительно реки, на берегу которой расположен могильник. Каких-либо надмогильных сооружений не обнаружено, но четкость расположения могил и крайне редкое их наложение одной на другую (3,3% случаев) дали автору основание полагать, что в древности, в эпоху функционирования некрополей, захоронения были как-то обозначены (с. 21). Интересно, что во всех случаях могильники занимали господствующее положение над окружающей местностью. Погребения обращены к реке или головой, или ногами. В этом автор совершенно правильно усматривает пережитки более ранней эпохи. Интересно отметить, что иногда на одном могильнике встречаются обе ориентировки. Но в любом случае, вероятно, это связано с представлениями о том, что по реке люди отправляются в мир мертвых. На рис. 53–66 даны планы могильников. В большинстве случаев погребения ориентированы очень точно, и обычно расположены рядами. Однако есть исключения. На рис. 57 (с. 302, 303) представлены планы раскопов Ижевского могильника. На плане (с. 302) все погребения четко ориентированы относительно ручья и только одно (№ 191) расположено под углом и перерезает другое захоронение. На плане другого раскопа (с. 303) два рядом расположенных погребения ориентированы под прямым углом к другим, иными словами, параллельно реке (погр. № 51 и № 54).

© К.А. Смирнов, 1999 г.

Аналогичное явление имеет место на Нивском могильнике, планы раскопов которого представлены на рис. 59–61. В ряде случаев погребения ориентированы одно относительно другого под углом, часто прямым. Таким образом, одни погребения обращены к реке головой или ногами, другие положены параллельно ей. На рис. 60 погребения III и IV вв. помещены на разных планах. Но разная ориентировка имеет место в обеих группах. Чем это обусловлено? Оба упомянутых могильника расположены на северной границе ареала, и, вероятно, в них хоронили представителей разных групп населения, представления о загробном мире у которых различались, что и обусловило различия в погребальном обряде, в частности в ориентировке. Неясно, какой инвентарь был в погребениях, ориентированных параллельно реке, отличался ли он от других. Вместе с тем по сходству погребального обряда, как отмечает Т.И. Останина, Нивский могильник относительно Мазунинского (эталонного) имеет показатель 0,94, а Ижевский – показатель, равный единице (табл. 40, с. 239), а по погребальному инвентарю Нивский могильник имеет показатель 0,54, а Ижевский – 0,75 (табл. 39, с. 238).

На с. 25 автор отмечает, что в конце существования Мазунинской культуры, судя по всему, происходят изменения в социальной структуре населения, отразившиеся на представлениях населения о реке. Появляется западная ориентировка погребений, что автор связывает с культом солнца.

Касаясь состава и положения в могиле погребального инвентаря, автор пишет: "Особенностью погребального обряда является размещение большинства вещей при умершем не там, где они носились при жизни" (с. 25). И ниже отмечено, что в 19% захоронений были найдены "жертвенные комплексы" – вещи, уложенные в туес. По мнению автора, это личные вещи покойного, а не дары ему. В связи с этим интересно отметить, что известно поверие о противоположности загробного мира миру живых, поэтому вещи в погребении не следует класть на те места, где человек носил их при жизни.

Трудно переоценить значение раздела "Классификация погребального инвентаря", в котором рассмотрены все находки из могильников. При этом надо отметить, что материал позволяет говорить о локальных особенностях, о различии между правобережьем и левобережьем Камы. Так, топоры были найдены в основном в могильниках башкирской группы – 25 экз., в то время как на памятниках удмуртской группы на правом берегу их всего 8. При этом нельзя не отметить, что на правом берегу Камы исследовано 16 могильников, а на левом – 13. Мечи и кинжалы были найдены в пяти могильниках удмуртской группы памятников в северной части ареала. В то же время наконечники копий характерны для памятников башкирской группы, где их найдено 49 экз., а на правобережье Камы – только 3 экз. в Усть-Сарапульском могильнике (с. 74). Было найдено 24 экз. удил, из них 21 экз. – на правом берегу Камы в пяти могильниках и только 3 экз. – в двух могильниках левобережья (с. 72).

Были найдены наконечники стрел, из которых железных 42 и костяных 219 (с. 75). Западнее, в бассейнах Волги и Оки, судя по находкам с поселений, в это время господствуют железные наконечники, хотя костяные в отдельных случаях встречаются до конца I тыс., а может быть и в начале II тыс. Надо отметить, что железные наконечники в основном найдены на памятниках башкирской группы памятников в южной части ареала.

Большой интерес представляет шлем, пока единственный. Автор пишет: "Шлем является уникальной находкой на памятниках мазунинской культуры" (с. 77). К сожалению, в тексте не указано, в каком могильнике он найден. Ниже в главе "Демографическая характеристика и социальная структура мазунинского общества" на с. 128 он упомянут при описании Нивского могильника. Однако нельзя не отметить, что в указателе к рисункам сказано, что он найден в погр. № 109 Покровского могильника (с. 245), что, по-видимому, ошибочно.

В главе второй описаны территория и поселения мазунинской культуры. Всего к 1996 г. было известно 265 селищ и 124 городища. Интересно, что это в 3,3 раза превышает количество поселений предыдущих эпох. К сожалению, городища и селища исследовались меньше, чем могильники: пока ни один памятник не был раскопан целиком. Однако, несмотря на это, Т.И. Останина на основании топографии памятников сделала ряд весьма важных наблюдений. Интересны сведения о расположении городищ и селищ на местности. Селища располагались на невысоких относительно поймы реки берегах, что, вероятно, было связано с развитием земледелия. В настоящее время культурный слой большинства селищ разрушен вспашкой (с. 86). Очень интересно и важно соображение автора, что постройка укрепленных поселений по берегам рек Белой и Уфы была обусловлена необходимостью защиты мазунинского населения с юга, со стороны степи (с. 86).

Интересна классификация городищ, созданная на основании внешних признаков. Выделяются три группы городищ, и внутри каждой имеются варианты. К первой группе Т.И. Останина относит городища-сторожевые крепости, для которых характерными признаками были небольшие размеры площадки и тонкий культурный слой или его отсутствие. По характеру укреплений автор выделяет пять вариантов. Четыре из них выделены по количеству валов (один, два, три, четыре), а к пятому отнесены четыре пункта, расположенные на высоких участках местности и не имеющие искусственных укреплений (с. 87). По моему мнению, обязательный признак городища – это наличие искусственных оборонительных сооружений. Если их нет, то памятник следует рассматривать как неукрепленный сторожевой пост.

Интересные наблюдения были сделаны при исследовании Староигринского городища. На нем были обнаружены остатки очагов большой мощности, а в самой высокой части площадки – детали сооружения (сохранились столбовые ямы большого диаметра), которое, по мнению автора, представляло собой сторожевую башню (с. 88).

К группе второй относятся одноплощадочные городища-поселения с большой площадью. Автор выделяет две подгруппы: к первой, включающей шесть городищ, относятся памятники "с очень большой площадью", тонким культурным слоем, одним или двумя валами. В этих поселениях Т.И. Останина усматривает традиции караабызской культуры (с. 89). Ко второй подгруппе относятся 30 городищ, и они делятся на четыре варианта. Три из них выделены по количеству валов (один, два, три). К четвертому варианту относится одно поселение Чеханда II. Оно не имеет искусственных укреплений и защищено промоиной, пересекающей мыс.

К группе III относятся многоплощадочные городища, всего 16. Автор отмечает, что они расположены на высоких участках местности и хорошо укреплены – имеют два – пять валов и рвов.

Далее автор попытался квалифицировать объекты, найденные при раскопках, – очаги, ямы, а также коснуться устройства жилищ. Материал позволяет предположить, что жилища были наземные, прямоугольные.

Глава III посвящена периодизации и датировке памятников мазунинской культуры (с. 103–116). Благодаря четкой типологии находок из могильников Т.И. Останиной удалось выделить пять стадий: 1-я стадия – III в., 2-я стадия – конец III – начало IV в., 3-я стадия – IV в., 4-я стадия – конец IV – начало V в., 5-я стадия – V в. Для каждой стадии выделен комплекс характерных находок. Особый раздел посвящен бусам, найденным в могильниках (с. 110).

В главе IV рассмотрены демографическая характеристика и социальная структура мазунинского общества (с. 117–141). Используя материалы могильников, автор попытался реконструировать социальные процессы, протекавшие в обществе, и хотя бы приблизительно подсчитать количество жителей. Общая численность населения, оставившего памятники мазунинской культуры, по-видимому, была близка к 20–30 тыс. человек. Закономерно предположить, что в разные периоды это количество не было неизменным. Анализируя социальные процессы, протекавшие в обществе, автор проанализировал материалы девяти наиболее полно исследованных могильников – из 29 известных. Закономерно, что в продолжение трех столетий в обществе произошли значительные изменения, отразившиеся как в расположении могил на территории некрополя, так и в погребальном инвентаре. По мнению автора, каждый могильник имел свое социальное лицо (с. 138). Материал позволяет сделать вывод, что в мазунинском обществе, особенно на ранних этапах, не было резкого имущественного неравенства, концентрации богатства в руках малой семьи. Только на позднем этапе культуры появляются погребения с богатым инвентарем. Это явление чаще наблюдается в женских погребениях, реже – в мужских, в которых встречаются оружие и крупные орудия труда. Более состоятельными были не представители малых семей, а члены отдельных патронимий (с. 139). Находки оружия связаны с наиболее богатыми патронимиями. Однако надо отметить, что погребений с оружием мало. Вместе с тем можно утверждать, что на удмуртской территории, на правом берегу Камы дружину составляли всадники с мечом и ножом и лучники с костяными наконечниками стрел. На башкирской части – воины с копьем, топором и луком. Наконечники стрел железные. На всех поздних могильниках башкирской группы центральное масто на кладбище патронимии занимали одно-два погребения с оружием и массивными орудиями труда (с. 140).

Глава V посвящена вопросам развития хозяйства мазунинского населения. Она начинается с подробной характеристики природных условий рассматриваемого региона,

включая рельеф, климат, растительный покров. Найденные кости домашних животных позволили автору реконструировать мазунинское стадо. Вместе с тем выше было отмечено, что поселения по сравнению с могильниками копались мало и это обусловило небольшое количество костного материала и некоторую проблематичность выводов. Как известно, животноводство в Приуралье имело древние традиции и начиная с ананьинской эпохи было одним из ведущих направлений в экономике. На с. 148 отмечено, то летом скот выпускался на вольный выпас и свободно бродил по лесам и полям без присомтра. Действительно, природные условия для этого были идеальны. Дубравы давали корм свиньям, развитой кустарник и поляны – мелкому рогатому скоту и лошадям. В подтверждение своего вывода автор приводит этнографические параллели XIX – начала XX в. Однако закономерен вопрос, в какой мере скот подвергался нападениям хищных животных, прежде всего волков и рысей? Представляется, что такая форма содержания скота возможна только тогда, когда хищники в значительной степени истреблены. Имеющийся материал не позволяет ответить на этот вопрос, а он заслуживает внимания. На с. 149 перечислены дикие животные, на которых велась охота: бобр, лось, медведь, кабан, заяц, лисица и куница. По мнению автора, значительная часть мехов использовалась на месте. Несомненно, это так. Однако трудно предположить, что меха не экспортировались. На с. 150 отмечено, что "единственным привозным товаром, за который надо было платить пушниной, были стеклянные бусы и раковины моллюсков". Но наряду с этим, вероятно, были товары из органических веществ, которые пока археологическими методами мы уловить не можем.

На с. 149 Т.И. Останина отмечает, что к концу мазунинской эпохи охота в южной части региона сократилась, и уменьшение количества пушного зверя связывает с природно-климатическими изменениями. Безусловно, это верно. Но наряду с этим, несомненно, сыграло большую роль истребление пушных животных охотниками – их стало меньше.

По прочтении работы закономерно складывается вывод, что мазунинское общество было развитое и хорошо организованное. Об этом, по моему мнению, в частности, свидетельствует наличие сторожевых городищ, предназначенных для охраны от набегов с юга. Об этом же свидетельствуют богатые погребения, главным образом женские, с большим количеством украшений. К числу богатых надо отнести и мужские погребения с мечами, которые не могли принадлежать бедным людям.

Глава VI, заключительная, называется "Происхождение и место в истории. О культурном единстве памятников мазунинской культуры". В главе подробно и кратко описана история изучения проблемы, изложены точки зрения исследователей и аргументированно отмечены их сильные и слабые стороны. Касаясь финала мазунинской культуры в конце V – начале VI в., автор убедительно обосновывает гипотезу о переселении населения в северо-восточном направлении (с. 179, 180). Касаясь обстоятельств этого, она отмечает, что внешних причин политического характера не было, а из других возможно предположить изменение климата или перенаселение. По моему мнению, причиной переселения на другую территорию могло быть именно изменение климата. Стремясь сохранить традиционную экономику, люди ушли туда, где природные условия позволяли это сделать, – на северо-восток. Плотность населения на этой территории была низкой, аборигены и не смогли бы противостоять хорошо организованным и вооруженным мазунинцам. Перенаселение могло бы привести к расширению территории, захвату новых участков, но не к оставлению ее.

Характеризуя мазунинское войско, Т.И. Останина присоединяется к мнению В.А. Иванова и пишет: "Войско было пешим, с преобладанием оружия ближнего боя. Это могло быть только при отсутствии опасности нападения на жителей леса со стороны степи" (с. 175). Описание приводит к выводу, что войско было слабое, для своего времени не совершенное и в сильном войске не было необходимости.

По моему мнению, рассмотренный выше материал не дает оснований для такого вывода, а свидетельствует об обратном. В могильниках было найдено достаточное количество предметов вооружения, в том числе такое престижное оружие профессиональных воинов, как мечи. Найдены и металлические наконечники стрел. Находки удил и костей старых лошадей неопровержимо свидетельствуют о том, что население было знакомо с верховой ездой. Вместе с тем, судя по ряду данных, у народов, проживавших западнее в лесной полосе Восточной Европы, войско в основной массе было пешее. Но это не значит, что оно было слабое и не могло выполнять свои функции. История знает немало примеров, когда войско, состоящее в основном из пехоты, не только надежно защищало государство, но и позволяло вести успешные агрессивные войны. Интересное свидетельство, правда, относящееся к более раннему времени, имеется у Юлия Цезаря. Он пишет, что германцы были прекрасными наездниками, но во время боя спешивались и сражались пешими.

Подводя итоги, надо отметить, что в книге Т.И. Станиной проанализированы и классифицированы материалы, без которых трудно понять ход исторического процесса в Восточной Европе. Этот труд является важным вкладом в науку, и, несомненно, получит высокую оценку специалистов.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

Г.И. МАТВЕЕВА. МОГИЛЬНИКИ РАННИХ БОЛГАР НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ. Самара: Самарский университет, 1997. 104 с., 129 илл. Тираж 300 экз.

Появление книги профессора Самарского университета Г.И. Матвеевой не было неожиданностью. Напротив, ее ждали все, кто следил за предварительными сообщениями об исследованиях нового для праболгарской археологии типа памятников – "новинковского". В итоге мы наконец получили полную публикацию результатов раскопок Новинковского II могильника, который и дал название большой серии преимущественно подкурганных захоронений Самарской Луки.

Прежде всего стоит обратить внимание на географию Самарской Луки. Это почти остров, образованный 160-километровой петлей Волги с уникальными геологией, ландшафтом и климатом (Тезикова Т.В., 1975). Связанная с правобережьем Волги лишь узким перешейком, Самарская Лука словно создана для концентрации монолитной группы населения, единой в этническом и культурном отношениях. Тем более, что "островное" положение способствовало обороноспособности.

Стоит обратить внимание и на положение могильников. Они протянулись вдоль южного края Самарской Луки, образуя сплошное кладбище (приходят на память известные "кладбища" на р. Кубань). На карте (рис. 1) оно разделяется на три больших участка. Отмечая среди новинковских немногочисленность грунтовых погребений, автор указала на неизученность межкурганных пространств (с. 43), но, на мой взгляд, по той же причине заслуживают внимания и большие пространства между тремя основными скоплениями курганных могильников. В целом же, границы распространения могильников новинковского типа еще будут уточняться, ведь некоторые уже известны и за пределами Самарской Луки.

Всего по данным Г.И. Матвеевой открыто более 30 могильников новинковского типа, число же раскопанных погребений около 200 (с. 10). И хотя первые известия о погребениях этого типа относятся к началу XX в., честь осмысления этого, теперь уже громадного массива памятников, как ранее неизвестного в археологии феномена, безусловно принадлежит Г.И. Матвеевой, что нашло отражение в многочисленных публикациях, а первое предварительное обобщение относится к 1986 г. (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986, с. 153–161). Позднее к раскопкам новинковских могильников подключились другие археологи.

Новинковский II курганный могильник – один из наиболее исследованных. Всего здесь автором и В.Н. Зудиной вскрыто 20 курганов. Стесненная очень небольшим объемом издания, Г.И. Матвеева приняла единственно верное решение: большая часть текста отведена описанию насыпей курганов, погребений, вещей. Вынужденная краткость описания в значительной мере компенсирована полной публикацией чертежей и рисунков, от планов курганов до мелких обломков вещей. "Публикация по комплексам" – это то, чего так не хватает отечественной археологии. Для характеристики новинковского погребального обряда Г.И. Матвеева привлекла и некоторые данные по ряду других могильников, хотя базовым в ее исследовании является Новинковский II.

Курганы Новинковского II могильника невелики, в среднем 8–10 м в диаметре при высоте до 1 м. Главная их особенность – включение в насыпи камней, образующих, подчас, сплошные каменные щиты. Отдельные курганы имели, кроме того, и ровики – круглые. С насыпями и ровиками связаны многочисленные находки черепов и отдельных костей лошади.

© В.С. Флёров, 1999 г.

Сами погребения преимущественно одиночные, реже парные, есть детские. Изредка встречаются погребения, впущенные в курганы.

В каждом кургане по одному – три захоронения, большие скопления редки. Преобладают простые ямы, не всегда, впрочем, прослеживаемые.

Основная поза погребенных – вытянуто на спине вне зависимости от пола. В итоге, без характерных вещей или участия антрополога пол погребенных неопределим.

В трех курганах (№ 3, 4, 5) находились остатки небольших досок или плах, но этого слишком мало для суждений об их назначении (с. 47).

В мужских захоронениях (например, кург. 4, погр. 5) встречаются черепа и кости лошади, но и при их отсутствии могут быть удила и стремена. Для погребений детей характерна керамика и отдельные бусы.

Ярко выраженный признак Новинковского II могильника – преобладание восточной и северо-восточной ориентации погребенных (табл. 6). К этому добавлю, что при наличии в кургане нескольких погребений они вытянуты в ряды (это отметила и автор), ориентированные по линии СЮ (рис. 57, 65, 100). В кургане № 14 таких рядов два. В кургане № 4 три погребения лежат по линии ЮЗ–СВ. Одиночные погребения тяготеют к центру курганов.

В целом выделение Г.И. Матвеевой погребального обряда раннесредневековых курганов Самарской Луки в особый тип с собственным наименованием вполне обосновано. Это главный итог многолетних исследований автора. Естественно, в дальнейшем выделятся особенности обряда по отдельным могильникам.

Более детально остановимся на еще одной особенности Новинковского II могильника – обезвреживание погребенных. Тема обезвреживания находила до сих пор освещение преимущественно по данным могильников салтово-маяцкой культуры, в частности Маяцкого (Флёров В.С., 1993). Кажется не вызывает сомнений бытование этого обряда на ямном Нетайловском могильнике (Жиронкина О.Ю. и др., 1995) и ряде других.

Как отмечает Г.И. Матвеева "разрушенность костяков в могилах новинковского типа всеми исследователями объяснялась ограблением погребений" (с. 52). Добавлю: и поныне многие археологи не в состоянии отличить в ходе раскопок ограбление от обезвреживания на многих могильниках Сев. Кавказа, Поволжья и Подонья. Г.И. Матвеева преодолела традиционное заблуждение, исходя, во-первых, из опыта своего молодого коллеги Д.А. Сташенкова, но главным образом из наблюдений в ходе раскопок: "было замечено отсутствие грабительских "вкопов" и наличие мощных неразобранных каменных кладок над многими погребениями, что исключало возможность ограбления". Во-вторых, "в результате тщательного изучения полевых дневников и чертежей". В итоге "стало ясно, что разрушение костяков в большинстве случаев не является результатом ограбления, оно совершалось в ритуальных целях и причем до сооружения кладки над могилой и курганной насыпи. Разрушение проводилось не на стороне, а непосредственно в могиле..." (с. 53). Последний вывод опровергает встречающиеся в литературе мнения о "вторичных захоронениях" применительно к болгаро-аланским погребальным памятникам.

Чрезвычайно ценно, что Г.И. Матвеева преподносит свои выводы не только в обобщенном виде, но указывает на признаки обряда обезвреживания при описании буквально каждого погребения. Перечисляются все отделы скелетов и отдельные кости, подвергавшиеся перемещению.

Реконструкция всего погребального ритуала, предложенная автором, выглядит обоснованной и убедительной. "Могила оставалась незасыпанной после помещения туда покойника... Скорее всего ее перекрывали деревянными плахами и слегка присыпали... После истлевания мягких тканей проводилось разрушение... После совершения обряда обезвреживания могила засыпалась землей и камнями, над ней сооружалась кладка из камней и насыпался курган. О совершении... тризн свидетельствуют... кости животных, порой скопления костей и черепа в насыпях курганов" (с. 53).

Исследовательница отметила и такой признак обряда, как различная степень нарушенности скелетов. В частности, распространенность отчленения ступней ног и кистей рук. Вообще же, на могильнике разрушения весьма разнообразны, вплоть до полного. Особо укажу на складывание костей разрушенного скелета в груду в центре могилы (рис. 9, 34, 70), что совершенно не свойственно грабителям. При наличии двух погребенных, один мог оставаться не затронутым, второй же полностью разрушенным (рис. 44). Выявлена и такая крайняя степень обезвреживания как перелом костей (кург. 15, погр. 3, 5). Часть костей вообще могли удалять из могил. Все перечисленные в книге формы разрушений мне уже неоднократно встречались в катакомбах и грунтовых погребениях Маяцкого могильника и захоронениях V – начала VIII вв. могильника Клин-Яр III на Северном Кавказе, как впрочем

и другие признаки обряда обезвреживания (Флёров В.С., Нахапетян В.Е., 1996; Флёров В.С., 1998).

Обезвреживание погребенных Г.И. Матвеева отмечает и в других курганных могильниках новинковской серии: Новинковский I, Рождественский III, Осиновский, Брусянский I (с. 54). В Шелехметском кургано-грунтовом могильнике обезвреживание присутствует и в грунтовых погребениях (с. 62), что, кстати, подчеркивает культурное единство носителей двух погребальных традиций на Самарской Луке.

Еще один вид, я бы сказал "превентивного" обезвреживания – связывание ног, причем не перекрещенных щиколоток, что имеет место в салтово-маяцких могильниках. Ноги "новинковцев" связывали от колен до ступней, но в параллельном положении. По наблюдениям автора, погребенные со связанными ногами не подвергались другим видам обезвреживания или же разрушение их скелетов было незначительным (с. 55). В этом отношении характерны погребения в кургане 13 Новинковского II могильника (рис. 62, 63).

Среди прочих обращает внимание ненарушенный скелет мужчины, сопровождавшийся относительно большим набором вещей, включая саблю (кург. 14, погр. 3). Интересно, что скелет такого же воина в погр. 2 кургана 13 подвергся частичному разрушению, но сабля при этом осталась при погребенном. Вероятно разрушение скелета считалось достаточным для того, чтобы он не воспользовался оружием. Первого погребенного, вероятно, не опасались. В погребениях новинковского типа оружия не много, но оно встречается: луки, стрелы, ножи. Нельзя, однако, поручиться, что оружие не ломали (луки, стрелы), так же не изымали из могил. Так в погр. 5 кургана 18 найдено перекрестие сабли без клинка. Да и сами упомянутые две сабли – единственные на Самарской Луке (известно о находке еще одной сабли, но за пределами Самарской Луки в Шиловском могильнике).

Не могу согласиться с общей оценкой Г.И. Матвеевой погребального обряда "новинковцев" как "синкретичного", в котором "переплетаются черты, характерные для различных в этническом отношении групп населения" (с. 62). Погребальный обряд – это вообще сфера, в которую менее всего допускаются инородные влияния. Он не складывается как некая сумма разноэтнических элементов. В своей основе погребальный обряд новинковского типа монолитен и имеет ряд определяющих признаков: курганная насыпь, преобладание простых ям с рядом вариаций, камень в заполнении ям и в насыпи, а также обряд обезвреживания. Эти признаки соподчинены, логически связаны. Если появление камня в насыпях автор убедительно объяснила страхом перед мертвыми, т.е. как одну из мер обезвреживания (с. 55), то зачем обращаться к тюркам Алтая. Обращение это столь же традиционно, как и непременное объяснение немногочисленных подбоев и нечастой деформации черепов наследием сарматов. Нет культур, у которых наряду с господствующими формами погребальных сооружений не встречаются иные. Причины таких отклонений трудно объяснять, но в любом случае не следует преувеличивать их значение.

Не могу согласиться с предположением Г.И. Матвеевой о сармато-аланском происхождении обряда обезвреживания. В течение многих лет я собираю сведения о данном обряде и пришел к убеждению, что одного, исходного для него этнического массива или географического центра возникновения не было и быть не могло. Обезвреживание – явление стадиальное. К нему обращались многие, если не большинство, народы (не только Евразии) в определенный момент своего развития. Что касается такой формы обезвреживания, как непосредственное воздействие на кости погребенного, то она отражает достаточно примитивное мировоззрение. Твердо веря в потусторонний мир и трансформацию умерших, "новинковцы", как и многие их современники, действовали прямолинейно: могилу вскрывали, погребенного "калечили" или "убивали".

Вещи, хронология и происхождение памятников новинковского типа рассматриваются в трех отдельных главах, но поднятые в них вопросы тесно переплетаются.

Скажу сразу, хронологические рамки, предложенные Г.И. Матвеевой, у меня сомнений не вызывают – это вторая половина VII–VIII вв. (с. 88). Пожалуй, мы не вправе требовать от автора еще только первого монографического исследования новинковских памятников уточнения начальной и конечных дат. Вряд ли это возможно сегодня. Тем не менее автор предприняла попытку выявить и самые ранние следы появления "новинковцев" в Поволжье. Речь, в частности, идет о погребении второй половины VI в. у с.Новоселки в Татарии, к которому она обращается дважды (с. 86, 92). Доводы Г.И. Матвеевой в дискуссии с А.В. Богачевым в пользу не турбаслинской, а новинковской атрибуции этого погребения убедительны (с. 92, 93). Что касается памятников непосредственно Самарской Луки, то Г.И. Матвеева проявляет разумную осторожность, не удревняя их за середину VII в. (с. 86). Действительно, в распоряжении автора всего лишь две серьги (калачевидная и с многогранником)

из погр. 2 кургана 14 Новинковского II м-ка, датируемые VI–VII вв. Опираясь на немногочисленные вещи геральдического стиля, автор датирует первый этап второй половиной VII в. Второй этап – конец VII – первая половина VIII вв. – выделен с опорой на предметы гарнитуры поясов "неволинских типов".

Предложенная основа хронологии первых двух этапов достаточно приемлема, если учитывать небольшой объем датирующего материала, которым располагала автор. По этой причине в систему двух первых этапов удалось включить лишь несколько погребений. Для первого – курганы 3, 4, 7 и 11 Новинковского II и курган 1 Брусянского II могильников. Для второго – погр. 5 кургана 8, погр. 2 кургана 13, погр. 3 кургана 14 Новинковского II и курганы 21 и 22 Брусянского II. Не было бы большой ошибкой отнести ко второму этапу и другие погребения из упомянутых курганов Новинковского II могильника, но автор это не оговаривает.

По иному обстоит дело с третьим этапом, которому в книге отведен один абзац. Его необходимо привести полностью: " К самой поздней группе можно отнести погребения, в которых встречаются сероглиняные гончарные сосуды салтовского типа (погребение 1 кургана 15 Брусянского II могильника, погребение 1 кургана 7 Осиновского могильника, погребение 5 кургана 15 и некоторые другие Малорязанского могильника). По мнению всех исследователей, керамика салтовского типа появляется в середине VIII в., поэтому погребения с такой керамикой не могут быть датированы ранее середины VIII в." (с. 88).

Посвятив лощеной салтово-маяцкой керамике диссертацию, я имею основание утверждать, что на сегодня она еще весьма плохо поддается датированию. Относительно надежно датирующиеся формы довольно немногочисленны. Что касается мнения "всех", то я еще в 1983 г. поставил вопросы: а) о формировании комплекса салтово-маяцкой столовой посуды до середины VIII в.; б) о возможности появления лощеной керамики у праболгар Приазовья в VI–VII вв.; в) о ряде несоответствий, вызванных ограничением появления лощеной керамики, как и других признаков салтово-маяцкой культуры, серединой VIII в. (Флёров В.С., 1983). По сути вся книга Г.И. Матвеевой намечает ответы на эти вопросы; полные ответы надо ожидать все же от исследователей праболгарских памятников Дона – Приазовья, уже вкупе с результатами раскопок новинковских. В связи с этим особого внимания заслуживает кружка из датируемого не позднее конца VII в. погребения 2 кургана 34 Брусянского II могильника (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, с. 165). Она имеет тот тип зооморфной ручки, которым позднее украшают многие кружки салтово-маяцких памятников Северского Донца и Среднего Дона (Плетнёва С.А., 1973).

Как бы этого не хотелось, верхнюю дату памятников новинковского типа найти на бывшем в распоряжении автора материале не удалось. Ведущая к ней нить обрывается где-то в середине VIII в.

Взгляд Г.И. Матвеевой на соотношение салтово-маяцкой культуры и памятников новинковского типа выражен достаточно четко. Возражая Е.П. Казакову, она пишет: "В новинковских могильниках присутствует уже полностью сложившийся салтово-маяцкий вещевой комплекс... можно отметить полное сходство типов сабель, колчанных крючков, удил, стремян арочного контура, путовых застежек, подпружных пряжек, железных мотыжек и т.д." (с. 89–91).

На мой взгляд сложившегося комплекса вещей, комплекса устойчивого, здесь вообще нет, но новинковские памятники безусловно отразили процесс формирования салтово-маяцкого комплекса, который шел в это же время в Приазовье и на Нижнем Дону, и откуда, как следует из всех аналитических разделов книги Г.И. Матвеевой, и пришло на Самарскую Луку "новинковское" население. Надо иметь в виду, что и на исходных территориях салтово-маяцкий облик культуры еще не оформился.

На Самарской Луке еще нет салтово-маяцкого поясного набора. Появляются лишь отдельные его элементы. У новинковцев вообще нет своего сложившегося стиля и, вероятно, и собственного производства поясной гарнитуры. Наборы ее случайны, невелики по составу, разностильны. Все это могло поступать со стороны (в набегах, от соплеменников с юго-запада и другими способами). Весьма заметно влияние центров типа "перещепино". Еще не сложился и устойчивый набор женских украшений и предметов туалета. Они так же большей частью поступали извне. Полагаю, не на месте изготавливались и получившие здесь распространение серьги, близкие или аналогичные салтовским (рис. 124). Привозными были и лучшие образцы столовой лощеной посуды, хотя нельзя исключать попытки воспроизводить ее по этим образцам на месте. В самом Новинковском II могильнике керамика салтово-маяцких форм пока не найдена. Что касается мисок Брусянского II могильника (рис. 127, *4*, *6*) и кувшина с налепами – "глазками" Новинковского I могильника

(Сташенков Д.А., 1995а, рис. 12), то в них заметны северо-кавказские традиции. Направление связей Самарской Луки указывают и круглодонные амфоры (Богачев А.В., 1995).

На мой взгляд, культура "новинковцев" – это культура оседающих кочевников, активно воспринимающих все доступное и необходимое из окружающего мира. О начальной стадии оседания свидетельствует и появление грунтовых могильников. Нельзя исключить и возможность перехода к юртообразным жилищам (Сташенков Д.А., 1995б, с. 269).

Что было освоено и ранее, так это изготовление оружия, прежде всего луков и наконечников стрел. Среди последних заметна доля костяных, которых практически нет в более поздних памятниках салтово-маяцкой культуры.

Нет устоявшихся, преобладающих типов удил. Что касается стремян, то новинковские могильники дали прекрасную иллюстрацию эволюции от восьмеркообразных через переходные типы к характерным арочным очертаниям, хорошо известным в той же салтово-маяцкой культуре (рис. 117).

Два частных замечания к описанию вещей. Клинок из погр. 2 кургана 13 по сочетанию признаков (длина, наличие изгиба, елмань) все же не палаш, а сабля (с. 63 – здесь "палаш" отнесен к типу 1 сабель). Изделие из кургана 7 Осиновского могильника (с. 84), как и аналогичные с двумя-тремя отверстиями, из рога или кости, не горлышки бурдюков, а емкости различного назначения и реликварии (Keiling H., 1981, S. 133–135; Флёрова В.Е., 1996, с. 59–66).

Наиболее сложным для Г.И. Матвеевой, как и других ранее публиковавшихся авторов, стал вопрос о лепной керамике, прежде всего горшках. Однозначного ответа нет. От рассуждений о генетической близости новинковских и именьковских сосудов я полностью воздерживаюсь. Это вправе решать только те, кто имеет представление о тех и других не по рисункам. Однако, зная до некоторой степени по музейным коллекциям и собственным раскопкам керамику донских памятников, рискну высказать свое мнение: большинство новинковских горшков мало, а то и совсем не похожи на лепные горшки Приазовья–Дона. Ссылку Г.И. Матвеевой на миниатюрные рисунки Крымского могильника (Савченко Е.И., 1986, рис. 3, *1*; 6, *11*, *12*, *15*) можно было бы оценить, если бы она указала каким типам и количеству новинковских сосудов она адресуется. Особенно непохожи на приазово-донские горшки новинковские сосуды на рисунках 107, 126, *1*, *2*, *5*, *6*. Но попробуем поставить вопрос по-иному: должны ли лепные горшки разделившихся групп праболгар непременно быть похожими? Я вполне допускаю, что в условиях явно домашнего изготовления, каждая из них имела свои "этнографические" черты лепной керамики. Тем более, если судить по упоминаемым исследованиям Н.П. Салугиной (с. 81), "новинковцы" многое восприняли из гончарства носителей именьковской культуры, что еще более увеличило своеобразие новинковской керамики. Поставленный мною вопрос, конечно, требует развернутой аргументации.

Что касается некоторых экземпляров лепных кувшинов, то в них вполне можно признать воспроизведение салтово-маяцких местными мастерами, но, вероятно, из сырья собственной рецептуры. Вообще, сопоставление новинковской и салтово-маяцкой керамики – тема, требующая детальной разработки. Выборочных образцов из Саркела (Васильева И.Н., 1995, с. 82), о которых упоминается в книге (с. 80), для этого недостаточно.

Из аналитических – самая примечательная глава о погребальных обрядах. Автор не пошла по пути немедленной "сериации" признаков, а предпочла живое описание на конкретных примерах типов погребальных сооружений, поз, ориентировки, обезвреживания, находок костей лошади и других составляющих погребального обряда. Действительно, прежде чем переводить исследование в стадию формализации (за этим дело не станет) необходимо осмыслить материал, осмотреться в нем.

Предложено выделить три обрядовые группы, отличия между которыми и внутри которых, еще предстоит уточнять. По сути выделено даже не три, а две группы. Ранняя – более крупные насыпи с каменными щитами, одно погребение, овальные могилы. Поздняя – насыпи поменьше, щиты не сплошные, от 2 до 12 погребений, ямы прямоугольные. Я не намерен указывать на неполноту этой схемы, критиковать за отсутствие цифр и процентов, неопределенность места подбоев и т.д. Более того, именно от этого хотелось предостеречь. Изучение обряда новинковских типов только начато. Понадобятся еще многие уточнения, прежде чем обряды Самарской Луки получат свое определение во всей полноте и в единстве с хронологией. Не формализация исследования, а умело расставленные акценты и вся направленность подачи фактического материала подводят к главному выводу – население Самарской Луки VII–VIII вв. – это одна из групп праболгар, расселившихся от Волги до

Западной Европы. Этой мыслью пронизан весь текст книги, а не только небольшая заключительная глава, к которой я перехожу.

Воспринять указанный вывод автора можно только лишь отказавшись от стереотипов, сложившихся на протяжении десятилетий. Первый – территория. Сама постановка вопроса о поиске праболгар на Самарской Луке показалась бы в 60–70-е годы абсурдной. Очень показательна одна из публикаций начала 70-х гг., в которой чувствуется растерянность по поводу этнического определения и хронологии Рождественского III м-ка (Рутто Н.Г., 1975). Но уже с середины 80-х гг. праболгарская принадлежность памятников новинковского типа не вызывает сомнений у самарских археологов.

Концепция Г.И. Матвеевой о праболгарской принадлежности публикуемых памятников сводится к следующему: 1) культура новинковцев не имеет местных корней, 2) даты по вещевому комплексу и его некоторая близость салтовскому, 3) курганный обряд погребения, 4) сходство по ряду признаков с погребениями типа Христофоровки и Сивашевки, 5) переселение из Причерноморья – Приазовья начинается в третьей четверти VI в. и массовым становится в конце VII (с. 89, 93), 6) сходство с каменным наполнением курганов Нижне-Кундрюченской и Белокалитвенской. Данные антропологии привлекаются, но они требуют специального обсуждения.

Вынужден признать некоторую неупорядоченность в построении последней главы, но убеждает не она, а материал книги в целом! Г.И. Матвеева, вообще, мастер анализа конкретного археологического материала.

За признанием праболгарской атрибуции неизбежен и второй вывод: найдены памятники, заполнившие хиатус между праболгарами Приазовья-Причерноморья и Волжской Булгарии. Стало ясно, что не "Ранние болгары..." В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова (1964), т.е. волго-камские, а Самарской Луки – самые ранние в Поволжье, но маршрут и время их появления здесь, как и культурные связи с южными праболгарами еще требуют уточнений. На мой взгляд, заслуживает рассмотрения вопрос о соотношении новинковских и погребений Крыма второй половины VII в. В частности, обращу внимание на отдаленное сходство лепных горшков Айвазовского, Богачевки, Наташино (Баранов И.А., 1990, рис. 6, 39) и некоторых новинковских по форме тулова и оформлению венчиков.

Открытие новинковских памятников позволяет более четко обозначить и памятники если не VI, то VII вв. на территории формирующейся салтово-маяцкой культуры, в частности, на Нижнем Дону, где уже известно несколько десятков раннесредневековых курганных насыпей. Многие из них дополнены ровиками, содержат кости и черепа лошадей. К упомянутым Г.И. Матвеевой добавим курганы с камнем Ливенцовский (Ильюков Л.С., 1997), Зверевский (Беспалый Е.И., 1997), Кащеевский (Безуглов С.И., Захаров А.В., 1983) и Верхне-Погромное на Нижней Волге (Шилов В.П., 1975, с. 45, 46). Попутно замечу, что использование камня в курганах следует ожидать только там, где имеются его выходы. В зоне донских курганов их немного. Сравнение самарских и донских курганов возможно и по другим признакам.

Г.И. Матвеевой удалось сделать в полном смысле слова научное открытие. Открытие в европейской болгаристике. В том, что оно получит признание, сомнений нет. Остается пожалеть, что столь ценное и необходимое издание вышло мизерным тиражом в 300 экземпляров (!) – еще одно свидетельство позорного положения отечественной науки в конце XX в. Жаль, что редактор не подсказал автору снабдить книгу подробным резюме на иностранных языках, ведь новинковские памятники представляют интерес не только для болгаристов России, а также Украины и Болгарии, где еще не позабыт русский язык, но и Венгрии, Германии, других стран.

В заключение отмечу, что вслед за книгой Г.И. Матвеевой вышла еще одна, уже упоминавшаяся, сразу трех авторов – Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева и С.Э. Зубова (1998). Уже само название не оставляет сомнений в толковании авторами памятников новинковского типа – "Праболгары на Средней Волге". Она требует отдельного обсуждения. От себя же поставлю соавторам только один вопрос: стоило ли в подзаголовок выносить – "У истоков истории татар Волго-Камья"? О татарах в книге ни слова.

Институт археологии РАН,
Москва

В.С. Флёров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (У истоков истории татар Волго-Камья). Самара.

Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка.

Безуглов С.И., Захаров А.В., 1983. Исследование курганных могильников Кащеевка и Надежовка I в 1983 г. // Исследования Азово-Донецкий археологической экспедиции в 1983 г. Азов.

Беспалый Е.И., 1997. Раскопки в Ливенцовке и Зверево в 1994 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов.

Богачев А.В., 1995. Об одном рисунке на раннесредневековой амфоре // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Васильева И.Н., 1995. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Жиронкина О.Ю., Крыганов А.В., Цитковская Ю.И., 1995. О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.) // Древности. Харьков.

Ильюков Л.С., 1997. Исследование курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов.

Плетнёва С.А., 1973. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Рутто Н.Г., 1975. Рождественский III курганный могильник // Самарская Лука в древности. Вып. III. Куйбышев.

Савченко Е.И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.

Сташенков Д.А., 1995а. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара.

Сташенков Д.А., 1995б. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.

Тезикова Т.В., 1975. Самарская Лука (Краткая физико-географическая характеристика восточной части) // Самарская Лука в древности. Вып. III. Куйбышев.

Флёров В.С., 1983. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Флёров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии. Волгоград.

Флёров В.С., 1998. Разрушенные скелеты на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // Материалы по археологии, этнографии и истории Таврии. Т. VI. Симферополь.

Флёров В.С., Нахапетян В.Е., 1996. Виды обезвреживания погребенных в катакомбах V – начала VIII вв. могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). М.

Флёрова (Нахапетян) В.Е., 1996. Граффити Хазарии. М.

Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Keiling H., 1981. Ein jungslawischer Siedlungsplatz am ehenmaligen Löddigsce bei Parchim // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. J. 1980. Abb. 10. k. Berlin.

А.Н. АЛЕКСЕЕВ. ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XVII–XVIII вв. НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЯКУТИИ. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.

Новая книга известного якутского археолога А.Н. Алексеева – первое со времени публикаций известной монографии о Мангазее (Белов М.И. и др., 1981) крупное исследование о памятниках истории освоения русскими Сибири. В его основу положены материалы исследований автором Алазейского острога (1647 г. – XIX в.) и Стадухинского поселения (1644 – первая четверть XIX в.). Как верно отметил редактор этой работы В.Е. Ларичев: "Изучение археологом поздних памятников заключает в себе особую прелесть потому, что раскопанные объекты можно увязать с конкретными историческими событиями и личностями, чего так недостает специалисту по первобытности" (с. 6).

© А.Р. Артемьев, 1999 г.

Первая глава монографии посвящена истории освоения русскими землепроходцами арктического побережья Якутии (с. 10–16). В ней автор справедливо отмечает большое значение в освоении Северо-Восточного побережья "сухого" пути из Центральной Якутии в верховья рек Яна и Индигирка, который, как было установлено им в ходе разведки 1978 г., использовался коренным населением задолго до прихода туда русских (с. 12, 13). Тем не менее, и до р. Алазея, где в 1642 г. Д. Зыряном был поставлен острог, перенесенный в 1647 г. Ф. Чюкичевым к устью ее притока – р. Бюор-Юрях и до р. Колыма, на левом берегу которой в 1644 г. было основано Стадухинское поселение, землепроходцы добрались по воде. Несмотря на краткость и использование почти исключительно давно опубликованных и изученных источников, обзор можно было бы признать неплохим. Однако рассуждения автора о типах оборонительных укреплений, возводимых русскими землепроходцами в Сибири, вызывают ряд возражений. Так, процитировав мнение выдающегося историка русского оборонного зодчества В.И. Кочедамова о том, что русские крепости имели преимущественно рубленые стены из "городней" или "тарас", А.Н. Алексеев пишет, что "использовались также и тыновые стены, о чем свидетельствуют материалы наших раскопок в Алазейском остроге" и считает, будто "это позволяет предполагать, что укрепленные зимовья имели преимущественно тыновые стены" (с. 12). Между тем в книге В.И. Кочедамова приведены описания и реконструкции нескольких десятков зимовий и острогов с тыновыми стенами (Кочедамов В.И., 1978, с. 35–58). Археологически они были открыты при исследованиях Братского, Казымского и Албазинского острогов (Никитин А.В., 1961, с. 218; рис. 4; Крадин Н.П., 1980, с. 112; Артемьев А.Р., 1995, с. 67, рис. 7). Таким образом, факт обнаружения тыновых стен Алазейского острога ни в коей мере не опровергает и даже не дополняет выводов В.И. Кочедамова. Столь же решительные возражения вызывает тезис автора о том, что "в условиях Сибири родился новый тип небольшого укрепленного поселения – зимовье с оборонительной рубленой или тыновой стеной (с. 12). Первая его часть заимствована А.Н. Алексеевым у Н.П. Крадина на которого, конечно, следовало бы сослаться, а вторую он придумал сам, совершив сразу две ошибки. Особого типа стен под названием "рубленые" нет. Тыновые стены тоже рубят. Что же касается городен и тарасов, которые подразумевает под этим термином исследователь, то пока с такими стенами известно одно-единственное зимовье (Кочедамов В.И., 1978, с. 35–37), в чем он легко мог убедиться, прочитав книгу В.И. Кочедамова повнимательней. Относительно повторенного А.И. Алексеевым мнения Н.П. Крадина следует сказать, что оно происходит от незнания обоих авторов материалов из Европейской России. Именно поэтому они считают, что местом рождения зимовья была Сибирь. Между тем укрепления такого облика, являющиеся прототипами зимовий, известны в Восточной Сибири со средневековья (Артемьев А.Р., 1993). Они представлены там феодальными усадьбами, типа раскопанной В.В. Седовым на Смоленщине – Воищины (середина XIII в.) (Седов В.В., 1960, с. 51–62, рис. 27), или возведенной в 1661 г. в с. Мурашкине Нижегородской вотчины Б.И. Морозова (Рабинович М.Г., 1975, с. 203), а также городскими усадьбами-дворами, которые наиболее хорошо изучены в Новгороде (X–XV вв.) (Засурцев П.И., 1963), а более поздние в Москве, где, как известно, князь Д.М. Пожарский успешно оборонялся в 1611 г. против поляков "в своем дворе" (Рабинович М.Г., 1964, с. 228–232). В условиях Сибири такие дворы, как и в северной Руси, имели компактное расположение построек, жестко связанных между собой (Белов М.И. и др., 1981, с. 23), что типологически еще больше сближает их с зимовьями. О несомненно общих корнях происхождения усадеб-дворов в европейском и сибирском регионах свидетельствуют и более поздние этнографические материалы. Сходство трехрядных усадеб псковского и замкнутого сибирского типов уже отмечалось исследователями (Липинская В.А., 1975; Чижикова Л.Н., 1987, с. 244).

Во второй главе монографии А.Н. Алексеев дает характеристику месторасположения, стратиграфии и топографии исследованных им остатков Алазейского острога и Стадухинского поселения. Главу предваряет краткий обзор исследований памятников XVII–XIX вв. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (с. 17). Однако он далеко не полон. На момент сдачи книги в печать, а самые поздние работы в списке использованной литературы датируются 1992 г., Л.В. Лбовой уже были проведены работы на территории Удинского острога (основан в 1665 г.) в столице республики Бурятия в г. Улан-Удэ, а также в Кяхтинской слободе XVII–XIX в. в г. Кяхта. Кроме того, нами в 1991 г. исследовался Нерчинский острог (1658–1812 гг.), а в 1988 г. безымянное русское поселение середины XVII в. на Верхнекумарском утесе на левом берегу Амура напротив остатков Комарского острога 1654–1658 гг. (Артемьев А.Р., 1990).

Объем работ, проведенных А.Н. Алексеевым на территории Алазейского острога, без-

условно впечатляет. За шесть полевых сезонов им была вскрыта площадь в 1765 м^2. Напомню, что речь идет об исследованиях за Полярным кругом в условиях вечной мерзлоты, где короткое лето не приносит ничего, кроме комариного звона в ушах и клубов преследующей всю живое мошки. На территории острога выявлено более 20 деревянных построек в трех строительных ярусах. Нижний строительный ярус представлен остатками 7 плохо сохранившихся отдельных построек, 3 из которых послужили фундаментом для построек второго яруса. Этот ярус состоял из 13 построек, среди которых были три башни, трехчастный дом приказного человека и церковь. Третий ярус представлен восьмиугольным строением "типа деревянных многоугольных юрт, распространенных у тюркских народов Сибири, в том числе у якутов" (с. 23–29). Наиболее интересный среди этих построек является северо-восточная башня острога размерами 5,8 × 5,8 м, возведенная на останках более ранней башни размерами 6,5 × 7 м. Последняя имела в северо-западном углу погреб размерами 2 ×2 м с полом из жердей, а в более поздней вдоль восточной стены сохранились нары шириной около 2 м (с. 23–25). По-видимому, нижнее помещение этой башни служило тюрьмой, поскольку в ней найдены наручные и ножные деревянные колодки. В ней также обнаружено большое количество шахматных фигур и плоские кости для игры в зернь, точные аналогии которым встречены в слое XVII в. Мангазеи (Белов М.И. и др., 1981, с. 43, табл. 43, *1*, *7*) и в Изборской крепости (Артемьев А.Р., 1985, с. 137, рис. 4, *12*). Очевидно, что служилые на окраинах государства играли в одни и те же игры. С северо-запада к башне примыкала аманатская изба размерами 4,5 × 6 м, где была найдена часть волокового окна. А.Н. Алексеев, на наш взгляд, совершенно справедливо предположил, что такие окна находились в выходящих наружу северо-восточной и северо-западной стенах избы и служили для общения аманатов с родственниками, которых можно было, что немаловажно, даже не впускать в острог (с. 24–25).

Стадухинское поселение исследовалось автором монографии в 1989–1990 гг. На нем вскрыта площадь в 284 м^2, на которой выявлены остатки 4 построек. Это трехчастный дом с небольшой пристройкой и амбар-ледник в верхнем слое памятника, и раскопанное частично двухчастное строение в нижнем слое (с. 29–31).

Третья глава книги посвящена материальной культуре русских полярных мореходов и землепроходцев XVII–XVIII вв. Этот, несомненно самый интересный раздел монографии, к сожалению, содержит только перечисление и подробное описание бытовых предметов, орудия ремесла, охоты и рыболовства (с. 33–54). Их сравнительный анализ с материалами других памятников и какие-либо попытки проследить изменения в комплексе вещей, чтобы попробовать датировать строительные ярусы обоих острогов, в работе отсутствуют. Между тем, совершенно очевдино, что основной второй ярус Алазейского острога должен датироваться XVIII в. и, в основном, его второй и третьей четвертью, а верхний ярус Стадухинского поселения – второй половиной XVIII – первой четвертью XIX в.

Об этом свидетельствуют следующие находки. При раскопках Алазейского острога найдено 139 фрагментов керамических сосудов, а на Стадухинском поселении всего 5 (с. 38). Очень незначительное количество керамики в культурном слое сибирских острогов XVII – начала XVIII вв., по сравнению с городами европейской России, уже не раз отмечалось исследователями. Это обстоятельство принято объяснять отсутствием в острогах собственного керамического производства и широким употреблением деревянной и железной посуды (Овсянников О.В., 1973, с. 269, 272; Белов М.И. и др., 1981, с. 37; Добжанский В.Н., 1979, с. 122; Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г., 1994, с. 165, 169). Количество деревянной посуды, обнаруженной на территории Алазейского острога, по сравнению с Мангазеей, невелико, несмотря на очень сходные консерватирующие свойства культурного слоя. Однако там найдено 326 фрагментов фарфоровых, 295 фрагментов фаянсовых и 171 фрагмент стеклянных изделий, а на Стадухинском поселении 249 фрагментов фарфоровых, 16 фрагментов фаянсовыйх и 28 фрагментов стеклянных изделий. Все фрагменты фарфоровых изделий: осколки тарелок, чашек и блюдец – китайского и японского происхождения (с. 37, 38). Такое массовое поступление в отдаленные уголки Сибири импортной посуды стало возможным только после заключения между Россией и Китаем Буринского договора 20 августа 1727 г. и Кяхтинского трактата 21 октября 1727 г., которые позволили открыть в Кяхте очень быстро и успешно развивающуюся приграничную торговлю. Отправляемые в Пекин, после заключения Нерчинского договора 1689 г., один раз в два года казенные торговые караваны несомненно не могли обеспечить столь массовый завоз посуды. О такой датировке основного строительного яруса обоих острогов убедительно свидетельствуют и находки монет. Из 81 экземпляра монет, обнаруженных на обоих памятниках, только 3 (или 4% от всего количества) датируются 1618–1619 гг., еще 9 (11%) относятся к 1682–1718 гг.,

1 (1%) к 1734 г., 5 (6%) к 60-м годам XVIII в., а подавляющее большинство – 62 монеты (77%) отчеканены в 40-х годах XVIII в. (табл. 91).

Последняя – IV глава монографии – "Хозяйственная адаптация к условиям севера. Взаимовлияние культур" в значительной степени соответствует своему названию. Автор начинает ее с рассуждений о типе исследованных им поселений, которые определяют как "одночастные крепости", отмечая правда, что "таковым выглядит острог на Алазее", а "определение же статуса поселений на Колыме нуждается в уточнении" (с. 55). Между тем такого типа поселений в Якутии никогда не было. Согласно письменным источникам, в этом регионе Сибири существовали три типа поселений: зимовье, острог и город. Большинство городов Сибири, прежде чем стать таковыми, последовательно прошли через первые два типа поселений. Еще большее количество поселений закончили свое существование на стадии зимовья или острога. Именно к ним относится Алазейский острог. В 1651 г. принявший под свое начало острог казачий десятник П. Мокрошубов отписал в Якутск воеводе Д.А. Францбекову, что косой острог вокруг избы был, да развалился (Дополнения к актам..., 1848, с. 280). В росписи острожков и зимовий Якутского уезда 1675–1676 гг. поселение названо зимовьем, в котором находятся 10 служилых людей (Дополнения к актам..., 1857, с. 406, 407). Также ясачным зимовьем названо Алазейское поселение в росписи 1677 г., составленной при передаче руководства над ним и восемью служилыми людьми от казачьего десятника Н. Тютина пятидесятнику П. Аксенову (Дополнения к актам..., 1859, с. 275). Кстати, среди "государевых товаров" в акте передачи фигурирует ряд предметов, обнаруженных в ходе раскопок: одекуй, напарьи, сверло и безмен. Что же касается типа Стадухинского поселения, то с ним действительно все не так просто, поскольку никаких следов укреплений при его исследованиях пока не обнаружено, в росписи 1675–1676 гг. оно не упоминается. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что может быть исследованное поселение является Нижним Колымским зимовьем (?). К сожалению, все процитированные выше документы не были использованы А.Н. Алексеевым при написании книги, а именно благодаря им ему не пришлось бы гадать о количестве служилых людей в Алазейском остроге, которое, как он, тем не менее, совершенно верно заключил, "вряд ли превышало более 10 человек" (с. 55).

Очень верным и важным является вывод автора о том, что "при очевидной пушно-мобилизирующей направленности хозяйствования Алазейское и Стадухинское поселения обнаруживают четкие признаки многофункциональных факторов развития". По его мнению "весьма значимой в освоении края была административная, хозяйственная и транзитно-перевалочная роль упомянутых острогов" (с. 55). А.Н. Алексеев подробно характеризует хозяйственную деятельность и особенности быта русского населения Якутии и заключает, что "в конечном итоге сформировалось русское старообрядческое население северо-востока Якутии, которое по типу хозяйства и культуре существенно не отличалось от коренного населения" (с. 58). Совершенно очевидно, что ситуацию в сфере культуры автор сильно преувеличил. Не случайно уже на следующей странице книги он пишет о том, что "русские старожилы якутского Заполярья продолжали оставаться христианами" и "о широком распространении грамоты среди русского населения" (с. 59). Итоговый вывод автора вполне закономерен. По его мнению, материалы изученных им объектов свидетельствуют, "что в Заполярной Якутии первопоселенцами были люди, имевшие большой опыт приспособления к суровым условиям Севера. Опыт этот они приобрели в сибирском Заполярье. Конструктивные особенности архитектурных комплексов и многие предметы материальной культуры исследованных памятников находят аналогии в материалах раскопок Мангазеи. Это дает основание утверждать, что изучаемые памятники и Мангазея оставлены одним и тем же этносом – русскими, создавшими в Заполярье особый вариант русской культуры" (с. 67).

В заключение хотелось бы отметить, что монография А.Н. Алексеева, помимо ее несомненно высокой научной значимости, является примером чрезвычайно взвешенного подхода к проблеме взаимоотношений коренного и русского населения Якутии.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока СО РАН, Владивосток

А.Р. Артемьев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев А.Р., 1985. Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. № 2.

Артемьев А.Р., 1990. Новый памятник русских первопроходцев на Верхнем Амуре // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток.

Артемьев А.Р., 1993. К вопросу о происхождении сибирских укреплений типа "зимовье" // Новые материалы по археологии Дальнего Востока и смежных территорий. Владивосток.

Артемьев А.Р., 1995. История и археология Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток.

Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г., 1994. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М.

Добжанский В.Н., 1979. Керамика Илимского острога // Сибирь в древности. Новосибирск.

Дополнения к актам историческим, 1848. Т. 3. СПб.

Дополнения к актам историческим, 1857. Т. 6. СПб.

Дополнения к актам историческим, 1859. Т. 7 СПб.

Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.

Кочедамов В.И., 1978. Первые русские города Сибири. М.

Крадин Н.П., 1980. Об основании Казмского (Юильского) острога // Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методика организации. Новосибирск.

Липинская В.А., 1975. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // СЭ. № 5.

Никитин А.В., 1961. Братский острог // СА. № 2.

Овсянников О.В7, 1973. О керамике древней Мангазеи // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан XI–XVI вв. М.

Рабинович М.Г., 1975. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.

Чижикова Л.Н., 1987. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.

Хроника

XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВИСТОВ. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА (Краков, 1998)

XII Международный конгресс славистов проходил в Кракове 27 августа – 2 сентября 1998 г. Это был крупный научный форум, на котором были обсуждены все основные проблемы славистики. В Польше начиная с 20–30-х годов XX в. славистика принадлежит к приоритетным научным направлениям, и Польский комитет славистов приложил немало сил и старания для подготовки и проведения очередного международного форума на высоком уровне. Организация конгресса проходила под патронатом Президента Польской республики А. Квасневского, который принял участие в открытии форума и выступил с теплым и деловым приветствием.

В работе конгресса участвовали лингвисты, литературоведы, фольклористы, топонимисты, историки, этнологи и археологи из 41 страны пяти континентов. По самым различным вопросам славистики было заслушано свыше 900 докладов, распределенных по 16 секциям (6 – языковедческих, 9 – литературоведческих и одна объединяла доклады по славянской мифологии и археологии). Часть докладов, кроме того, обсуждалась на заседаниях 20 тематических блоков.

В настоящей статье освещаются прочитанные на различных секциях доклады, в которых анализировались или затрагивались вопросы славянского этногенеза, а также выступления археологов и историков, рассматривающие темы ранней и средневековой истории и культуры славян.

Среди четырех докладов, вынесенных на пленарное заседание, с большим интересом был прослушан доклад *О.Н. Трубачева* (Россия) "Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду". Докладчик показал огромнейшее научное значение конгрессов славистов. Они активно импульсировали изучение целого ряда крупных проблем славянского языкознания и литературоведения. К работам конгрессов постепенно привлекались ученые смежных наук, и теперь они по настоящему стали съездами славистов, а не славянских филологов, каковыми были на первых порах. На последних конгрессах обсуждалась, в частности, и археологическая тематика, связанная с этногенезом славян, без чего в настоящее время уже невозможно решать эту проблему. Сотрудничество лингвистов и этнографов вылилось в оформление новой науки – этнолингвистики, в становлении которой первостепенная роль принадлежит Н.И. Толстому.

Рассматривая в основном филологическую проблематику, О.Н. Трубачев затронул и ряд вопросов историко-археологического профиля. Касаясь праславянской культурно-религиозной терминологии, докладчик показал ошибочность утверждений о начале древнерусской культуры только с 988 г. и о привнесении ее важнейших элементов из Византии. Этому противоречат, в частности, такие термины, как бог, вера, дух, святой, душа, рай, грех, закон, восходящие к праславянскому этноязыковому единству. Кирилл и Мефодий не принесли эту лексику из христианской Византии, а познали в славянском языческом мире и использовали для выражения христианских понятий.

Критически отнесся докладчик и к трактовке древненовгородского диалекта, восстанавливаемого по берестяным грамотам из раскопок в Новгороде Великом, как праславянского диалекта, в ряде черт сопоставимого с западнославянской языковой областью. Общие архаизмы на периферии славянского мира, каковыми были и Новгородчина, и северные регионы западного славянства, не следует считать свидетельством близости диалектов. По О.Н. Трубачеву, концепция о гетерогенности восточнославянского ареала ошибочна, а положение о древнерусском единстве находит подтверждение в материалах антропологии.

Говорил докладчик также и о некорректности применения к славянам классического термина "рабство", о спорности так называемого второго южнославянского влияния на Руси. В докладе утверждалось, что до конца XVII в. на Руси не было почвы для восточноевропейского "Возрождения".

Вопрос о славянской прародине рассматривался в четырех докладах. *В.В. Мартынов* (Белоруссия) ранее в своих трудах выявил следы древнейшего славяно-германского лексического взаимопроникновения,

© В.В. Седов, 1999 г.

относимого к середине I тыс. до н.э., что дало надежные основания для локализации ранних славян в Висло-Одерском междуречье – по соседству с древнейшим ареалом германцев. Теперь в докладе "Прародина славян. Лингвистическая верификация" этот лингвист описал 18 лексем, проникших из славянского мира в западногерманские языки. Они свидетельствуют о непосредственном соседстве славян с племенами англов и саксов до их миграции в V в. н.э на Британские острова. Проживание же последних в первой половине I тыс. н.э. в Южной Ютландии и Нижнем Приэльбье не подлежит сомнению. К этому времени и следует относить контакты праславян с выделившейся из прагерманского западногерманской языковой группой племен. Таким образом, локализация славянского этноса в римское время в Висло-Одерском регионе аргументируется новыми фактами.

В. Маньчак (Польша) в докладе "О прародине славян" продемонстрировал результаты сравнительного анализа словарного состава праславянского языка с языками других европейских этносов. Исследователь утверждает, что наибольшую близость лексика праславян обнаруживает с балтской и германской и, следовательно, славяне в древности должны локализоваться между балтами и германцами. Далее устанавливается, что славяне в лексическом отношении ближе к пруссам, чем к литовцам; ближе к языку Рима, чем к балтам; ближе к германским языкам, чем к романским; ближе к кельтам, чем к балтам. В итоге В. Маньчак приходит к заключению о локализации славянской прародины в бассейнах Вислы и Одера.

Другой польский лингвист, *Ф. Славский* в докладе "Прародина славян", не отрицая большую близость праславянского языка к балтскому, сосредоточил внимание на ирано-славянских языковых схождениях, которые, по его мнению, склоняют к гипотезе о восточной локализации прародины как индоевропейцев, так и праславян. Вместе с тем докладчик отметил, что лингвистика не исключает и раннего продвижения праславян в бассейн Вислы.

В докладе известного топонимиста *Ю. Удольфа* (Германия), озаглавленном "Древнеевропейская гидронимика и праславянские водные названия", исследовались признаки, характеризующие ранние праславянские гидронимы. Праславяне на первых порах широко пользовались древнеевропейскими водными названиями, трансформируя их с помощью формантов, суффиксации, аблаутизации и др. Докладчик продемонстрировал ряд карт распространения ранних славянских гидронимов. Результатом исследования стал вывод о проживании славян на раннем этапе в регионе севернее Карпат (между Вислой и Днепром и между болотами Припяти и Карпатскими горами).

В.В. Седов (Россия) в докладе "Славянский мир накануне распада языковой общности" на основании данных археологии показал, что еще в римское время славяне дифференцировались на три диалектно-племенные образования. Одно из них, локализуемое в Северном Прикарпатье (часть пшеворской культуры с элементами кельтского субстрата), в начале средневековья создало пражско-корчакскую культуру. Это были "склавены" Иордана. По-иному протекало развитие другой группировки славян в междуречье среднего Одера и Вислы (венеды Иордана), образовавшей в начале средневековья суковско-дзедзицкую культуру. Третья группа славян, осевшая в Подольско-Днепровском регионе территории черняховской культуры, пережила славяно-иранский симбиоз и в V в. создала пеньковскую культуру (анты).

В период великого переселения народов началась широкая славянская миграция. В результате на основе трех названных формирований сложились новые племенные группы (культуры псковских длинных курганов, тушемлинская, именьковская, "мерянская", торновская и др.), которые отражают диалектное членение последнего периода праславянской языковой общности.

Первые результаты большой работы над Славянским этнографическим атласом, начатой словацкими учеными, были изложены в докладе *М. Бенжы* (Словакия). Необходимость составления и большая научная значимость такого атласа достаточно очевидны. Об этом речь шла еще на IV Международном конгрессе славистов. На XI конгрессе в Братиславе был обсужден проект Славянского этнографического атласа, и вскоре к работе над ним подключились научные институты, университеты и музеи 11 славянских стран. Первый комплект карт, посвященных земледельческим орудиям, был продемонстрирован докладчиком. Проделанная работа над атласом в состоявшейся дискуссии была высока оценена.

Э. Эйхлер (Германия) в докладе "Западная периферия славянского языкового ареала" по данным топонимии выделил и лингвистически охарактеризовал четыре региона раннесредневековых славян, заселявших территории между Балтикой и Адриатикой, которые позднее были ассимилированы германцами: A – древнеполабский, включающий Мекленбург, Голштинию и так называемый люнебургский Вендланд; B – древнесорбский (область между Заале и Нейсе); C – баваро-славянский (верхнефранкская и верхнепфальцкая области); D – альпийско-славянский в современной Австрии.

Была продолжена начатая на XI конгрессе дискуссия о местоположении Великой Моравии. Еще в начале 1970-х годов И. Боба опубликовал в США книгу "Моравская история. Реинтерпретация средневековых источников", в которой на основе исторических и филологических данных утверждал, что ядро Великоморавской державы находилось не в сегодняшних Моравии и Словакии, а в южной части Среднего Подунавья с центром в Сирмиуме (Сремска Митровица). На XI конгрессе И. Боба по этому поводу прочитал доклад, который был встречен весьма критически.

Теперь этой теме был посвящен доклад *В. Вавржинека* (Чехия) "К новейшим дискуссиям относительно

локализации Великой Моравии". Докладчик отметил, что в распоряжении науки имеются аргументы, как в пользу локализации ядра Великоморавской державы в Моравско-Словацком регионе, так и южнее Дуная, как утверждал И. Боба. Этому вопросу посвящены две новые монографии. Х.Р. Боулис в одной из них, проанализировав военные действия франков, поддержал гипотезу И. Бобы. Наоборот, М. Эггерс в своей работе утверждает, что свидетельства письменных источников противоречат локализации Великой Моравии, предложенной И. Бобы. Исследователь попытался показать, что княжество Ростислава располагалось восточнее Дуная в равнинной зоне региона Тисы и только в период княжения Святоплука Великая Моравия включала и земли южнее Дуная. Заключая доклад, В. Вавржинек заявил, что для более аргументированного решения проблемы географии Великой Моравии необходимы новые изыскания.

А. Рутткаи (Словакия) в докладе "Великая Моравия: современный уровень знаний о поселенческой и общественно-экономической структуре IX в. и их развитие в Среднедунайском регионе в X–XI вв." археологически охарактеризовал княжеские центры, города и села, а также организацию ремесла и социальную структуру Великоморавского государства. Падение этой державы привело к заметному снижению уровня материальной культуры и исчезновению ряда поселений. Вместе с тем в X–XI вв. в Среднедунайском регионе прослеживается и непрерывность поселенческой структуры.

К великоморавской проблематике примыкает и выступление М. Кучеры (Словакия) "К началу исторического самосознания словаков". Докладчик отметил, что словаки только сравнительно небольшое время имели свою государственность (Нитранское княжество, вошедшее в Великую Моравию) и потом почти тысячу лет жили в составе Венгерского королевства. Не имея территориальной, культурной и политической автономии, словаки сохранили свой язык и этнос, что можно объяснить только тем, что словацкая народность сформировалась в великоморавский период. В пользу этого говорит и то, что в X–XIII вв. и позднее словаки сохраняли народную память о Святоплуке в нескольких вариантах и иные великоморавские традиции.

В ряде докладов активно обсуждалась проблема славяно-финно-угорского этноязыкового взаимодействия. В выступлении *Е.А. Хелимского* (Россия) "Поздняя праславянская фонетика в свете данных финно-угорских языков" речь шла о ранних славянских заимствованиях в прибалтийско-финских и венгерском языках, которые выявляют ряд фонетических черт, обычно относимых к раннепраславянскому периоду. Локализуя контакты в кривичско-словенском и паннонско-моравском регионах, докладчик определяет их время VII–XI вв. и делает вывод о переживании на позднем этапе праславянского языкового состояния ранних фонетических элементов.

Обнаруживаемые ранние фонетические черты могут быть объяснены и по-иному, поскольку контакты славян с прибалтийскими финнами и уграми-венграми, согласно данным археологии, начались ранее, с эпохи великого переселения народов (тогда славяне расселились в прибалтийско-финском ареале, а носители именьковской культуры стали соседями венгров).

В докладе "Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект)" *С.А. Мызников* (Россия) показал, что общее число слов прибалтийско-финского начала в русских говорах – более двух тысяч, причем они касаются всех сфер жизни и быта. Анализ этой лексики позволяет говорить о двух путях ее поступления: значительная часть этой лексики – результат перехода местных прибалтийских финнов на славянскую речь; меньшая часть – продукт более ранних маргинальных контактов. Картографирование лексики позволило докладчику говорить о конкретных языковых источниках внутри прибалтийско-финской общности.

В. Чекмонас (Литва) в выступлении "К проблеме прибалтийско-финского субстрата в псковских говорах" рассмотрел некоторые особенности этих говоров (элементы интонации, акцентации и аффектации) и пришел к заключению о сложении древнего псковского диалекта при субстратном воздействии языка местного прибалтийско-финского населения.

Для изучения взаимодействия славянского населения с поволжско-финским большой интерес представляет доклад *А. Алквист* (Финляндия) "Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья". Исследовательница на основе "Ярославского областного словаря" и экспедиционной работы выделяет несколько тысяч финно-угорских лексем, вошедших в славянский словарный состав. Они касаются быта, промыслов, духовной культуры, общественной деятельности, природной и ландшафтной терминологии. А. Алквист различает субстратные лексемы и заимствованные термины, выделяет два региона, несколько различающихся по лексике финно-угорского происхождения (ростовский и костромской). Ряд лексем мерянского ареала относятся к прибалтийско-финскому словарному фонду.

В связи с последним наблюдением выступивший в дискуссии С.А. Мызников утверждал, что бóльшая часть финно-угорских лексических заимствований, содержащихся в "Ярославском областном словаре", имеет прибалтийско-финское, а не поволжско-финское происхождение.

Дискутировался также вопрос о сути древненовгородского диалекта, который на основе берестяных грамот из раскопок в Новгороде обстоятельно описан А.А. Зализняком. Этот исследователь утверждает, что древненовгородский диалект был одним из праславянских образований, сопоставимых с диалектами

северной ветви западного славянства. Отсюда делается вывод о заселении северо-западного края Восточноевропейской равнины славянами с запада, из Висло-Одерского региона, что ныне подтверждается данными археологии. Другие лингвисты возражают против такой трактовки древненовгородского диалекта. Выше уже говорилось о мнении по этому поводу О.Н. Трубачева.

Г. Бирнбаум (США) в докладе, озаглавленном "На периферии: наиважнейшие свидетельства двух праславянских диалектов", объяснил особенности, выявляемые лингвистическими анализами текстов берестяных грамот, периферийным положением древненовгородских говоров. В выступлении *В.Б. Крысько* (Россия) "Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне" этот вопрос был рассмотрен подробно. Докладчик отрицал какую-либо связь древненовгородского диалекта с западнославянским миром, рассматривая его как совокупность отдельных говоров в составе древнерусского наддиалекта. Согласно В.Б. Крысько, новгородизмы, выявляемые по берестяным грамотам, свидетельствуют лишь о существовании в отдельных древненовгородских говорах ряда особенностей, в целом не обязательно присущих всем говорам, составляющим древненовгородский диалект.

А. Фалковский (Польша) в докладе "Еще раз о грамотах XII века на Украине" сделал некоторые поправки и уточнения к тексту берестяной грамоты № 2, найденной И.В. Свешниковым в Звенигороде Волынском, и предложил новое прочтение ее.

В серии докладов рассматривались различные вопросы славянского язычества. Так, *В.Я. Петрухин* (Россия) посвятил свой доклад "Погребальный культ в славянском язычестве" похоронной обрядности. Он утверждал, что курганные славянские трупосожжения второй половины I тыс. н.э. сохранили традиции полей погребений. Кремация умерших в языческой среде имела целью удалить в иной мир потенциально вредоносного мертвеца, а погребальные сооружения (курганы, домовины и пр.) были направлены на сохранение вблизи живых следов благодетельного предка. Почти полное отсутствие в славянских погребениях сопровождающих инвентарей является культовой традицией и никак не характеризует социальную действительность. Появление же в древнерусских погребениях вещевых материалов, костей животных и др. отражает влияние балтской и финно-угорской обрядностей. Сооружение на Руси, как и в других местностях раннесредневековой Европы, больших курганов предусматривало увековечение социального статуса погребенных.

В докладе белорусского археолога *Э. Зайковского* "Место Велеса в дохристианских представлениях населения Белоруссии" с привлечением данных фольклора и мифологии Велес характеризовался как полифункциональное божество (покровитель скота и богатства, диких зверей и водных источников, рождения и умерших). Исследователь утверждал, что Велес был главным племенным богом кривичей. Ранняя история Полоцка связана с культом этого божества. Памятниками его являются поклонные и культовые камни, широко известные на территории Белоруссии. В христианский период Велес заменили Никола, Власий, Стефан и Екатерина.

Критический взгляд в отношении реконструкции языческого пантеона славян был изложен в докладе *Н.И. Зубова* (Украина) "Славянская квазитеонимия старшего периода". Докладчик отметил, что исследователи обычно используют данные о славянских богах в памятниках письменности устоявшимися блоками, не подвергая источники текстологическому анализу. Между тем в письменных документах имеется ряд славянских псевдотеонимий, которые возникли как результат христианского вклада древнерусских книжников в характеристику языческого прошлого. К квазитеонимиям, по утверждению Н.И. Зубова, относятся Род, Лада, Сварог, Дзидлеля.

В докладе *Л.Н. Виноградовой* (Россия), "Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения" характеризовалась суть представлений у разных славянских групп и регионов о ведьмах, русалках, домовых и леших.

В заключение нельзя не отметить, что славянская археология не заняла должного места в работах XII конгресса. Слабым участием археологов в конгрессе обусловлено и то, что две комиссии, образованные при Международном комитете славистов, – "Славянская культура раннего средневековья" и "Славянская археология" – не имели возможности провести запланированные рабочие заседания.

Тезисы докладов, включенных в программу конгресса, изданы Польским комитетом славистов в двух книгах (XII Międzynarodowy Kongres... Językoznawstwo, 1998; XII Międzynarodowy Korgres... Literaturoznawstwo, 1998). Российский комитет славистов опубликовал доклады, подготовленные к конгрессу (Славянские литературы..., 1998; Славянское языкознание..., 1998).

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации, 1998. М.
Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации, 1998. М.
XII Międzynarodowy Kongres slawistów. Kraków 27. VIII – 2.IX.1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo, 1998. Warszawa.
XII Międzynarodowy Kongres slawistów. Kraków 27. VIII – 2.IX.1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Nauka o kulturze, 1998. Warszawa.

КОНФЕРЕНЦИЯ "САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА"

(Москва, 1998)

Трехдневная конференция по церковной топографии городов средневековой Руси, приуроченная к 850-летию Москвы, была организована тремя организациями: общественным Институтом христианской культуры средневековья, Российской Академией Художеств и Институтом археологии РАН. Конференцию финансировал "Институт Открытое общество" (Фонд Сороса) (грант № А1 А7 62, рук. А.Л. Баталов). Выбор темы конференции определен материалами, накопленными в ходе трехлетней работы по проекту "Городская культура средневековой Москвы. Сакральная топография города в памятниках архитектуры", поддержанному РГНФ (1994–1997 гг., грант 95-06-17475; рук. Л.А. Беляев).

За последние 15–20 лет в литературе, посвященной градостроительству средневековья, появился целый круг работ, в которых пространственные структуры и церковная архитектура древнерусских городов непосредственно связываются с развитием идейно-политических концепций Московского государства XVI–XVII вв. При этом происходит, по-своему весьма остроумная, подмена общепринятых в исторической науке источников случайными фактами совпадения композиции города с идеализированными схемами, основанными на геометрических формах, которым присваивается выбранное авторами символическое значение.

В результате идейно-политические концепции произвольно "опрокидываются" на архитектурную среду; искусственно создается образ сакрального пространства средневекового города, основанный на мифологизированных представлениях о нем, сформировавшихся в конце XVII–XIX вв. При этом легендарные (или просто вымышленные) факты, утвердившиеся в литературе в XIX в., приобретают значение исторических свидетельств. Они не только публикуются как достоверные в современных популярных работах, но и служат основанием для многочисленных обобщений, проникают в учебники, энциклопедии, общие истории культуры и архитектуры. Это явление в нашей историографии может объясняться прежде всего тем, что до сих пор не выработан подход к изучению сакральной топографии средневекового города, не определен и круг источников, на которых должно базироваться подобное исследование. В то же время история сакральной топографии средневековых городов вообще и "христианских столиц" в частности, восстанавливаемая на основе комплексного анализа письменных источников и археологии, давно является предметом пристального изучения в зарубежной историографии. Анализ современных работ, посвященных сакральной топографии центров христианства (Иерусалим, Рим, Константинополь и др.) показывает, что в сложении сакральной топографии городов Руси с ними много общего, а путь источниковедческого анализа таких систем – единственно возможный. Фактологической основой исследования сакрального пространства средневекового города должна стать история престолов его храмов, раскрывающая причины и время их возникновения при опоре на материал архитектурного (архитектурно-археологического) и источниковедческого анализа.

В соответствие с этой методикой, доклады, представленные на конференции, должны были охватить три направления. Во-первых, предлагалось сопоставить методику исследования сакральной топографии Руси с принятой в зарубежной истории церковного строительства, искусствознании и культурологии, приведя обе системы в известное соответствие. Во-вторых, представить разработки к корпусу документальных материалов, на основе которых можно будет приступить к созданию достаточно надежной и конкретной истории посвящений храмов Руси позднего средневековья. В-третьих, рассмотреть наиболее обеспеченные источниками памятники и участки с целью продемонстрировать методы и первые результаты комплексного анализа письменных источников и археологических данных, восстановить некоторые элементы посвятительных программ, развития станциональной литургики, формирования сакрального городского пространства с хронотопографической привязкой.

© А.Л. Баталов, Л.А. Беляев, 1999 г.

В открывающем конференцию докладе *А.Л. Баталов* и *Л.А. Беляев* познакомили с основными выводами, к которым пришли при работе над темой; изложили главные методические принципы, положенные в основу изучения сакральной топографии; описали важнейшие направления исследований в Европе и США и главные достижения в этой области во второй половине XX в. Кроме того, было кратко оценено состояние работы по сакральной топографии русского средневековья на примере Москвы конца XV–XVII вв., дана характеристика главных источников, предложены примеры их критики. Авторы доклада глубоко убеждены, что основную роль в исследовании сакральной топографии должно играть не фантазирование на темы символики, а подготовка источников и их критический анализ. Остро необходимо также своевременное знакомство с интерпретационными подходами и результатами исследований наиболее развитых зарубежных научных школ.

В докладах, представленных в программе конференции, можно выделить несколько групп. Важнейшую представляют работы, сделанные с целью обеспечить разработке сакральной топографии надежный фундамент архивных и археологических материалов, например, доклад *отца Георгия* (*Павлович Г.А.*, Дивеевская пустынь) "Ладанные книги как источник изучения сакральной топографии", в котором коллегам был представлен указатель посвящений престолов ружных церквей в храмах Москвы 1590–1620 гг., с погодными указаниями этих престолов. Вторая группа выступлений – публикационная, например, доклад *А.Г. Векслера* "Моисеевский монастырь в свете письменных и археологических источников", в котором детально обрисована картина развития топографии, истории построек и некрополя малоизвестного, но расположенного в важной точке Занеглименья (в начале Тверской дороги) монастыря XVII в.

К докладам публикационного характера примыкала наиболее многочисленная серия работ, посвященных интерпретации или атрибуции отдельных памятников, истории планировки городов, формированию станциональной литургики и связанным с этим проблемам архитектуры, прикладного и изобразительного искусства в средневековой Руси, Византии и Западной Европе.

Самые ранние в хронологическом отношении темы затронули Д.Е. Афиногенов, В.Я. Петрухин, М.В. Рождественская и Н.А. Макаров. *Д.Е. Афиногенов* обратил внимание на один из списков "Повести о восстановлении иконопочитания" (рубеж X–XI вв.), позволивший не только восстановить маршрут константинопольской процессии 11.03.843 г. и уточнить некоторые детали топографии Константинополя, но и упрочить хронологию установления праздника Торжества Православия. *В.Я. Петрухин* предпринял анализ сообщений начальной русской летописи об основании древнейших городов Руси на материале библейских текстов, показав, что летопись описывает этот процесс в соответствие с библейской традицией и использует Священную историю для интерпретации истории собственной. Доклад *М.В. Рождественской* "Пространство Рая в древнерусской письменной традиции" в известной степени примыкал к предыдущему, только в нем речь шла уже о моделировании в литературных сочинениях "топографии" загробного мира. В докладе *Н.А. Макарова*, напротив, внимание было уделено вполне реальной истории размещения приходских церквей и некрополей на Русском Севере в их отношении к поселениям двух этапов его средневекового освоения.

Докладам, посвященным памятникам Москвы, на конференции уделялось особое внимание (что естественно, учитывая ее юбилейный характер). *В.А. Кучкин* посвятил свое выступление ("Церковь Всех Святых на Кулишках: проблема локализации") реинтерпретации первого сообщения летописи об этом известном московском храме. Он апеллировал к контекстуальному анализу общей планировки города, восстанавливаемой на основе имеющихся в летописных текстах топографических указаний, пришел к мысли о более раннем (до 1365 г.) появлении престола, чем это предполагалось "традицией" (1380 г.), и высказал предположение о связи церкви с городской пристанью ранней Москвы. В докладе "Типология московских монастырей XIV–XV вв." *В.Д. Назаров* попытался, во-первых, гипотетически увеличить количество известных обителей, а затем выделить в их среде различные типы (в отношении ктиторов, собственности и системы хозяйства). Два доклада были посвящены детальному рассмотрению истории престолов на основе наблюдений над письменными источниками, историко-литургическими элементами и архитектурными особенностями памятников. В моделировании сакрального пространства столицы при Иване IV ключевое место занимает строительство собора Покрова на Рву. До сих пор нет удовлетворительного объяснения состава его престолов. Чрезвычайно сложная история появления обетного престола "на Рву" рассмотрена *А.Л. Баталовым* в докладе «Сказание об иконе Николы Великорецкого и история обретения "лишнего" престола собора Покрова на рву (Василия Блаженного)». Не менее сложен и запутан материал, с которым пришлось иметь дело *В.В. Кавельмахеру*, представившему свою реконструкцию системы посвящений престолов в погребальном соборе великих московских князей ("Патрональные приделы Архангельского собора в Кремле").

Чрезвычайно важно для восстановления идейной основы сакральной топографии изучение устава литийных богослужений, также далекое пока от завершения. Это направление исследований станциональной литургики было представлено не менее широко. Общим вопросам взаимного воздействия богослужения и градостроительства был посвящен доклад *дшакона Александра* (А.Е. Мусина, Санкт-Петербург) "Станциональная литургия и формирование сакральной структуры христианского города". Кроме упомянутого выше доклада А.Е. Афиногенова, к этой же области относилось большинство выступлений историко-

искусствоведческого направления. Ряд "хождений", отмеченных в таком известном источнике, как "Чиновник", характерны только для Москвы и связаны с московскими святынями или с памятью о событиях церковной жизни столицы, поэтому их необходимо изучать специально. *М.А. Маханько* в докладе "Привоз икон в Москву в XVI в. и его влияние на чин городских богослужений" как раз и рассматривает традицию празднования памяти пребывания икон в Москве, отраженную в московском "Чиновнике".

В некоторых случаях установление престольного праздника становится особой проблемой, поскольку начальное посвящение переосмысливалось или просто менялось в течение столетий. Подобный пример разобран в докладе *Н.В. Квливидзе*, проследившей, как при митрополите Геннадии престольным праздником Софийского собора в Новгороде стал день Успения Богоматери ("Икона Софии Премудрости Божия и особенности новгородской литургической традиции в конце XV в."). Исследование памятных сооружений продолжила *Ю.В. Тарабарина* ("Отражение войск королевича Владислава и мемориальное храмостроительство 1620-х гг."), реконструировав обетную программу царя Михаила Федоровича, связанную с установлением русской государственности и утверждением новой династии.

Особую группу составляли доклады, опиравшиеся в основном на анализ иконографического материала. В изучение сакральной топографии существенный вклад должна внести работа с предметами, используемыми в богослужении (в процессиях, закладке храмов, освящении престолов). Это прекрасно показано *А.В. Рындиной* в докладе "Чин освящения храма и "Иерихонская шапка" из Оружейной палаты". Скрупулезный анализ самого предмета, иконографии и аналогов из других музеев позволил автору прийти к переатрибуции вещи, и вместо "парадного шлема" перед слушателями предстал важный процессиональный элемент. Обстоятельнейшим и полным неожиданных новых аналогий было выступление *О.Е. Эттингоф*, доказавшей широкое развитие традиции поклонения Влахернской Богоматери ("Икона" "Владимирская Богоматерь" и традиция влахернского богородичного культа в Москве"). Более традиционен подход *Л.В. Нерсесяна* к теме "Архитектурные мотивы в иконографии "О тебе радуется".

Особая группа на конференции образована этноархеологической тематикой. Она составлена из работ сектора археологии Москвы ИА РАН, ориентированных не на восстановление реальной топографии, но на выявление *образа* ее в сознании современных жителей Москвы и окружающих ее пригородных поселений, выявляемого по определенной методике. При этом значительное внимание уделялось реконструкции механизма восстановления этого, зачастую коллективного, образа. *Н.А. Кренке* указал на возможные древнейшие истоки сакрализации подмосковного ландшафта ("Чертово" городище и святые колодцы: поиски корней сакральной топографии Москвы в железном веке"); проводившие совместное исследование *С.З. Чернов* и *О.Н. Глазунова* представили два "постановочных" проблемных доклада: "Устная традиция как источник по сакральной топографии Московской Руси (к постановке проблемы)" и "Осмысление ландшафта в устной традиции Подмосковья".

Сакральная топография, действительно, не обязательно должна пониматься исключительно как церковно-топографическая структура, объединенная в общую систему богослужебной практикой. В ряде случаев, особенно в позднейший период, возможно говорить о сложении символической композиции посвящений, сознательно или бессознательно переносимой с уже существующих, ранее сложившихся систем, или о придании сакральных свойств, изначально им не свойственных, светским постройкам. Именно эта концепция была рассмотрена молодым исследователем *Д.Г. Желудковым* на материале сакрализации дворцовых комплексов позднего периода Московской Руси ("К проблеме сакрализации подмосковных государевых дворов XVI–XVII вв."). Храмовое строительство в "государевом городе" Санкт-Петербурге как продолжение или перенесение системы посвящений престолов Москвы, а также символический смысл этого перенесения стал темой глубокого и насыщенного выступления *Е.И. Кириченко* «"Образ "священного града" Москвы и его проекция на Санкт-Петербург». В хронологическом смысле именно этот доклад завершил конференцию.

Российская Академия Художеств НИИ теории
и истории изобразительных искусств,
Москва

А.Л. Баталов,
Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

XX ЮБИЛЕЙНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(Железноводск, 1998)

С 19 по 23 мая 1998 г. на Кавказских Минеральных Водах в г. Железноводске состоялась очередная конференция по археологии Северного Кавказа – XX Крупновские чтения. Учрежденная 27 лет тому назад в память выдающегося ученого археолога-кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова (1904–1970), в 1998 г. она носила юбилейный характер.

Конференция была подготовлена постоянным Координационным советом Крупновских чтений (председатель И.М. Чеченов), рабочим Оргкомитетом "XX Крупновские чтения" (председатель В.А. Кузнецов) и Железноводским музеем краеведения (директор Л.С. Марченко). Финансирование осуществлялось городской администрацией Железноводска. В Оргкомитет были присланы тезисы 70 докладов 89 ученых из 19 городов России, а также с Украины, из Франции, Германии и США.

За время работы конференции было заслушано и обсуждено более 30 докладов и сообщений. Заседания открылись 20 мая в великолепном Дворце культуры, где кроме участников конференции собрались многочисленные представители научной, музейной и просветительской общественности Кавминвод и местных средств массовой информации.

Вступительное слово председателя Координационного совета *И.М. Чеченова* было посвящено исключительно важной роли Е.И. Крупнова в развитии кавказоведения, его значении как учителя, сформировавшего плеяду археологов, успешно продолжающих исследования в области древнейшей и средневековой истории Северного Кавказа. От руководства г. Железноводска с приветственным словом выступил председатель городского совета *А.А. Рудаков*. Было зачитано послание от главы администрации Кавминвод И.И. Никишина. Пожелания успехов в работе участникам конференции прозвучали в телеграммах министра культуры Ставропольского края А.И. Маркова, директора Института археологии Российской Академии наук Р.М. Мунчаева, а также семьи Е.И. Крупнова.

Слушание научных докладов открылось пленарным заседанием под председательством И.М. Чеченова. С обстоятельным сообщением "Археологическая карта Железноводского района" познакомила присутствующих директор музея краеведения г. Железноводска *Л.С. Марченко*. Великолепная карта с нанесенными памятниками археологии округи Железноводска наглядно продемонстрировала наличие здесь древностей от эпохи камня до позднего средневековья. Их высокая научная информативность была отмечена во многих трудах археологов, вышедших из печати уже после кончины Е.И. Крупнова. Доклад был удачно проиллюстрирован небольшой выставкой подлинных вещей из новейших раскопок музея. Доклад *В.Б. Ковалевской* (Москва) "Возможности компьютерного картографирования в археологии Кавказа" на основе красочного материала приоткрыл возможности успешного использования компьютерной обработки археологического материала на основе метода геногеографического картографирования, применяемого антропологами. Метод обладает универсальностью при работе с разными и разновременными категориями археологических артефактов. Совместный доклад *М.М. Казанского* (Париж) и *А.В. Мастыковой* (Москва) "Северный Кавказ и Средиземноморье в V–VI вв.: к вопросу о формировании культуры варварской аристократии" был посвящен сравнительному сопоставлению северокавказских и западноевропейских предметов меровингской эпохи, главным образом воинских предметов, конского снаряжения и украшений. Авторы пришли к выводу о связи северокавказской варварской (аланской) знати с Западной Европой через Византию, о чем свидетельствуют находки престижных предметов в так называемых княжеских погребениях в Дюрсо, Мокрой балке, Чегеме, Хасавюрте и многих других. Доклад *К. Пиле* (Кан, Нормандия) "Восточноевропейские варвары на атлантической границе Империи в V в." был посвящен обстоятельному анализу материалов из раскопок римских пограничных военных крепостей в округе Шербурга и синхронных им некрополей Фрюневиль и Сен-Мартен. Отмечено не только присутствие, но и преобладание варваров, в том числе восточноевропейских, в составе гарнизонов этих крепостей, что фиксируется обрядом и погребальным инвентарем в могилах. По мнению докладчика, речь не идет о набегах варваров, а скорее о встрече двух культур.

Короткое сообщение *В.А. Кузнецова* (Минеральные Воды) "Сенсационная находка (археология и случайность)" было посвящено информации из греческого журнала "Антропос", где констатировалось, что фрагмент глиняного диска со знаками, аналогичными тем, что имелись на знаменитом диске из Феста, является подлинным древним предметом. Обломок диска был обнаружен в подвале одного из домов г. Владикавказа.

Рабочие заседания конференции проходили в двух секциях: первобытной и средневековой археологии. В первобытной секции первым был заслушан доклад *С.Н. Кореневского, А.О. Наглера* и *В.Л. Ростунова*

© В.И. Козенкова, Р.Р. Рудницкий, 1999 г.

(Москва, Берлин, Владикавказ) "Комаровский комплекс" кургана 1 эпохи ранней бронзы". Рассмотренные С.Н. Кореневским на фоне новых предкавказских и евроазиатских материалов неординарные погребения в подбоях-катакомбах и жертвенник относились, по мнению докладчика, к галюгаевскому подварианту майкопской культуры и датируются второй половиной IV тыс. до н.э. В докладе *А.Л. Нечитайло* (Киев) "Структура зональности и хозяйства в эпоху энеолита (по материалам степной части Северного Кавказа)" на основе анализа характера памятников прослежена взаимозависимость хозяйства и ландшафтных условий. Благодаря картографированию выявлена специфика энеолитического хояйства в четырех микроподзонах степного Предкавказья.

Доклад *Ю.А. Прокопенко* (Ставрополь) "К вопросу о культурной принадлежности склепа, раскопанного в конце XIX в. у горы Брык" возвращает к исследованным многими археологами материалам склепа у с. Султановского. Одним из спорных вопросов остается время сооружения и собственно культурная принадлежность памятника. Докладчик обратился к неизвестным архивным материалам Ставропольского края. Особенности строительных приемов и данные о находках из архивных свидетельств позволили Ю.А. Прокопенко более уверенно предполагать, что основное захоронение в склепе могло принадлежать греческому купцу или меотскому посреднику, для которого были использованы греческие строительные приемы. Однако вопрос о времени сооружения остается пока открытым.

К анализу материалов старых коллекций был обращен и доклад *В.И. Козенковой* (Москва) "Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях". Главное внимание в докладе было уделено изделиям кобанской культуры из собрания Коссниерской, хранящегося в Берлинском музее древней истории. Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на некоторые вопросы. Например, целая серия бронзовых кинжалов с грибовидными навершиями позволяет проследить местную кавказскую линию развития так называемого кабардино-пятигорского типа кинжалов к формам степного "скифского" типа. Сенсационным фактом считает автор доклада присутствие среди материалов из Верхней Рутхи собрания Коссниерской бронзового нагрудника (так называемой пекторали), позволяющего говорить о появлении на Северном Кавказе аналогичных изделий в рамках конца IX – первой половины VIII в. до н.э. Заключительным докладом первого дня заседания секции первобытной археологии был доклад *А.В. Шишлова* (Новороссийск) "Новый памятник античного времени в районе Новороссийска". Материалы некрополя на северной окраине с. Южная Озереевка свидетельствуют о трех группах погребений. Первая группа – в простых ямах – датируется I в. до н.э. – началом II в. н.э. Вторая группа – в каменных ящиках – относится к I в. до н.э. – II в. н.э. Третья группа погребений – в простых ямах – относится к II–IV вв. н.э. Датировка по погребальному инвентарю подкреплена в ряде случаев античными монетами.

Во второй день работы секции первобытной археологии были заслушаны пять докладов. Доклад *М.П. Абрамовой* (Москва) "Некоторые особенности поселений скифского времени Верхней Кубани" касался рассмотрения главным образом материалов поселения VI в. до н.э., расположенного вблизи известного Хумаринского городища в Карачаево-Черкесии. Это поселение, расположенное на террасированных склонах, сохранило остатки каменных фундаментов построек, вымостки полов из каменных плит, остатки очагов-святилищ. Аналогии материалам из слоя поселения М.П. Абрамова видит в ряде бытовых памятников типа Тамгацикского могильника, Учкуланского поселения и поселения Уллубаганалы 2, т.е. в группе, характерной для позднекобанских памятников западного варианта. Проблематике кобанской культуры был посвящен и доклад *А.Ю. Скакова* (Москва) "Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты". Докладчиком был изложен его новый метод классификации памятников графического стиля на примере гравированных орнаментированных топоров. На основе ряда особенностей декора А.Ю. Скаковым выделены наиболее ранние и наиболее поздние подгруппы топоров. Доказательно прослежен принцип развития изображений от реализма к стилизации и выделены четыре хронологические группы. Прослежено и выделение локальных вариантов в единой изобразительной системе кобано-колхидского графического стиля. Доклад *Р.Р. Рудницкого* (Железноводск) и *В.А. Фоменко* (Пятигорск) "Северо-восточное Пятигорье в скифское время" был посвящен анализу материалов памятников, раскопанных в округе Железноводска и Пятигорска. Авторы доклада исходят из того, что район этот был специфичен еще в доскифское время (памятники так называемого каменномостско-березовского типа, отличающиеся от кобанских). В погребальном обряде и керамическом комплексе в скифский период здесь сохраняется, по мнению докладчиков, много традиционного, но заметно ощущается влияние степного мира. Доклад *А.А. Кудрявцева* и *В.Н. Галаевой* (Ставрополь) "Склеповый могильник Татарского городища" был посвящен раскопкам в 1996 г. склепового комплекса близ г. Ставрополя. Комплекс состоял из склепа и жертвенного места на обкладке из плит вокруг склепа. Многочисленные находки конского снаряжения, античной керамики свидетельствуют о длительном функционировании погребального комплекса в пределах V–III вв. до н.э. По мнению А.А. Кудрявцева, новый тип склеповых захоронений свидетельствует о симбиозе местного и пришлого населения и отражает процесс перехода к оседлости этого пришлого населения из степной зоны.

Чрезвычайно интересное сообщение *Ю.Ю. Пиотровского* (С.-Петербург) заключало второй день работы секции первобытной археологии. Великолепными слайдами был продемонстрирован новый комплекс металлических изделий (молоточковидные булавки, крючки с волютообразными концами, булавки с

волютообразными навершиями, латунный слиток и т.д.) из святилища близ с. Учкекен (Карачаево-Черкесия). По мнению Ю.Ю. Пиотровского, предметы разновременны и различаются по технологии (мышьяковистая и оловянистая бронза). Дата новой группы изделий XIV–XII вв. до н.э.

В дискуссии по прослушанным докладам приняли участие И.М. Чеченов, А.Л. Нечитайло, Ю.Ю. Пиотровский, А.А. Кудрявцев, В.И. Козенкова, С.Н. Кореневский и др. Наиболее оживленно обмен мнениями проходил по докладу С.Н. Кореневского. А.Л Нечитайло и Ю.Ю. Пиотровский указали на ряд слабо аргументированных положений доклада. Ю.Ю. Пиотровский и А.Ю. Скаков обратили внимание на интересный аспект доклада В.И. Козенковой. И.М. Чеченов отметил любопытные детали доклада А.Л. Нечитайло. В.И. Козенкова отметила в своем выступлении важность и новизну всех докладов и особенно указала на сенсационность находок в докладе А.А. Кудрявцева и В.Н. Галаевой. Однако, касаясь доклада Р.Р. Рудницкого и В.А. Фоменко, она выразила несогласие с культурной интерпретацией памятников VIII–VI вв. до н.э. округи Железноводска и Пятигорска.

В секции средневековой археологии первым был заслушан доклад *В.М. Косяненко* (Ростов-на-Дону) "К вопросу о принадлежности катакомбных погребений некрополя Кобякова городища". По мнению автора, катакомбные погребения второй половины II – первой половины III в. н.э. принадлежали сарматам и по количеству инвентаря относились к наиболее состоятельной части жителей городища. Можно считать, что это были представители сильной сарматской волны, которая прослеживается в конце II – начале III в. н.э. В сообщении *С.Н. Савенко* (Кисловодск) "К историко-культурной оценке подбойных захоронений сарматского времени бассейна реки Подкумок" проанализированы конструктивные особенности подбоев, погребальный обряд и сопровождающий инвентарь. По богатству и разнообразию вещей выделяются захоронения коней во входных ямах. Анализ основных категорий инвентаря, в том числе с причерноморско-боспорскими чертами, позволяет датировать подбои серединой III–IV вв. н.э.

Доклад *И.Н. Храпунова* (Симферополь) "Об участии аланов в формировании населения Крыма позднеримского времени" был посвящен раскопкам в Центральном Крыму (могильники Дружное и Нейзац). Особый интерес представляют склепы конца III и начала IV в. н.э. Обряд и инвентарь могильников позволили докладчику предполагать наличие групп различных этнокультурных элементов: северокавказскую (аланскую), общесарматскую, позднескифскую, восточногерманскую, провинциальную позднеантичную. В докладе *З.В. Доде* (Ставрополь) "Исследование кендырских тканей из могильников Северного Кавказа VI–IX вв." отмечено широкое распространение конопляного и льняного сырья (с преобладанием последнего) для изготовления средневекового костюма. *В.М. Батчаев* (Нальчик) посвятил свой доклад "Некоторые особенности погребального обряда средневековой Балкарии" анализу типов погребальных сооружений высокогорной зоны. Для домонгольского времени, по мнению докладчика, здесь были характерны коллективные погребения в подземных и полуподземных склепах. Для XIII–XIV вв. надежно датированные комплексы неизвестны. В послемонгольское время, приблизительно с XV в., коллективные погребения в склепах сменяются индивидуальными в каменных ящиках и грунтовых могилах. Указанные изменения связаны, полагает докладчик, с инфильтрацией в горы групп населения с равнинной части Предкавказья.

Большой интерес вызвал доклад *Б.Х. Атабиева* (Нальчик) "Зарагижский Кашхатаусский катакомбные могильники, некоторые итоги исследований. В этих высокогорных некрополях экспедицией Института традиционной культуры Кавказа "Басият" раскопано более 450 погребений в подкурганных и бескурганных катакомбах, подбоях и грунтовых ямах. Богатейший погребальный инвентарь, в котором значительное место занимают предметы вооружения, престижные украшения костюма, а также серебряные римские монеты и золотые индикации монет, свидетельствует о социально-экономической дифференциации населения, захороненного здесь. Зарагишский могильник датируется в пределах II–VI вв. Более поздним временем, в пределах VIII–IX вв. определяет докладчик погребения Кашхатаусского могильника, отражающего более военизированный быт населения.

В обсуждении докладов приняли участие В.А. Кузнецов, М.М. Казанский, С.Н. Савенко, В.Б. Ковалевская. Касаясь доклада К. Пиле, В.А. Кузнецов отметил важность выявления следов пребывания восточноевропейских варваров в Западной Европе.

Утреннее заседание второго дня работы секции средневековой археологии открылось докладом *Д.С. Коробова* (Москва) "К вопросу о выделении локальных вариантов катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе во второй половине III – начале X в. н.э.". Докладчик изложил результаты обработки и анализа материалов большой временной протяженности. По четырем хронологическим периодам проанализированы 1070 катакомбных погребений из 100 могильников. Кластерный анализ позволил выделить в этих 100 могильниках 11 территориальных групп, которые, судя по всему, отражали реальные локальные различия в культуре населения.

В сообщении *В.А. Кузнецова* (Минеральные Воды) "Поселение Козьи скалы у горы Бештау" была изложена интересная информация о многослойном памятнике близ г. Железноводска. Доклад *А.А. Демакова* и *Д.А. Фоменко* (Нижний Архыз) "Археоастрономические исследования на Нижне-Архызском городище" был посвящен продолжающимся обследованиям так называемого Круга на городище. Докладчики предполагают, что кроме культового назначения памятник являлся пригоризонтной солнечной обсерваторией высокого

класса точности. Доклад *Р.Р. Рудницкого* (Железноводск) "Развальское городище X–XIII вв. (предварительное сообщение)" был посвящен раскопкам на горе Развалка близ Железноводска. Городище оказалось уникальным по информативности и сохранности. Доклад сопровождался показом подлинных изделий из раскопок, хранящихся в фондах Железноводского краеведческого музея. Доклад *Ю.В. Зеленского* (Краснодар) "Картирование половецких кочевий Прикубанья и Закубанья с помощью археологических источников" касался выявления дислокаций перекочевок разных групп половцев. По мнению докладчика, они появились в Прикубанье и Закубанье уже в XI в. и прочно их освоили и обживали до появления монголов. Выделены четыре района концентрации половецких захоронений и изваяний XI–XIII вв. Тема сообщения *Т.А. Габуева* (Москва) "Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах" основана на тщательном и детальном анализе исторических источников. Критически оценивая разные точки зрения на происхождения алан, автор доклада пришел к выводу, что наиболее доказательная из них та, что приводит к выводу о скифо-массагетском их этногенезе.

На привлечении ряда источников смежных наук основан и доклад *С.Н. Малахова* (Армавир) "К локализации Ахохии". Докладчик предложил считать греческий термин "Ахохия" производным от абазино-абхазского этнонима, обозначавшего предков кабардинцев, расселившихся с XIV в. на территории исторической Алании. Предложенная этимология и локализация Ахохии открывает новые возможности в интерпретации церковно-археологических древностей Северного Кавказа. Доклад *Э.Д. Зиливинской* (Москва) "Золотоордынские мечети Кавказа" содержал обстоятельную и квалифицированную характеристику и анализ архитектурных особенностей и строительной техники мечетей Верхнего и Нижнего Джулата. Прототипы этих сооружений исследователь указывает в мусульманской архитектуре Азербайджана и Средней Азии.

Заключал работу секции средневековой археологии доклад *И.А. Аржанцевой, С.Н. Седова, М.И. Скрипниковой* (Москва) "Аланские поселения I тыс. н.э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения". В результате комплексных работ группы археологов и почвоведов МГУ на городище Горное Эхо были получены новые данные по микростратиграфии памятника, особенностям строительной техники, строительным материалам и датировке. Интересным аспектом исследования в работе коллектива является инженерное геологическое диагностирование городища.

В дискуссии по докладам второго дня работы секции средневековой археологии приняли участие В.Б. Ковалевская, М.М. Казанский, В.А. Кузнецов, Д.С. Коробов, И.М. Чеченов. М.М. Казанским была отмечена дискуссионность некоторых выводов Т.А. Габуева. С уточняющими вопросами обратились к Ю.Б. Зеленскому В.А. Кузнецов и Д.С. Коробов. На ряд вопросов ответили А.А. Демаков и Д.С. Коробов. Большую важность работ группы И.А. Аржанцевой для реконструкции древних систем землепользования отметили в своих выступлениях В.Б. Ковалевская и В.А. Кузнецов. Важное значение исследований Э.Д. Зиливинской для выяснения истоков формирования строительной традиции культовых зданий в золотоордынских городах Северного Кавказа отметили в своих выступлениях И.М. Чеченов и В.А. Кузнецов.

Заключительное пленарное заседание было посвящено обмену мнениями об итогах работы секций и организационным вопросам. Были высказаны пожелания не делить в будущем работу конференции по секциям. Ю.Ю. Пиотровский, И.М. Чеченов, В.М. Косяненко, С.Н. Савенко затронули вопросы охраны памятников археологии и правомерности покупок музеями археологических коллекций и отдельных предметов. В.И. Козенкова предостерегла научную археологическую общественность от нелепостей при выработке мер по охране памятников археологии, приведя курьезные примеры борьбы с "личностями, имеющими пагубную склонность к кладоискательству", местных властей в начале XX в.

В заключительных выступлениях В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов подчеркнули, что за прошедшие годы Крупновские чтения остаются наиболее представительным и профессиональным форумом археологов-кавказоведов. Наряду со старшим поколением активно работают молодые исследователи, потенциал которых постоянно растет, несмотря на трудности финансового и политического характера. Конференция продолжает вносить позитивный вклад в пропаганду археологической науки и подлинных научных знаний о древнем Кавказе и его народах.

В принятой участниками конференции резолюции отмечается, что прошедшие XX Крупновские чтения внесли новый вклад в изучение археологии Северного Кавказа и юга России. Вновь участниками конференции обращено внимание на принятое на XIX Крупновских чтениях в 1996 г. "Обращение к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования", где были выражены тревога и озабоченность негативными процессами в современной северокавказской историографии, играющими деструктивную роль в межнациональных отношениях на Кавказе. Участники конференции отметили высокий организационный уровень прошедшего международного научного форума и выразили благодарность учреждениям, внесшим вклад в его проведение. Были высказаны пожелания о введении должности штатного археолога в краеведческом музее г. Железноводска, поскольку высокая насыщенность района Железноводска археологическими объектами делает это настоятельно необходимым.

Участники XX Крупновских чтений выразили крайнюю озабоченность тем, что ценнейшие археологические памятники подвергаются расхищению и разрушению. Упорядочение в это может внести только

закон. В связи с этим было поручено Оргкомитету внести предложение в Государственную Думу РФ о совершенствовании закона по сохранению археологических памятников. На следующих Крупновских чтениях решено заслушать вопрос о действующем законодательстве по охране памятников археологии и о состоянии охраны их на Кавказских Минеральных Водах.

За время работы XX Крупновских чтений участники посетили краеведческие музеи Железноводска и Пятигорска, побывали в домике М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Благодаря организаторам участники совершили автобусные экскурсии по археологическим памятникам округи Железноводска и предприняли восхождение на гору Развалка для осмотра древнего городища.

XXI Крупновские чтения предполагается провести в 2000 г. в г. Кисловодске, на базе местного краеведческого музея. Основная тема XXI Крупновских чтений – подведение итогов развития археологии Северного Кавказа в XX столетии и определение перспектив развития российского кавказоведения в XXI в.

Институт археологии РАН, Москва — *В.И. Козенкова*,
Краеведческий музей, Железноводск — *Р.Р. Руднщкий*

5-й СЕМИНАР "ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ" (Тверь, 1998)

Семинар состоялся в Тверском Государственном объединенном музее 24–28 марта 1998 г. В нем участвовали археологи нескольких городов нашей страны: Москвы, С.-Петербурга, Твери, Самары, Петрозаводска, Вологды, Иванова, Рязани, Пензы, Новгорода, Сергиева-Посада, Череповца. Тематика докладов была весьма обширной и разнообразной.

Заседания начались с доклада *А.Д. Столяра* (С.-Петербург), посвященного 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Докладчик характеризовал его как человека и ученого, внесшего огромный вклад в развитие отечественной науки.

Проблем позднего и финального палеолита касались три доклада. *С.Н. Лисицын* (С.-Петербург) сделал сообщение о динамике развития кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита в приледниковой области центра Русской равнины. Он разделил палеолитические памятники, оставленные после максимума валдайского оледенения, по их инвентарю на два хронологических этапа. В докладе *Г.В. Синицыной* (С.-Петербург) разбиралась типология наконечников типа Лингби, найденных в разных памятниках России, Северной Украины и Литвы. Докладчица пришла к выводу о существовании трех их основных типов. Однако в прениях вызвал возражение ее тезис об их происхождении в Восточной Европе. *М.Н. Желтова* (С.-Петербург) посвятила свой доклад технико-морфологической характеристике кремневого инвентаря свидерской культуры. Автор отметила бедность формами этой индустрии.

Ряд сообщений был посвящен проблемам мезолита. При этом были доклады, касавшиеся крупных проблем, и сообщения о новых памятниках этой эпохи или обработке материалов уже известных памятников. К последним относятся доклады *Т.М. Гусенцовой* (С.-Петербург) об исследовании стоянки Падань IV в Ленинградской обл., которая близка материалам кундской культуры, *Н.В. Косоруковой* (Череповец) о новом памятнике Торопово 2 (Вологодская обл.), относящемуся к типу стоянок-мастерских с неясной пока культурной принадлежностью, *Л.С. Андриановой* и *М.В. Иванищевой* (Вологда) о трех разных мезолитических стоянках у Березовой Слободы на р. Сухоне и их отличиях от материалов известной сухонской культуры, *Н.Б. Васильевой* (Вологда) о трасологическом и технологическом исследовании каменного инвентаря стоянки Лиственка 3В, где было показано, что на данном поселении осуществлялись все виды хозяйственной деятельности.

Доклад *М.Г. Жилина* (Москва) был посвящен связям между населением мезолитических культур Верхнего Поволжья и Прибалтики в пребореальное время. Автор показал существование таких связей между кундской и бутовской культурами на основе изменения инвентаря последней в результате влияния кундской культуры. *А.Е. Кравцов* и *Е.В. Леонова* (Москва) в своем докладе говорили о проблемах интерпретации мезолитических жилищ в Волго-Окском междуречье. Докладчики считают, что все обнаруженные в песчаных мезолитических памятниках остатки жилищ не являются таковыми. Доклад вызвал оживленную дискуссию, многие из выступавших не согласились с авторами. *Л.В. Кольцов* (Москва) остановился на моделях развития больших культурных общностей мезолита Северной Европы: было выделено четыре различных, сложных по своей структуре модели для четырех из пяти известных культурных общностей. Модель развития пятой общности пока установить трудно из-за отсутствия точных хронологических реперов.

© И.В. Исланова, Л.В. Кольцов, 1999 г.

Эпоха неолита и энеолита тоже получила освещение в работе семинара. Здесь надо отметить доклад *А.В. Энговатовой* (Москва) о хронологии памятников неолита и энеолита Волго-Окского междуречья по данным многослойных памятников. Был предложен критический разбор принципов выбора материала для датировки, высказано положение, что хронология должна строиться на основе комплекса дат опорных памятников. Доклад *В.И. Тимофеева* (С.-Петербург) был посвящен стоянкам Залесье I и II в Тверской обл. (по раскопкам Н.Н. Гуриной). Он показал связи валдайских памятников с верхневолжской культурой на определенном этапе их сосуществования. *Д.В. Герасимов* (С.-Петербург), разобрав находки местонахождения Разлив на Карельском перешейке, отнес их к неолитической культуре гребенчато-ямочной керамики.

Большинству присутствующих показался спорным доклад *Л.А. Соколовой* (С.-Петербург) "Проблема первичного керамического импульса", где автор попыталась провести идею о влиянии дальневосточных культур с ранней керамикой на ее появление в более западных районах, в том числе в Восточной Европе. *И.В. Калинина* (С.-Петербург) в своем докладе показала особенности керамической технологии в разных районах Восточной Европы и некоторые сходные ее черты, возникавшие в них автохтонно.

Очень интересным был доклад *Ю.Б. Цетлина* (Москва) "Гончарство как система". В нем были проиллюстрированы самые разнообразные связи внутри гончарства начиная с неолита. *А.М. Жульников* (Петрозаводск) посвятил свое сообщение распространению янтаря в Карелии в IV–II тыс. до н.э. Он выделил при этом два этапа: до середины III тыс., когда предметы из янтаря единичны, и до середины II тыс., когда они многочисленны, что связано с появлением носителей шнуровой керамики из Восточной Прибалтики. В докладе *Н.В. Овчинниковой* (Самара) дана сводка материалов по жилищам самарской энеолитической культуры, выделены их основные типы. *Е.Л. Костылева* и *А.В. Уткин* (Иваново) сделали доклад о волосовских погребениях с янтарем могильника Сахтыш IIа.

Серия докладов была посвящена первобытному искусству. *А.Д. Столяр* (С.-Петербург) дал большой очерк наскального искусства Скандинавии и Карелии, а также подчеркнул роль кремневой скульптуры. *С.В. Ошибкина* (Москва) сделала сообщение о самой ранней из известных кремневых скульптур Средней Азии. *Н.Г. Недомолкина* (Вологда) описала кремневые скульптуры басейна р. Сухоны. *А.А. Фараджев* (Москва) говорил о значении наскальных изображений Карелии в первобытном искусстве Европы и новых методах их исследования.

Несколько докладов касались проблем бронзового века. *К.В. Воронин* и *Е.А. Спиридонова* (Москва) в докладе "Этнокультурные процессы и природная среда в центральной части Волго-Окского междуречья в конце III – первой половине II тыс. до н.э." подтвердили сосуществование фатьяновско-балановских и поздневолосовских древностей, доказали возможность удревнения времени появления культуры сетчатой керамики до XVI в. до н.э. и ее контактов с носителями чирковской керамики. Обращено внимание на данные о непосредственной связи культурных изменений с изменениями климата и окружающей среды. *Е.В. Волкова* (Москва) в докладе "Погребальные комплексы могильников фатьяновской культуры Новинки I и 2" подчеркнула наличие микрогрупп в могильниках и временной интервал, разделявший их. *Г.М. Левковская* (С.-Петербург), *И.Н. Черных* (Тверь) и *Е.В. Волкова* сообщили о палинологическом исследовании заполнения сосудов из могильника Новинки I, которое по наличию спор мхов и диатомовых водорослей свидетельствует о содержании в них воды, в которую могли быть добавлены мед или соль. Был зачитан доклад *Ю.Н. Урбана* (С.-Петербург), где высказано предположение об интерпретации орнамента на фатьяновском сосуде как знаков письменности.

Группа докладов по железному веку началась с доклада *В.И. Вишневского* (Сергиев-Посад), *В.П. Данильченко, Н.А. Кирьяновой, Е.А. Спиридоновой* (все – Москва), *А.К. Каспарова* (С.-Петербург) "Хозяйство позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (по материалам Кикинского городища)". В нем изложены выводы о главенствующей роли животноводства в хозяйстве с преобладанием в нем крупного рогатого скота и доминировании пшеницы среди возделываемых растений, прослежены изменения окружающего городище ландшафта: перемены в составе леса, затем рост площадей леса за счет культурных угодий. *А.Д. Максимов* (Тверь) доложил о попытке построения типологии ножей, наконечников стрел, кельтов, серпов и гарпунов городища Орлов Городок (Тверская обл.). Сообщения *И.В. Исламовой* (Москва) "Городище Борки в Тверской обл." и *А.Г. Фурасьева* (С.-Петербург) "Грунтовой могильник Фролы на оз. Сенница в Псковской обл." вводят в научный оборот ранее не публиковавшиеся и новые материалы по раннему железному веку (третья четверть I тыс. н.э.). На основе анализа бронзовых пластин I тыс. н.э. *М.Н. Желтов* (С.-Петербург) в докладе "Некоторые вопросы семантики культового литья Урала" сделал предположение о переходе от зооморфных изображений к антропоморфным.

Семинар традиционно был великолепно организован, в чем несомненная заслуга заместителя директора Тверского музея И.Н. Черных.

Институт археологии РАН,
Москва

И.В. Исланова,
Л.В. Кольцов

ПАМЯТИ ЙОЗЕФА ПОУЛИКА

(1910–1998)

28 февраля 1998 г. в г. Брно скончался видный чешский ученый – историк и археолог Йозеф Поулик, своими трудами внесший огромный вклад в археологию средневекового славянского мира, и в особенности в изучение истории и культуры Великой Моравии – первого государственного образования славян, одного из ранних очагов распространения христианской культуры в славянском мире.

Й. Поулик родился 6 августа 1910 г. в Иржиковицах близ г. Брно в семье высококвалифицированного столяра. Первоначально он получил ремесленное образование, однако юношей глубоко увлекся археологическими древностями, и это определило его дальнейший жизненный путь. В 1930-х годах Й. Поулик активно сотрудничал в Моравском музее (Брно), изучая археологию в целом и славянские древности в особенности. Его первой печатной работой было исследование "Předhradištni kostrove hroby v Blučine" (Praha, 1941), в котором на основе произведенных им раскопок был выделен и описан блучинский тип славянской керамики конца VIII – начала IX в.

С 1945 г. научная деятельность Й. Поулика связана с Государственным Археологическим институтом в Брно (основан в 1942 г. по инициативе известного археолога Ярослава Бёма; ныне Археологический институт в Брно Академии наук Чешской Республики). Археологическое образование он получил в Карловом университете в Праге. В 1946 г. этим университетом ему была присвоена ученая степень доктора философии. Вскоре Й. Поулик становится директором Археологического института, который благодаря энергии и организаторским способностям своего руководителя превращается в крупный центр археологии Моравии и со временем получает международное признание.

Й. Поулик проводит раскопки ряда славянских памятников Моравии (Журань около Брно, Старый Замок в Лисне, Дольны Вестоницы, Пржитлуки у Микулова и др.), материалы которых составили заметный вклад в источниковый фонд для разработки ранней истории славянского населения Среднего Подунавья. В конце 1940-х годов увидели свет две крупные монографии Й. Поулика: "Staroslovanská Morava" (Praha, 1948) и

© В.В. Седов, 1999 г.

"Južni Morava – země dávných slovanů" (Praha, 1948–1950), принесшие ему европейскую известность. В первой книге на основе всех имеющихся археологических материалов исследовались история и культура Моравии в раннем средневековье. Вторая книга посвящена обстоятельному анализу славянских древностей Моравии от времени, когда эта область была оставлена германцами, до "городищенского периода".

С 1954 г. Й. Поулик создает крупную экспедицию и приступает к планомерному изучению крупнейшего великоморавского центра в Микульчицах. До этого великоморавская культура по существу не была известна. Открытия Микульчицкой экспедицией, ставшей основной в полевой деятельности Академии наук Чехословакии, были выдающимися и сенсационными. Это был огромный вклад в изучение раннесредневековой европейской культуры и архитектуры. Прежде неисследованные вопросы истории Великоморавской державы, ее предыстории, становления, экономики, структуры поселений, дворцовых и церковных строений, социальных и общественных отношений получили полноценные решения. Замечательные открытия в Микульчицах послужили импульсом для активного развертывания археологических работ и в других центрах Великой Моравии.

По материалам микульчицких раскопок Й. Поуликом написано множество статей и две крупные монографии: "Staří Moravané buduji svůj stát" (Gottwaldow, 1960), "Dvě velkomoravské rotundy v Mikulčicich" (Praha, 1963). Вопросы истории ранних славян в Моравии, становления Великоморавского государства, давшего мощный импульс развития культуры, ремесла и архитектуры, были рассмотрены Й. Поуликом в книге "Najstarši Slované na Moravě – předpoklady vzniku a rozvoje velkomoravského státu" (Praha, 1961).

В 1963 г. к 1100-летию кирилло-мефодиевской миссии под кураторством Й. Поулика была устроена археологическая выставка "Великая Моравия" (Брно – Прага), в которой с блеском были показаны великолепные открытия в Микульчицах. В последующие десятилетия эта выставка с большим успехом демонстрировалась в Афинах, Видене, Стокгольме, Западном и Восточном Берлине, Ленинграде, Москве, Киеве, Софии и Лондоне. В 1956 г. увидели свет две книги Й. Поулика: "Z hlubin věku" (Praha) и "Pravěkemu umění" (Praha; ее переиздание – "Prehistoric Art", Praha, 1956) – с прекрасными фотографиями множества археологических находок. Эти издания глубоко и ярко освещали культуру, искусство и ремесла славян Великой Моравии и предназначались не только для ученых, но и для широкого круга читателей. В 1967 г. Й. Поуликом опубликована большая научно-популярная книга "Pevnost v lužnim lese", в которой автор обстоятельно рассказал об археологических открытиях в Микульчицах. Этому государственному центру Великоморавской державы посвящена и книга "Mikulčice. Velkomoravske mocenské ustředi" (Praha, 1974).

Микульчицкая экспедиция стала научным центром, в котором прошли квалифицированную подготовку как молодые археологии Чехословакии, так и их зарубежные коллеги. На базе раскопок в Микульчицах неоднократно устраивались международные симпозиумы по различным проблемам средневековой археологии Европы. С 1966 г. Й. Поулик – профессор университета в Брно, с 1972 г. – академик Академии наук Чехословакии. В конце 1970 – начале 1980-х годов он возглавлял Археологический институт в Праге и был вице-президентом Академии наук ЧССР.

В большой монографии "Mikulčice, sidlo a pevnost knižat velkomoravskych" (Praha, 1975) Й. Поулик подвел итоги многолетних раскопочных изысканий Микульчицкой экспедиции. Собрав и проанализировав обширнейшие материалы, он восстановил картину развития Микульчиц от второй половины VI до XII столетия. Интересные наблюдения сделаны по исторической топографии поселения, фортификации и некрополям. Исследователь интерпретировал поселение IX в. как главное местопребывание Ростислава – знаменитого князя Великоморавской державы в период ее наибольшего расцвета.

Государственная структура Великой Моравии и ее социально-экономическая жизнь обстоятельно рассмотрены Й. Поуликом в книге "Grossmähren und die Anfänge der Tschecho-Slowakische Staatlichkeit" (Praha, 1986).

Большое внимание Й. Поулик придавал международному сотрудничеству археологов. Он отчетливо понимал, что развитие славянской археологии, памятники которой разбросаны на обширнейшей территории Средней, Восточной и Южной Европы, немыслимо без координации усилий исследователей многих европейских стран, без тесного сотрудничества славистов разных профилей. В 1957 г. Й. Поулик вместе с другими крупными археологами Европы был инициатором и членом Организационного комитета по созданию Международной унии славянской археологии, которая была оформлена в Варшаве в 1965 г. и сыграла огромнейшую роль в развитии археологической славистики. Тогда же Й. Поулик был избран членом Исполнительного комитета и Постоянного совета Унии. В 1970–1975 гг. Й. Поулик был Президентом Унии, а в 1975 г. и Президентом III Международного конгресса славянской археологии (Братислава). Й. Поулик являлся также членом Постоянного совета Международного союза доисториков и протоисториков. Академии наук ГДР, Болгарии, Баварии и Саксонии, а также ряд зарубежных Археологических обществ и институтов избрали его своим членом. Й. Поулик неоднократно посещал Советский Союз, выступал с докладами. Он был сопредседателем Комиссии историков ЧССР и СССР.

Это был крупный ученый, обогативший науку трудами большой значимости, организатор науки, всегда доброжелательный. Йозеф Поулик навсегда останется в памяти тех, кто знал его, общался с ним.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ – Археографический ежегодник. М.
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия. М.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
БОМ – Брянский областной краеведческий музей
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВКМ – Великоустюжский краеведческий музей
ВЛМ – Великолукский историко-революционный музей
ВМ – Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГММК – Государственный музей-заповедник "Московский Кремль"
ЗООИД – Записки Одесского императорского общества истории и древностей
ЗОРСА – Записки общества любителей русской словесности и археологии. СПб. – Пг.
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
ИАН СССР – Известия Академии Наук СССР
ИА МН – АН РК – Институт археологии Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
Изв. ОАИЭК – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
ИИМК – Институт истории материальной культуры Российской АН
ИИЭ МН – АН РК – Институт истории и этнографии Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан
ИМ – Ивановский историко-краеведческий музей
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
КМ – Костромской государственный историко-архитектурный музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии Наук Украинской ССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.
МАС – Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник "Александровская Слобода"
МАЭ – Музей антропологии и этнографии. Л.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НАНУ – Национальная Академия Наук Украины
НМ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НМИУ – Национальный музей истории Украины
НС – Нумизматический сборник. М.
НС – Нумизматика и сфрагистика. Киев.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.
ПВЛ – Повесть временных лет. М.; Л.
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология. М.
ПМ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СМ – Смоленский государственный объединенный исторический и архитектурно-художественный музей-заповедник
СЭ – Советская этнография
ТИИАЭ АН КазССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР
ТМ – Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей
ТР.АС – Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
Тр. РУАК – Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ЭО – Этнографическое обозрение
AA – Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin
ANSMN – American Numismatic Society Museum Notes. New York.
AR – Archeologicke rozhledy. Praha.
JRNS – Journal of the Russian Numismatic Society. Alexandria, USA
SA – Slovenska archeologia. Bratislava

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 16.04.99. Подписано к печати. 18.05.99. Формат бумаги 70 × 100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8. Усл.кр.-отт. 21,3 тыс. Уч.-изд.л. 25,8. Бум.л. 8,0
Тираж 1012 экз. Зак. 2539

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6